

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

A 472403

DUP1

ИЗ КНИГИ ЖИОНИЯ

СТИКОРОВИНА ГЕЛЬШТЕК

ОФИЦЕРСКАЯ
библиотека
6-го
СТРЕЛКОВОГО
ПОЛКА.
Отд. 6.
Кн. № 152

VI
№ 30
м.к.

П. П. ГНѢДИЧЬ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Gnedich, Petr Petrovich

П. П. ГНѢДИЧЪ.

318 T. S. HAN

[1] 1970

14

三

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

Издание А. Ф. Маркса.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Ф. Маркса. Средня Подльщеска, д. № 1.

1885.

КУЗИНА БЕТСИ.

СТРАНСКАИ

ПОЧАЛ.

(Ч. I).

I.

Г. №

За ужиномъ у В. мнѣ пришлось сидѣть рядомъ съ кузиною Бетси.

Слышать о ней я много, очень много, но видѣть ее мнѣ довелось первый разъ. Это была притча во языцѣхъ, несчастіе для всей фамиліи В.,—такъ, по крайней мѣрѣ, говорили представители этой фамиліи. А фамилія В. была нравственная, почтенная и даже богообязненная. Случайно проскользнувшее въ семейномъ разговорѣ имя Бетси сопровождалось непремѣнно грустнымъ, подавленнымъ вздохомъ. При постороннихъ о ней не упоминали; близкихъ знакомыхъ отводили въ уголъ, осторожно осмотрѣвшись, таинственнымъ шопотомъ передавали новый эпизодъ ея дѣятельности и спрашивали совѣта. Барышни при ея появлѣніи разбѣгались. Каждое ея прибытие въ Петербургъ можно было уподобить нашествію Аттилы. Всѣ родные трепетали

ея, но трепеща все-таки принимали, смотря на нее, какъ на бичъ божій, и... и нѣкоторые даже заискивали ея расположенія...

Дѣло въ томъ, что она была „политическая“. Не совершивъ, въ сущности, ни одного явнаго дѣянія, она, тѣмъ не менѣе, ухитрилась перезнакомиться со всѣми прокурорами и домами предварительного заключенія. Въ ея квартирѣ частенько ютились личности, носящія на специальному жаргонѣ наименование „нелегальныхъ“. Она ихъ поила, кормила, одѣвала, сочувствовала имъ, и нисколько этого не скрывала. Когда прокуроръ у нея вѣжливо освѣдомлялся:

— Вы, если не ошибаюсь, изволили оказывать денежнную помошь NN?

Она отвѣчала откровенно:

— Онъ безъ панталонъ ходилъ.

А на замѣчаніе, что помошь ея была что-то около трехъ тысячъ, возражала:

— Да вѣдь они всѣ санкюлоты, — всѣхъ обшивала. Вѣдь это закономъ не предусматривается.

Съ „нелегальными“ она состояла въ дѣятельной перепискѣ и обладала цѣлою галлерею портретовъ, которыми прокуроры впослѣдствіи воспользовались съ благодарностью. Барыня она была со средствами, и не малыми: у нея въ Крыму было имѣніе. Она была вдова доктора, какъ говорятъ, человѣка весьма почтенного и въполномъ смыслѣ слова „легального“. Въ одинъ прекрасный день онъ подавился и умеръ. Она ужасно грустила,ѣздила по всей губерніи, рассказывая о своемъ горѣ, попала въ городъ на съездъ мѣстныхъ анархистовъ, собиравшихся въ квартирѣ мироваго судьи, наискосокъ отъ губернаторскаго дома; тамъ плѣнилась черными

глазами одного оратора, и дѣло кончилось предварительнымъ заключеніемъ. „Сидѣла“ она нѣсколько разъ, но никуда ее не высыпали. Да ее и невозможно было высыпать. Во-первыхъ, она объяснялась со слѣдователями и прокурорами на французскомъ діалектѣ; во-вторыхъ, доводила ихъ своею наивностью чуть не до истерики. Она порывалась даже на судѣ давать показанія по французски, но ее не допустили...

Это было чортъ знаетъ что такое! Порою судебнѣмъ властямъ казалось, что она хитра и умна до безконечности, что она всѣхъ ихъ водить за носъ, что сопричастность ея къ дѣлу самая тѣсная; но тутъ же, сейчасъ же, они убѣждались въ противномъ, и давясь отъ хохота, выходили изъ камеры. Она тоже хохотала. Къ ней такъ привыкли, что одинъ видъ ея возбуждалъ улыбку. Надъ ней, несомнѣнно, потѣшалась и ея партія:— это была такая дойная корова, такое безобидное и такое полезное въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ существо!

Какъ ея стулъ попалъ за ужиномъ рядомъ съ моимъ, право, не знаю: это была, конечно, случайность. Видѣя, если хотите, былъ даже симпатиченъ. На ней было черное шелковое платье съ массивною золотою брошью; волосы небрежно зачесаны кверху; ручки маленькия, породистыя, носикъ вздернутый, глазки черные, пронзительные; на лицо ей было лѣтъ подъ сорокъ.

— Давно я васъ не имѣлъ удовольствія видѣть,—говорилъ ей черезъ столъ почтенный сѣдовласый князь Рябовъ, голова котораго такъ и блестѣла среди цвѣтвѣтъ яркою лакированною лысиною.— Вы давно здѣсь?

— Меня только на прошлой недѣлѣ выпустили,—отозвалась она.— Восемь мѣсяцевъ высидѣла.

— Что же, вы довольны?

— Ну, еще бы! Скука страшная: камера-то одиночная. Вы вѣдь никогда не сидѣли?

Князь отрицательно покачалъ головою.

— Читать нечего, тоска; комната крохотная, и изъ нея не выпускаютъ совсѣмъ; то-есть, понимаете, все уже тамъ...

Князь нѣсколькоъ беспокойно покосился на свою со-сѣдку и съ сокрушеннымъ видомъ посмотрѣлъ на Бетси.

— Вентиляція плохая,—продолжала та.—Чтобы полу-чить пульверизаторъ съ озонородомъ, надо было цѣлую переписку затѣять... Въ кои-то вѣки кто изъ знакомыхъ зайдеть, да и то украдкою: отрекаются отъ родства со мною. Какъ на меня свѣжимъ воздухомъ пахнѣло, какъ увидѣла я солнце, прохожихъ, собакъ,—такъ заревѣла вѣдь даже...

Князь опять съ соболѣзнованіемъ качнулъ головой. Лакей, притиснувъ меня, подставилъ ей блюдо съ чудо-вищною рыбой.

— Давно я этого не ъла,—замѣтила Бетси, отваливая на тарелку солидный кусокъ.—Хотя бы вы, князь, когда-нибудь за эти полгода подумали да прислали мнѣ такую рыбку. Вѣдь вы съ министромъ знакомы: вамъ это сейчасъ бы разрѣшили. А небось, француженкамъ цвѣты посылали...

Тутъ ее, въ свою очередь, притиснули рыбой.

— Или можетъ быть вы,—продолжала она чуть не ложась на меня всѣмъ своимъ пышнымъ корпусомъ,—тоже скрываете свою близость со мною?.. Вѣдь вы мнѣ какимъ-то дальнимъ киселемъ приходитеся?..

У князя лысина заблестѣла еще больше, глазки его отчаянно забѣгали...

— Ахъ, князь, знаете, мнѣ разъ не поспалось, — и

вдругъ такъ ясно-ясно вы мнѣ представились; вотъ въ такомъ же мундирчикѣ, и лысина, и усы, и щеки красные,—все какъ есть, такой чистенький, гладенький какъ всегда, и такая меня злость забрала... Вѣдь вотъ, думаю, сидитъ человѣкъ гдѣ-нибудь у Донона. Ёсть себѣ устрицы, а ты тутъ лежи на своемъ туфякѣ да слушай, какъ вода въ трубѣ капаетъ...

На нашемъ краю стола все притихло, многіе были въ оцепенѣніи; ужъ очень непривычнымъ языкомъ все это говорилось.

— А на утро прокуроръ,—продолжала, не смущаясь, Бетси: — отъ кого, говорить, вы получили свѣдѣнія о томъ-то и о томъ-то? Еще больше обозлилъ меня; я и ляпнула: „отъ князя Рябова“, говорю.

Князь чуть не подпрыгнулъ на стулѣ.

— Какъ, вы это сказали?..

Бетси покатилась со смѣху, да вѣдь такъ звонко, раскатисто...

— Что? испугались!.. Вотъ погодите: къ вамъ еще гость съ портфелемъ приѣдетъ на-дняхъ. Вѣдь вамъ, при вашемъ положеніи, ничего не будетъ стоить вывернуться...

— Но зачѣмъ же это, зачѣмъ же? бормоталъ князь.

Бетси опять засмѣялась хохотомъ...

— Да я шучу, а вы повѣрили... Я только подумала, а не сказала... Вы меня чуть не за сикофантку считаете.

Многіе метали молниеносные взгляды и шептались другъ съ другомъ, но она не обращала на это вниманія.

— А вы долго здѣсь останетесь? спросилъ ее сосѣдъ князя, господинъ съ огромными висячими бакенбардами.

— Завтра уѣзжаю.

— Куда?

— Къ себѣ, на южный берегъ. Хотите въ гости ко мнѣ? у меня тамъ вилла цѣлая.

— Нѣтъ, очень благодаренъ.

— Что же?

— Да не хочется.

Бетси прищурилась.

— Боитесь кое съ кѣмъ встрѣтиться?.. Экъ вы здѣсь залежались въ склепѣ-то. Куколки на пружинахъ... Нѣтъ—серъезно, пріѣзжайте... Вы намъ кое-чѣмъ даже можете быть полезны.

— Вы это серьезно?

— Совершенно...

— Нѣтъ, ужь я лучше вамъ свою протекцію окажу, въ случаѣ, если вы опять...

— И на томъ спасибо... Смотрите, не забудьте.

Она попросила меня налить въ рюмку икема, и отпила половину.

— А хорошо было бы, еслибы вы заѣхали ко мнѣ вмѣстѣ съ княземъ, продолжала она.—Право, не соскучились бы...

— Нѣтъ, лѣтомъ у васъ жарко, а къ осени у меня свадьба,—я женюсь.

— Это на комъ? не безъ любопытства спросила она.

— На Ченшиной.

— Это которая здѣсь сидитъ?.. Что ей за охота за васъ идти?

Господинъ съ бакенбардами пожалъ плечами.

— А это вы ужь у нея самой спросите...

— Вы думаете, не спрошу? Конечно спрошу...

Передъ самыи ростбифомъ, хозяинъ, двоюродный братъ Бетси, наклонился къ ея уху.

— Вѣдь я тебя просилъ, шепнуль онъ ей настолько раздраженно, что, какъ я ни отворачивался, все-таки услышалъ его слова.

Она только головою качнула, словно докучную муху отогнала. Брови ея сдвинулись, она сердито опрокинула себѣ на тарелку стеклянку сои, взяла кусокъ говядины и уже болѣе не поднимала глазъ на своихъ *vis-à-vis*, изрѣдка только звякая ножомъ по тарелкѣ.

Послѣ ужина она отыскала дѣвицу Ченшину.

— Вы это, ма *chère*, правда замужъ выходите?

Барышня немножко растерялась и судорожно стиснула себѣ руки.

— Да... я объявлена невѣстою.

Бетси присѣла на диванчикъ рядомъ съ дѣвицею и пригласила меня сѣсть тутъ же, на стулъ.

— Что васть побуждаетъ на такой шагъ? совсѣмъ по прокурорски спросила она.

— Я... мнѣ нравится Викторъ Петровичъ.

Она удивилась еще болѣе.

— Нра-авитсѧ! протянула она.—Значить—бракъ по любви! Гм! А вы вѣрите въ то, что онъ геній?.. Нѣть?.. То-есть, вы понимаете, что я хочу сказать: вѣрите-ли вы въ абсолютность его положительныхъ качествъ?..

— Въ абсолютность? переспросила *mademoiselle* Ченшина.

— Да,— иначе говоря: въ его совершенства?..

— Онъ, кажется...

— Нѣтъ, вы не вертитесь, а отвѣчайте прямо: вѣ-
рите-ли вы въ его совершенства?

— Конечно, онъ не совершенъ...

— Ага! обрадовалась Бетси, — ну вотъ, вотъ, мнѣ
только этого и надо...

Она вскочила съ мѣста и заходила нервно изъ угла
въ уголъ по топкому ковру маленькой гостиной, гдѣ
мы сидѣли.

— Этого мнѣ и надо,—повторила она, обращаясь уже
по преимуществу ко мнѣ.—Вотъ вамъ они—эти совре-
менные браки. Путаетъ себя дѣвка по рукамъ и по но-
гамъ, и изъ-за чего? изъ-за какихъ-то бакенбардъ, кото-
рыя такъ-таки ровно ни на что не годны... И сама вѣдь
сознаетъ, отлично сознаетъ, что мужчинишко дрянь,—
такъ, баѣтерія какая-то, протоплазма, слизь... А лѣзетъ
замужъ!.. Ну чего вамъ надо отъ него? Чего вы не ви-
дали? Зачѣмъ вы въ петлю идете?..

Ченшина еле сидѣла: щеки ея вспыхнули, глаза были
полны слезъ.

— Ну, представьте себѣ: вы живете съ этими идо-
ломъ годъ, другой. Представьте себѣ, что вдругъ вы
на пути встрѣчаете человѣка,—ну понимаете, какъ надо
человѣка: съ головою, съ мозгами, — не съ телячими
въ родѣ здѣшнихъ... Нѣтъ, человѣкъ вамъ встрѣтится
нормальный, и увидите вы, что мужъ вашъ такая дрянь,
такая тряпка...

Барышня не выдержала: слезы такъ и брызнули у нея.

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите! крикнула она.—По
какому праву?

— По тому праву, что мнѣ васъ жалко, что вы себя
губите, по праву человѣка. Потому что подло скрывать
стѣ васъ обратную сторону дѣла...

Она закурила оть столовой лампы папиросу и замахала ею передъ носомъ.

— Вы только представьте, — вы только представьте, что изъ этого выйдетъ! Увидите вы, что супругъ вашъ мозглиякъ, а тутъ возлъ васть стоитъ человѣкъ настоящій. И рады бы вы къ нему — да нельзя: въ полицейскомъ участкѣ вы прописаны вмѣстѣ съ дрожайшею половиною, а потому эта половина васть можетъ когда угодно вытребовать къ себѣ, если вы, паче чаянія, сбѣжите, и водворить на прежнемъ мѣстожительствѣ. Вѣдь это, *ma chère*, ужасно; вѣдь это невозможно; вѣдь это цѣпи, да какія!

Она круто повернулась на каблукахъ ко мнѣ.

— Вы, мужчины, такая дрянь, такая гадость! Всѣ вы эгоисты, съ самымъ пошлымъ самомнѣніемъ.

Я выразилъ нѣкоторыя сомнѣнія.

— Да, да, тысячу разъ да! Какое вы имѣете право жениться? Какое? Неужели вы считаете себя лучше, честнѣе всѣхъ на свѣтѣ? А если вы не считаете, — вдругъ взвизгнула она, — таѣ почему же вы думаете, что женщина должна вамъ принадлежать всецѣло? Если она встрѣтить человѣка, который лучше васъ, вы развѣ ее къ нему отпустите?.. О! сейчасъ на дыбы: обманутый мужъ, безнравственность!..

Она такъ ткнула папиросою въ пепельницу, что та перекувырнулась и упала на коверь.

— Вы дѣлаете подлость тѣмъ, что считаете себѣ такимъ сокровищемъ, что въ васть однихъ весь міръ со-вмѣстился. Женѣ дескать, ничего не надо, кромѣ созерцанія вашихъ совершенствъ. Ну, вотъ за это-то, за эту вашу гадость, она и имѣть право показать вамъ хвостъ... *Comme on se fait son lit,—on se couche...*

Бѣдная дѣвочка чутъ не навзрыдъ плакала. Обнаженная ея худенькия плечики конвульсивно вздрагивали, и вся она билась, уткнувшись въ платокъ.

— Плачь, матушка, плачь, это хорошо! вдругъ перешла Бетси на ты.—Это наука: это тебѣ женщина говорить, — женщина, наученная опытомъ. Твоя мать ничего тебѣ дальше тряпокъ не покажеть. Лучше теперь плакать, чѣмъ потомъ ревѣть цѣлые годы...

Конца этой нелѣвой сцены я не дождался, отыскалъ шляпу и уѣхалъ.

II.

Прошло полгода. Я былъ въ Крыму. Почтовые кони по крутымъ склонамъ Чатырь-Дага домчали меня до изумруднаго моря, окаймленнаго жемчужнымъ прибоемъ. Подъ тѣнью тополей-великановъ, вытянувшихся словно сказочное войско вдоль поморья, въ какой-то живописной будкѣ, я нашелъ временную квартиру. Валы грохотали внизу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня; солнце, вставая съ азиатскаго берега, было мнѣ прямо въ окно золотыми лучами; луна, колыхаясь на вечерней зыби, зеленымъ свѣтомъ затошляла мой пріютъ. Отъ кухни несло сквернымъ масломъ, отъ жиidenятъ пахло чеснокомъ, живописка продавала грязный виноградъ, жидъ печально на меня поглядывалъ и подавалъ къ обѣду невообразимые бифштексы. И все-таки было очень хорошо.

На другой день по пріѣздѣ, я лежалъ у самаго моря. Татарчата играли на берегу; волны шли и пересыпали круглыми камнями и пескомъ расщелины скаль. У

ручья, что журчаль подъ мостикомъ, полногрудая голоногая прачка полоскала бѣлье; мулла, въ желтомъ кафтанѣ, подъ зонтикомъ, мягкою рысью плылъ на инокодцѣ по горной тропинкѣ. Легкій вѣтерокъ щекоталъ лицо, солнце пощипывало своими южными поцѣлюями руки. Я лежалъ и смотрѣлъ вверхъ, на голубое, бесконечное небесное море. И такъ далеко, далеко былъ отъ меня Петербургъ,—и это сознаніе заставляло грудь дышать вольнѣе и глубже...

И вдругъ у меня надъ самымъ ухомъ раздался голосъ:

— Да нѣтъ, ты посмотри, какъ здѣсь чудесно!

Не успѣлъ я повернуть головы, какъ другой голосъ отвѣтилъ:

— Хорошо бы котлетку отбивную...

У самой черты желтой пѣни стояли двѣ фигуры. Въ одной я тотчасъ узналъ Бетси. Она была въ короткомъ ватеръ-пруфѣ, съ остроконечнымъ посохомъ въ руѣ, въ широкополой шляпѣ. Спутникъ ея былъ коренастый чернобородый красавецъ въ люстриновомъ пиджакѣ, съ веселымъ добродушнымъ лицомъ, смѣющимися глазками, очень небольшаго роста. Въ рукахъ у него тоже была палка.

Глаза Бетси встрѣтились съ моими.

Она даже вскрикнула отъ радости, и кинулась ко мнѣ...

— Старый знакомый! говорила она, тряся мнѣ руки.— Какъ вы сюда попали? Зачѣмъ? Купаться?.. Ко мнѣ заѣдете? Познакомьтесь съ моимъ спутникомъ: студентъ Кремоуховъ.— Очень рада.

Кремоуховъ приподнялъ шляпу и мягко пожалъ руку.

— А мы гуляемъ, продолжала Бетси. — Я отсюда

живу верстъ одиннадцать; это наша утренняя прогулка. Онъ здѣсь еще ни разу не былъ.

— Ни разу не былъ,—подтвердилъ Кремоуховъ.

— Вы что же, здѣсь безвыѣздно живете? спросилъ я.

— Безвыѣздно. Шомилуйте: да что мнѣ нужно еще,— имѣннице хорошее, винограду вдоволь, вино отличное, дичь превосходная, рыба еще того лучше, — и вдобавокъ, Кремоуховъ ко мнѣ на все лѣто пріѣхалъ.

— Конечно, чего же еще! согласился я.

— Мнѣ такъ покойно, — прелестъ. Знаю, что ни въ какое заключеніе меня не водворятъ...

— Остепенились?

— Да вѣдь Кремоуховъ тоже степенный. Вы смотрите какой онъ. Повернись, Павлюкъ.

Онъ засмѣялся и повернулся.

— Чѣмъ не породистъ? Онъ у меня въ холѣ...

— Котлетку бы! снова мечтательно замѣтилъ Павлюкъ.

— Здѣсь можно его покормить? спросила Бетси съ такою заботливостью, словно дѣло шло о любимой лошади.

Я указалъ ей на моего жида.

— Такъ идемте къ вамъ.

И мы всѣ пошли.

Бетси взяла меня подъ руку. Павлюкъ шелъ нѣсколько впереди, посвистывая и вертя колесомъ палку. Онъ былъ кажется не изъ говорливыхъ и скорѣе дѣжалъ впечатлѣніе недоучившагося гимназиста, а не студента.

За то Бетси щебетала безъ умолку. Она словно помолодѣла. Золотистый загаръ покрылъ ея лицо. Она пополнѣла — морщинки сгладились, глаза смотрѣли жи-

во. Въ движеньяхъ была та веселость, спокойная беззаботность, которая такъ и просвѣчиваетъ въ женщинѣ, когда она влюблена.

— Знаете, это отлично, что я нынче зимою „сидѣла“, говорила она. — Я бы никогда такъ полно не наслаждалась лѣтомъ, еслибы не это одиночное заключеніе. Я иногда теперь просыпаюсь, и мнѣ кажется, что я „сижу“,—такъ вѣдь холодный потъ меня прошибаетъ.

— А вы прежнихъ знакомствъ и переписокъ не поддерживаете? спросилъ я.

— Да ну ихъ къ чорту! Свой покой дороже. Пока теперь хорошо живется, ну и надо жить. Вотъ мы здѣсь съ Павлюкомъ на лонѣ природы, какъ въ эдемѣ обрѣтаемся. Есть Павлюкъ страсть—по арбузу съѣдаетъ послѣ обѣда. Онъ доволенъ, я довольна.

Павлюкъ хихикнулъ:

— Я доволентъ!

Пока жидъ распоряжался на счетъ котлетки, я прігласилъ ихъ къ себѣ въ комнату. Бетси сѣла на единственный стуль, я на табуретъ, а Кремоуховъ на кровать. Онъ снялъ шляпу, и черные блестящіе кудри разсыпались изъ-подъ нея. Онъ закурилъ коротенькую трубочку, набивъ ее изъ картуза, помѣщавшагося въ необъятномъ карманѣ его пиджака. Бетси расправила ему волосы; онъ повиновался послушно, но на лицѣ ничего не выразилъ.

— Я пришла къ тому убѣжденію, обратилась она ко мнѣ,—что вѣдь рано-ли, поздно-ли, а наступить ледяной періодъ,—будетъ морозная корка вмѣсто теперешней цивилизациі. Ну для кого-же—для этой корки—волноваться мнѣ, выходить изъ себя?.. И мы сгнемъ, дѣти и внуки сгниютъ, а солнце вои какъ свѣтить,

вокругъ тепло и хорошо,—ну и надо это тепло воспринимать.

Кремоуховъ вдругъ заржалъ; весь его животикъ такъ и заходилъ отъ хохота.

— Эпикурейка! сказалъ онъ. — Дщерь Соломонова. Оглянись, оглянись, Суламита!

— Какая Суламита? удивилась Бетси.

— Пѣсню царя Соломона про Суламиту читали? Носъ, говорить, какъ башня ливанская, бедра — столбы точеные...

Бетси махнула на него платкомъ.

— Кишъ! опять замоллся.

— Нѣтъ, я къ тому, что онъ тоже проповѣдовалъ, что и вы. Обними, говорить, меня лѣвой, а я тебя обойму правой; отъ тебя, говорить, пахнетъ яблоками изъ ноздрей,—и солнце свѣтить...

— Ну, довольно.

— Да вы почитайте. Забавно.

Хотя котлетка оказалась весьма двусмысленною, но Павлюкъ принялся за нее съ ожесточенiemъ. Проглотивъ кусокъ, онъ какъ-то повелъ носомъ и посмотрѣлъ вокругъ.

— Сотерну бы,—сказалъ онъ, не то что просительный, а какимъ-то философскимъ тономъ, точно зналъ, что стоить о чёмъ-нибудь подумать, и оно всенепремѣнно явится.

— Только гурзуфскаго, а не воронцовскаго,—прибавилъ онъ.

Бетси сама встала, распорядилась, и дѣйствительно принесли сотерна, да еще гурзуфскаго.

— Далеко идти,—сказалъ онъ, наливая себѣ стаканъ.

— Неужели вы всегда такія прогулки дѣлаете? спроси лъ я.

— Мы иногда верстъ по тридцати отмакиваемъ въ день. Вѣдь если его не водить, онъ совсѣмъ заплынетъ жиромъ.

— И никого у васъ не бываетъ?

— Нѣтъ... Да, признаться, вѣдь слѣдять за мною: я все еще подъ присмотромъ, только смотрѣть-то нечего.

— И долго думаете здѣсь пробыть?

— Не знаю. Вотъ какъ онъ съ ученьемъ. Если къ осени соберется на курсы, я за нимъ въ Одессу тоже. Ты когда думаешь?

Онъ вмѣсто отвѣта легъ на подушки головою, а ноги въ высокихъ сапогахъ положилъ на спинку кровати, чтобы одѣяло не запачкать.

— Ты не спать-ли? спросила она.— Вѣдь намъ идти надо.

— Поспѣемъ,—отвѣтилъ онъ съ закрытыми глазами.

— Когда же поспѣемъ,—самъ говоришь далеко.

Онъ молчалъ.

— Павлюкъ!

— А?

— Не ночью же идти.

— Лошадей возьмемъ,—вразбрѣлъ онъ, и съ самыми рѣшительными видомъ закрылъ глаза.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ храпѣлъ, сохраняя на лицѣ выраженіе чистоты души невиннаго младенца. Бетси стала говорить тише.

— Утомился: онъ такой плотный, ему тяжело по здѣшнему солнцу таскаться. Ужъ онъ такъ, изъ любезности за пріютъ, ходитъ вездѣ со мною. Ахъ, вы не повѣрите, что это за чудесный человѣкъ! Что за дивный характеръ: нарочно искать — не найдешь... Вы не подумайте, что онъ изъ „нелегальныхъ“, —онъ совсѣмъ

простой, и никакихъ теорій не признаетъ,—знаете, это уже самая новѣйшая формація. Надѣя нами онъ смытъся, говорить: „Утописты, на какое-то болѣе или менѣе отдаленное будущее надѣетесь. Ни на что, говорить, надѣяться нельзя, потому что всиная надежда—праздное измышеніе“. И простота какая въ немъ. Вотъ сшила ему платье лѣтнєе,—тѣ, другое, сдѣлала,—онъ даже не поблагодаритъ; знаете, онъ совсѣмъ на это просто смотритъ, по евангельски. Представьте, евангеліе читаетъ! Выписки изъ него дѣлаетъ... Онъ смотритъ на евангеліе съ точки зрѣнія соціологии и коммунизма.

— И что же, доволенъ имъ?

— Не вполнѣ... Онъ говорить, что развивая съ полною свободою идеи коммунизма, авторы все-таки держатся сословныхъ предразсудковъ, одобряютъ рабство, и даже, если не ошибаюсь, поддерживаютъ идею тѣлеснаго наказанія...

— Да, это самая послѣдняя формація, согласился и я.

— И знаете, въ то же время отъ него вѣеть чѣмъ-то первобытнымъ,—восторженно сказала она!—Меня онъ своею примитивностью переносить, въ далекіе-далекіе вѣка, когда люди были непосредственнѣе, менѣе въ нихъ наноса было... Онъ на все смотритъ по дѣтски, а денегъ совсѣмъ не понимаетъ: и у него никогда-никогда ихъ нѣтъ. Я его нашла въ Одессѣ въ ужасномъ положеніи: представьте — онъ жилъ въ грязной конурѣ, у какой-то жидовки, ходилъ въ ея стоптанныхъ башмакахъ, питался чортъ знаетъ чѣмъ, и не ропталъ, и такой же толстый былъ. Это замѣчательный человѣкъ, замѣчательный. Вы знаете—это разсвѣть, это компасъ — онъ намъ указываетъ будущее человѣчества: вотъ оно какое будетъ, вотъ именно двѣ капли воды такое...

Жиленокъ пришелъ за тарелками, она стала спрашивать у него, гдѣ почтовая станція.

— Пройдемте туда,—предложила она, узнавъ что это недалеко.—А его мы запремъ, и ключъ съ собою возьмемъ, этакъ лучше.

Такъ мы и сдѣлали: компасъ будущаго человѣчества остался подъ замкомъ; я почему-то тоже внутренно соглашался, что это лучше... Мы пошли, и опять говорили о компасѣ и разсвѣтѣ...

Когда зной свалилъ,—они уѣхали. Передъ отѣзdomъ гурзуфскій сотернъ опять явился на сцену. Бетси кланялась мнѣ изъ телѣжки, махала платкомъ. Ея спутникъ былъ сосредоточенъ и заспанъ: на лицѣ его было ясно написано желаніе поскорѣе добраться до дома, и опять завалиться спать.

— Пріѣзжайте! раздался ея голосъ на поворотѣ.

Я, конечно, не поѣхалъ.

О Бетси въ этомъ году какъ-то всѣ замолкли. Живеть она все на югѣ, и „нелегальности“ изъ нея что-то выдыхаются... На время, или совсѣмъ—право не знаю...

1884 г.

ИЗЪ СЛУЧАЙНЫХЪ ВСТРЕЧЪ.

Я разсчитывалъ пробыть въ К. нѣсколько часовъ и въ тотъ же деньѣ хать далѣе. Но оказалось, что пароходъ ходить только въ постные дни: по средамъ и пятницамъ. Дѣлать нечего, пришлось ждать до завтра.

Къ счастью, гостинница выглядѣла порядочно. Бѣлье на постели тонкое, клоповъ нѣть, всюду воздушные звонки, а поросенокъ подъ хрѣномъ, что подали мнѣ на завтракъ, былъ такой, какого въ Петербургѣ и во снѣ не увидать. Комната попалась мрачная, хотя, быть можетъ, это зависѣло отъ погоды: сверху моросила какая-то гадость. Окна мои выходили въ полисадникъ, очень тощенькій, скучо усыпанный пескомъ, и выглядѣвшій весьма понуро. Лакей, облеченный въ не совсѣмъ свѣжій фракъ, смотрѣлъ нѣсколько испытующе: очевидно, онъ еще не установилъ обо мнѣ окончатель-

наго мнѣнія, и узнавъ, что я буду обѣдать въ общей залѣ, даже нѣсколько обидѣлся. Я спросилъ, много-ли проѣзжихъ, и спокойно-ли въ комнатахъ.. Онъ обидѣлся еще больше, и началъ перечислять постояльцевъ: „Въ шестомъ номерѣ стоитъ генералъ отъ инфантеріи; въ четырнадцатомъ—вдова-губернаторша; противъ васъ—инженеръ, что рѣку чистить; когда князь Трубецкой прїѣзжаютъ—засегда тутъ останавливаются и по три рубля на чай мнѣ даютъ. Кромѣ меня имъ никто и не служитъ“. Къ вечеру стало еще тоскливо. Въ окна еле брежжились сумерки плаксиваго дня; фиолетовыя тучи съ ободранными краями низко висѣли надъ крышами и садами, въ трубѣ гудѣлъ вѣтеръ; гдѣ-то тявкала собаченка. Вокругъ сумрачно, кисло, — на душѣ неопредѣленное беспокойство, болѣзnenное ожиданіе чего-то. Эта комната — высокая, темная, незнакомая, раскрытый чемоданъ въ углу, теплая сырость, лившаяся изъ форточки и колыхавшая пламя свѣчей, — все это непривычно, неуютно и скучно. Еслибы не дождикъ, можно бы посмотрѣть городъ, но по тѣкой погодѣ не хотѣлось шагу ступить за порогъ. Я сталъ мѣрить въ нѣмомъ отчаяніи изъ угла въ уголъ комнату, разсчитывая сколько еще осталось часовъ до отѣзда, если пароходъ отходитъ въ восемь утра. А вѣтеръ все подвывалъ и собаченка все потявкивала...

* * *

Проходя мимо окна, вдругъ я замѣтилъ высокую фигуру, быстро мелькнувшую между кустами. Мнѣ показалось, что прошелъ кто-то въ халатѣ. Для аристократическихъ постояльцевъ, о которыхъ говорилъ лакей, это

было нѣсколько странно. Я подождалъ немнога у окна— никто не шелъ. „Должно быть показалось“, рѣшилъ я.

Но спустя нѣсколько минутъ, подъ окномъ послышался торопливый звукъ шаговъ, словно кто шлепалъ туфлями по мокрому песку. Теперь мнѣ ясно было видно высокаго сухаго господина, безъ шапки, въ сѣромъ халатикѣ, въ туфляхъ на босу ногу. Онъ шелъ, смотря въ землю, заложа руки за спину, съ видомъ человѣка, глубоко погруженаго въ думу. Одна туфля, свободно хлябая о пятку, соскользнула съ ноги; онъ сдѣлалъ шагъ голымъ слѣдомъ по холодной землѣ, машинально повернулся, какъ на шкворнѣ, вдѣль туфлю и запшелъ дальше. Шаги онъ дѣлалъ большие, раскачиваясь на ходу. Спина его раза два мелькнула въ кустахъ и скрылась. Лица его я не разсмотрѣлъ: голова была низко опущена между плечъ, да и темно становилось.

Я развернулъ свои бумаги, думая заняться, и зажегъ еще пару свѣчей. Сумерки сгостились сильнѣе и мрачными пятнами смотрѣли въ окна. Дождь отшумѣлъ и затихъ. Щѣзы вѣтъ городѣ совсѣмъ не было,—тиши, словно вымерло все вокругъ.

Я началъ писать, но долженъ былъ сразу вскочить съ места... Большенній стонъ раздался подъ самымъ окномъ. Это былъ наболѣвшій, вырвавшійся изъ груди вздохъ, такой вздохъ, которымъ разрѣщается болѣное, безуиное горе... И я сразу почувствовалъ, что это тотъ, вѣхалатъ...

Подъ самымъ окномъ была поставлена скамейка. Онъ сидѣлъ, или вѣрнѣе — лежалъ на ней. Тонкая худая шея ясно бѣлѣлась изъ подъ широкаго ворота халата. Плечи изрѣдка вздрагивали, — не отъ плача, — нѣть, а отъ какихъ-то внутреннихъ конвульсій. Должно

быть голова его горѣла, онъ хватался за нее рукою, отирая ее платкомъ. Онъ не замѣчалъ, что я возлѣ него, наклонился надъ нимъ. Онъ былъ весь поглощенъ однимъ своимъ собственнымъ внутреннимъ чѣмъ-то, что въ немъ клокотало, что не давало ему свободно дышать.

И вдругъ онъ опять вскочилъ, вытянулся во весь ростъ, поднялъ руки кверху, и крикнулъ...

Это было какое-то озлобленно-радостное, какое-то демоническое восклицаніе,—это былъ не то всхлипъ плача, не то судорога смѣха. Онъ сдавилъ себѣ виски, и опять побѣжалъ туда, въ темноту мокраго сада...

* * *

Я прижалъ пуговку звонка. На зовъ явилась рябая горничная съ полотенцемъ черезъ плечо.

— Ужинать пошелъ,—отвѣтила она на мой вопросъ о лакеѣ.

Я освѣдомился, кто это разгуливаетъ по саду. Она отозвалась, что не знаетъ.

— Я только сегодня взята, хозяинъ послѣ обѣда напялъ. Вотъ Трофимъ придетъ, у Трофима спросите: онъ здѣшній.

Меня совсѣмъ растревожилъ этотъ несчастный. Бѣглый изъ сумасшедшаго дома, что-ли?.. Можетъ быть его ищутъ...

Въ саду опять затихло, нѣть никого. Только дождикъ опять закапалъ. Мнѣ Лиръ припомнился... „Дуй, лей, греми и жги!.. Чего щадить меня!..“

Наконецъ лакей явился.

— Этотъ? въ халатѣ-съ? не безъ удовольствія переспросилъ онъ,—это господинъ Лучининъ. Дѣйствительно, они не въ себѣ, и даже отчасти тронувшись. Тягостное приключеніе-съ: ихъ супруга покинули. Ушли-съ. Просто взяли сакъ-волжъ, положили платье, сапоги и ушли. Они теперь вотъ никакъ въ себя не приходятъ. Дочка ихняя малолѣтняя плачутъ, ложиться не хотятъ: что папашенька домой не идетъ!..

Я спросилъ, когда же она ушла.

— Да вчера-съ. И вчера они ничего, болѣе спокойно это приняли, и все только въ колидорѣ смотрѣли,—значить, не возвращаются-ли онъ, то-есть супруга-съ. А теперь вотъ въ отчаянность впали... Должно рѣшили, что онъ ужъ не вернется... Такое разстройство и не-пріятность даже для жильцовъ. Губернаторша это очень близко къ нервамъ приняли и тоже плачутъ... Конечно, кому пріятно, что они, можно сказать, безъ всего нижняго ходятъ. Это до нѣкоторой степени безобразіе... Только что же, когда они уговоровъ не слушаютъ. Вотъ теперь, подъ дождемъ сидятъ, мокнутъ. Человѣкъ чувствительность потерялъ ко всему... Ежели онъ васъ беспокоить, прибавилъ онъ помявшись,—я пожалуй хозяина позову... Только баринъ-то хороший...

Я сказалъ, что не надо.

* * *

Нѣсколько времени прошло спокойно; я думалъ, что онъ ушелъ спать. Но вдругъ опять зашлепали туфли, и опять онъ грузно опустился на скамью подъ окномъ.

Работа совсѣмъ валилась изъ рукъ. Присутствіе этого господина, раздѣтаго подъ холоднымъ дождемъ, въ нѣ-

сколькихъ шагахъ отъ меня, мѣшало сосредоточиться, заставить мысли идти правильнымъ ходомъ. Но онъ не стоналъ, онъ ни одного звука не издалъ, точно его не было тутъ.

— Папа! вдругъ прозвенѣлъ слабо такъ, далеко, дѣтской голосъ изъ сада.

— Папа! Папочка! Папа!

Молчать онъ. Голосъ приблизился. Изъ темноты выдѣлилась бѣленькая фигурка, и перебирая ноженками, вошла въ свѣтлый четырехъ-угольникъ, что падалъ на песокъ изъ моего окна. Это была дѣвочка лѣтъ семи, съ кудряшками на лбу, полненькая; на головенку была накинута сѣренькая вязаная косынка.

— Папочка! замѣтила наконецъ она отца.—Папочка, что ты сидишь тутъ; пойдемъ, ну пойдемъ домой...

Она кинулась къ отцу, прижалась къ нему, охвативъ рученками шею.

— Я боюсь безъ тебя, я спать не могу; пойдемъ, папочка.

Онъ посадилъ ее на колѣни.

— Вѣдь тамъ няня съ тобою?

— Не хочу няни; я хочу, чтобы ты былъ со мною... Я тебя люблю.

Онъ взялъ руками ея голову, повернулъ лицомъ къ свѣту. Темные, налившіеся слезами глазки сверкнули передъ нимъ. Онъ долгимъ такимъ взглядомъ началъ въ нихъ всматриваться.

— Не смотри такъ на меня, что ты смотришь...

Онъ прижалъ къ своему плечу ея голову; она вся съежилась, прикурунула къ нему.

— Дѣвочка моя золотая,—раздался его тихій, глухой голосъ. — Жизнь ты моя, золото... Одна ты у меня на свѣтѣ... Одна!.. Люби ты меня, не покидай... Тяжело вѣдь одному, тяжело...

— Снеси меня, папа, на кроватку,—шептала она.— Снеси, милый...

Онъ не слышалъ, онъ баюкалъ ее и ласкалъ.

— Папа, вѣдь дождикъ идетъ, холодно, сырое... Уйдемъ отсюда. Въ комнатахъ такъ хорошо, тепло, ярко... Мамы нѣть, тебя нѣть... Няня говоритъ, что мама по дѣламъ уѣхала...

— По дѣламъ, по дѣламъ, дѣвчурочка моя,—дѣла у нея важныя...

— Такъ ты что же—ее ждешь?.. Пойдемъ домой.

— Я не жду.

— Ты что же дѣлаешь?

— Гуляю.

— Да вѣдь гадко здѣсь. Ну, поди домой; ну, пожалуйста...

Она замѣтила, что я тутъ стою, въ окнѣ, и вдругъ ко мнѣ обратилась:

— Ну попросите папу, попросите, чтобы онъ домой шелъ... Онъ не хочетъ...

Лучининъ вдругъ вытянулся во весь ростъ и повернулся къ окну. Лицо его, блѣдное, съ блуждающими глазами, освѣтилось ясно. Онъ вопросительно посмотрѣль на меня.

— Идите домой,—сказалъ я,— вѣдь вы не одѣты...

Ротъ его скривился въ улыбку.

— Домой? мнѣ домой!..

— Ваша дѣвочка простудится. Посмотрите, у нея платьице все мокре.

Онъ взглянулъ на дѣвочку.

— Нина, иди въ комнаты...

— Я не пойду безъ тебя.

— Господинъ Лучининъ, вы совсѣмъ ее не жалѣете; ее согрѣть, уложить надо. Смотрите, какъ она дрожитъ...

Онъ приподнялъ Нину съ земли, завернулъ ее въ халатъ, и побѣжалъ подъ усилившимся косымъ ливнемъ опять туда, въ черную пасть аллеи...

* * *

Я слышалъ, какъ онъ прошелъ мимо меня по коридору, какъ хлопнула дверь въ его комнату, какъ раздался тамъ его голосъ и голосъ няни... А нѣсколько минутъ спустя, опять его сѣрая фигура стала передъ окномъ. Увидя, что я не ложусь, онъ влѣзъ на скамью, и оперся локтями на подоконникъ.

— Вы мою фамилію знаете? спросилъ онъ.—Вы это отъ лакея узнали?.. Ну, вамъ, конечно, все рассказали: вы знаете, слѣдовательно, что отъ меня жена ушла.

Онъ говорилъ съ какою-то безшабашною отчаянностью: теперь, моль, все равно.

Я сказалъ, что знаю.

— Ага! Онъ приподнялся на рукахъ, и сѣлъ на подоконникъ.—Такъ какъ же вы мнѣ совѣтуете пойти въ комнаты? Какое право, какое нравственное право вы имѣете давать мнѣ такой совѣтъ? Вы знаете, что у меня тутъ?.. Онъ ударилъ себя въ грудь.—У меня тутъ ничего нѣтъ: слышите — ничего! Душу мою вырвали, корень самый. Все, чѣмъ я жилъ, чѣмъ дышалъ,—это-то самое и взяли, и теперь для меня ничего больше нѣтъ,

ничего не существуетъ. И вы, и этотъ столъ, и комната, — это все сонъ, и сонъ какой-то пьяный, а васъ нѣтъ и существовать вы не можете, потому что послѣ того, что случилось, ничего уже не существуетъ! Вы не думайте, что я сумасшедший. Нѣтъ, то, что я говорю — это логично, очень логично. Я говорю, что ничего этого нѣтъ по отношенію ко мнѣ — хотя само по себѣ можетъ быть это и есть. А вѣдь что же въ мірѣ кромѣ отношеній, да еще условныхъ, можно признавать? Какое мнѣ дѣло — живете вы, или нѣтъ, стойте столъ, или нѣтъ, если не нужны они мнѣ никакихъ не имѣю.. Это стародавняя философія... Кто ее проповѣдывалъ — не помните? И провалитесь вы сейчасъ сквозь землю, на луну взлетите — мнѣ все равно, я даже радъ буду...

— А Нина какъ же? спросилъ я.

Онъ нахмурился.

— Нина? Милая! Дѣвочка моя хорошая... Люблю-то я ее очень... Мало мнѣ этого... Мало мнѣ...

Онъ перекинулъ ноги въ комнату, спустилъ ихъ на полъ, и сталъ ходить изъ угла въ уголъ, разливая по воздуху ночную сырость, которой онъ пропитался.

— Мало мнѣ этого, повторилъ онъ.—Я вѣдь не кончилъ еще жизнь, жить я хочу,—и силь-то у меня много, а любить-то я могу такъ горячо, весь вотъ могу отдаться, всю жизнь положить... А тутъ изъ подъ носа самаго и вырываются счастье... Восемь лѣтъ, восемь лѣтъ забыто! Отъ теплого угла оторвали, да опять одного и швырнули туда, вотъ въ эту темень,—вой тамъ, какъ цѣпная собака... Да цѣпная собака, и та къ конурѣ своей привыкла, знать ее, а лучшаго ничего и не знала...

Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня большими

глазами, съ расплывшимися, широко зияющими зрачками...

— Должно быть я простудился въ самомъ дѣлѣ, сказала онъ, вздрагивая и поводя глазами.— Я велю подать сюда чаю и коньяку...

* * *

Онъ все ходилъ по комнатѣ, прихлебывалъ большими глотками изъ стакана, и доливалъ то изъ бутылки, то изъ чайника. Я молчалъ; разспрашивать его мнѣ было неловко, да я думаю, на вопросы онъ не отвѣтилъ бы. Но онъ видѣлъ, что слушаль я внимательно, и хотя говорилъ, что ничего для него не существуетъ, но ему была потребность именно кому нибудь передать то, что накипѣло на сердцѣ— „распаковать грузъ души словами“, по выражению Шекспира.

— Если вы человѣкъ порядочный, то-есть, если вы понимаете, что значитъ психоза, заговорилъ онъ, — а понять это можетъ только тотъ, кому случалось лично испытать все то, что называется эмоціею, аффектомъ и всякими чертовщинами, — то вамъ, значитъ, не покажется страннымъ, что я стою передъ вами такимъ халатникомъ, и тяну коньякъ стаканами. Рассказывать въ подробностяхъ все, что у меня въ душѣ происходитъ— это, право, излишне, объ этомъ вы сами догадаться можете... Я изложу передъ вами только факты... И вы не смотрите, что въ этой бутылкѣ почти половины нѣть: это еще лучше. Я теперь еще яснѣе всѣ обстоятельства изложу, могу къ нимъ объективнѣе отнестись. Вѣдь чѣмъ хорошъ пьяный человѣкъ? Тѣмъ, что онъ къ себѣ объективно относится, и самъ свои недостатки видитъ,

какъ другому во вѣки вѣковъ не увидѣть, хоть будь самимъ Галлемъ, и десять лѣтъ щупай черепъ. Вы знаете, какъ художники въ своихъ картинахъ ошибки находить? Они напытываются, а потомъ на нихъ смотрятъ,—и помогаетъ. Потому что, когда человѣкъ пьянъ, онъ отъ своего подленька „я“ отдѣлывается, и смотреть нѣкоторымъ образомъ съ высоты. Кто это, Гейне, что ли, напивался, ставилъ ноги въ ледъ, а потомъ ужъ стихи писалъ? Гениальныя мысли именно тогда и приходятъ, когда человѣкъ ненормаленъ. Все, что нормально, то плоско.

Онъ взялся обѣими руками за голову (голова у него замѣтно плѣшивѣла), сжалъ ее крѣпко, и потомъ провелъ ладонями по лицу.

— А-ахъ, тажело,—повторилъ онъ.—Въ головѣ ничего нѣтъ, никакихъ мыслей: чувствуешь, что пусто. Вотъ говорю съ вами, и для меня каждая фраза является совершенно неожиданною. Я не знаю, что за нею дальше будетъ. Нить мысли какъ-то сама слагается непривольно, — выходитъ изъ какой-то точки въ мозгу, и тянется, тянется, а когда ей конецъ, этого я не знаю. Глупое положеніе, я точно манекенъ, говорящая машина... Я вотъ теперь совершенно спокойно могу вамъ изложить всю эту исторію...—Женаты вы, или нѣтъ? Нѣтъ? И не женитесь! Говорять, отъ стараго холостяка исиною пахнетъ, — ну и съ Богомъ, пускай пахнетъ—все же это лучше, чѣмъ то, что вотъ теперь со мною происходитъ. Вы знаете, у насть, въ нашей жизни, при томъ положеніи вещей, какъ онъ есть, къ чему сводится счастье брачной жизни, — то-есть я говорю про настоящее счастье, когда оба любятъ другъ друга? Ни болѣе, ни менѣе, какъ къ потаканію взаимнаго эгоизма.

Всегда и вездѣ! Вы не удивляйтесь: вы вотъ силитесь придать своему лицу выраженіе изумленія, — ахъ, дескать, парадоксы каки! А вы, сударь мой, молоды, отъ того вамъ вся натура парадоксомъ и кажется. Вы, вотъ, все съ своимъ аршиномъ носитесь, хотите все по своей мѣркѣ сдѣлать. Вотъ нынче астрономы: откроютъ звѣзду, которая вертится гдѣ-нибудь у черта на куличкахъ, и дѣла намъ до нея никакого нѣть, а они сей-часъ съ аршиномъ: она, говорять, отстоитъ отъ земли на четырнадцать квадрильоновъ миль. Сказали чепуху, и рады! Это, говорять, для успѣховъ мореплаванія: видимый сводъ неба—прекрасный курсъ для судовъ: это, понимаете, чтобы черезъ Атлантическій океанъ перевозить къ намъ американскихъ чертиковъ и гаванскія сигары... А четырнадцать квадрильоновъ миль такъ-таки никто и не можетъ представить, потому что идеться тысячи миль мы представить не въ состояніи: знаемъ одно, что это очень длинно—ну и довольно. А вѣдь это я опять говорю откуда-то. Это опять таки не мое,—вдругъ догадался онъ. Это я читалъ гдѣ-то...

* * *

— Васъ, кажется, интересуетъ,—продолжалъ онъ помолчавъ,—мое соціальное, такъ сказать, положеніе. Я учитель. Учитель гимназіи: преподаю русскую словесность въ старшихъ классахъ. Дѣло я свое люблю. Говорятъ, что учительская профессія самая однообразная, что она способности притупляетъ. Я двѣнадцать лѣтъ учу, каждый годъ читаю гимназистамъ „Хожденіе Даніила Шаломника“ и „Разстался, милые, разстался я съ вами“, знаете—изъ Карамзина. И ничего, не надоѣ-

даетъ, и способности не притупились. Тутъ главное—сознаніе, что быть можетъ крупицу пользы приносишь... Вы скажете: мелко. Да вѣдь мы пингвины, гдѣ же намъ „сизымъ орломъ ширять по поднебесью“. Объ этомъ мы въ университѣтѣ мечтали. И Боже мой, съ какою любовью и вѣрою я подошелъ къ своей каѳедрѣ! И все было хорошо вначалѣ, года четыре первыхъ. Составлять записки, изучать санскритскій языкъ, готовился къ магистру, и вдругъ... влюбился.

„Я обучалъ въ одномъ институтѣ. Ну, молодой—волосы у меня на головѣ были цѣлы, ходилъ франтикомъ,—конечно, меня барышни „обожали“. Входишь въ классъ, на доскахъ написано: „душка, милый!“ изъ записной книжечки таскаютъ на память листики пропускной бумаги: дѣло извѣстное, институтки даже въ „батюшку“ влюблены, особливо, если у него ряса въ талію и борода въ фиксатуарѣ. Между прочимъ обучалась у меня одна барышня, Варя Курагина. Зналъ я ее еще дѣвочкою. А тутъ познакомился съ семействомъ, прогостила у нихъ цѣлое лѣто. Вышла она изъ института — я и женился. И такъ странно это случилось. Мнѣ она очень нравилась: свѣженѣкая, миленькая, стройненѣкая, бѣленѣкая. Давно я собирался предложеніе сдѣлать ей, все опасался какъ-то. Наконецъ рѣшился. Такъ и такъ, говорю, а она вдругъ мнѣ на шею: „Голубчикъ, говорить—наконецъ-то!“ Какъ она сказала это „наконецъ-то“, — я такъ и присѣль.—А, матушка, думаю, ты этого только и ждала! Взбѣсило меня это: лучше бы отказали. И не думайте, что я не любилъ ее. Увѣряю васъ, что влюбленъ былъ, а только странно человѣкъ устроенъ: шинечекъ такой есть у него, какъ на валикахъ въ табакеркахъ бываетъ: все хорошо, все гладко, и вдругъ

такую нотку дернеть, что диву дашься: откуда это? Думаю: „А! ты выпрыгнуть за меня замужъ хотѣла, ты не просто принимала мою любовь, знала, что я съ цѣлью хожу: ну погоди-жь ты!“ А самъ и не знаю, что „погоди-жь ты“. Сдѣлать-то уже ничего не могу, и на попятный поздно. Сколько времени я обѣ этомъ мгновеніи мечталъ: счастье какое будетъ! Она, красота моя, мою быть согласится. Насталъ этотъ мигъ, я все и думаю: „Ну, гдѣ же это хорошее, въ чёмъ оно?“ А та смотритъ на меня, вся сіяеть, дрожитъ. Взялъ я ее за руки, и такъ это глупо, дѣлано вышло. Она прижалась ко мнѣ. „Ты меня любишь?“ спрашивается. Я ей, натуально, говорю: „Люблю“, а самъ думаю: „А и мерзавецъ же я, что говорю ей это!“

— Да вѣдь вы же ее любили? перебилъ я.

— Экъ вы турица какая,—разсердился онъ.—Въ томъ-то и дѣло, — какъ вы того понять не хотите, — что я какъ сдѣлалъ предложеніе, такъ и разлюбилъ ее сей-часъ же, потому что она „наконецъ-то“ сказала; а можетъ быть, если бы она не сказала, такъ то же самое вышло бы. Все это у меня мгновенно прошло; какъ романисты говорятъ: „пелена съ глазъ упала“. Вижу, сидить она передо мною, и ничего интереснаго въ ней нѣтъ: и глаза, и носъ, и губы,—ко всему этому я давно присмотрѣлся, все это самое обыкновенное, неинтересное. Однако, дѣлать нечего. Ужъ коли чувствуешь, что подлецъ, такъ до конца подлость доводить приходится. Назначили свадьбу. Вижу дѣвочки влюблена въ меня по уши: только обо мнѣ и говорить, только и живеть, что мною. Войдешь къ ней, вспыхнетъ, не отходитъ отъ меня. Ломаешь себя передъ нею, играешь влюбленнаго, а на душѣ такая гадость, что и выразить нельзя...

Надо бы кипятку еще спросить, какъ вы думаете, этотъ простылъ?..

Онъ качнуль остатки коньяку на днѣ бутылки.

— Холодно такъ, я простудился въ саду. На верху, между самыми лопатками, и въ ногахъ дрожь. Мурашки такъ и бѣгаютъ. Я велю.

Онъ позвонилъ, и распорядился.

* * *

— Но коли вы хотите изумляться,—до конца изумляйтесь. Не прошло недѣли послѣ свадьбы, какъ я безумно любилъ жену, и до сихъ поръ ее такъ люблю,—и не знаю разлюблю-ли, найдется-ли во мнѣ силъ настолько. Нашель я, что и умна-то она, и хороша, и развита, и чутка,—ну совершенство всѣхъ твореній. И вотъ именно съ этихъ поръ и начались всѣ испытанія, эти опыты надъ эгоизмомъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Вы понимаете, что каждый изъ насъ эгоистъ въ душѣ, только этого не выказываетъ. Вы, положимъ, дяденьку любите; дяденька умираетъ, а у дяденьки триста тысячъ состояній. Какъ бы вамъ дяденьку ни было жалко, вы все-таки подумаете: „Ну что-же, старый хрѣнь, царствіе ему небесное, какъ ни жалко его, а все-таки въ нѣкоторомъ родѣ сдѣлался я капиталистомъ, а кабы онъ не умеръ—этого-бы не было“. Homo sum,—nihil humani a me alienum puto. И чѣмъ любовь къ ближнему сильнѣе, тѣмъ больше васъ эгоизмъ мучить. Говорю вамъ, что любилъ я жену,—а между тѣмъ, нѣть-ниѣть, этотъ самый эгоизмъ такъ внутри тебя забарабанить, бѣда! Вернешься откуда-нибудь поздно домой, ну въ нерасположеніи говорить: бываютъ настроенія та-

кія — лица человѣческаго видѣть не можешьъ. А тутъ лежить она чистенькая, въ кофточкѣ; откроетъ глазенки, большие такие со сна, спрашиваетъ: „Что новаго, гдѣ былъ, какъ тамъ?“ И начинаешь ей рассказывать, цѣлуешь ея плечики, а думаешь: „Что за наслажденіе, кабы ея не было, быть бы какъ есть одному, чтобы за три комнаты никого не было, чтобы и заговорить никто съ тобою не вздумалъ! А тутъ улыбаться надо, сонъ пересиливать“. Конечно, можно сказать: „Молчи, спи — не уболталаась за день!“—да чувствуешь, что человѣкъ порядочный—вoleю-неволею молчать надо. Утромъ будить: тихо такъ, ласково, по щекѣ треплять: „Милый, слушай, проснись, портниха пришла, принесла платье, денегъ ей надо“. Ахъ, чортъ возьми! Ну, проснешься, скорчишь пріятную рожу: „Возьми, голубчикъ, сколько надо, зачѣмъ-же будить меня“. Иной разъ просто хочется ничего не дѣлать, она присядеть, обниметь: „Что ты хмурый, что ты грустный? Шоцѣлуй меня крѣпче“... Полетѣли къ чертямъ всѣ санскритскія нарѣчія, знать ничего не хочу:—жену люблю. А тутъ дѣвочка родилась,—новое счастье. Надо смотрѣть, какія у нея пленки во рту, отчего щечки обвѣтило, стоптанные первые башмачки въ письменномъ столѣ хранить, каждые полгода волосики отрѣзать; ну, словомъ—всѣ тѣ штуки продѣлывать, что каждый чадолюбивый родитель дѣлать обязанъ. О магистрѣ и думать забылъ. Да и что мнѣ магистръ: обѣдъ вкусный, жена чудесная, дѣвочка лепечеть... Сталъ семьяниномъ, богатымъ ученикамъ приватные уроки давать началь, ну — учитель какъ надо, во всей формѣ... Дѣтей больше нѣтъ. Вотъ тогда я и пить началь, съ радости, должно быть, и ви-

дите, какъ пріучился: путаницы въ мысляхъ никакой... Потолстѣль даже временно отъ водки.

— Ну, а знаете вы, что такое ревность? Да не та ревность, что у венеціанскаго мавра, котораго носомъ тычутъ, а онъ не вѣрить, а потомъ вдругъ повѣрилъ и задушилъ. Я про нашу будничную ревность говорю: знаешь самъ, очень хорошо знаешь, что именно съ этой стороны и грозить опасность. Ходишь какъ волкъ у забора, зубами пощелкиваешь, а сдѣлать ничего не можешь. Замѣтить женѣ не имѣешь права: коли ты въ нее вѣришь—всѣ твои сомнѣнія вздоръ, а коли не вѣришь, значитъ и вѣрить въ нее не стоитъ. А самъ ночи не спиши: все прикидываешь—такъ да этакъ. Да можетъ быть я ея не стою, да такъ мнѣ и надо.

— Развѣ она подавала поводъ вамъ къ ревности? спросилъ я.

— Гм... подавала? да настолько подавала, насколько подаетъ всякая хорошенъкая женщина, которая не лишена дозы кокетства. Да это было все вздоръ, пустяки, дѣло совсѣмъ не въ томъ... Пригласили къ намъ въ гимназію новаго учителя: тоже русскаго языка, только въ младшіе классы. Является молодой человѣкъ, въ очкахъ, физіономія блѣдная, одутловатая, жиденькая бороденка, одѣтъ фертикомъ, взглядъ проницательный такой, фамилія Бухтынъ. „Позвольте, говорить, познакомиться, вашъ новый товарищъ: призванъ на ту же каѳедру, намъ сойтись поближе надо, чтобы условиться касательно преподаванія и всего прочаго“. Началъ онъ ко мнѣ ходить, обѣдаетъ каждый день. По утрамъ, когда я въ должности, у жены сидить. Вообще, онъ мнѣ сразу не понравился: губы толстныя такія у него, а я не люблю толстогубыхъ. Оказался онъ сыномъ свя-

щенника изъ Москвы, самоувѣренность у него такая, что на-поди! Смотреть на жену (я подмѣчалъ иногда этотъ взглядъ), — такъ смотрить, что у него подъ очками всю ту мерзость, что на душѣ у него накопилась — прочесть можно. И все больше онъ съ нею о матеріяхъ важныхъ, какъ люди гибнутъ, да каковъ строй государства, да отчего у насъ порядки такие,—ну, понимаете, завертѣлъ эту модную мельницу. Приносить мнѣ изданіе заграничное: „Представьте, говорить,—мнѣ како-то другъ невѣдомый, таинственный незнакомецъ, ужь второй годъ посылаетъ“. Принесъ онъ, какъ на зло, журналъ этотъ въ гимназію, даетъ мнѣ. Ну, конечно, любопытно — я взялъ. А онъ у меня на грѣхъ при директорѣ, въ учительской комнатѣ, изъ портфеля и выпади; тотъ перепугался, вскипятился:

„— Откуда это у васъ?

„Я не желаю выдать товарища, молчу. Бухтинъ подходитъ къ намъ, на директора въ упоръ смотрить, улыбается.

„— Это мой, говоритъ, экземпляръ. Не угодно ли, Александръ Ивановичъ, я и вамъ дамъ: у меня коллекція цѣлая.

„Ну, тотъ тоже заинтересовался, стихъ; такъ все учителя листки эти и перечитали. Это бы еще ничего: ну, эка важность, что читали — любопытство и только. Скверно тѣ, что начали до меня доходить слухи, чѣмъ Бухтинъ въ классѣ занимается. Преподавать свой предметъ не преподаетъ: это, молъ, сущь, програмныя занятія, — а вотъ послушайте-ка стихотвореньице Рыльева „Гражданинъ“...

„Я васъ спрашиваю: что тутъ дѣлать? Шпонить по начальству, или оставлять втунѣ?.. Вопросъ этотъ,

знаете, не безъинтересный — сколько разъ мнѣ въ голову приходилъ. И что мнѣ было самое непріятное— это то, что господинъ Бухтинъ жалованье за свою профессію получалъ. Это ужъ совсѣмъ скверно, и разрѣшается развѣ только при помощи высшей философіи.

* * *

— Но при всемъ томъ, представьте непріятность моего положенія: ходить онъ ко мнѣ постоянно, противъ мнѣ до-нѣльзя, а отказать—нѣтъ резона. Ну почему я ему откажу? Жена благоволить къ нему чрезвычайно. Я этакъ мимоходомъ, экивоками, даю ей понять, что человѣчишко дрянцо,—куда тебѣ, и слушать не хочеть! Коли онъ не придетъ,—сидитъ хмурая, слова не выжмешь. Войдетъ—оживится вся, покраснѣеть. Ко мнѣ холоднѣе стала, отъ ласкъ моихъ сторонится, словно пугается ихъ. Но чтобы разговоровъ какихъ-нибудь такихъ между ними—нѣтъ, я не слышаль: все больше о назначеніи женщины, объ ея общественномъ положеніи...

Лучининъ быстро заходилъ по комнатѣ. Лицо его было красно: на лбу и лысинѣ крупными каплями выступила потъ, языкъ нѣсколько путался, но глаза еще горѣли лихорадочно...

— Ну-съ... слушайте! Подходитъ, наконецъ, она въ одинъ прекрасный день ко мнѣ и говоритъ:

„Хочу учиться!

„Я и ротъ раскрылъ.—Какъ учиться? Гдѣ? У кого?

„Высшіе курсы хочу пройти.

„Да развѣ туда замужнихъ пускаютъ?

„Ничего не знаю,—я хочу учиться.

„— Зачѣмъ тебѣ?
 „— Скучно.
 „— Со мною?
 „— Съ тобою, вообще со всѣми...
 „— А дѣвочка?
 „— Ей это не помѣшаетъ.

Я посмотрѣлъ ей въ глаза, и въ первый разъ, въ первый разъ обругалъ ее: „Дура“, говорю. А она повернулась, ничего не сказала...

— Вечеромъ приходитъ Бухтинъ, — и прямо ко мнѣ съ вопросомъ: „Почему вы стѣсняете свободу жены?“ Смотрить нахально такъ, выпятился сквозь свои очки. А я взялъ его за плечи, повернулъ налево кругомъ, да за двери и пнулъ: онъ такъ носомъ въ сундукъ... Жена въ слезы. Въ гимназіи встречаюсь съ нимъ, не кланяюсь. Дома совсѣмъ безобразіе. Читаетъ она Прудона и Милля. Я говорю: „Ужъ и Бокля не хочешь-ли, — я бы тебѣ „Государственный строй“ досталъ“... А она говоритъ: „Я остригусь!“ Я, конечно, протестовать: „Это, говорю, прежде стриглись, да и то больше тѣ, у кого косицы жидкія—теперь ужъ мода на это прошла“. „Нѣть, мнѣ, говоритъ,—удобнѣе“... И что же вы думаете? Отхватила себѣ косу... А коса-то была какая!. Ну, ужъ тутъ зло меня взяло... Все къ чорту пошло!. Жили мирно, тихо, съ неба звѣзды не хватали, да и зачѣмъ намъ было; а тутъ вдругъ— Стюартъ Милль и вся эта требуха. Глаза у нея красные, напухли вотъ до чего... За дѣвочкою не смотреть, по утрамъ, когда я въ должностъ иду — куда-то уходить... Уйдешь вечеромъ на винтъ къ сослуживцу—и она пропадетъ...

— Прихожу разъ въ классы, въ корридорѣ встрѣ-

чается Бухтингъ, смотрить въ глаза. „Какъ, спрашиваетъ,—здоровье супруги вашей?..“ А я не выдержалъ, да какъ развернусь...

— Насъ обоихъ попросили службу оставить... И то, по снисхожденію директора, уволили по прошенію...

* * *

— Жена реветъ: „По міру меня пустить хочешь!“ Ну, совсѣмъ мелодрама! Денегъ нѣть, надо искать службы. А тутъ еще она говоритъ, что любить меня не можетъ, потому что я ретроградъ!.. И слово-тошлое, и не выражаетъ оно ничего... Да и съ какой стати молодой женщины такія слова говорить, да еще женѣ учителя? А?.. И чувствую я, что шатаюсь: нѣть ничего ни позади, ни впереди... Въ головѣ разбродъ. Мысли путаются, колесомъ ихъ вьетъ. Сна нѣть. Жена ужъ не женено стала, а чѣмъ-то другимъ, совсѣмъ новымъ чѣмъ-то. Чувствую присутствіе ея въ домѣ, только она ужъ не такъ смотритъ, не такъ говорить,—чужимъ завѣяло. Счастье-то это былое—все прахомъ...

Онъ опустился въ кресло... Лицо его побагровѣло. Опять стонъ такой, какъ тогда, какъ онъ подъ окномъ былъ, у него вырвался...

— Вы вотъ смеетесь надо мною,—думаете: чего онъ разглагольствуетъ, на кой дьяволъ знать мнѣ всю эту чепуху?.. Коньякъ во мнѣ говорить, а не я. Дѣла мнѣ до васъ нѣть никакого... Лишняго я ничего не скажу, хоть и пьянъ... До послѣдней минуты, пока не засну, буду строгой логики держаться... Смѣйтесь, смѣйтесь! Смѣшино вѣдь: сорокъ лѣтъ человѣку, а онъ не установленъся, такъ, фитюлька, какой-то коллежскій ассесоръ,

андроны на колесахъ, свинство какое-то... И жена отъ него ушла... Да, вотъ, ушла! Пріѣхали мы сюда... Вижу, она ужъ совсѣмъ не своя: не ъѣсть, не пить—въ уголъ смотритъ. Потомъ вдругъ поблѣднѣла, затрясло ее всю: „Я, говорить, — вѣсъ ненавижу!“ А я ей на это — въ ноги, — ползаю, прощены за что-то прошу... А въ ней ни кровинки... Плачу у ногъ ея, волосы на головѣ дыбомъ становятся отъ ужаса, отъ мысли, что уйдетъ она... А она вещи складываетъ.

Онъ опять всталъ съ кресла и схватилъ меня за борты пиджака.

— Понимаете,—захрипѣлъ онъ, тряся меня за воротъ,—понимаете: вещи складываетъ!.. И ушла. Ушла совсѣмъ! Все бросила; всѣ эти восемь лѣтъ прахомъ пошли. Вѣдь мнѣ легче ее въ могилу опустить, чѣмъ этому подлецу отдать... И дрянь вѣдь бабенка, дрянь,—иначе бы не ушла... И не могу вотъ вынести, переварить этой мысли... Ну куда, на что она тамъ годна?.. Ну, идутъ туда по убѣжденіямъ, въ силу тамъ спѣщенія обстоятельствъ,—чортъ ихъ знаетъ еще зачѣмъ. Ну, а она-то чего ради?.. Вѣдь это такъ—балаболка,—вѣдь ее бросать, надѣю же насыпются... А она все кинула—семью, гнѣздо... Вѣдь вотъ я плачу, какъ дѣвчонка,—за что же?..

Онъ всталъ и пошатнулся.

— А вы говорите, чтобы я въ комнаты шелъ, — да мнѣ каждый стулъ про нее напоминаетъ: вотъ здѣсь она спала, здѣсь умывалась... Старыя ея ботинки остались у кровати... А-ахъ!

Онъ опять закрылъ лицо, и съ минуту не поднималъ головы.

— Ну, прощайте,—заключилъ онъ,—спите спокойно!

Онъ нетвердо шагнулъ, подошелъ, къ окну и перекинулъ ноги черезъ подоконникъ.

— Вамъ спать можно,—у васъ все „слава Богу“, раздуйтесь... А я... мнѣ освѣжиться надо...

Онъ спрыгнулъ въ садъ — и тотчасъ же исчезъ въ начинавшемъ сѣрѣть туманѣ...

На утро, собираясь на пароходъ, я спросилъ у лакея про Лучиника.

— Они въ пять часовъ легли, умаялись отъ мօціона. А дочка ихъ, должно простудилась вчера: лежитъ въ жару. Нянька за докторомъ ужъ послала.

Я уѣхалъ.

1884 г.

Д У С Я.

Не знаю, какую кафедру занималъ нѣкогда профессоръ Блюмбергъ, — знаю только, что онъ ее занималъ, а теперь не занимаетъ, и живетъ на покой. Онъ поселился на Петербургской сторонѣ, въ сѣренъкомъ деревянномъ домѣ, который онъ тѣ продаєтъ, тѣ покупаетъ. Домикъ узкій, помѣстительный, съ зеркальными окнами, полисадникомъ, рѣзными воротами съ доской страховаго общества 1827 года, и неизмѣннымъ пѣтухомъ, ежедневно пролѣзающимъ въ подворотню. Крыша выкрашена самою лучшою зеленью, которую профессоръ лично покупалъ у „Штолъ и Шмидта“. Черезъ окна съ улицы видны гіацинты, левкои, а въ широкое венецианское окно кабинета—стеклянные круги машины Гольца, доставшейся Блюмбергу послѣ смерти одного товарища. На дворѣ цѣлый день ругается съ дворникомъ кухарка съ засученными рукавами, подоткнутымъ подоломъ и маленькимъ вздернутымъ носомъ. Дворъ чистый, усы-

панный песочкомъ. Съ одного края идеть прямая дорожка тротуара и оканчивается у задняго хода, гдѣ на крылечкѣ стоять кадка, какіе-то ящики съ остатками розовыхъ желѣзодорожныхъ билетовъ, горшки изъ подъ цвѣтовъ и швабра. Иногда на этомъ крылечкѣ сидѣть разноглазый пёсикъ Бѣлка, очень добрый и глуповатый, питающій большую слабость къ кухаркѣ, и потому постоянно сопровождающій ее на рынокъ. Во дворѣ—флигель, гдѣ живетъ старушка, чья-то вдова, и никогда оттуда не выходитъ, все сидѣть, пружится и охаетъ на постели:

Блюмбергъ, Николай Ивановичъ, давно обруссѣвшій нѣмецъ, чуть ли не сынъ кондитера, старишаго роста, худенький, вертлявенький, бритый, съ сухенькимъ породистымъ носикомъ и черными пучечками волосъ вмѣсто бровей. Глаза у него каріе, очень проницательные, и ими онъ моргаєтъ очень рѣдко, вѣроятно считая это совершенно излишнимъ. Синева бритыхъ губъ у него переходить въ фиолетовый оттѣнокъ. Волосы у него длинные, но жидкіе; они какъ пѣтушины перья, пѣгими космами идутъ отъ сверкающей чистенькой лысины внизъ, и словно клещами охватываютъ шею и воротникъ. Ходить онъ въ парусинномъ пиджачкѣ, цѣлый день,—и халать, не признаетъ совершенно;—развѣ ужъ во время болѣзни облачается въ него. Онъ очень любить пиво, и пьетъ его разъ пять въ день, увѣряя, что это очень здорово, при чемъ любить самъ откупоривать бутылку патентованымъ штопоромъ въ видѣ рычага. При чтеніи онъ надѣваетъ очки, но вдалъ видѣть превосходно. Когда онъ говоритъ, пучечки бровей у него прыгаютъ вверхъ и внизъ, а изо рта выглядываютъ крохотные, ровные, довольно опрятные зубы. Смѣется онъ

рѣдко, говорить, не смотря на маленькую фигуру, басомъ. Когда разсердится, носъ у него отвисает и начинает клевать. Онъ очень начитанъ, у него огромная библиотека, и онъ ею очень гордится. Вдовѣть онъ давно, очень давно. Жена умерла у него, когда маленькой Дусѣ было всего два года, а теперь ей девятнадцать. Какая женщина была его супруга, — этого я не знаю совершенно, и никакихъ свѣдѣній о ней дать читателямъ не могу...

Но Дуся... Ахъ, эта Дуся!.. Вы только послушайте о ней.

Дуся осталась крохотной дѣвочкой на рукахъ отца, который всю жизнь смотрѣлъ на ребятъ, какъ на издѣлья изъ папье-маше—и не больше. Ему никогда не случалось стоять близко къ дому, где бы былъ-бы маленькой ребенокъ. Его нисколько не могли занимать усиленныя подбрасыванія мамкой ребенка кверху, и считанія прорѣзывавшихся зубовъ на гладкихъ деснахъ. Когда жена, захлебываясь отъ восторга, говорила ему: „ходить, ходить!“ и показывала на присѣдавшую на диванѣ дѣвочку, онъ только поигрывалъ бровями и косилъ на сторону ротъ. Оставшись безъ жены, онъ возложилъ все вѣйшнее воспитаніе на нянью, а самъ взялся „воспитывать ея душу“. Душу воспитывать онъ началъ съ пяти лѣтъ. Дусина душа была мелковата. Отъ нея, какъ отъ стѣны горохъ, отскакивали всѣ отцовскія мѣропріятія. Она была такая блѣдненькая дѣвочка съ недоумѣвающимъ взглядомъ, свѣтленькой косицей на затылкѣ и красными кисточками рука.

Когда отецъ вразумительно

толковалъ ей о томъ, что такое множитель, и спрашивалъ—поняла-ли она, Дуся переводила глаза съ аспидной доски на машину Гольца, съ машины Гольца на карнизъ потолка и увѣряла, что понимаетъ. Повторить она, впрочемъ, никогда ничего не могла: сразу у нея въ мозгу ничего не укладывалось. Послѣ урока, Николай Ивановичъ сѣрдито шагалъ изъ угла въ уголъ по кабинету: его бѣсила неспособность Дуси. Брови его крутились какъ піявки, ротъ открывался и захлопывался.

— Черезъ пень въ колоду, черезъ пень въ колоду! твердилъ онъ, хлопая туфлями по kleenчатому ковру кабинета и обдергивая свой пиджачекъ. — Вѣдь это что-жъ такое!

Онъ съ сердцемъ заводилъ музыкальный ящикъ, который наигрывалъ что-то изъ Травіаты, и подъ пискливое его тринканье еще съ большимъ осторвеніемъ начиналъ шагать.

Больше успѣха оказывала Дуся въ рукодѣльяхъ. У Николая Ивановича была сестра Ксения Ивановна, худая, остроклювая, головой выше брата, дѣвица лѣтъ сорока съ походцемъ, существо очень развязное, страстно любившее театръ, и учившееся живописи въ академіи художествъ. Она цѣлые дни мазала нѣчто невообразимое то въ классахъ академіи, то у себя на дому, а вечеромъ упивалась всею душой Rossi, Сальвіни, и даже Александринскимъ театромъ. Она-то и оказала вліяніе на Дусю въ рукодѣльяхъ, такъ какъ сама считалась замѣчательной искусствницей.

Первымъ долгомъ она выучила ее дѣлать бумажныхъ

розетки на свѣчи, въ видѣ какихъ-то пушистыхъ шариковъ, въ сущности пребезобразныхъ. Потомъ выучила ее вырѣзать абажуры на лампы. За такими полезными занятіями Дуса проводила цѣлые дни. Едва отецъ оканчивалъ занятія съ нею, она хваталась за ножницы и иглу, и начиналась работа. Въ ушахъ ея еще звучали слова отца: Альбигойцы, Авиньонское плѣненіе, Гогенштауфены, а руки съ усердіемъ выкраивали „всякую труху“. Порою Николай Ивановичъ не выдерживалъ, и заведя органчикъ (это обозначало, что онъ находится въ самомъ скверномъ настроеніи), накидывался на сестру.

— Детали, мелочи! говорилъ онъ въ тактъ шлепанью туфлей.—Общаго нѣть,—почвы,—штанье. Тюкъ-тюкъ: изъ стороны въ сторону. Я хочу (онъ поднималъ брови), я хочу, чтобы она не походила на вашу братію... На барынь модныхъ. Лопочутъ по французски, по нѣмецки—и баста. Не хочу, не желаю...

— Ты ее что-же,—несчастной хочешь сдѣлать? спрашивала Ксения Ивановна, потряхивая стрижеными завитыми кудрями, подпираясь правой ручкой въ бокъ и слегка помахивая лѣвой.

— Женщиной я хочу ее сдѣлать, женщиной,—точно изъ картечницы стрѣлялъ Николай Ивановичъ.—Я хочу ей кругозоръ дать. Нельзя-же куринымъ окомъ на все смотрѣть. Она подъ моимъ руководствомъ должна работать.

— Ты ее засушишь,—пренебрежительно возражала сестра,—ты кромѣ знанія ничего не дашь ей.

Николай Ивановичъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на нее.

— Мы, сударыня, никогда съ тобой не сойдемся. Ты артистка, витаешь въ эфирѣ. А я этого не понимаю.—

Голосъ его все возвышался, глаза прыгали. — Да я не понимаю даже необходимости и обязательности вашего искусства, коли на то пошло... Я сторонникъ Прудона. Ты можешь тамъ съ голыхъ мужиковъ въ академіи рисовать, — я этого не одобряю.

Ксения Ивановна вспыхивала.

— Никогда я съ мужиковъ еще не рисовала, я въ фигурномъ классѣ антики изучаю.

— Ну, ужъ я тамъ не знаю — антики, или не антики; знаю только, что кабы въ свое время замужъ вышла, такъ натурщиками не интересовалась...

Къ рисованью Дуси способностей не оказывала, чему отецъ былъ очень радъ. Онъ самъ съ трудомъ могъ нарисовать кривой домикъ, да горбатую даму въ модномъ платьѣ, и говоривалъ, что антики до добра не доведутъ. Въ двѣнадцать лѣтъ, онъ отдалъ дѣвочку въ гимназію.

— Замкнутое домашнее воспитаніе — ложь, фальшь, — объяснялъ онъ. — Общеніе съ подругами ее разовьетъ. Онъ ей тѣ дадутъ, чего я дать не въ состояніи. Пусть походитъ, къ жизни поприглядится. Пусть! Пусть!

Дуся заходила въ гимназію. Но ученье пошло плохо. Тщетно отецъ проходилъ съ нею уроки и ъздалъ къ гимназическому начальству. Начальство аттестовало Дусю плохо, и указывало на циркуляры министерства. Николай Ивановичъ горячился:

— Что мнѣ министерство, что мнѣ министерство! Я самъ каѳедру занималъ, я самъ занималъ. Безкон-

трольная кафедра въ университетѣ... Да... Безъ контроля...

Когда онъ хорохорился, прическа его вздымалась дыбомъ, и онъ напоминалъ курицу, пѣтушившуюся на собаку за цыпленка.

Онъ былъ твердо убѣжденъ, что въ гимназіи учать плохо, и совсѣмъ не тому, чему нужно: не женщину даютъ, а верхоглядку.— Изъ вашего стада! объяснялъ онъ сестрѣ.— Выйдетъ дѣвка въ девятнадцать лѣтъ, а точно пятимѣсячный ребенокъ.

Дуся осталась на третій годъ въ классѣ. Николай Ивановичъ завелъ органчикъ, и заходилъ по комнатѣ.

— Это надо перерѣзать,— говорилъ онъ.— Перерѣзать разомъ. Дипломъ вздоръ, дипломъ пустяки. Званіе нуль, нуль въ квадратѣ. Нужно знаніе. Точное, опредѣленное знаніе! Если тамъ учить не умѣютъ, — я тебя стану учить по своему. Тѣ-же пять часовъ въ день. Я докажу имъ, что значитъ знаніе... Можешь въ гимназію неходить. Пустопорожняя трата времени. Да! Она тебѣ дала тѣ что нужно,—ты постигла духъ товарищества, и корпорації: съ тебя довольно.

И онъ подалъ въ гимназію прошеніе такого содержанія:

„Твердо убѣдившись въ безобразномъ способѣ преподаванія, практикующемся въ вѣренной вамъ гимназіи, и не имѣя сомнѣнія въ совершенной бесполезности продолжать долѣ въ ней воспитаніе дочери моей, Евдокіи Блюмбергъ, покорнѣйше прошу ваше превосходительство распорядиться выдачею обратно документовъ означенной дѣвицы“.

Прошеніе это онъ отправилъ съ посыльнымъ въ канцелярію, желая избѣжать объясненія касательно его формы. Дуся осталась дома.

Но пяти часовъ въ сутки отецъ съ ней не занимался. — Урокъ продолжался часа три. Въ остальное время она почти ничего не дѣлала, даже не читала. Правда, тетка открыла въ ней временно удивительныя способности къ музыкѣ, и она заходила въ какую-то школу съ портфельчикомъ, на которомъ было написано „musique“, но и это дѣлоничѣмъ не увѣнчалось. — Такихъ „барышень съ музыкой“ на улицахъ въ Петербургѣ можно встрѣтить видимо невидимо, а изо всѣхъ ихъ никакого толку никогда не выходитъ. Ей весело было ходить или ѻздить въ омнибусѣ на „ту“ сторону: вѣчное пребываніе съ отцомъ, который по утрамъ никогда не выходилъ изъ дома, ей претило. Легкій запахъ сырости деревяннаго дома, кисейный занавѣсъ на окнахъ, попугай въ залѣ, говорившій каждому гостю: „а не пора ли домой?“ — все это такъ давно было ей извѣстно: съ самаго дня рожденія, и такъ все это надоѣло. Въ дождикѣ и изморозь она, приподнявши юбочку, и захвативъ свою „musique“, отправлялась съ маленькимъ зонтикомъ прыгать черезъ лужи, поглазѣть на витрины Беггрова и Даціаро, перѣѣхать черезъ Неву на пароходѣ, купить какую нибудь мелочь въ гостиномъ дворѣ, и заодно пробарабанить свой урокъ по желтымъ клавишамъ сомнительнаго фортепіано. Знакомыхъ къ нимъ ходило очень мало. Посѣщали Дусю двѣ гимназическія подруги,—и то рѣдко: раза три въ

мѣсяцъ. Ксенія Ивановна, ежедневная гостья, только и развлекала ее. Молодыхъ людей почти не бывало у нихъ; старики, ходившіе къ отцу, ее не интересовали. Дуса скучала. Ей хотѣлось общества. Она была, пожалуй, недурненькой дѣвочкой: рыжеватенькой, съ сѣренъими, плутовскими глазками. Кожа у нея была очень бѣленъкая, формы кругленькія.

Однажды Ксенія Ивановна пришла къ брату наступившись. Она объявила, что желаетъ серьезно поговорить о племянницѣ. У Николая Ивановича судорожно заиграли брови.

— Что ты намѣренъ съ ней дѣлать? спросила Ксения Ивановна.

— Что? Учить по прежнему.

— Учить? Когда-же конецъ? Ей девятнадцать лѣтъ.

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись.

— А замужъ?

Николай Ивановичъ осталбенѣлъ.

— Замужъ? Какъ замужъ?

— Ну, какъ всегда... Что же ты ее солить что-ли дома собираешься?..

— Да вѣдь ты, сестрица, тоже... въ проѣз...

Ксенія Ивановна всхихнула:—Потому-то я и говорю, что надо о ней подумать.

— Ты бы о себѣ лучше думала...

Онъ потянулся было къ музыкальному ящику, но сестра на этотъ разъ ему его не дала.

— Я не могу видѣть, что племянница гибнетъ,—говорила она, тряся кудри.—Не могу, не могу...

— Такъ вы не смотрите, никто не просить,—окончательно взбѣлся отставной профессоръ. — Рисуйте своихъ купидоновъ, и оставьте мою дочь...

— Не могу оставить,—протестовала она. Не могу!

— Что же вы отъ меня хотите, чего хотите? кричалъ онъ, наступая на нее. — Чего вы меня безъ ножа рѣжете?

— Ее вывозить надо! выпалила тетушка.—Ей надо развлечения...

— Такъ что-же вы мнѣ прикажете — на балы, на рауты съ неюѣздить?..

— Я будуѣздить, я, — я для племянницы на все готова! всѣмъ пожертвую...

Николай Ивановичъ вдругъ притихъ и стала соображать.

— Сдѣлайте одолженіе! сказалъ онъ, и хлопнулъ дверью такъ, что даже машина Гольца издала какой-то звукъ.

Итакъ, Дуся стала выѣзжать. Сперва ее повезли на елку, потомъ на костюмированный вечеръ. Ксения Ивановна объявила профессору, что ему необходимо пойхать куда-то съ визитомъ, но тотъ наотрѣзъ отказался, сказавъ, что фракъ у него вытерся, новаго онъ дѣлать не намѣренъ, а въ сюртукахъѣздить на вечера одни хамы. Сестра возразила, что онъ ставить ее въ неловкое положеніе, но онъ ей сказалъ, что она сама себя въ неловкое положеніе ставить, а онъ тутъ не причемъ.—Пришлось сдѣлать нѣсколько туалетовъ.

— Пф... Пф! фыркаль онъ, смотря какъ тетушка пол-

зала по полу вокругъ новаго платья Дуси, и, вынимая изъ рта булавки, подкальвала что-то внизу.—Глупость какая! Зачѣмъ этотъ курдюкъ сзади? Перѣдъ весь на боку.

— Мода! пожимала плечами Ксения Ивановна.

— Мода на дуръ! нечего сказать, — урожай, урожай!

И онъ сердито хлопалъ дверью.

Впрочемъ онъ никогда не перечилъ сдѣлать дочери новый костюмъ. Онъ даже какъ будто съ удовольствиемъ выбрасывалъ деньги изъ стола, отдергивая отъ нихъ пальцы съ такой быстротой и гадливостью, словно онъ были зачумленныя.

— Молодость! скрививъ ротъ въ улыбку, говорилъ онъ, — молодость! Дань молодости. Непремѣнно надо юродствовать. Какъ-же,—безъ этого нельзя!..

Когда дочь уѣзжала, онъ раскладывалъ гран-пасьянсъ, смотрѣлъ безпѣльно въ стѣну, читалъ. Въ опредѣленное, строго опредѣленное время пилъ чай и затѣмъ въ одиннадцать ложился, бормоча про себя:

— Мода, мода,—какъ-же: нельзя безъ этого!

Порою онъ вглядывался въ побѣлѣвшее лицико дочери, когда она вставала въ третиѣмъ часу дня, воротившись наканунѣ подъ утро. Онъ дергалъ плечами, разводилъ руками, но не говорилъ ничего. Уроки шли совсѣмъ не регулярно.

— Что-же будетъ дальше? приходило ему на умъ.— Ну, вотъ она ъздитъ. Ну, подѣлѣтъ какого нибудь чиновничка,—ну и это все? Чортъ знаетъ, что такое!

Онъ давно примирился съ мыслью, что дочь пороха не выдумаетъ. Но и отчаянной пустоты какого нибудь чиновничьяго кружка онъ 'не могъ переварить. Разъ онъ не выдержалъ, и въ упоръ спросилъ у дочери:

— Ты, сударыня, что-же намърена дѣлать?

Барышня такого отвѣта не ожидала, и широко-изумленно раскрыла свои свѣтленькіе искрящіеся глазки.

— Твоя тетка想要 тебя спихнуть замужъ. Это, мать моя, не трудно,—да проектъ-то какой?

— Я паца, не хочу замужъ,—попробовала было она протестовать.

— Что? что? закричалъ отецъ,—врешь: хочешь! Такой дуры нѣть, которая бы замужъ не хотѣла. Это законъ природы. Это надо... А только я тебѣ говорю, что за шушеру тебя не отдамъ... Ни денегъ, ни приданаго! Такъ и знай. И теткѣ скажи такъ. На свадьбу не пріѣду, и не зови...

— Да я и не думаю пока...

— А ты должна думать. Пора самостоятельной быть, сударыня. Нельзя весь вѣкъ какъ кукла на пружинѣ вѣртѣться. Тринъ-тринъ! кто нибудь машинку вѣртитъ, а она-то во всѣ стороны ручки растопыриваетъ....

— Что-же мнѣ на курсы поступать?.. Въ гувернантки идти?..

— Не знаю, сударыня,—только не шалберить. Что хочешь дѣлать, только не шалберничать.—Исходъ надо чтобы былъ,—у всего долженъ быть свой исходъ, пунктъ, точка, цѣль, куда стремишься.—А безсознательная жизнь,—это скотство!

— Такъ ты совѣтъ мнѣ дай.

— Ни за что! Зачѣмъ я тебѣ буду навязывать свои

убѣжденія? Вѣдь не соска у тебя во рту. Сама поверти мозгами. Нельзя-же весь вѣкъ идоломъ сидѣть: Машка, подай тѣ, сдѣлай тѣ... Нынче, принцессы и тѣ сами сморкаются... Ну, словомъ я хочу, чтобы ты за что нибудь взялась... Нельзя весь вѣкъ играть на домашнихъ спектакляхъ. (Дуся только-что передъ этимъ, первый разъ въ жизни, сыграла барышню въ какомъ-то водевилѣ): Скажи мнѣ прямо: что хочешь? Хочешь портнихой быть?—благословлю обѣими руками. Съ Богомъ! Корректуру держать, переводить?—сдѣлай одолженіе. Хоть сапоги шей. Только дѣло, дѣло, и дѣло...

Николай Ивановичъ обѣдалъ ровно въ три часа. Никакія силы не могли бы его заставить перемѣнить этотъ часъ. Горничная тихо стукала въ дверь его кабинета и еще тише говорила: „Кушать подано!“ На это онъ отвѣчалъ постоянно: „А! хорошо! сейчасъ! Позвать барышню!“ Онъ шелъ въ темную столовую съ неизбѣжнымъ буфетомъ подъ-воскъ и неизбѣжными подносами по стѣнамъ съ горельефами всякой дичи. Онъ подходилъ къ закусочному столу, выпивалъ большую, очень большую порцію водки изъ серебрянаго стаканчика съ вензелемъ, и закусывалъ балыкомъ или анчоусами. Другихъ закусокъ онъ не признавалъ. Супъ онъ ъль не иначе, какъ со швейцарскимъ сыромъ вмѣсто хлѣба, и каждое кушанье запивалъ хересомъ. Пиво онъ пилъ подъ конецъ обѣда, только послѣ жаркова. За обѣдомъ онъ любилъ хранить суровое молчаніе, и недовольно взглядывалъ на дочь, когда та начинала заговаривать.

Разъ, середи зимы, онъ вышелъ къ столу въ очень хорошемъ настроеніи и даже щипнуль дочь за подбородокъ, прежде чѣмъ подошелъ къ водкѣ. У Дуси какъ то особенно ярко горѣли глаза, такъ что и отецъ замѣтилъ.

— Что съ тобой? сказалъ онъ закладывая себѣ за воротъ салфетку и тыкая вилкой въ корзинку съ хлѣбомъ.

— Я хочу съ тобой поговорить, пана.

Кусокъ хлѣба такъ и замеръ на вилкѣ у профессора. Первый разъ она заявила желаніе о чѣмъ-то заговорить съ нимъ. Онъ покрутилъ ртомъ и объявилъ, что готовъ слушать.

— Ты недавно говорилъ мнѣ, что желаешь самостоятельного труда отъ меня...

Старикъ прищурился. Дочка, очевидно, собиралась сказать что-то давно у нея назрѣлое на душѣ. Грудь ея порывисто вздувалась и падала. Румянецъ тѣ пропадалъ, тѣ сбѣгалъ на нѣжныхъ щечкахъ.

— Я рѣшила, избрала себѣ дѣятельность.

Отецъ старательно ъль супъ и не отрывалъ глазъ отъ фрикаделекъ, кружившихся на днѣ тарелки. Онъ только проговорилъ: „Ну?“...

— Ты, можетъ быть, удивишься, папа... Но я рѣшила это безповоротно...

Правда, у нея въ глазахъ свѣтился какой-то упрямый задоръ. Руки дрожали: одна судорожно поигрывала ложкой, другая сжимала складки платья.

— Ну? Ну?.. повторилъ отецъ.

— Я хочу... на сцену...

Старикъ замеръ. Въ упоръ посмотрѣлъ на нее. Поднялся съ кресла, опрокинулъ не торопясь на ска-

терть недоеденную тарелку супа, и сказать: „ага!“ вышел из комнаты.

Объдъ остался недоконченнымъ. Въ кабинетѣ слышалось тренканье изъ Фенеллы и шлепанье туфлей. Дуся тоже не обѣдала. Она сидѣла у окна и смотрѣла на сырья сумерки и блѣдную луну, катившуюся по влажному небу. Когда совсѣмъ стемнѣло, дверь кабинета отворилась и Николай Ивановичъ, мягко перебирая коротенькими ножками, вылетѣлъ оттуда. Подойдя къ дочери, онъ остановился и заложилъ руки въ карманы.

— Вѣдь ты шепелявишь? сурово сказалъ онъ.

Она молчала.

— Актриса! Шепелявить! Актриса!

Онъ повернулся на пяткахъ, и опять заперся у себя.

Къ чаю онъ вышелъ улыбающейся, и передъ дочерью распаркался, сказавши: *mademoiselle!* Чая онъ пилъ много: стакановъ пять, со сливками. Дочь не проронила во все время ни слова.

— Очень радъ, очень радъ,—сказалъ онъ уходя къ себѣ.—Только въ тебѣ таланта нѣтъ ни на грошъ,—я вѣдь знаю. Гдѣ тебѣ! Скажите, пожалуйста, Рашель! Охъ! На Петербургской сторонѣ—Рашель...

Передъ сномъ, онъ позвалъ ее въ кабинетъ и подвелъ къ стѣнѣ.

— Видишь,—вотъ тебѣ Рашель,—посмотри, посмотри внимательно.

Въ узенькой золоченой, засиженої мухами рамкѣ, висѣла желтенъкая литографія, изображавшая стройную женщину съ серьезнымъ жидовскимъ лицомъ, въ греческомъ невозможномъ гиматионѣ и съ прелестными ручками. Внизу было подписано: „Souvenir de Rachel“.

— Ну, теперь смотри сюда,—проговорилъ онъ,

словно Гамлетъ, показывающій королевѣ образы обоихъ братьевъ.—Смотри! онъ подвелъ ее къ зеркалу.—Хороша! Ристори! Шепелявить... и вдругъ прибавилъ:

— Очень радъ, очень радъ... Только пожалуйста помимо меня,—къ тetenькѣ, къ тetenькѣ!

Въ сущности, хотя и не формальное, но разрѣшеніе было дано. Есенія Ивановна рѣшила, что было бы безбожно зарывать талантъ въ землю, а такъ какъ знакомыхъ у нея была бездна, то она втиснула племянницу куда то въ „залу“—въ одну изъ тѣхъ залъ, которыхъ чуть не десятками развелись за послѣднее время въ Петербургѣ. Залы эти при клубахъ, отеляхъ, благотворительныхъ заведеніяхъ, процветаютъ и до сихъ поръ, собирая обильныя дани съ невзыскательной разношерстной публики, посѣщающей ихъ весьма рьяно. На этихъ клубныхъ сценахъ, по увѣреніямъ голодныхъ рецензентовъ, развиваются молодые таланты. Къ сожалѣнію, зачаточное развитіе этихъ талантовъ дальше зародыша такъ-таки и пейдетъ, несмотря на панегирики цѣнителей. Что Дуся шепелявила,—для истинаго антрепренера это ничего не значило, онъ даже находилъ это очень пріятнымъ, для разнообразія. „Вѣдь и въ жизни часто шепелявить. На сценѣ это—реализмъ“. Но главная причина, почему антрепренеръ ухватился за нее обѣими руками, заключалась въ томъ, что она не брала „разовыхъ“—играла бесплатно. Чтобы поощрить дѣвочку, онъ даже напоилъ одного репортера, и просилъ отозваться снисходительно о дебютанткѣ.—Репортеръ напился въ лоскъ, и потомъ увѣ-

ралъ всѣхъ встрѣчныхъ, что игра дебютанки способна тронуть истиннаго театрала. Ксения Ивановна съ торжествомъ привезла номеръ газетки брату...

— Чѣдь, я говорила, говорила,—лепетала она.

Николай Ивановичъ не былъ на дебютѣ. Онъ развернулъ газету. Какъ разъ послѣ дневника приключений, гдѣ рассказывалось объ укушениіи крестьянскаго мальчика Ивана Трофимова, 13-ти лѣтъ, неизвѣстно кому принадлежащей собакой, и о пожарѣ въ слесарномъ заведеніи Павлова, помѣстилась замѣтка о Дусѣ. „Намъ давно не приходилось выносить такого отраднаго впечатлѣнія, писалъ рецензентъ. — Счастливая сценическая наружность, умѣренная жестикуляція, пре-восходная дикція, и пріятный тембръ голоса—могутъ сдѣлать дебютантку украленіемъ любой сцены. Мы предсказываемъ ей блестящую будущность“. — Даѣше шель отчетъ разбирательства у мироваго суды исторіи о кражѣ штановъ на Сѣнной плошади,—и это къ дѣлу уже не относилось.

— Дуся играетъ въ будущій четвергъ „Соль супружества“, — надѣюсь, ты будешь? говорила съ побѣдоноснымъ видомъ Ксения Ивановна.

— Я? съ какой стати?

— Да вѣдь ты отецъ? Неужели тебя не занимаетъ успѣхъ дочери.

— Клубный? Да провались она къ чорту, — я очень радъ буду. Мало у насъ еще фигляровъ? Еще понадобилось? Очень нужно! Ёзди, смотри, вози ее... Я не за-прещаю. Но самому ѿхать въ ваши кабаки,—Богъ ми-ловалъ! Скажите, Тальмы какія появились, Гаррики!.. Ахъ! Скажите!

— Да вѣдь въ газетахъ пишутъ! попробовала было оппонировать тетенька.

— Свистунъ писаль, стрекачъ, да и тотъ пожалуй въ бѣлой горячкѣ.—Дѣлайте что хотите, оставьте меня въ покоѣ... Пожалуйста оставьте...

Навѣрно не могу сказать, но кажется Николаю Ивановичу не было особенного труда удержаться, и не смотрѣть на дебюты дочери.—Онъ имѣлъ такой философической взглядъ на жизнь, ему такой, мелкотой казались всѣ эти рецензенты, спектакли, вся эта клубная сутолка.—Про дочь онъ думалъ: „Можетъ у нея, действительно, есть тамъ какой нибудь талантъ. Скрытый, что-ли... Какъ онъ тамъ у нихъ называется.. Скрытый, гм... Скрытый теплородъ. Гаррики!..“

Въ газетахъ упоминали про Дусю часто, особенно въ уличныхъ листкахъ. „Молодая, талантливая артистка“, „наша даровитая любительница“, „огонекъ неподдѣльный“, „серезная обдуманность роли“ — такие отзывы подзадоривали въ отцѣ любопытство. Но онъ все таки отговаривался, уверяя, что никогда въ кабаки неѣздила и не поѣдетъ. Однако разъ Ксения Ивановна все таки его уговорила..

— Не въ клубѣ, а въ залѣ благотворительного общества,—ораторствовала она. Тамъ совсѣмъ по семейному, въ тѣсномъ кружкѣ. Публики всего двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, больше не помѣщается... Въ буфетѣ нѣть водокъ... Бываютъ только по рекомендациіи знакомые.

Газетки напечатали анонсъ. „Тогда то и тамъ-то кружкомъ любителей драматического искусства будеть

дань спектакль. Главной пьесой вечера пойдет комедия „Фофанъ“, съ талантливой г-жей Карениной (псевдонимъ Дуси) въ главной роли“.—Николай Ивановичъ былъ забѣшенъ чрезвычайно.

— „Фофанъ“, „Фофанъ“! твердилъ онъ.—Милое заглавіе, приличное. Чѣмъ ваша дочь занята? „Фофана“ играетъ! Гдѣ играетъ?—въ „Фофанѣ“. Какая ея лучшая роль?—„Фофанъ“!. Скажите,—талантъ!.. По Сенькѣ шапка, по шерсти кличка!. Прекрасно, рекомендую...

Органчикъ такъ и заливался, наяривая одну піесу за другой. Но тѣмъ не менѣе профессоръ выбрился чисто на чисто, надѣлъ ужасно скрипучие сапоги и долго смотрѣлся въ зеркало. Онъ совсѣмъ разучился бывать гдѣ бы то ни было.

Ѣхать приходилось далеко: съ Петербургской въ Измайлловскій полкъ, гдѣ находилась „благотворительная зала“. Дуся съ теткой уѣхала туда часа за два.—Подѣзжая къ „театру“ и увидѣвъ возлѣ двухъ зажженныхъ фонарей нѣсколько каретъ, профессоръ вдругъ струхнулъ. Глядя на высаживавшихся изъ каретъ и саний барынь въ мѣховыхъ ротондахъ, изъ подъ которыхъ мелькали свѣтлые платья, и на какихъ-то усатыхъ господъ въ цилиндрахъ, онъ вдругъ понялъ, что всѣ они съѣхались смотрѣть его дочь, что афиши ужъ напечатаны, и что вотъ-вотъ сейчасъ начнутъ играть,—и вся толпа эта можетъ зашпиковать, засвистѣть,—и она, маленькая Дуся, красная, въ слезахъ, съ румяными ушами, кинется гдѣ нибудь въ уборнойничкомъ на диванъ, скрывая въ наваленныхъ юбки и корсеты загорѣв-

шееся стыдомъ лицо. Его такъ и кольнуло въ сердце. Онъ сердито сбросилъ свою шубу на руки какого-то унтера, отъ которого невыносимо несло водкой, сердито сунулъ въ карманъ нумерокъ отъ платья, и сталъ подниматься по лѣстницѣ во второй этажъ, между двухъ шеренгъ какихъ-то юнцевъ во фракахъ съ кокардочками. Юнцы этими кокардочками, повидимому, чрезвычайно гордились, и то и дѣло смотрѣли, крѣпка-ли шпилька. Въ дверяхъ у Николая Ивановича спросили билетъ и потомъ торжественно повели въ первый рядъ. Юноша, служившій ему проводникомъ, обладалъ необычайно длинными ногами, и кажется еще длиннѣйшими вихрами на затылкѣ. Когда онъ шелъ, они раскачивались, какъ перья балдахина,—торжественно и систематично.—Зала была освѣщена уже давно: ярко-синяя занавѣсь такъ и рѣзала глаза во всю силу колера.—Публики набралось количество изрядное. Все это были очевидно туземные обыватели, ходившіе „въ залу“ съ чадами и домочадцами, имѣвшіе свои специальные взгляды на искусство. Оркестръ замѣнялъ какой-то субъектъ съ превосходными усами и удивительно-телячими выраженіемъ глазъ.

Передъ самымъ началомъ, въ залѣ, очевидно, произошло нечто въ родѣ событія: приѣхалъ какой-то молодой бѣлявый господинъ и задравъ голову, прошелъ, ни на кого не смотря черезъ пенс-не, въ первый рядъ. Кокардочки засуетились и зажужжали какъ въ ульѣ. Потомъ гуськомъ, съ благоговѣніемъ потянулись издали смотрѣть на чудище, а тотъ небрежно пожалъ руку двоимъ—(чуть ли еще не лѣвую подалъ!) и развалившись, насколько позволялъ стулъ, уставился на рампу.

Противъ ожиданія Николая Ивановича,—Дуся еще играла ничего, туда-сюда, даже старалась не шепелявить, хотя языкъ ее очень плохо слушался мѣстами, и выговаривалъ совсѣмъ не тѣ слова, какія думала сказать его хозяйка. Но публика была очень довольна. Она смотрѣла на все происходящее на сценѣ съ радостнымъ изумленiemъ; судя по лицамъ многихъ, можно было подумать, что они только что къ вечеру свалились съ луны, и въ первый разъ слыша человѣческій голосъ, таютъ отъ блаженного восторга. Появленіе Дуси вызвало, говоря словами Шекспира, „бурю, и даже нѣкоторымъ образомъ стонъ“. Она очень развязно и весело скакала по сценѣ, махала руками, насколько позволяли ей кости и мышцы, и каждый энергическій жестъ былъ встрѣчаемъ ропотомъ одобренія; порою она зачѣмъ-то подпрыгивала довольно высоко кверху, отчего ей начиналъ хлопать даже бѣлявый сосѣдъ Николая Ивановича. Когда же опустили занавѣсъ, то восторгъ залы былъ настолько невыразимъ, что многіе должны были прибѣгнуть къ усиленнымъ средствамъ: стучать стульями, а одинъ саперъ даже взялся за ножны и хлебалъ въ нихъ саблей.

— Дѣйствительно, талантливое явленіе,—строго заявили бѣлявый, обращаясь непосредственно къ Николаю Ивановичу.—Я думалъ, что такъ—пустое болтаютъ, а оказывается,—выходящее изъ ряду вонъ явленіе. Это событие!

— То есть почему же событие? пошевеливая бровями спросилъ тотъ.

Бѣлявый вдругъ скисъ совершенно.

— Я рецензентъ.—Онъ назвалъ тотъ органъ, гдѣ былъ рецензентомъ.

Несомнѣнно, что этимъ онъ хотѣлъ сказать все: авторитетъ его въ силу этого долженъ быть незыблѣмъ. Къ сожалѣнію, онъ пошалъ на Николая Ивановича, а не на простаго слушателя.

— Да какое же это событие? неумолимо спрашивалъ онъ.

— Она исполняетъ эту роль дивно! идеально...

— Хоть бы архи-идеально,—что же это за событие? Рецензентъ сдѣлался еще суровѣе.

— Не знаю-сь. По моему все, что превосходно, что доказываетъ выработку, то и хорошо...

— Значить и блохи ученыя могутъ быть идеальны? приставалъ Николай Ивановичъ.

— Значить.

Николай Ивановичъ освирѣпѣлъ въ свою очередь.

— Не могутъ-сь, не могутъ-сь! Блоха останется блохой, какъ ее ни дрессирай. Скажите, заслуга какая! блоха, вмѣсто того чтобы прыгать—пѣшкомъ ходить, карету возить! Да развѣ это надо? Ваши француженки прѣѣзжаютъ, „Фру-фру“ играютъ,—да развѣ это заслуга? Чортѣли мнѣ въ томъ, что она играетъ идеально! Играетъ она ерунду,—вотъ что! Да что она ни дѣлай—все же она блохой останется, потому что „Дама съ камелиями“—блоха, и никакого интересу въ ней нѣть, и чѣмъ лучше съиграетъ, тѣмъ пошлѣ...

— Однако! проѣдилъ репрессентъ, крутя головою.

— И на такихъ блохъ вниманіе обращать—нельзя, недостойно порядочнаго человѣка. Этому уличной прессы способна кадить,—такъ вѣдь она намъ не указъ. Я бы всѣхъ этихъ нашихъ Гарриковъ съ піесами ихъ вмѣстѣ помеломъ, помеломъ со сцены!

Ксения Ивановна подскочила къ брату:—Nicolas, что съ тобой,—на тебя внимание обращаютъ...

— Я принимаю ваши слова лично на свой счетъ,— замѣтилъ рецензентъ.

— Напрасно-сь,—я васъ совершенно не знаю, а говорю о пишущей братіи вообще. Да-сь.

Вокругъ собралась толпа; рецензентъ силился скрить не то презрительную, не то снисходительную улыбку. Николай Ивановичъ махалъ своимъ фуляромъ.

— Современные вкусы публики, — попытался бѣлявый...

— А вы думаете, у публики вкусъ есть... Охъ, наивность какая... У нихъ-то? Онъ повелъ рукой на толпу.—Панургово стадо. Одинъ баранъ черезъ бортъ хлюсть, и за нимъ остальные: хлюсть-хлюсть въ воду.

Улыбка появилась кой у кого.—Ксения Ивановна шептала про себя: Nicolas, Nicolas!..

— Фофана смотрѣть: интересно, какъ-же! Очень нужно!.. Нѣтъ ужъ,—наслаждайтесь одни...

Онъ направился къ выходу...

— Nicolas,—второй актъ, прелестная сцена,—вопіяла молящимъ шепотомъ Ксения Ивановна.

Но профессоръ неумолимо шелъ къ выходу среди разступавшейся, улыбающейся толпы.

— Nicolas, ради будущности дочери!

Но онъ все таки уѣхалъ.

Дочь вернулась домой расплаканная: она имѣла большой успѣхъ, а отецъ не пожелалъ даже остаться до конца. Ей ужасно хотѣлось сдѣлать ему сцену, но онъ не доставилъ ей этого удовольствія, а засѣлъ въ кабинетъ, и завелъ органъ. Туда и чай ему подавали. Ког-

да Ксения Ивановна попробовала къ нему толкнуться, онъ только ей крикнулъ:

— Фофанъ, фофанъ, фофанъ!

Дуся не спала ночь, и плакала: она силилась себѣ представить, что она жертва, и что отецъ ее притѣсняетъ. Къ серединѣ ночи она успѣла себя въ этомъ увѣрить, и расплакалась еще больше.—У нея талантъ несомнѣнныи,—и вдругъ не даютъ ему распуститься полнымъ цвѣтомъ!

Еще больше ей пришлось въ этомъ убѣдиться на слѣдующій день, которому суждено было стать роковымъ въ ея жизни.

Какъ разъ въ обѣденное время, прїѣхалъ какой-то пухлый господинъ, съ тѣстообразнымъ лицомъ, на которомъ носъ, глаза, губы словно были защищены неискусною рукою. Онъ былъ въ модномъ сюртуке, нѣсколько коротковъ по его талии, и съ безукоризненной шляпой въ рукахъ,—онъ отрекомендовался господиномъ Сердоликовымъ, и первый протянулъ руку Николаю Ивановичу. Николай Ивановичъ, только что повазавшій салфетку, что-то буркнулъ про себя, и даже не прігласилъ его садиться. Онъ началъ объяснять въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, что давно считалъ за честь познакомиться съ отцомъ такой талантливой артистки и прочее.

— Ну ужъ это, сударь мой, очень печально, если знакомство со мной вамъ интересно только ради моей дочери. Такимъ знакомствомъ я не интересуюсь никако.

Но должно быть гость былъ хорошо подготовленъ къ странностямъ и нетерпимости хозяина. Онъ выслушалъ все хладнокровно и почтительно, и потомъ заявилъ, что имѣть удовольствіе явиться къ нему для серьезнаго разговора о дочери и ея ангажементѣ, ибо онъ антрепренеръ такого-то театра.

Дуся вспыхнула отъ восторга, и заговорила съ нимъ съ тою же развязностью и наивной фамильярностью, которая всегда дается сценой и закулисными нравами. Николай Ивановичъ все свое вниманіе устремилъ на хересь, и не проронилъ ни слова. Гость говорилъ о томъ, что онъ былъ бы очень счастливъ, еслибы Евдокія Николаевна согласилась принять на лѣто ангажементъ въ его загородномъ театрѣ.

— Обѣ условіяхъ вы не беспокойтесь... я не постою,— мягко говорилъ онъ, и даже голову склонялъ на бокъ. Я увѣренъ, что при вашихъ данныхъ, вы произведете самое благопріятное впечатлѣніе на публику и сдѣлаетесь любимицей... Я вчера вѣдѣлъ въ „Фофанѣ“.

Старикъ поднялъ голову. Сердце Дуси такъ и замерло.

— Она играть у васъ не будетъ,—спокойно сказалъ онъ.

Гость нѣжно погладилъ свою шляпу.

— Смѣю спросить—почему?

— Я не хочу.

— А-а! Сердоликовъ съ благоговѣніемъ наклонилъ голову и даже закрылъ глаза. Теперь его лицо приняло видъ сплошной лепешки.

— Въ такомъ случаѣ,—серезно сказалъ онъ, опять выпуская глаза наружу,—мнѣ остается только извиниться, что обезпокоилъ.

Онъ всталъ, не безъ достоинства раскланялся, и вышелъ...

Едва онъ вышелъ и дверь за нимъ затворилась, съ Дусей сдѣлалась истерика.

— Ты губишь мою будущность, губишь! сквозь рыданія говорила она... Онъ ко мнѣ пріѣхалъ, онъ мой гость, а ты его такъ... Это ужасно, это невозможно...

И опять слезы и всхлипыванье.

Вечеромъ Ксения Ивановна имѣла таинственное совѣщаніе съ Дусей. Она, очень похоже на брата, ходила изъ угла въ уголъ по комнатѣ, курила папиросу за папиросой, и предлагала курить Дусѣ для успокоенія. Результатомъ этого совѣщанія былъ разговоръ Дуси съ отцомъ. Она пришла къ нему блѣдная, словно вся въ лихорадкѣ.

— Ты говорилъ, что я должна быть самостоятельна. Ну вотъ я теперь тебѣ объявляю, что я хочу,—слышшишь—хоту быть на сценѣ и никакими силами ты не заставишь меня отказаться отъ этого...

— Никогда! Пока ты у меня въ домѣ—я этого не допущу...

— Я могу не быть у тебя въ домѣ...

— А-а!.. Такъ?.. Сдѣлай милость, пожалуйста... Къ тетенькѣ, къ тетенькѣ!..

Онъ пошелъ въ кабинетъ, завелъ шкатулку, и когда она заиграла, шмякнуль ее объ уголъ такъ, что валикъ выпалъ, пѣпляясь шпильками за скатерть.

— Гаррикъ, Гаррикъ, Гаррикъ! повторялъ онъ...

Дуся пошепталась съ теткой и перебхала къ ней. Отецъ выдалъ ей свидѣтельство на жительство, но больше смотрѣть ея игру не побѣхалъ. Онъ остался одинъ, и, какъ кажется, даже этимъ доволенъ.

И представьте,—Дуся теперь извѣстность на частныхъ сценахъ, хотя и шепелявитъ! За ней ухаживаютъ мрачные провинциальные актеры и розовые поручики, когда она останется болтать послѣ спектакля. У нея совсѣмъ жанръ актриски. Она хохочетъ громко, не прочь отъ приватности и двусмысленности. Кокетничаетъ тѣмъ, яко бы у нея нѣтъ кокетства, а сама выставляетъ носокъ, своей, дѣйствительно, хорошенькой ножки. Она очень заглядывается на красавца-брюнета, какого-то адвоката, правда, женатаго, но вѣдь на это нынче не смотрять. Адвокатъ также поглядываетъ на нее: онъ большой любитель рыженыхъ.

А папаша? Папаша живеть на Петербургской сторонѣ, копается въ своей библіотекѣ, посыаетъ дочери сто рублей въ мѣсяцъ, видѣться съ нею не желаетъ, и кажется доволенъ...

Всѣ счастливы, благополучны,—чего же еще?..

1883 г.

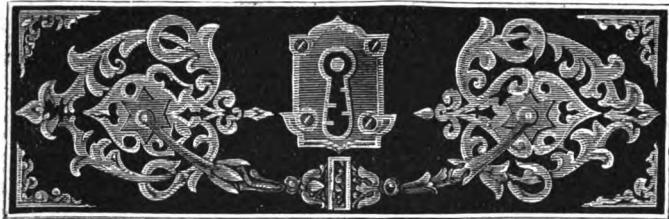

“НОВ. И РАЗСК. П. И. ГНѢДИЧА”.

6

ПО ДОМАШНИМЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМЪ.

ИО ДОМАШНИМЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМЪ.

И зъ васъ, Кривцовъ, ничего не выйдетъ путнаго; великую истину сказалъ вашъ народъ: „горбатаго одна могила исправить“.

Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, блокурый, коротко стриженый, съ одутловатымъ блѣднымъ лицомъ и полусонными глазами, не то насмѣшилово, не то печально посмотрѣль на нѣмца-губернера, говорившаго это, и ничего не отвѣтилъ.

— Наказанія васъ не исправляютъ, продолжалъ тотъ,—господинъ директоръ не знаетъ, что съ вами дѣлать,—кончится тѣмъ, что васъ исключать. Такихъ какъ вы держать нельзя: это позоръ для всего учебнаго заведенія, особенно такого какъ наше, составившаго себѣ такую блестящую репутацію... Не могу же я не донести господину директору о томъ, что вы творите...

Мальчикъ перевелъ глаза съ очковъ губернера на его жилетъ — синій съ золотыми пуговицами и мас-

сивной цѣпочкой, какъ-то конфузливо болтавшейся на его засаленномъ фонѣ. Посмотрѣлъ на орловъ, которые сидѣли на пуговицахъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ: который бокомъ, который внизъ головой; посмотрѣлъ на скверно-накрахмаленную, пузырившуюся рубашку и опять уставился на очки гувернера.

— Да что же я такое дѣлаю, тихо сказалъ онъ,— чтобы меня исключать... Я шалю не больше другихъ.

— Всѣ ваши шутки злонамѣренны, онъ не дѣтски, не наивны... Вы воръ!

Мальчикъ вспыхнулъ и потупился.—Я не воръ,—сквозь зубы пробормоталъ онъ, невольно сжимая въ кулаки свои руки.

— Да это что же? Гувернеръ махнулъ передъ его носомъ папирской, которую все время мялъ въ пальцахъ.—Это папирosa краденая... А разъ она краденая, значитъ ея владѣлецъ—воръ. Наконецъ, ваше поведеніе въ классахъ!

— Я въ классахъ всегда веду себя смирно, герръ Штолльцъ, спросите учителей...

— А во время рекреаці? Эти диковія забавы—выжимать масло, рисовать на доскахъ пасквили... Я, признаюсь, такихъ феноменовъ не долюблюю. Вы принадлежите къ той породѣ овецъ, которыхъ все стадо портятъ—и я даю вамъ слово, что или меня, или васъ здѣсь не будетъ...

Герръ Штолльцъ сердито повернулся, и сердито пошелъ черезъ рекреаціонную залу, раскачиваясь на ходу всей своей сухой какъ щепка фігурой и потряхивая головой.

— Факельщикъ! раздалось ему вслѣдъ.

Онъ оглянулся.

— Послушайте, Кривцовъ,—задыхаясь крикнулъ онъ,— вы переходите всякия границы...

— Чѣмъ-сь? хладнокровно, словно нѣсколько изумленный, спросилъ мальчикъ.

— Что вы сейчасъ сказали?

— Я сказалъ Ковылину,—онъ показалъ на товарища, стоявшаго возлѣ,—что факельщикъ по улицѣ прошелъ, вотъ и онъ видѣлъ, да вы сами посмотрите...

Нѣмецъ мелькомъ взглянулъ и на Ковылина и въ окошко, и стиснувъ зѣбы вышелъ изъ залы.

— Факельщикъ, раздалось ему вслѣдъ,—у директора пятки лижешь...

— Охота тебѣ съ нимъ связываться,—замѣтилъ Ковылинъ.—Только время попусту тратить...

— Что ему надо отъ меня,—злобно возразилъ Кривцовъ.—Что онъ пристаетъ ко мнѣ постоянно?.. Ну, и закачу же я ему сегодня ночью бенефисъ! Будетъ онъ меня помнить...

— Въ субботу опять тебя не отпустятъ...

— Ахъ, это хуже всего... Я десять разъ готовъ въ карцерѣ и классъ сидѣть—только бы домой пускали...

— Экъ тебя домой тянетъ всегда...

— Потянетъ!.. Хорошо тебѣ говорить—ты приходящій, а поживи-ка здѣсь. Начнешь съ голоду резинку жевать.

Въ дверяхъ снова показался Штолльцъ.

— Что же вы въ классъ! крикнулъ онъ. — Господа учителя уже прошли, а вы все еще нейдете... Какъ вамъ не стыдно, Ковылинъ,—первый ученикъ—и что вамъ за охота связываться съ этой... съ этимъ лѣнтяемъ.

Ковылинъ сконфузился и пошелъ нѣсколько въ сторону отъ Кривцова.

— Да не забудьте, Кривцовъ,—крикнулъ имъ въ догонку Штолльцъ,—если я еще разъ застану васъ за списываніемъ задачъ—все будетъ передано господину преподавателю... А если вы, Ковылинъ, будете давать списывать, хоть вы и первый ученикъ, а подвергнетесь наказанію...

— Факельщикъ! крикнулъ ему издали Кривцовъ.

Въ классъ, куда направились оба мальчика, только что вошелъ передъ ними учитель, и сѣлъ на каѳедру; это была толстая фигура съ жирной, лоснящейся физіономіей, большимъ животомъ, крупнымъ носомъ и маленькими съренѣкими глазками. При входѣ запоздавшихъ, онъ скорчилъ удивленную мину и потянулся луковицу изъ кармана:

— Опоздали! торжественно проговорилъ онъ и отмѣтилъ въ соотвѣтствующей графѣ журнала: „Кривцовъ опоздалъ пол-минуты, Ковылинъ опоздалъ пол-минуты“, а такъ какъ Кривцовъ опоздалъ и наканунѣ, то, по совокупности преступленій, ему была поставлена „точка въ поведеніи“; двѣ точки равнялись *нотабене*; двѣ нотабене—единицѣ въ поведеніи...

Въ классѣ воцарилась мертвенная тишина, тягостная, удручающая,—только изъ окна слышалось воркованье голубей да отдаленное дребезжаніе дрожекъ. Учитель любилъ это гробовое затишье,—онъ сознавалъ въ немъ свою силу, свое вліяніе на учениковъ. Порядокъ, полный дисциплинарный порядокъ былъ его идеаломъ. У

него самого всегда все въ порядѣй,—и вицмундиръ, и прическа, и перышко, и книги, но такого же порядка онъ требовалъ и отъ мальчиковъ. Тетрадка должна обязательно имѣть поля въ три пальца ширины, кусокъ клякс-папира въ форматѣ тетради, и два узаконенныхъ оберточныхъ листка. Каждый ученикъ долженъ сохранять абсолютное молчаніе, не шумѣть и „вести себя—по выражению почтеннаго педагога—не какъ огромный быкъ, а какъ маленький пѣтушокъ“. Въ случаѣ паденія пера на полъ, объ этомъ несчастіи надо было всенепремѣнно доложить преподавателю и поднять оное токмо съ его разрѣшенія, если такое воспослѣдуется. Выражаться надо было ясно и точно. При перемѣнѣ старой, исписанной тетради на новую, нельзя было сказать: „у меня вышла тетрадь“, ибо на это слышалось изумленное восклицаніе: „куда она вышла?“ на поясненіе—„она исписалась“,—возвращали: „сама исписалась?“ и только на опредѣленную фразу: „я исписаль мою тетрадь“—слѣдовало разрѣшеніе обмѣнить ее на другую. Самый обмѣнъ—была очень сложная процедура съ перепискою и хожденіями изъ одного этажа въ другой. — Выходить изъ класса было разрѣшаемо только по предъявленію „соответствующаго узаконенного свидѣтельства врача“, а такъ какъ такихъ свидѣтельствъ, разумѣется, ни у кого не было, то и выходить воспрещалось. Занимались у него всегда плохо, — по крайней мѣрѣ если вѣрить журнальнымъ отмѣткамъ, то три четверти класса были ужаснѣйшіе лѣнти. Большинство сидѣло съ двойками; „полторашечками“, единицами—и даже „колечками“. „Колечко“ часто чередовалось съ единицей, и преподаватель остроумно замѣчалъ: „падочкой подкатиши колечко — оно и покатится!“... Впрочемъ „колечки“ составляли принад-

лежность преимущественно первого класса, второй и третий продовольствовался единицами.

Преподаватель что-то такое писалъ у себя въ книжечкѣ, графиль, сосредоточенно хмурился. Ученики— кто уткнулся носомъ въ тетрадь, кто зазубривалъ что-то въ грамматикѣ, кто изподлобья смотрѣлъ на учителя. Грузно вздыхалась въ тишинѣ его крупная фигура, сидѣвшая прямо, какъ палка, на высокой каѳедрѣ; грозно и мрачно смотрѣли стоявшія на возвышеніи по бокамъ каѳедры доски, изъ которыхъ одна была плохо вытерта и на ней клочками торчали цифры какихъ-то пропорцій. Безмолвно висѣла грязная, выпачканная чернидами карта Африки. Высокая, бѣлая изразцовая печка играла на солнечныхъ лучахъ, пробивавшихся сквозь столбами пыли въ классъ, а за окнами виднѣлся широкій дворъ и молодая, весенняя зеленьсосѣдняго сада.

Кривцовъ, возбужденный разговоромъ со Штольцемъ, нервно покусывалъ губы, машинально поглаживая рукой книгу. Его раздражали съ утра, ему такъ хотѣлось нагрубить кому нибудь, сорвать на комъ нибудь злость,— онъ даже не чувствовалъ, что сидѣть въ классѣ страшнѣйшаго изъ преподавателей, что передъ нимъ не лежать иеро и тетрадь, обязательный классный принадлежности. Онъ не чувствовалъ, что перекличка кончилась, что опять водворилось ужасное молчаніе; онъ не чувствовалъ даже, что его называли по фамиліи.

— Кривцовъ! повторилъ учитель,— что вы—спите?

Кривцовъ всталъ, посмотрѣлъ на него, хотя по глазамъ видно было, что онъ какъ-то механически отозвался на зовъ.

— Пожалуйте сюда, ко мнѣ. Книгу оставьте на мѣстѣ. Господинъ Рыбчинскій!

Рыбчинскій—длинный, тщедушный мальчикъ, медленно двинулся къ каѳедрѣ.

— Вы къ доскѣ, и вы къ доскѣ,— предложилъ обоимъ учитель. Мальчики, стараясь не стучать каблуками, взошли по ступенькамъ къ доскамъ.

— Мѣль не трогайте. Обратитесь лицомъ ко мнѣ. Не угодно ли вамъ начинать colloquium.

По классу прошелъ сдержанный хохотъ. Дѣло въ томъ, что къ этому дню было задано выучить наизусть изъ грамматики Кюнера шуточный разговоръ,— „О вставаныи“—De surgendo. Но никто не ожидалъ, что преподаватель устроитъ спектакль: заставитъ отвѣтить не под-рядъ, а чередоваться для полной иллюзіи разговора.

— Начинайте, Рыбчинскій.

— Эй, эй, Карлъ, проснись! заговорилъ по латыни тоненъкимъ, надтреснутымъ со страха голоскомъ Рыбчинскій,—проснись, пора вставать. Ты слышишь!

— Не слышу! долженъ быть отвѣтить сонный Карлъ на привѣтъ товарища. Классъ замеръ отъ восторга, предвкушая заранѣе всю прелесть отвѣта.

— Я такъ не могу,—вдругъ прервалъ молчаніе Кривцовъ. Я под-рядъ прочту, а такъ, Алексѣй Васильевичъ, я не могу... Вы не задавали...

Алексѣй Васильевичъ поднялъ брови и посмотрѣлъ въ засыпной журналъ. — Тутъ написано, торжественно сказалъ онъ, водя пальцемъ по книгѣ—выучить наизусть „De surgendo“.

— Да я выучилъ.

— Такъ отвѣчайте.

Опять молчаніе. Чернильное пятно близъ острова

Мадагаскара рѣзко чернѣется и бѣть прямо въ глаза.
Алексѣй Васильевичъ ждѣть терпѣливо.

— Пожалуйте сюда,—еще торжественнѣе пригласилъ онъ. Кривцовъ поднялся на каѳедру; его такъ и обдало запахомъ камфоры отъ учительскаго вициундира.—Здѣсь въ журналѣ написано,—и бѣлый палецъ съ треугольнымъ ногтемъ прошелся подъ блѣдно-написанной строкой,—здѣсь написано: выучить наизусть „*De surgendo*.“—Палецъ остановился и щелкнулъ ногтемъ по бумагѣ..

— Я знаю, Алексѣй Васильевичъ, а только...
— Что отвѣчаетъ Каролюсъ?
— Онъ... онъ отвѣчаетъ... „Не слышу“.
— Такъ-съ. Продолжайте Рыбчинскій.
— „Гдѣ же ты имѣешь уши?“ — быстро отрапортовалъ Рыбчинскій.

Минутное молчаніе. Алексѣй Васильевичъ трясеть бородой и смотрить неопределенно въ пространство. Гдѣ-то муха жужжитъ и бѣться въ стекло. Онъ берется за перо и медленно макаетъ въ чернильницу. Еще медленнѣе рука переносится къ журналу, отыскиваетъ клѣтку. Вотъ кончикъ пера коснулся верха графы.

— „Въ постелѣ!“ внезапно произнесъ требуемую фразу Кривцовъ.

Перо отходитъ отъ журнала и опять ложится въ перегибъ книги.

— „Я это вижу“,—продолжаетъ Рыбчинскій,—„но что ты дѣлаешь до сихъ порь въ постелѣ?“...

Снова пауза.—Экій проклятый у него носъ, думаетъ Кривцовъ, и смотрѣть на завитокъ уха учителя, круглый, мясистый, на его рыжеватую клиною бороду и свиные глазки. Вѣдь вотъ и у Штолльца носъ такой же противный, думаетъ онъ, только у него онъ тоныше.

Онъ переводить глаза на потолокъ, карнизъ безучастно смотрить на него. Лампа висить и слегка покачивается: вѣроятно въ перемѣну ее качнулъ кто нибудь. Весь классъ замеръ, всѣ на него смотрятъ, одинъ Ковылинъ весь погрузился въ зубренье. А муха все жужжитъ—ей и горя мало...

— Одинъ балль! деревянно произносить Алексѣй Васильевичъ. Опять перышко въ роковой графѣ; тоненькая-тоненькая палочка съ носомъ (чтобы въ четыре нельзя было переправить), и такая же палочка въ его записной книжкѣ. — Еденица! значить въ субботу во всякомъ случаѣ отпуска не дадутъ...

— Садитесь!

Кривцовъ также механически повернулся, пошелъ на свое мѣсто и механически опустился на скамью, возлѣ слегка посторонившагося Ковылина.

Все точно ушло изъ его глазъ, затянулось дымкой: и голова учителя, и доски, и Мадагаскаръ, и чернильное пятно и печка. Въ субботу не отпустять... Не могу же я не довести до свѣдѣнія господина директора,—звучала въ его ушахъ фраза Штольца. Одинъ балль! говорилъ голосъ Алексѣя Васильевича... не выучилъ „De surgendo“...

— „...Но что же ты дѣлаешь до сихъ поръ въ постель“, слышится голосъ Рыбчинского.

— „Что дѣлаю?—сплю“,—мѣрнымъ басомъ отвѣчаетъ Соколовъ.

— „Снишь, и въ то же время говоришь со мной?..“

— Что они ко мнѣ привязываются? думалъ Крив-

цовъ ловя ухомъ звуки рѣчи, и не вникая въ смыслъ знакомыхъ фразъ.—Что я сдѣлалъ такое, за что меня исключить? Завернулся въ простыню, вымазалъ сажей физиономію да съ двухъ первоклассниковъ сдернулъ одѣяла... Курить хотѣлось какъ .. какъ собакѣ, подыскаль онъ нелѣпое сравненіе, — такъ взялъ у Штолыца три папироски... и табакъ-то прескверный... На грѣхъ сего дня одна изъ кармана на глазахъ у него выпала... воръ! Какъ онъ смѣеть это говорить, какое у него на это право...

Слезы подступали къ горлу и душили его.

— Кривцовъ! раздался снова голосъ учителя.—Негудно-ли вамъ выучить къ концу класса „De surgendo“.

Онъ молча раскрылъ Кунера, и сталъ читать разговоръ, буквально не понимая того, читаетъ... Странно,—думалъ онъ: пока я занимался дома—учился всегда отлично, получалъ пятерки — какъ поступилъ сюда—все единицы и двойки... Пока я одинъ учился, — я какъ надо готовилъ уроки, а здѣсь я никогда ничего не знаю...

— „Гдѣ же у тебя уши?“ въ шестой разъ звучала знакомая фраза.

— „Въ постелѣ“...

Въ рекреацію (или по просту въ перемѣну), ученикъ седьмаго класса Ахлестышевъ, поймалъ за рукавъ бѣгущаго мимо Кривцова.

— Ты это видишь,—сказалъ онъ развертывая передъ нимъ толстую книгу, всю испещренную цифрами. Знаешь, что это такое?

— Нѣтъ.

— Это логариемы... Святая книга. Попѣлуй! И онъ сунуло ему книгу прямо въ носъ; тотъ увернулся.

— Ты чего рыло воротиши! Цѣлуй, когда тебѣ говорять.—Онъ больно захватилъ его за вихорь, что росъ на самомъ темени.—Цѣлуй, а то волчка спущу.

Кривцовъ поцѣловалъ,—вихорь былъ выпущенъ на волю.—Пай-мальчикъ,—сказалъ Ахлестышевъ, смазавъ его всею пятерней по головѣ и лицу.—Въ другой разъ цѣлуй сразу...

Онъ повернулся и пошелъ.—Дуракъ! пустилъ ему вслѣдъ вполголоса Кривцовъ, и когда тотъ отошелъ подальше, еще разъ крикнулъ:—дуракъ!..

Ахлестышевъ услышалъ и повернулся, Кривцовъ хотѣлъ „задать дерка“, но врагъ живо настигъ его.

— Ты что сказалъ? улыбаясь говорилъ онъ, глядя на испуганное лицо мальчика, невольно поднявшаго кверху руки.—Кто дуракъ? Я?.. Вотъ тебѣ за это волчекъ, вотъ тебѣ!

„Волчекъ пустить“ на гимназическомъ жаргонѣ значило—большимъ ногтемъ правой руки и костяшкой указательного пальца очень больно не то сверлить, не то щипать голову наказуемаго.

Послѣ трехъ волчковъ у Кривцова брызнули слезы.

— Пустите, крикнулъ онъ... Я факельщику скажу...

— Что? Ты фискалить...

— Скажу, скажу факельщику...

— Что? факельщику?.. Пойдемъ къ Herr Штолльцу... Herr Штолльцъ,—пожалуйте сюда.

Herr Штолльцъ подошелъ на зовъ старшаго воспитанника.

— Вотъ онъ вѣсъ факельщикомъ зоветъ,—я ему говорю, что это богохульство...

— А онъ дерется, волчки спускаетъ...

— Herr Штолльцъ,—это я вашу честь защищалъ,—какъ-же онъ смѣеть вѣсъ звать факельщикомъ... Вы развѣ иохожи на факельщика?.. У вѣсъ нѣтъ ни шляпы, ни фонаря.

— Идите, Ахлестышевъ, своей дорогой, не трогайте младшихъ,—не вы призваны наказывать ихъ. Это наше дѣло...

— Помилуйте, Herr Штолльцъ,—онъ не уважаетъ не только вѣсъ, но даже науку,—даже руководство барона Вега,—(онъ показалъ на книгу) не хочетъ признавать логарифмическихъ величинъ синусовъ и тангенсовъ... Это ужасно...

— Смотрите лучше за собой: сами вы, Ахлестышевъ, не уважаете науки: я видѣлъ какъ вы сегодня на урокѣ физики играли въ пикетъ..

— Herr Штолльцъ—ей Богу я въ пикетъ не умѣю играть...

— Уходите, уходите.. Слышите—звонокъ; сейчасъ придетъ господинъ преподаватель..

— За вѣсъ мы умереть готовы,—ехидно улыбался замѣтилъ Ахлестышевъ, и грозя Кривцову пальцемъ, прибавилъ: помни, всегда надо почитать старшихъ: Herr Штолльца и меня.

И вѣжливо поклонившись гувернеру, онъ пошелъ внизъ, гдѣ помѣщались старшіе классы.

— А съ вами я раздѣляюсь,—скрипя зубами говорилъ Штолльцъ, вѣсъ посадятъ въ карцеръ, и въ субботу вы останетесь безъ отпуска. Господинъ директоръ еще сегодня о вѣсъ спрашивался... Вѣсъ вообще надо выки-

нуть отсюда, какъ выкидываются на улицу негодную старую подошву... Идите въ классъ...

Онъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ къ классной комнатѣ, откуда несся ужаснѣйшій содомъ: въ одномъ углу „жали масло“, то есть на скамейкѣ, вмѣщавшей четырехъ, сидѣло человѣкъ пятнадцать и всѣми силами напирали другъ на друга, такъ что попавшимся въ вѣтвь середину было куда какъ жутко; по срединѣ класса дрались на кулакахъ, при чемъ дерущіеся сидѣли верхами на своихъ товарищахъ, которые, изображая лошадей, старались въ свой чередъ лягнуть другъ друга;—кто-то гдѣ-то жалобно, по кошачьи кричалъ;—и все это покрывалось зычнымъ хоромъ человѣкъ въ тридцать, во всю глотку пѣвшимъ „Настасью“. При появлѣніи Штольца все моментально смолкли. Онъ постоялъ на порогѣ, посмотрѣлъ на всѣхъ透过眼睛.

— Что такое у васъ?—спросилъ онъ.

Красный какъ ракъ Соколовъ, весело посмотрѣлъ ему вѣтвь глаза.

— Слава Богу, всѣ живы, никто не умеръ..

— Умеръ?.. изумился нѣмецъ.

— Вы о погребеніи изволите спрашиватъ?

Весь классъ покатился со смѣха.—Факельщикъ! раздалось со всѣхъ концовъ.

— Уличные, скверные мальчишки, — заскрежеталъ про себя Штольцъ, выходя изъ класса.

— Ребята, — вали „Акулину“! отчаянно крикнулъ Кривцовъ, едва гувернеръ переступилъ порогъ, — и мгновенно хоръ голосовъ грянуль:

„Акулина—повернись,
„Душа радость—повернись“...

И даже старый солдатъ, стиравшій съ доски, прозванный „дѣдка“, ухмыльнулся на забористый пригѣвъ, и перекинувъ черезъ плечо тряпку, съ радостной гримасой похвалилъ:

— Черти, право черти!..

— Выбросить какъ старую подошву? за что?.. За то, что захотѣлось попугать ребятъ, за то что взялъ у фальшика три скверные папироски,—да я ему тридцать ящиковъ папирошъ изъ дома принесу. Ну, ходилъ завернутый въ простыню, ходиль!.. Такъ за что-же выбрасывать?..

— Это что? раздался громкій голосъ, и господинъ директоръ вошелъ скорыми шагами въ классъ. Штолль завязъ въ дверяхъ.

Всѣ встали. Маленькая, круглая фигурка начальника метала молніи, руки судорожно обдергивали жилетъ.

— Что это такое? Что это за кабакъ! продолжалъ онъ. Вы, кажется, забываете, гдѣ вы находитесь... Это школа!.. Развѣ кабакъ это? Я съ вами говорю,—отвѣчайте: да—или нѣть!.. Опусти руку,—крикнулъ онъ на Ковылина.—Отвѣчай: кабакъ это?

— Нѣть,—чуть слышно прошепталъ Ковылинъ.

— Нѣть?.. директоръ удивленно развелъ руками.—Нѣть—это кабакъ. Это пьяные мужики... Это уличный сбродъ. Кто изъ вѣсъ пѣлъ? Отвѣчайте, кто пѣлъ?

Всѣ молчали.—Директоръ строго возвысилъ голосъ.

— Ну-съ, никто не отвѣчаетъ? Эй, солдатъ,—кто пѣлъ?

- Я не знаю, ваше превосходительство.
- Какъ не знаешь? ты былъ здѣсь...
- Кто ихъ разберетъ—всѣ орутъ... я съ доски стираю, почемъ мнѣ знать...
- Дѣдко ухмыляясь направился къ двери, шлепая своими туфлями по полу.
- Такъ никто не сознается?
- Это Кривцовъ пѣлъ, — вставилъ свое слово Штолыцъ,—я слышалъ его голосъ.
- Кривцовъ? Директоръ шагнулъ по направленію того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ.
- Ты что? Онъ обдалъ его съ головы до ногъ строго холоднымъ взглядомъ.—Я, братъ, про тебя слышу такія вещи... Берегись!.. Ты не учишься, ничего не дѣлаешь, собираешься по два года въ классахъ сидѣть, по ночамъ маскарады устраиваешь, гувернерамъ грубыши... Ты что?..
- Я...
- Молчать! Не смѣй перебивать, когда я съ тобой говорю... Ты пѣлъ сейчасъ?
- Всѣ пѣли.
- Я про всѣхъ не говорю, я про тебя спрашиваю.
- Я... я пѣлъ...
- Директоръ такого сознанія никакъ не ожидалъ, и опять развелъ руками...
- Что же, ты мѣста другаго не нашелъ? Чѣмъ это классъ пѣнія? Тѣ пѣсни, что ты поешь, пьяный сапожникъ пѣть не будетъ... Сего дня ты будешь въ карцерѣ... Кто еще пѣлъ?
- Я не знаю.
- Кто пѣлъ?—обратился онъ къ Ковылину.
- Не знаю-сь...

— Въ карцерь!

— Соколовъ пѣль,—внезапно объявилъ перепугавшійся Ковылинъ.

„Мерзавецъ,—прошипѣль про себя Кривцовъ,—выдаетъ товарищей“.

Въ дверяхъ показался преподаватель географіи.

— Вы потрудитесь,—обратился къ Штольцу директоръ,—отправить послѣ классовъ этого мальчишку въ карцерь, а остальныхъ продержите часть въ запертомъ классѣ.

Во время урока географіи, слѣдующая записка, написанная рукою Кривцова, обошла всѣхъ учениковъ.

„Дѣдка не выдалъ. Предлагаю ему собрать на чай ото всего класса. Деньги присылайте на первую скамейку.—А Ковылина вздуть за фискальство“.

На преподавателя географіи обращали очень мало вниманія: кто рисовалъ лошадокъ, кто дѣлалъ бумажные стрѣлки, кто решалъ задачи къ завтрашнему дню... Вызванные ученики наугадъ тыкали грязными пальцами въ неизслѣдованную внутренность Африки и несли ужасившую дребедень.

— Мози-оа-Туніа,—говорилъ учитель.—Какъ вы не можете выговорить... Мози-оа-Туніа,—это очень звучно.

— Господа,—Ковылина вздуть! громко, на весь классъ предложилъ Кривцовъ, очевидно обуреваемый рядомъ возмущавшихъ его мыслей.

— Вздумъ,—отозвалось сочувственно нѣсколько голосовъ.

Скорчился Ковылинъ, съежился и весь ушелъ въ

ученикъ Смирнова, чувствуя, что не миновать ему послѣ классовъ товарищеской потасовки.

— Господа,—тише! усоващевалъ преподаватель, опираясь ладонью въ восточный берегъ Африки и сердито глядя на буйныхъ мальчишекъ.

— Мнѣ никто еще никогда не говорилъ дома— выбросить какъ подошву,—думалъ Кривцовъ...

— Мози-оа-Туніа,—говорилъ преподаватель, выпачивая губы... Мози-оа-Туніа...

Передъ самыми отводомъ Кривцова въ карцеръ, вышло маленькое недоразумѣніе: оказалось, что по слухамъ недавняго пожара, карцеръ обгорѣлъ, и теперь тамъ шли ремонтныя работы. Штолльцъ пошелъ съ докладомъ къ господину директору.

Директоръ очень разсердился, что ему помѣшили читать газету, хотя, правду говоря, онъ держалъ ее кверхъ ногами, весь уйдя въ глубокое мягкое кресло, и вытянувъ скрещенныя ножки на великолѣпной шкурѣ бѣлаго медвѣдя.

— Кривцовъ усугубилъ свою вину,—началъ Штолльцъ:— сейчасъ была въ классѣ ужаснѣйшая свалка: били бѣднаго Ковылина, вѣроятно за то, что онъ называлъ замъ фамилію поющаго. Къ счастію, я подоспѣлъ во время: онъ весь въ синякахъ и фонарахъ, я отвелъ его въ лазаретъ. Кривцовъ въ этомъ побоищѣ исполнялъ активную роль.

— Ну,—теперь пускай исполнить пассивную: на три дня его на хлѣбъ и на воду.

— Въ карцерѣ работы...

— Ну, заприте его куда нибудь въ другое мѣсто... Неужели нельзя найти чулана для одного?.. Теперь не зима—вездѣ тепло, хоть на чердакъ сажайте.

— Потомъ—Ахлестышевъ,—онъ въ классѣ въ пикетъ играетъ.

— Ну что-же я могу сдѣлать съ Ахлестышевымъ?—ученикъ въ выпускномъ классѣ, учится прекрасно, вдобавокъ протежѣ Сѣрно-Собакевича! Съ нимъ отецъ ничего не можетъ сдѣлать — такъ что-же ужъ мы... Скоро онъ кончить и мы съ нимъ разваляемся: перекре-щусь обѣими руками,—чортъ его побери!

— Онъ очень грубъ...

— Ну поѣзжайте къ Сѣрно-Собакевичу, жалуйтесь: а я умываю руки.

Онъ перевернулъ газету какъ надо и погрузился, или сдѣлалъ видъ что погружается въ московскій фель-тонъ.

Штольцу оставалось только уйти.

Помѣщеніе нашлось и довольно просторное. Это была длинная комната, слабо освѣщавшаяся сверху грязнымъ, нѣсколько лѣтъ немытымъ окномъ, на которомъ паукъ привольно раскинулъ свои тенета. Здѣсь прежде, очевидно, лежали дрова: по крайней мѣрѣ скрученые обрывки бересты и множество мелкихъ щечочекъ ясно говорили объ этомъ: да и деревомъ сильно пахло. У стѣны—два грязныхъ табурета, вода, хлѣбъ—и даже никакой подстилки на полу, собачьей подстилки, чтобы леть... Неужели не принесутъ и къ ночи?..

Ключъ щелкнулъ. Шаги сторожа и Штольца удали-

лись. Хлоцнула еще дверь, и все смолкло. Кривцовъ постоялъ. Тихо. Слышно, какъ сердце бьется. Въ виски кровь стучить, слезы подступаютъ. Онъ подошелъ къ табурету—сѣлъ. Не сидится. Всталъ—опять прошелся. Какой тяжелый, неприятный воздухъ. Сыро здѣсь зимой должно быть. Кривцовъ въ первый разъ попалъ въ карцеръ.

За что онъ попалъ сюда, этого онъ никакъ не могъ понять. Положимъ, что дерзкие, шаловливые мальчики страшно раздражали гувернеровъ и учителей. Положимъ, что нельзя было не наказывать—но почему же Кривцовъ одинъ несетъ за всѣхъ отвѣтственность? Правду говоря, большинство дѣтей получили самое несчастное домашнее воспитаніе: отъ излишней-ли распущенности и игры въ бабки на дворѣ съ уличными ребятишками, отъ чисто-ли семейныхъ условій и отсутствія порядочныхъ примѣровъ передъ глазами,— но только мелкие гаденькие пороки глубоко гнѣздились въ этихъ молодыхъ натурахъ. Урасть перо, карандашъ, книгу—было дѣло самое обыкновенное. Надуть кого нибудь, продавши гропешевую вещь за рубль—это своего рода геройство. Избить новичка, изщипать его, облить чернилами, выпачкать мѣломъ—это обязательно. Устроить на каѳедрѣ особый, иногда очень хитрый механизмъ, чтобы старикъ учитель свалился со стула, или провалился сквозь сидѣнье: это значитъ „задать бенефисъ“. Исподняя сторона досокъ, каѳедра, стѣны—все это было исписано самими нецензурными надписями, а на географическихъ картахъ были прибавлены чернилами такія названія городовъ, что страшно становилось за бѣдныхъ дѣтей... И замѣчательно, что все это практиковалось въ первыхъ двухъ—трехъ классахъ:

далѣе число учениковъ начинало рѣдѣть—изъ шести-десати человѣкъ оставалось двадцать, много тридцать,—а въ седьмомъ классѣ нерѣдко пятнадцать-восемнадцать, весь ненужный, сорный баластъ выбрасывался, оставался отборный соѣдь учениковъ, крѣпкія словца исчезали,—и въ результатѣ получался очень порядочно учившійся классъ, игравшій, правда, въ пикетъ во время уроковъ, но все же кой-чему научившійся—хотя бы правильно писать по русски.

Но чтобы дотянуть до четвертаго, пятаго класса, сколько мытарствъ надо пережить, особенно для пансюнера, мальчика оторванного отъ семьи, шаловливаго, выросшаго на волѣ, съ радостью ринувшагося въ заведеніе, и сразу оглушенаго, придавленаго съ первыхъ же шаговъ. Его лишаютъ свободы. Въ первый же день поступленія въ гимназію Кривцовъ нечаянно брякнулъ въ карманъ деньгами, нарушивъ тѣмъ тишину класса Алексѣя Васильевича. Алексѣй Васильевичъ сдѣлалъ выговоръ и деньги отобралъ. Потомъ у него отобрали часы и возвратили съ условіемъ не носить въ классѣ. Когда на него въ первый разъ налетѣлъ товарищъ, и съ размаха далъ ему такого пинка въ спину, что онъ пребольно ударился лбомъ о печку,—его разбранили гувернеръ, зачѣмъ онъ ходить съ желвакомъ на лбу. Въ другой разъ онъ погнался за ударившимъ его изподтишка мальчикомъ и, поймавъ его въ коридорѣ, сталъ тузить,—на грѣхъ подвернулся Штолльцъ, и ему сразу сбавили изъ поведенія. Онъ никакъ не могъ привыкнуть, что надо всегда быть насторожѣ. Не то налетитъ кто нибудь, дасть „подножку“, уронить, схватить за ногу, протащить всего по паркету. И ходить онъ потомъ весь желтый, въ

мастикъ. Инспекторъ бранить за нерашество. „Я не виновать—меня по полу валяли“.—Кто васъ валялъ?—„Я не могу выдать“.—Ну, такъ вотъ и останьтесь на субботу безъ отпуска..

Голодный, послѣ вкусныхъ домашнихъ обѣдовъ, привыкшій никогда не ложиться безъ ужина, завтракать мясное, — онъ принужденъ довольствоваться говядиной, походившей вкусомъ на пробку, какой-то бурдой вмѣсто супа, и чѣмъ-то невообразимымъ вмѣсто чал.—Раннее, безздѣльное вставанье, драки въ умывальной, грубые дядьки, еще болѣе грубые гувернери—начинали день. Затѣмъ являлись учителя: глухіе старики, у которыхъ въ классахъ звонили въ колокольчики, которыхъ привязывали къ стульямъ и ругали вслухъ—или педанты, подобные Алексѣю Васильевичу, которые вычитывали пол-минуты, ставили точки въ поведеніи. Исключеніе составлялъ учитель математики, правда, грубоватый полякъ, но превосходно преподававшій, умѣвшій всегда заставить заниматься... Въ рекреацію начинались побойща, старшіе мучили младшихъ. За завтракомъ его сажали за черный столъ, за обѣдомъ отнимали изъ трехъ блюдъ одно. Потомъ онъ, голодный, подѣ тычки, щипки и волчки, садился за готовленіе уроковъ, окруженній атмосферой, пропитанной запахомъ лампового масла, пота, всякой мерзости и грязи. Вокругъ ругались, дрались, бились, готовы были загрызть другъ друга за лишній кусокъ мяса... Кривцовъ нечувствительно втягивался въ эту жизнь, начиналь выть съ волками по волчьи, также просилъ приходящихъ принести „пойсть“, и также съ яростью накидывался на обрывокъ несчастной плюшки, вынутой изъ сумки товарища.—Даромъ никогда никто никому ни-

чего,—это былъ школьный девизъ.—„Подскажи“.—А дашь пойстъ?..—„Дай задачу списать“.—А пойстъ принесешь?—„Хочешь, рисунокъ подарю: лошадь съ индѣйцемъ?“—Хочу!—„А что дашь?“ — Пойстъ принесу.—„Сайку съ колбасой или икрою?“—Ладно.—„Ну, бери картину, а надуешь,—вздую!“

Въ старшихъ классахъ этой „борьбы за существованіе“ не было,—оттого-ли, что юноши были больше и умнѣе; оттого-ли, что они были поставлены въ лучшія условія, пользовались большей свободой,—вѣроятно отъ того и другаго вмѣстѣ. Каждый вечеръ они могли уходить куда угодно, и даже находясь въ стѣнахъ училища могли пріятно проводить время, играя съ гувернерами въ шахматы, или отправляясь въ садъ на свиданіе съ дочкой эконома, Амаліей Федоровной, перезрѣлой дѣвой, одинаково благоволившей ко всѣмъ воспитанникамъ старшаго возраста, и щедро вознаграждавшей ихъ за ту проголодь, которую они постоянно чувствовали, благодаря хозяйственію ея отца. Да и требовалось-то въ старшихъ классахъ меныше, и учили-то лучше,—преподаватели были отборнѣе, не рѣшались говорить двадцатилѣтнимъ юношамъ того, что говорили тринадцатилѣтнимъ... Многіе были съ учениками въ дружественныхъ отношеніяхъ, и съ удовольствіемъ слушали анекдотики, въ свою очередь и отъ себя подбавляя такой пикантности, которая отнюдь не мѣшала процвѣтать наукѣ въ дружескомъ кружкѣ молодежи...

Отчего дома Кривцовъ съ такимъ наслажденіемъ занимался иными предметами, географіей, напримѣръ? отчего здѣсь она ничего не внушаетъ ему, кромѣ отвра-

щенія? Отчего онъ сталъ забывать французскій и нѣмецкій языки, отчего?..

Отчего дома онъ вставалъ не въ седьмомъ часу, а въ десятомъ, всегда хорошо выспавшійся, безъ головной боли, отчего онъ такъ скоро выучивалъ уроки? Ему никто не мѣшалъ? Да онъ обыкновенно тамъ и садился за работу, гдѣ было больше народа, больше говора, смѣха; подъ этотъ-то смѣхъ и говоръ и училось. Онъ сытъ былъ всегда, здоровъ—а вѣдь извѣстно—*in corpore sano—mens sana* *); а здѣсь директоръ другую поговорку приводитъ: сытое брюхо къ ученью глухо... Всѣ знанія, полученные дома отъ учителей, укладывались такъ прочно въ головѣ, а тутъ—и прежнее забылось, и новаго ничего не прибавилось...

Ему всѣ начальствующіе говорятъ, что онъ не выносимъ... Отчего-же дома ему говорили, что онъ шалунъ—и только?.. Его никто не звалъ потеряннымъ мальчикомъ, напротивъ, находили развитымъ не по лѣтамъ, умнымъ, бойкимъ... Здѣсь онъ вдругъ оказывается тупымъ. Ему въ примѣръ ставятъ Ковылина,—его зовутъ подошвой, собираются вышвырнуть за окно... Неужели-жь онъ ни на что не годенъ, таѣтъ-таки рѣшительно ни на что?.. На его способности никто не хочетъ обращать вниманія, его бываютъ товарищи, запираютъ въ карцеръ,—за что?..

А годъ назадъ въ это время? Онъ выходитъ на крыльце у себя, въ деревнѣ. Весенній, душистый воздухъ льется легкими волнами вокругъ. На немъ не этотъ потасканный,

*) Здорово тѣло—и духъ бодръ.

вытертый по швамъ мундирчикъ,—а легкая съренька курточка. Конюхъ Василій держитъ подъ уздцы двухъ бойкихъ лошадокъ: „Казачка“ и „Мышку“. Онъ садится на „Казачка“. „Казачокъ“ сердито встряхиваетъ косматой головой, хватаетъ его зубами за стремя, за что удостоивается удара носкомъ въ морду, и недовольно начинаетъ скрестикопытомъ по травѣ; онъ ждетъ не дождется пока сядеть барышня на свою поджарую сухенькую „Мышку“... Разъ, два! Подняли съ мыс-та галопомъ. Простучала плотина, и вотъ они въ полѣ. „Держи ихъ!“ слышится веселый голосъ сзади: это дядя на своемъ рыжемъ догоняетъ ихъ... Не до-гнать! Варя хохочеть, разгорѣлась, вѣтеръ бьетъ ей въ лицо... Нутка нальво, въ березовую рощу! Маршъ-маршъ.. Лужа... Неужто объѣзжать? Тррахъ! „Казачокъ“ окатиль грязью всю амазонку Вари... Шляпка ея съѣзжаетъ... Богъ съ ней... больше, больше,—свалилась,—ничего, здѣсь сухо: дядя подниметъ. Варя подстегни моего „Казачка“,—я хлыстъ дома позабылъ... Плетень, — ну черезъ него! Бацъ... подпруга лопается и Варя летить на землю... Дядя въ перепугъ, а она-то заливается—хохочеть!

Эти теплые, пронизанные солнцемъ опушки владимір-скихъ лѣсовъ, грибныхъ рощицъ, малинниковъ, просѣкъ. Шуршитъ надъ головой зеленая сѣтка золотистой листвы, какъ по паркету, скользитъ отполированный мохомъ сапогъ по лѣснымъ тропинкамъ. Шумъ, гамъ!.. Медвѣдя боятся,—говорятъ медвѣдь объявился гдѣ-то недалеко... Да какой медвѣдь не убѣжитъ отъ этого гама...

А зимою, здѣсь, въ городѣ? Именинные обѣды: длинный столъ уставленный хрусталемъ, лампами, цветами... Гости, музыка... Вечеромъ—блестящая зала въ театрѣ,

громадная матовая люстра, яркий занавѣсь, блескъ костюмовъ...

А здѣсь?.. грязныя крашеныя стѣны, игра въ городки, въ чехарду... На дняхъ проломили голову инспекторскому сыну, а Попандопуло вывихнулъ себѣ позвонки... Грязь, гадость, куда бѣжать, куда?... Голубое небо, лѣсь, „Казачокъ“...

Онъ поднялъ мокре отъ слезъ лицо и оглядывался... Темнѣеть. Ужели вечеръ? Онъ началъ жевать черствый хлѣбъ... Ёсть не хочется... Онъ чувствовалъ въ себѣ силы, чувствовалъ, что если онъ захочетъ, онъ уйдетъ отсюда—какимъ-бы то ни было путемъ уйдетъ... Вонъ труба какая-то—водопроводная что-ли—ведеть наверхъ... Возлѣ нея саженяхъ въ двухъ высоты—какое-то черное отверстіе, куда оно ведеть?

Онъ на минуту задумался. О чёмъ онъ думалъ?..

Онъ обхватилъ трубу обѣими руками, обнялъ ногами, притянулся на рукахъ... Эге, не даромъ я занимался гимнастикой... Двухъ сажень какъ не бывало,—окно.— Ба! да это чердакъ.

Одинъ прыжокъ и онъ на чердакѣ. Кошка съ испугомъ шарахнулась изъ подъ его ногъ. Пахнетъ кирпичами, известью, пылью. Красные кирпичи сводомъ нависли со всѣхъ сторонъ, чрезъ слуховое окно видѣнъ клочекъ яснаго вечерняго неба, трубы сосѣдняго дома... Хорошо тѣперь въ деревнѣ!

— Надо выучить colloquium... Какая скуча!.. Вотъ рамы стоять—у кого-то ужъ выставили окна. Сундуки чай-то. Что внутри? Пустой. Бѣлье мокре сушится,—

юбки... жены Штолца — это у ней такія прошивки— оборванныя старыя, вотъ ей еще... благо ножикъ есть... Она, говорятьъ, вѣдьма, до того скупа, что сама полы моетъ... Такъ вотъ ей...

Кошка трусливо пробѣжала мимо съ мышью въ зубахъ. Гдѣ-то стукъ, отворяютъ двери. Гдѣ окно? Гдѣ-то въ темномъ закоулкѣ,—тѣ окно, что въ карцерь ведеть. Это вошелъ дядька Панкратій и прачка съ корзинками. Они будутъ сейчасъ развѣшивать бѣлье... Куда дѣваться?

Вылѣзть развѣ на крышу... Кажется можно?..

Чаша терпѣнія была переполнена. Побѣгъ изъ карцера—да еще на крышу—это ужъ совсѣмъ не дѣтское преступленіе. Совѣтъ единогласно постановилъ: исключить...

Но директоръ былъ добрѣйший старикъ, — и дѣло окончилось тѣмъ, что Кривцовъ оставилъ заведеніе согласно прошенію отца „по домашнимъ обстоятельствамъ“.

1880 г.

3 АКТУАЛ
ОБСЛУЖИВАНИЯ
ПОСЛЕДНЕГО
СТРЕЛКОВОГО
ПОДІЛКА.
ОГІВ.
Кн. №

НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ.

I.

По высокому и широкому трапу, въ родѣ тѣхъ лѣстницъ, что въ старинныхъ барскихъ домахъ вели на антресоли, я поднялся изъ колыхавшейся лодки на палубу огромнаго морскаго парохода. Татаринъ потащилъ вслѣдъ за мной, кверху, чемоданы. Мои спутники, съ которыми отчалившіи отъ берега я попалъ въ одну лодку: какой-то морякъ, старуха съ толстымъ носомъ и желтымъ пѣтухомъ, обвернутымъ въ тряпку, да тощая дѣвка, видимо изнывающая за неимѣніемъ мужа — поднялись вслѣдъ за мною. Я прошелъ на корму, выбралъ себѣ мѣсто въ тѣни и расположился поудобнѣе.

Утро было чудное. Изъ-за крутыхъ, фиолетовыхъ съ золотистой оторочкой облаковъ только что выплыло свѣжее, молодое солнце и залило море широкимъ розливомъ огня. Вершины горъ стояли совсѣмъ розовыя, — да и все было розовое: и нашъ пароходъ, и дымъ, вы-

бивавшійся плотными клубами изъ его трубъ, и городокъ, бѣлѣвшій на самомъ берегу у подножья горъ,— маленький приморскій городокъ. Сизо-зеленая поверхность воды еле будоражилась волнистою, слабою зыбию, задумчиво плескавшею въ купеческія суда, сонно качавшимся на якоряхъ. Въ воздухѣ стояла та утренняя торжественная истома, которая всегда слѣдуетъ за страстью южной ночью, съ ея душнымъ ароматомъ, огромными зелеными звѣздами и фосфорическимъ блескомъ луны.

Я ъхалъ одинъ, и очень скучалъ одиночествомъ, особенно когда пріѣзжалъ на мѣсто. Дорога переносилась гораздо легче: этому способствовало и постоянное разнообразіе впечатлѣній, и удивительная сообщительность русскаго пассажира. Я по опыту знаю, что невозможно пропахать сутки въ вагонѣ, и не познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ спутниковъ. У васъ окажутся не только общіе знакомые въ Петербургѣ, Ташкентѣ или Чугуевѣ, но и самъ пассажиръ придется вамъ всенепремѣнно родственникомъ, ужасно дальнимъ,—черезъ какихъ-то древнихъ тетушекъ, которыхъ давнимъ-давно истлѣли по склепамъ. Отличительная черта этихъ родственниковъ та, что они спать въ дорогѣ восемнадцать часовъ въ сутки. Я это имъ вмѣняю въ особенную заслугу,—и по этой причинѣ ихъ никогда нельзя встрѣтить между Москвой и Петербургомъ, гдѣ всего ъзды-то пятнадцать часовъ, и гдѣ поэтому они еле успѣваютъ выспаться, забывая даже про существованіе буфетовъ. Пароходъ менѣе скучиваетъ пассажира, и потому знакомства вяжутся не сразу. Минѣ, вдобавокъ, ъзды было всего какихъ нибудь пять часовъ—и потому я питалъ надежду, что никакихъ родственныхъ встрѣчъ не произойдетъ:

какъ ни будь скучно,—такая встрѣча влечетъ за собою скучу еще жесточайшую... Но вскорѣ я принужденъ былъ разувѣриться въ ожиданіи.

Я слонялся безцѣльно по палубѣ, смотрѣлъ, какъ на паровыхъ блокахъ подымали грузныя бочки и склады-вали куда-то глубоко внизъ, какъ машинисты вытирали масляными тряпками стальныя поршни и цилинды, какъ старуха укладывала пѣтуха, пугливо дергавшаго головой, въ круглую корзинку. Изнывающа дѣва скромно помѣстилась во второмъ классѣ, сняла съ своихъ безцѣльныхъ волосъ шляпу съ цѣлымъ кустомъ сирени, и вынувъ изъ маленькаго дорожнаго сака какую-то прозію, не безъ удовольствія жевала. Къ трапу то и дѣло подплывали лодки съ пассажирами и багажемъ. Птицы шумно летали вокругъ, садились на мачты. Матросы щныряли туда и сюда по борту; воздухъ наливался все сильнѣе тепломъ и жаромъ.

— Купи бирюза, настояща черноморска, — предлагалъ армянинъ, раскладывая цѣлую коллекцію мелкихъ и крупныхъ камней, своими черными, закорузымыми пальцами. — Сvezешь въ Москва, барышнѣ подаришь.

Я перешелъ на носовую часть, — оттуда городокъ былъ виднѣе. Отъ него къ намъ словно мухи ползли-черпѣли по волнамъ катера, лодки съ пассажирами и грузомъ. А самъ онъ казался отсюда хоть и живописнымъ, но такимъ маленькимъ, жалкимъ: словно эти дѣтскіе домики кто-то просыпалъ мимоходомъ, а они такъ и прилипли къ тѣмъ мѣстамъ, куда ихъ бросило. Всѣ они были какіе-то бѣленыкіе, кубическіе; только порой кой-гдѣ выпрыгивалъ минаретикъ и нарушаилъ своей тонкой иглой монотонность построекъ.

Я люблю эти полу-русские, полу-восточные городки издали. Но за то избави Богъ жить въ нихъ, гдѣ нибудь на татарскихъ задворкахъ, среди вони и грязи уже совсѣмъ восточной, которая въ десять разъ хуже нашей, великороссійской...

Рядомъ со мной стоялъ плотный, плѣшивый мужчина съ рыжей бородкой, и разсѣянно-устало поглядывалъ вокругъ. Я чувствовалъ, что разговоръ неизбѣженъ, что онъ вотъ-вотъ заговорить,— и не ошибся...

— Изволите любоваться? началъ онъ. — Пріятная мѣстность.

Я долженъ былъ согласиться, что пріятная.

— Любопытныя мѣста, продолжалъ онъ. Вотъ тутъ пойдетъ лѣвѣ Алупка, Оріанда, Мисхоръ. Изволили насладиться ими? Далеко небезынтересно. Я вотъ третій годъ сюда ёзжу, и каждый разъ наслаждаюсь.

— Издалека ёздите? спросилъ я, чтобы чтонибудь спросить.

— Издалека. Можно сказать изъ Сибири,—изъ Екатеринбурга. Жену вожу на излѣченіе. Теперь привезъ ее, ёду обратно. Очень спокойно. Пароходы умѣстительные, комфорtabельные... Впрочемъ на сей разъ ёдемъ мы съ маленькою непріятностью.

— То есть какъ?

— Вчера всѣхъ насть чуть не перестрѣляли тутъ... Изволите удивляться? Да, оно точно удивительно. Съ нами, изволите видѣть, князекъ одинъ ёдетъ, по фамиліи Тузлуковъ. Такъ онъ къ вечеру напивается, и по палубѣ съ пистолетомъ бѣгаетъ въ растерзанномъ видѣ...

— Вы шутите?

— Ни Боже мой.

-
- Что-же съ нимъ дѣлаютъ?
- Ничего не дѣлаютъ. Да и сдѣлать невозможно. Лицо официальное: ёдетъ куда-то по казенной надобности, и даже кое-кому илемянникомъ приходится. Впрочемъ, что онъ по казенной надобности ёдетъ, — это вздоръ, а вотъ что онъ илемянникъ, это точно...
- Да вѣдь онъ убьетъ кого нибудь?
- Пистолетъ отъ него отбрали. И странный человѣкъ. Утромъ такой тихій, скромный. Сидить въ уголку, и все извиняется. Къ вечеру напьется, и сейчасъ дебошъ. Образованный человѣкъ, на многихъ языкахъ говоритъ. А вотъ, подите, какая болѣзнь...
- Такъ вѣдь можно-бы распорядиться, чтобы ему вина не давали изъ буфета.
- Да гдѣ-же тутъ, не усмотришь! Сунулъ лакею цѣлковый —ну и тащить ему бутылку... Онъ такъ-то оченъ приличенъ. Говорить, что ему стыдно смотрѣть на людей по утрамъ... а къ вечеру опять и готовъ-сь. Ужъ это натура такая, —вѣдь это вся фамилія Тузлуковыхъ на одинъ образецъ. Что этотъ самый князекъ въ Москву выдѣлывалъ — и-и, Господи! Ужъ и сѣкли-то его, по просьбѣ матери, — ничего не помогаетъ... Теперь, говоритъ: „їду по казенной надобности“. Да кто-же его пошлетъ: вѣдь онъ путаникъ извѣстный... Хотѣли протоколъ вчера составлять — да рѣшили, что не стойти, —потому сегодня окончательно пароходъ на мѣсто придется.
- Гдѣ-жъ онъ теперь?
- Ходить, пассажировъ благодарить.
- За что?
- За то что протокола не составили.

— А тѣ что?

— Да чтò,—ничего. Всетаки князь, человѣкъ благородный. Хотите посмотретьъ его?

— Богъ съ нимъ, не интересно!

— Да вотъ онъ идетъ.

Онъ показалъ на подходящую фигуру,—ни дать ни взять коми изъ парфюмерного магазина, въ шотландской шапочкѣ и свѣтленькомъ костюмѣ изъ чи-чун-ча. Онъ былъ блѣденъ, лицо опухши, глаза красные. Увидѣвъ моего собесѣдника, онъ подошелъ къ нему и простилилъ руку.

— Извините,—скромно проговорилъ онъ, приподнимая шапочку.—Вчера опять это случилось... мнѣ такъ совѣстно, такъ совѣстно... Просто я не знаю, что это со мною...

— И-и, ваше сиятельство, съ кѣмъ это не бываетъ! утѣшилъ тотъ его.

— Ну, нѣть,—процѣдилъ князь сквозь зубы,—нѣть, вы этого не говорите,—это не съ каждымъ случается... Просто позоръ... На пароходѣ, съ револьверомъ, и при томъ почти безо всего... Вѣдь вотъ оказывается, что я одну даму свиньей назвалъ... Что-же это такое! Я теперь передъ всѣми готовъ извиняться, передъ всѣми... Извините, ради Бога,—обратился онъ ко мнѣ,—можеть быть я вчера и вѣсъ какъ нибудь неумышленно...

Я объяснилъ ему, что только что прибылъ на пароходъ. Онъ видимо смыпался,—ему было досадно познакомить еще нового человѣка съ своими дѣяніями...

— Нѣть, нѣть, рѣшено: больше не буду пить,—бороматаль онъ отходя,—это ядъ, положительный ядъ..

II.

Пароходъ снялся съ якоря и безшумно двинулся вдоль берега, разбрасывая по сторонамъ и далеко оставляя за собою длинныя ленты кружевной пѣны. Пассажиры стали стягиваться въ кружки. Армянинъ опять заходилъ съ бирюзой. Кое-гдѣ раскрылись карточные столы.

— У меня былъ вотъ такой-же дядя,—не отставалъ отъ меня мой собесѣдникъ:—такъ онъ, какъ напьется,—сейчасъ въ церковь. Свѣчу поставитъ—и на колѣни, плачетъ, разливаются: сколь, говоритъ, много во мнѣ чревонеистовства!.. Ну, совсѣмъ съ цѣпи сорвавшійся. А между тѣмъ медаль получилъ.

— За что?

— Сыроварни у него первыя въ краѣ,—теперь-то онъ ко мнѣ перешли, а до позапрошлаго года его были... Жену съ малолѣтними дѣтьми на чердакѣ держалъ, чтобы домъ не подожгли, а прикащиковъ въ намордникахъ водилъ, чтобы не разговаривали.

Я развернулъ книгу и сдѣлалъ видъ, что интересуюсь чтенiemъ. Бородачъ завздыхалъ, полѣзъ въ карманъ, вытащилъ золоченую табакерку, съ которой по угламъ слѣзла позолота, и красный фуляръ, насквозь пропахшій табакомъ,—весь сморщился, сощурился, и не безъ наслажденія потянулся порошокъ себѣ въ носъ...

— И чего онъ акробатомъ одѣвается,—не унимался онъ, смотря издали на князька.—Мамаша благотворительностью занимается, а сынъ на черноморскихъ пароходахъ цѣлевые спускаетъ въ карты...

Я молчалъ съ упорствомъ и смотрѣлъ въ книгу. Онъ попыхтѣлъ еще немножко, и отошелъ.

Пароходъ уже совершенно разошелся и несся на всѣхъ парахъ. Мимо, какъ въ движущейся панорамѣ, шли крутые берега, залитыя садами и парками; сквозь листву сквозили дворцы и дачи. Съ безоблачнаго неба солнце жгло и палило. Дельфины въ неистовой пляске имчались за нами, высоко выпрыгивая изъ воды,—словно Нептунъ въ честь настъ задавалъ праздникъ, и велѣлъ имъ вертѣться вокругъ судна хороводомъ. Было еще сравнительно рано, а уже дышать было нечѣмъ, такъ накалился воздухъ. Я сталъ разсчитывать, сколько времени осталось до завтрака, а съ завтрака до прибытия парохода на рейдъ. Спать было неудобно, читать не хотѣлось, говорить тѣмъ болѣе.

Неподалеку, рядомъ съ сыроваромъ, помѣстился какой-то сѣденкій, съ подслѣповатыми глазками, господинъ и съ чувствомъ рассказывалъ о томъ, что слышалъ еще отъ своего дѣда.

— Безбожіе, милостивый государь, ни къ чему не поведеть, — говорилъ онъ, опираясь подбородкомъ на палку,—и прочно укорениться въ человѣкѣ не можетъ. Ужъ на что, напримѣръ, былъ безбожникъ Волтеръ?.. А между тѣмъ и съ нимъ какое чудесное обращеніе было! Случай достопримѣчательный, который въ жизнеописаніяхъ его не поминается. Передавалъ мнѣ это очевидецъ, дѣдъ мой, какъ я ужѣ вамъ докладывалъ.

— Жду съ интересомъ, — подбодрялъ рассказчика сыроваръ.

— Надо вамъ сказать, милостивый государь, и вамъ, конечно, это не безъизвѣстно, что императрица Екате-

рина Великая состояла съ французскимъ безбожникомъ Болтеромъ въ перепискѣ, и настолько имъ заинтересовалась, что пожелала его видѣть. Пригласила она его на лѣто въ Петербургъ. Онъ прїѣхалъ и поселился на отведенной для него дачѣ, близъ Чесменской багадѣльни, если изволите знать. Занимался онъ своими книгами, изумляя императрицу безбожiemъ и ученостью. Спорилъ съ нимъ митрополитъ, архiereи, но убѣдить не могли: затвердилъ одно: нѣтъ Бога, и души нѣтъ, а есть разумъ. Только хорошо-съ. Прогуливается онъ однажды въ полѣ. Видить, мужикъ землю пашетъ и крестится. Подходить онъ къ нему и спрашиваетъ: что это, говоритъ, ты рукой дѣлаешь? Мужичекъ отвѣчаетъ: крестное, говоритъ, знаменіе совершаю, молю Творца моего объ урожаѣ. — Да вѣдь Бога-то нѣтъ,—говорить Болтеръ.—Какъ нѣтъ! а урожай откуда?—Урожай изъ земли.—Да вѣдь и неурожай изъ земли?—Вѣрно, говоритъ Болтеръ,—а больше отъ погоды.—Да погода-то откуда?—А погода сама по себѣ. — Тутъ мужикъ не выдержалъ — засмѣялся. — Ну, говоритъ, и пущай. А вотъ я какъ перекрещусь, такъ у меня урожай и будетъ... Болтеръ задумался. Пошелъ дорогой, думаетъ. Спать легъ—думаетъ... Что же бы вы полагали, милостивый государь: такъ вѣдь на него этотъ случай повлиялъ, что онъ все свое безбожie оставилъ и въ Бога увѣровалъ!... Въ монахи постричясь хотѣлъ — вотъ до чего...

Сыроваръ съ изумленіемъ покачалъ головою, а рассказчикъ принялъ за новое повѣствованіе, очевидно столь же интересное. Я опять сталъ блуждать по пароходу, прислушиваясь къ звону посуды, раздававше-

муся изъ столовой. За однимъ изъ карточныхъ столовъ князекъ игралъ въ пикетъ съ какимъ-то бородатымъ господиномъ, сомнительного происхожденія, который все возмущался, что онъ „разносить“. Князьку, очевидно, везло. Когда я подошелъ къ нему—у него на рукахъ было семь пикъ и пять фигуръ.

— Ну вотъ и извольте сносить,— обратился онъ ко мнѣ, какъ къ знакомому,—не угодно ли...

Игралъ князекъ плохо, и не смотря на масти, чуть не каждый разъ отдавалъ лезу противнику. Противникъ игралъ очень тонко, съ большимъ расчетомъ, и былъ совсѣмъ князьку не подъ пару. Онъ какъ то ухитрялся каждый разъ брать короля, изрѣдка только приговаривая:

— Однакожъ это, съ позволенія сказать,—собачье счастье.

Къ кому относилось это „собачье счастье“—къ нему, или къ князю—этого я не могъ определить.

Когда сигнальный колоколъ прозвонилъ къ завтраку, и пассажиры, шаркая ногами, двинулись въ залу, по какой-то необъяснимой случайности я очутился за столомъ рядомъ съ княземъ. Онъ отодвинулъ бутылку соторна отъ себя подальше, и спросилъ себѣ содовой воды.

— Чѣмъ кончилась ваша партія? полюбопытствовалъ я.

— Представьте, проигралъ три съ полтицой,—удивлялся онъ.—Карта валила ужасно, а между тѣмъ кончилось проигрышемъ.

III.

Въ третьемъ часу, въ самый жаръ, пароходъ подошелъ къ давно желанному рейду. Онъ сбавилъ ходъ, и стала осторожно пробираться между судовъ. Вместо дельфиновъ, вокругъ него запрыгали по водѣ дюжіе парни, пловцы-аматеры, которые жалобно глядя своимъ мокрымъ лицомъ на пассажировъ, просили: „Баринъ, бросьте монету, я ртомъ поймаю...“ Съ борта летѣли дождемъ гриненники и пятіалтынны, парни ныряли въ густую, сизую воду и снова выскакивали на поверхность, отплевываясь, фыркая, показывая монету и тотчасъ пряча ее за щеку. Дамы не безъ интереса смотрѣли на ихъ атлетическое сложеніе, а сыроварь почему то утверждалъ, что это несомнѣнно ярославцы,—что это плутъ-народъ, и кромѣ ихъ никто такого средства на живы не выдумаетъ.

На пристани маленький, коренастый татаринъ подхватилъ мой чемоданъ и пледъ, и рысью кинулся черезъ площадь къ гостиницѣ, пыхтя, и всѣми силами желая показать, что чемоданъ ужасно тяжелъ, и что поэтому ему надо дать на водку какъ можно больше. При входѣ въ отель съ нимъ случилось несчастье: онъ пнулъ угломъ чемодана въ стеклянную дверь и разбилъ окно. Къ сожалѣнію, свободныхъ номеровъ здѣсь не оказалось, намъ пришлось искать пристанища въ другомъ мѣстѣ, и слышать сзади себя всякия хорошия пожеланія швейцара, вознегодавшаго на разбитіе стекла. Носильщикъ молчалъ упорно, только хрюкалъ, и бѣжалъ бокомъ, какимъ-то галопомъ, весь обливаясь потомъ и задыхаясь.

Я еле поспѣвалъ за нимъ, а онъ все оглядывался и шепталъ:

— Не далеко, мусье, не далеко.

Въ новой гостиницѣ посчастливилось болѣе. Какой-то линючій лакей повелъ меня во второй этажъ и показалъ огромную комнату съ двумя кроватями, изъ которыхъ одна была широчайшая, двухспальная. На мой протестъ, что такого семинарскаго нумера мнѣ не нужно, онъ, позвякивая ключами, отвѣтилъ:

— Все занято, больше нигдѣ не найдете,—и потомъ прибавилъ:—да можетъ вы не одни будете?

— А съ кѣмъ-же?

— Можетъ проѣзжіе есть знакомые?

Я велѣлъ внести свои вещи и подать воды для умыанья. Черезъ отворенную дверь мелькнула фигура князя, очевидно тоже остановившагося гдѣ нибудь по соѣздству. Подъ окнами росъ какой-то терновникъ, или чертополохъ, въ воздухѣ пахло изъ кухни пролитымъ на плиту масломъ. Немного подальше, за окномъ, ругались извощики; еще дальше—шло голубое поле залива, и жалобно бѣлѣли сожженныя жгучимъ солнцемъ скалы. Словомъ, видъ былъ не изъ важныхъ, не изъ тѣхъ, про которые говорятъ итальянцы: „ты его видѣлъ, и теперь можешь умереть“. Умереть тутъ можно было развѣ скучи.

Переодѣвшись, я отправился по своимъ дѣламъ, и первымъ дѣломъ на почту — нѣть-ли писемъ poste-restante. Надъ городомъ носилась, всеконечно, бѣлая пыль, садилась на платье, забиралась въ ротъ, въ носъ и въ уши. На прилавкахъ по улицамъ продавали великколѣпныя яблоки, виноградъ, груши, тоже обсыпанныя, какъ сахаромъ, пылью. Поднявшись въ гору, я дошелъ по

тощему бульвару до клуба,—какого-то неуклюжаго бара-ка, разыскаль тамъ капитана, котораго мнѣ надо было видѣть, сѣсть какой-то невозможный обѣдъ съ „антрекотомъ“,—и въ концѣ концовъ воротился домой поздно вечеромъ, когда уже солнце, покраснѣвъ тихонько, закатывалось въ туманную дымку далекой смутной полосы горизонта.

Къ величайшему изумленію, я нашелъ свою комнату отворенной; на двуспальной постели, подъ простыней потягивалась какая-то фигура, у стѣны помѣщался огромный чемоданъ и симметрично разставленыя ботинки. У умывального столика возился тотъ-же линючій лакей.

— Что это такое? крикнулъ я...

— Это тоже-съ проѣзжій, — не смущаясь отвѣтилъ онъ.—Вѣдь вы говорили, что вашъ комната велика, и постель лишняя. Такъ вотъ они и заняли.

Проѣзжій сдернулъ съ головы простыню и приподнялся.

— Извините пожалуйста,—заговорилъ онъ нѣжно, и по голосу я тотчасъ призналъ въ немъ того господина, что игралъ въ пикетъ съ княземъ.—Я не хотѣлъ занимать эту комнату, но во всемъ городѣ ни одного-жъ номера, а этотъ (онъ ткнулъ пальцемъ на лакея) говоритъ, что вы были не прочь занять съ кѣмъ нибудь комнату. Я и расположился.

Мнѣ, конечно, оставалось только развести руками. Я вообще терпѣть не могу спать съ кѣмъ-бы то ни было, а ужъ тѣмъ болѣе съ незнакомымъ, который просто на просто можетъ обѣкстить. Но вѣдь не гнать-же мнѣ его было ночью съ кровати...

— А я-жъ ужастъ какъ усталъ, — продолжалъ онъ... съ легкимъ польско-жидовскимъ акцентомъ,—потому не

дожидаюсь васъ, съ позволенія сказать, раздѣлся. Вы извините, пожалуйста, такой случай, можно сказать экстраординарный.

Я рѣшилъ непремѣнно завтра-же утромъ отѣлаться отъ подобнаго сосѣдства, и началъ раздѣваться.

— Вы мнѣ позвольте рекомендоваться, — говорилъ онъ. — Гродненскій помѣщикъ Шнейдеръ, Болеславъ Яковлевичъ. Путешествую для развлеченія. А съ кѣмъ имѣю удовольствіе?

Я назвалъ себя.—Очень пріятно. Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ на пароходѣ... Вы завтра на смотрѣ Ѣдете?

— На какой смотрѣ?

— Государь смотрѣ здѣсь завтра дѣлаетъ,—мы съ княземъ рѣшили ѿхать. Маневры будутъ. Очень интересно. Поѣдемте, веселѣе втроемъ.

— Ну, ужъ не знаю.

— Я разбужу васъ завтра пораньше, можетъ и поѣдете...

Такая нахальная любезность меня ужасно взбѣсила, и я тутъ же положилъ, что никуда не поѣду.

— Государь всего на нѣсколько часовъ пріѣдетъ изъ Ливадіи—мы услышимъ выстрѣлы, когда пароходъ войдетъ въ гавань. Да и лакею я приказалъ разбудить меня... Вы на ночь не купались?

— Нѣтъ.

— Напрасно... Это освѣжаетъ, дѣлаетъ тѣло какимъ-то гуттаперчевымъ... Pardon,—вамъ, кажется, спать хочется, а я болтаю, мѣшаю вамъ. Покойной ночи..

Онъ повернулся на бокъ и тотчасъ же захрапѣлъ, каѣкъ-то особенно высвистывая носомъ.

IV.

Утромъ, сквозь полусонъ, я почувствовалъ, что меня трясутъ за плечо.

— Вставайте, вставайте,—кричалъ надъ ухомъ голосъ—ихта вошла въ гавань.

У окна, завернувшись въ простыню, стоялъ князь, прибѣжавшій изъ своего номера, а рядомъ съ нимъ, въ такомъ-же костюмѣ, гродненскій помѣщикъ.

Мнѣ ужасно захотѣлось ихъ выгнать: такъ-таки взять за шиворотъ, вытолкнуть за дверь, повернуть ключъ въ замкѣ, и снова натянуть на себя одѣяло. Но развѣ это возможно: въ нашемъ, девятнадцатомъ вѣкѣ! Оставалось скрипѣть зубами и ругаться про себя.

По заливу съ музыкой и выстрѣлами катились двѣ яхты, на одной развѣвался желтый штандартъ.

— Извошика скорѣй, — кипятился Шнейдеръ, мечась изъ угла въ уголъ, держа въ одной руцѣ стаканъ, въ другой туфлю. Онъ посыпалъ поминутно куда-то лакея, кричалъ, что мы опоздаемъ, самъ принесъ мнѣ вычищенные сапоги, полоскалъ ротъ, разливалъ чай... Онъ меня буквально одѣлъ, даже шляпу надѣль на голову, раза четыре сбѣгалъ за княземъ, стащилъ настѣ съ лѣстницы и усадилъ въ коляску.

Очевидно, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые разъ прилипнувъ, уже не отлипаютъ, и отдѣляться отъ которыхъ невозможно трудно. Съ княземъ, конечно, пришлось познакомиться короче, ибо помѣщикъ, помѣстившись на передней скамейкѣ коляски, сталъувѣ-

рять, что мы люди прекрасные, что я ему понравился съ первого раза. Онъ даже тянулся ко мнѣ съ цѣлью поцѣловаться, но я его убѣдилъ сдѣлать это потомъ, не на улицѣ...

— Пріятно помѣститься въ одной комнатѣ съ образованнымъ человѣкомъ—говорилъ онъ сладко шурясь на меня своими хитрыми глазками.—Я ужасно общество предпочитаю... А скуча здѣсь, въ этомъ проклятомъ городѣ, убѣйственна! Хорошо еще, что вотъ съ княземъ вчера въ картишки перебросились... Да такое несчастіе опять мнѣ валило.

— Однако-же я шесть рублей проигралъ,—замѣтилъ князь.

— Такъ вы жь небрежно играете,—возразилъ помѣщикъ... Да что ужь тутъ,—собачье счастье.

Скоро городъ остался позади, мы поѣхали по холмистой долинѣ. Вдали правильными рядами чернѣли войска. Смотрѣ уже начался, и полки, отбивая мѣрно шагъ, съ крикомъ „ура!“ съ развернутыми знаменами шли мимо свиты. Мы вышли изъ экипажа и вмѣшились въ разношерстную толпу, кольцомъ оцѣпившую войско...

— Хорошо сидить,—похвалилъ князекъ полковника, танцовавшаго на горячей гнѣвой лошади передъ публикой.—Эхъ, бывало, я какъ въ полку гарцевалъ, и на какихъ коняхъ!

— Развѣ вы были военнымъ? поинтересовался я.

— Да, я въ кавалеріи... Принужденъ былъ выйти,—вѣдь вы знаете мой характеръ... то есть слышали,—наивно сознавался онъ.—Побилъ „домашнимъ образомъ“ одного изъ начальствующихъ—ну и попросили оставить полкъ.

Онъ даже вздохнулъ.

— Многимъ мнѣ пришлось поплатиться за эту страсть, — продолжалъ онъ. Вы не повѣрите, сколько мнѣ все это стоило! Я думаю, армію обмундировать на эти деньги можно...

Онъ говорилъ это такъ просто, съ такимъ сожалѣniемъ, что я положительно недоумѣвалъ, какъ это такой скромный мальчикъ способенъ раздѣтый бѣгать по пароходу съ револьверомъ и называть дамъ свиньями.

Шнейдеръ увидѣлъ въ коляскѣ знакомыхъ: какую-то толстоносую барыню съ неприличнымъ лицомъ, и молоденькую дѣвушку съ золотистыми по плечамъ волосами, въ широкой шляпѣ съ цѣлымъ букетомъ. Онъ подошелъ къ нимъ, и тоже влѣзъ въ коляску, чтобы было виднѣе...

— Я вѣдь ужъ разъ разжалованъ былъ, — говорилъ мнѣ князекъ чуть не со слезами въ голосѣ. — Мать огорчается, — а что-же мнѣ дѣлать? Я всегда былъ такимъ... Въ гимназіи въ первомъ классѣ четыре года сидѣлъ, просто бѣда. Военные науки какъ-то легче дались, я даже служилъ порядочно, — а теперь приходится безъ толку небо коптить...

— А вы не служили по статской?

— Конечно служилъ. Чиновникомъ особыхъ порученій былъ при губернаторѣ. Да тотъ къ женѣ меня ревновалъ, и въ отставку заставилъ выйти...

Онъ мнѣ, все съ той-же наивностью, началъ разсказывать подробности того, какъ ревновалъ свою жену губернаторъ (ревновать-то онъ имѣлъ полное право), хотѣлъ даже его отдать подъ судъ (все изъ-за жены), что его спасло только родство да связи...

— Коли правду говорить, — я давно бы жилъ гдѣ ни-

будь на Чукотскомъ носу,—говорилъ онъ,—хотя въ сущности преднамѣренно и муки не обидѣлъ. И бумаги то я важная терялъ, и купца одного чуть не убилъ, и не-пріятности изъ-за барынь имѣлъ. Вотъ мнѣ двадцать пять лѣтъ, а меня рѣшительно ничто не интересуетъ. Вотъ теперь пріѣхалъ на парадъ посмотретьъ, такъ чѣмъ-то старымъ сердце заиграло, службу полковую вспомнилъ,—а то чтѣ...

Онъ вдругъ ослабился.

— Знаете, меня въ кружки соціалистические приглашали, агитаторомъ хотѣли сдѣлать,—засмѣялся онъ.

— Ну и что-же вы?

— Три мѣсяца ихъ компанію поилъ. Это въ Москвѣ было, на Никитской. На балы ихъ ходилъ, съ мадамами ихними познакомился. Одной все папиросы покупалъ,—она по тысячи штукъ въ недѣлю выкуривала. Но оказался непригоденъ. Такъ и рѣшили. Держали только меня изъ-за того, что денегъ у меня всегда очень много бываетъ. А потомъ побиль я ихъ вожака,—онъ тамъ мастерскую какую-то содержалъ,—ну и разошелся. Они меня стилистомъ все называли...

Междуд тѣмъ, на равнинѣ захлопали пушки. Имъ въ отвѣтъ, внизу въ лощинѣ, заговорила ружейная перестрѣлка. Полки быстро двинулись мимо нась, спускаясь куда-то за кусты внизъ. Экипажи тоже тронулись, народъ хлынулъ въ разсыпную, и вскорѣ мы остались вдвоемъ, вee съ тѣми-же разговорами о Москвѣ и соціалистахъ. Мимо скакали какіе-то верховые, на холмахъ всыхивали выстрѣлы, перекатный громъ канонады такъ и стоялъ въ воздухѣ...

— Вѣдь вы знаете, — я женатъ, — говорилъ мой спутникъ.

— Вы? на комъ?
— На горничной. На простой горничной.
— Зачѣмъ-же это вы?
— На зло матери. Потомъ валялся въ ногахъ у нея.
Цѣлую ночь у ея постели стоялъ на колѣняхъ. Простила,
— Гдѣ-же теперь ваша жена?
— Чортъ ее знаетъ, я даже не спрашиваюсь. За границу уѣхала съ моимъ товарищемъ... Однако мы кажется съ вами съ дороги сбились.

Что мы были не на мѣстѣ, это я давно видѣлъ. Вокругъ насъ то и дѣло проносились ордиарцы, и поглядывали на насъ очень недружелюбно. Мы попали въ самую кипѣнь маневровъ.

— Вотъ съ этого пригорка должно быть видно щоссе,—сообразилъ князекъ,—и разбѣжавшись полѣзъ на крутой скатъ холма. Но въ этотъ моментъ совершилось что-то непонятное. Предъ нимъ словно изъ-подъ земли выросъ усатый фейерверкеръ, что-то крикнуль, замахалъ руками, потомъ взялъ его за шиворотъ и хватилъ прямо лицомъ о землю. Въ тотъ же моментъ надъ нимъ вспрыгнулъ бѣлый клубъ дыма, и оглушительный пушечный выстрѣлъ грохнулъ такъ, что адьютантъ, полукругомъ подскакивавшій къ намъ, такъ и пригнулся...

Мы попали на батарею...

V.

Но смотря на то, что князекъ принадлежалъ къ числу отставныхъ жрецовъ Марса, паденіе и выстрѣлъ его оглушили порядкомъ, и онъ долго не могъ опра-

виться, когда мы зашагали съ нимъ обратно, по направлению къ городу. Насъ обогналъ, ужѣ у самаго вѣзда, Шнейдеръ,—онъ ъхалъ въ коляскѣ съ дамами, сидя бочкомъ на узенькой передней скамейкѣ, и посыпал намъ воздушные поцѣлуи ручкой.

Когда мы пришли въ гостиницу, онъ былъ уже тамъ, и ждалъ насъ.

— Съ вами всенепремѣнно желаетъ познакомиться семейство Роговыхъ, — заговорилъ онъ, съ восторгомъ пожимая наши руки.

— Какихъ Роговыхъ? изумились мы.

— А этой-же дамы, съ которой я ъхалъ; — видали какова дочка? На щечкахъ юмки, глаза, съ позволенія сказать, какъ молни. То есть мое старинное знакомство,—имъ очень скучно, и они меня покорнѣйше просили, чтобы я попросилъ васъ поскучать съ ними вмѣстѣ. Я сказалъ, что привезу васъ сегодня вечеромъ...

— Напрасно, я не поѣду,—возразилъ я.

— Зачѣмъ?

— Да затѣмъ, что я завтра чѣмъ свѣтъ ъду въ Бахчисарай, и потому ложусь въ девять часовъ спать.

— Оставьте, потомъ сѣѣздите!

— Нѣтъ,—ужѣ я такъ разсчиталъ, что завтра надо ъхать...

— От-то, какой! Ну, вотъ князь поѣдетъ.

— Да, дочка-то хорошенъкая? пришурился тотъ.

— Венера таврическая,—засмѣялся въ отвѣтъ Шнейдеръ, очевидно очень довольный своей остротой.—Образованная дѣвица, на четырехъ языкахъ разумѣеть... да нѣтъ-же,—на шести языкахъ: по итальянски, по польски, по англійски...

И онъ началъ, загибая пальцы, пересчитывать достоинства дѣвицы.

— Вы куда? внезапно обратился онъ ко мнѣ, удививъ, что я направляюсь къ двери.

— Купаться.

— А! такъ и мы-жь идемъ! Князь, берите простынку, покузыркаемся въ водѣ!

Я не оглядываясь пошелъ, чуть не побѣжалъ отъ нихъ. У купальни они меня догнали.

— Тутъ надо быть осторожнѣе, — таинственно говорилъ намъ Шнейдеръ: — деньги того и гляди вытащать, пока въ водѣ сидишь. Вы лучше оставьте бумажники въ кассѣ. Дайте я отдамъ кассиру.

Но я ему не далъ. Онъ взялъ бумажникъ отъ князя и отнесъ въ кассу. — Экая роскошь, экая прелесть! фыркалъ онъ, погружаясь по маковку въ соленую, густую воду.—А-ахъ, какъ хорошо послѣ трудовъ праведныхъ! А-ахъ!

Я съ нетерпѣнiemъ ожидалъ часа, когда, наконецъ, они уѣдутъ. Гродненскій помѣщикъ ходилъ за мной весь день по пятамъ. А за нимъ какъ тѣнь маячился князекъ. Признаюсь, я былъ готовъ сбѣжать не только въ Бахчисарай, но даже назадъ, въ золотушный Петербургъ.

Наконецъ они уѣхали. Шнейдеръ еще разъ звалъ меня, увѣряя, что это очень образованное семейство, но я не поддался на его увѣренія. Онъ словно обидѣлся на меня: вы, дескать, не довѣряете моимъ рекомендациямъ. Но я ему предоставилъ полное право обижаться, какъ ему только будетъ угодно.

Мнѣ онъ ужасно не нравился, и главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что едва-ли онъ былъ гродненскій помѣщикъ,

да еще съ двѣнадцатью тысячами дохода, какъ это онъ успѣлъ мнѣ заявить черезъ неѣсколько минутъ послѣ нашего знакомства. Онъ, правда, носилъ тонкое бѣлье, отличные золотые часы, и даже алмазныя запонки (это въ дорогѣ-то!), говорилъ, что у него много аристократическихъ знакомствъ въ Петербургѣ, где онъ принялъ, какъ свой,—и въ тоже время мыль руки только утромъ, бѣлья рыбку ножемъ, и кидать спички на полъ. Меня особенно возмущало послѣднее. Это самый характерный признакъ, во первыхъ—нелюбви къ порядку и чистотѣ въ комнатѣ, а во вторыхъ,—привычки бѣ отсутствію подъ ногами ковра, на который ужъ конечно не бросишь тлѣющейся спички. Онъ кашлялъ и плевалъ гдѣ попало, рѣзая сырь толстѣшими, такъ называемыми „поповскими“ ломтями, спалъ чуть не три часа послѣ обѣда,—а главное, говорилъ, что онъ богатъ, и съ хорошими связями. Въ комнатѣ онъ ужасно насынился, оставляя на комодѣ стаканы изъ-подъ-лимонада, стряхалъ всюду сигарный пепель, разбросалъ по столамъ гребенки съ поломанными зубцами.

Князекъ былъ несравненно сноснѣе. Пока онъ не пилъ, онъ былъ достаточно милъ, умѣренно разговорчивъ, и въ концѣ-концовъ самъ отлично сознавалъ свои недостатки. Я понялъ, почему пассажиры не составляли протокола, и не высадили его гдѣ нибудь въ татарской деревушкѣ: онъ былъ слишкомъ хороший малый для этого. Онъ чувствовалъ, что жизнь у него давно выбилась изъ колеи и идетъ невыносимыми толчками. Онъ ничего не хотѣлъ, ни къ чему не стремился, всѣми силами желая только, чтобы его невольные скандалы не получали огласки. Особенно ему было обидно, когда какой-то московскій листокъ напечаталъ исторію о томъ, какъ

онъ побилъ въ какомъ-то загородномъ саду буфетчика за то, что подали тухлые анчоусы, и въ буфетѣ не оказалось рокфора. Дѣло, конечно, кончилось безъ всякихъ мировыхъ судей, но газетный репортеръ, подвернувшись свидѣтелемъ, которому князекъ позабылъ заплатить, тотчасъ-же напечаталъ подробное описание скандала въ „Хроникѣ“ на первомъ мѣстѣ, назвавъ его „возмутительнымъ самоуправствомъ.“ — Князекъ едва не заболѣлъ съ отчаянія, въ тотъ-же вечеръ напился, и побилъ въ томъ же саду злосчастнаго репортера, за что и отсидѣлъ сколько то времени въ заключеніи.

Я, во всякомъ случаѣ, былъ въ восторгѣ отъ мысли, что завтра большую часть дня я проведу одинъ, въ осмотрѣ Бахчисарая, — но увы! моимъ надеждамъ не суждено было сбыться...

VI.

Въ три часа ночи явились мои сожители, оба навеселья, и объявили, что они тожеѣдутъ въ Бахчисарай, и Роговы,—и мамаша, и дочка,—тоже. Князекъ былъ очень доволенъ знакомствомъ, восхищался Стасей (такъ звали дочку), говорилъ, что пріятно время проводить, и все сожалѣлъ, что меня не было. Шнейдеръ все прикидывался обиженнымъ, и ворчалъ про себя:

— Господи, поганые мы, что-ли, какие, что и знакомства-то съ нами нельзя водить? Вотъ съѣздите съ нами, увидите, что это за превосходные люди.

И мнѣ, дѣйствительно, пришлось побѣхать, пришлось увидѣть, что это за превосходные люди.

Рано утромъ мы были на дебаркадерѣ. Роговы были

уже тамъ. Мамаша вблизи имѣла совсѣмъ непозволительную физіономію: она носила пенс-не, толстый носъ грушей, маленькие, заплывшіе жиромъ глазки, животные толстые губы, двойной подбородокъ, и на лѣвой щекѣ бородавку съ кустикомъ сѣдыхъ волосъ. Чесалась она пренахально, проборъ съ боку, гребенка тоже на боку. Одѣта была какой-то расpusкнѣй, безъ корсета,—руки въ заштоцанныхъ митѣнкахъ. За то дочка была и вправду интересна. Продолговатое болѣзненное лицо, сама стройная, гибкая, съ волнами волосъ по плечамъ,—ну ни дать ни взять портретъ молоденькой англичанки. Мамаша меня чуть не приняла въ объятія.

— Вы насть избѣгаете, а мы насилино навязываемся къ вамъ въ знакомство. Августа Павловна Рогова,—она чуть не присѣла, и улыбаясь показала два ряда черныхъ, гнилыхъ зубовъ.—Моя дочь, Настя.

Настя протянула мнѣ руку и пожала нѣсколько крѣпко для дѣвицы.

— Ужасно рада, что наше знакомство совершается при такой поэтической обстановкѣ,—продолжала трещать мамаша.—Ужасно рада.

— То есть какая же поэтическая обстановка? возразилъ я, оглядываясь на туки и чемоданы, которыми былъ переполненъ вокзалъ, и приюхиваясь къ запаху кожи, дыма и масла, которымъ былъ насыщенъ воздухъ...

— А какъ-же,—фонтанъ слезъ! восторженно отѣтила она, даже слегка припрыгнувъ на пяткахъ.—Фонтанъ воспѣтый Пушкинымъ.

Опасаясь, чтобы она не вздумала декламировать при

кондукторахъ стихи, я предложилъ взять билеты. Она вынула грязную десятирублевку, и попросила—нѣсколько въ носъ—взять для нея и для дочери два билета первого класса.

Когда мы помѣстились на грязныхъ, переполненныхъ паразитами бархатныхъ подушкахъ, т-те Рогова усѣлась противъ меня, очевидно съ цѣлью занимать. Князекъ расположился на отдѣльномъ диванѣ рядомъ со Стасей, а Шнейдеръ какъ ввалился въ вагонъ, такъ и захрапѣлъ.

— Мы путешествуемъ съ дочерью,—повѣствовала Августа Павловна,—но Боже мой, какая скуча! Мы объѣхали Кавказъ и Крымъ, теперь ёдемъ въ Одессу,—мы тамъ живемъ постоянно. Стасю очень развлекло путешествіе, но меня оно только утомило. Все это мною видано, да и перевидано. Я столько лѣтъ жила въ Парижѣ и въ Италии, что право эти Пятигорски и Ялты меня не интересуютъ. Стася веселилась очень. Былъ домашній спектакль; она играла главную роль съ громаднымъ успѣхомъ, я была рада за нее. Теперь я стремлюсь домой, хочу отдохнуть. Но вотъ мнѣ вдругъ представился случай увидать фонтанъ слезъ, и я не могу не воспользоваться. Я такая почитательница стиховъ...

Я больше смотрѣлъ въ окно, старался молчать...

— Ахъ, это кажется Инкерманъ! волновалась она.—Стася, Стася, смотри—вотъ Инкерманъ. Это пещеры, въ которыхъ жили генуэзскіе монахи, во времена владычества римскихъ колоній. Здѣсь они отстрѣливались отъ скиѳовъ,—помнишь, мы все это читали въ „Указателѣ“. Я всегда готовлюсь къ путешествію,—продолжала она,—и набираюсь тѣми свѣдѣніями, которыхъ не даетъ

образованіе. Что же дѣлать — весь вѣкъ приходится учиться. Весь вѣкъ стараешься совершенствоваться. Прогрессъ такъ свойствененъ человѣчеству...

Все это говорила она залпомъ, словно стрѣляла изъ картечницы. Она размахивала руками, сопѣла носомъ, и буквально обливалась отъ жара.

— Я сочувствую прогрессу, я не могу не сочувствовать,—волновалась она, ерзая на диванѣ,—вы знаете, я вѣдь красная, совсѣмъ красная! Меня даже нашъ полиціймейстеръ въ шутку всегда называлъ „спеціалисткой“, — ахъ, говорить, вы „спеціалистка!“... Вы знаете, я даже была знакома-съ...

Она таинственно наклонилась ко мнѣ и сказала какую-то фамилію.

— Это кто-же такой?

Она всплеснула руками.—Вы не знаете, кто это? вы? Да это святотатство, вы, извините меня,—алеутъ! Кто-же его не знаетъ! Онъ теперь всѣмъ воротитъ въ Лондонѣ. Прежде жилъ въ Швейцаріи, но потомъ переселился въ Англію: знаете, Лондонъ болѣе удобенъ какъ центръ. Онъ оттуда и руководитъ. Это апостоль новой вѣры. И какъ онъ говоритъ! увлекательно, съ жаромъ.—Такъ, знаете и брызжетъ, и брызжетъ краснорѣчіемъ,—у насъ его самоваромъ звали...

Въ эту минуту поѣздъ влетѣлъ въ туннель, сразу сдѣжалось темно, хоть глазъ выколи. Слышно было только глухое рокотаніе колесъ, да въ открытых окна рвался Ѣдкій, перемѣшанный съ золою дымъ.

— Ахъ, какъ это ужасно, что здѣсь не зажигаютъ огней,—продолжала ш-те Рогова.—Каково дамъ, одино-

кой, безъ кавалера, въ такой тьмы! Вѣдь это ужасъ что такое. Такой тьмы я еще никогда не видывала... И какъ длинно это... Знаете,—вотъ я думаю, въ аду совершенно также.

Понемногу въ вагоны стали пробиваться отдаленные голубоватые проблески дневнаго свѣта, стало возможнымъ различать контуры грузной фигуры моей собесѣдницы. Потомъ выдѣлился носъ, бородавка съ кустикомъ. Глаза долго не хотѣли вырисовываться, и выяснились уже на полномъ свѣту.

Отъ рѣзкаго перехода изъ густаго мрака къ яркому солнцу и блеску роскошной южной природы, стало даже больно въ глазахъ. Шнейдеръ хранилъ по прежнему; — но у князя со Стасей что-то случилось. Она сконфуженная, красная пересѣла на диванъ къ матери, а онъ, отвернувшись, разглядывалъ что-то на горизонтъ... Мать не обратила на это ни малѣйшаго вниманія, хотя посмотрѣла и на дочь, и на князя.

VII.

Узкія, грязныя улицы Бахчисарая кипѣли народомъ. Старыя балюстрады и балконы нависали со всѣхъ сторонъ надъ нами. Пестрые халаты, желтые туфли, фески, чалмы,—все это ужасно не гармонировало съ нашими колясками, платями и пенс-не. Чувствовалось то неловкое положеніе, которое долженъ испытывать актеръ, вышедшій на сцену въ купомъ сѣромъ пиджакѣ, съ папиросой въ зубахъ, вместо римской тоги, или монашеской рясы. Было какъ-то стыдно со стороны вторгаться въ совершенно чуждую намъ жизнь, мѣшать

занятымъ людямъ ради какого-то совершенно празднаго и безцѣльного любопытства. А мы именно вторгались. Коляски наши шагомъ двигались среди дѣловаго люда, а вокругъ насть, тутъ же, въ открытыхъ лавочкахъ, бойко шла жизнь. Тутъ мали кожи, шили туфли, шаровары, брили головы, продавали мясо, курили трубки, пили кофе, говорили о политикѣ. На насть, къ счастію, никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Старики даже головы не поднимали при нашемъ проѣздѣ...

— Что за странная барышня,—шепнулъ мнѣ князь, когда мы добѣхали до ханскаго дворца, блестѣвшаго на солнцѣ вышками своихъ мечетей и минаретовъ, и выѣзди изъ экипажей.—Я поцѣловалъ ее, когда мы въ туннель вѣхали,—думалъ, что она мнѣ плюху закатить,—а она хоть бы что...

Онъ въ недоумѣніи пожалъ плечами, и мы пошли по гладкому, усыпанному пескомъ двору, отыскивая входъ во дворецъ и проводника. Скоро нашлось тѣ и другое. Шнейдеръ началъ махать руками и восторгаться. Ему вторила и во всемъ съ нимъ соглашалась т-те Рогова. Стася, напротивъ, относилась къ нему съ какимъ-то затаеннымъ недоброжелательствомъ. По ихъ отношеніямъ видно было, что они дѣйствительно очень давно знакомы, что онъ зналъ еще Стасю дѣвочкой, а потому прощалъ ей всѣ ея колкости и грубости. Князекъ опять сталъ ходить вокругъ нея; она смигдалась съ нимъ, весело поглядывая то на него, то на меня своими темно-синими, блестящими глазками.

— Какъ хорошо здѣсь,—говорила она, когда мать и Шнейдеръ ушли настолько впередъ, что не могли ее

слышать.—Я такъ давно не была за городомъ, что сегодняшняя прогулка для меня большое наслажденіе.

— Такъ вы давно уже живете здѣсь? спросилъ я.

— Месяца полтора. Ужасная скуча. Гости, что у насъ бывають, совсѣмъ не интересные.

— А тотъ генеральчикъ, что я у васъ вчера видѣлъ? возразилъ князь.

— Ну, что же, это стариkъ въ парикѣ, и усы у него крашеные,—наивно отвѣтила дѣвочка.—Да и что же это за гость.

— Вы только что на Кавказъ были? спросилъ я.

— Нѣтъ,—отчего вы это спрашиваете?

— Да мнѣ... началъ было я, и не кончилъ, подавленный разнообразными мыслями...

— Мы сюда прямо изъ Одессы, — продолжала она. Мамаша все хотѣлаѣхать на Кавказъ, да вотъ папа денегъ не высыпаетъ. Онъ въ Одессѣ служить. Мама не живеть съ нимъ, но онъ выдаетъ ежемѣсячно деньги на нее и на меня. А теперь вотъ не высылаетъ, и мы въ ужасномъ положеніи.

— То есть какъ денегъ нѣтъ? прямо поставилъ вопросъ князекъ. — А какъ же я вчера вашей матушкѣ около ста рублей проигралъ?

— Да вѣдь вы кажетсяе проиграли Шнейдеру?

— Тому четыреста само собой.

Стася закусила губу и нахмурилась. Лицо ёя стало строго, глаза получили какой-то угрюмый блескъ, на щекахъ заигралъ румянецъ.

— Хорошо, что вы мнѣ сказали,—задумчиво проговорила она.—А я и не знала.

Она замолчала, и ускорила шаги. Я догадался съ кѣмъ меня свела судьба: барыня—аферистка, не живу-

щая со своимъ мужемъ, эксплоатирующая свою дочь подыскиваниемъ жениховъ, и живущая на счетъ ихъ. Явление очень частое у насъ. Мне захотѣлось убѣдиться, на сколько я правъ, и я рѣшилъ непремѣнно побывать у нихъ на квартире.

Мы шли по заламъ, расписаннымъ пестрою кистью какого-то сузdalльского мальяра. Проводникъ изъ отставныхъ солдатъ точно намъ панораму показывалъ. „А вотъ, извольте посмотрѣть, въ этой комнатѣ, послѣ купанья, ханъ доклады слушалъ, трубки покуривалъ...“

„Фонтанъ слѣзъ“ не вполнѣ удовлетворилъ м-ре Рогову, тѣмъ болѣе, что въ сущности никакого фонтана и не было, а просто изъ стѣны бѣжала струйка холодной, чудесной' на вкусъ воды. Я успокоилъ ее тѣмъ, что когда Пушкинъ посѣтилъ Бахчисарай, тогда изъ ржавой трубы еле сочилась вода, а теперь водопроводъ исправленъ, а потому фонтанъ еще болѣе имѣть привлекательный видъ чѣмъ прежде.

— Нѣтъ, это все не то,—съ грустью замѣтила она. Я думала, что онъ въ саду, въ родѣ петергофскаго фонтана какого нибудь... А это что-же — просто стѣна.

Сады одалискъ удовлетворили ее гораздо больше: она даже на память набрала дикихъ каштановъ. Гродненскій помѣщикъ тоже развеселился, и внезапно прошелся колесомъ по аллѣ, къ общему удивленію и неожиданности.

— Я вѣдь отличный гимнастъ,—пояснилъ онъ,—и въ доказательство предложилъ пощупать мускулы. Каковы,—а? Я нарочно занимался много лѣтъ гимнастикой,—очень полезно.

Мы все для чего-то поочереди пощупали его мускулы.

Мнѣ пришло въ голову, что его гимнастическая способности дѣйствительно должны служить ему на пользу: иначе много-бы разъ его били; по крайней мѣрѣ его физиономія такъ и напрашивалась на битье...

Онъ до того расходился, что придя на ханское кладбище началъ выдѣлывать необычайныя антраша. Его даже князекъ остановилъ, найдя это неприличнымъ: все таки усыпальница царей. Но Шнейдеру было все равно: онъ былъ въ такомъ настроеніи, что не смутился-бы и въ преисподней...

VIII.

Отъ его кривляній стало невыразимо гадко. Это чудное, поэтическое кладбище, все въ розахъ, увитое стѣнами винограда, со своими бѣлокаменными монументами въ чалмахъ, дышало невыразимой прелестью. Все разрослось, сплелось, разливало вокругъ пышный ароматъ. Голубая тѣни полосами ложились по травѣ. Мулла, отворявшій намъ калитку, зло хмурился. Стася вдругъ повеселѣла, и звонко хохотала. Смѣхъ ея, ударяясь о стѣну, гулко разносился надъ мирными могилами, давно уже, а можетъ быть и никогда, не видавшими такого веселья.

— Здѣсь-бы хорошо пикникъ устроить, — сообразилъ князекъ. — Одинъ изъ саркофаговъ вмѣсто стола, — прекрасно...

— О, какъ вы прозаичны, — затянула м-те Рогова: среди такой природы, и вы остаетесь нечувствительны...

Но и она сама, кажется, гораздо болѣе говорила,

чѣмъ чувствовала. На ея лицѣ такъ и было написано: а хорошо-бы этакой какой нибудь бараній бокъ съ кашей! Тѣмъ не менѣе она урезонивала князя, ни дать ни взять монологъ говорила изъ французской мелодрамы.

— Терпѣніе, милый князь,—терпѣніе! Ужъ мы у насъ дома пообѣдаемъ. Нельзя такъ поддаваться страстямъ,— страсти губятъ человѣка. Еще нѣсколько часовъ—и мы будемъ дома. Я заказала сегодня пирогъ: знаете, нашу русскую кулебяку?! Надѣюсь,—обратилась она ко мнѣ,— вы не откажете раздѣлить съ нами нашу трапезу.

Я отвѣчалъ согласіемъ.

— Не думайте, что будетъ что нибудь особенное. Пирогъ, супъ, кефаль, дичь и мороженое...

По выспреннему тону, съ которымъ было это сказано, ясно было видно, что такое шене у нихъ далеко не каждый день, и сегодня очевидно обѣдъ званый.

— Я, знаете, люблю, чтобы все было просто и мило,— продолжала она.— Я врагъ всякой роскоши и излишества. Человѣкъ нуждается только въ необходимомъ комфорте— небольше.

Разсчитавъ нашихъ проводниковъ, причемъ мулла даже не поблагодарилъ за сунутую ему бумажку, мы вышли изъ дворцовыхъ воротъ. Рогова не безъ нѣжности оперлась мнѣ на руку.

— А что, князь,—сегодня реваншъ хотите? сладко сощурясь спросилъ Шнейдеръ?

— Отчего же нѣтъ, — равнодушно отвѣтилъ Тузлуковъ.

— Представьте, четыреста рублей вчера проигралъ,— сказалъ мнѣ гродненскій помѣщикъ, стараясь сдѣлать

изумленные глаза, для чего онъ ихъ пучилъ до невѣ-
роятія.

— Все въ пикетъ?

— Все въ пикетъ. Можете представить, какъ ни
сдамъ,—все себѣ восемь и восемнадцать. Даже стыдно
мнѣ было...

— Вѣрно плохо тасуете?

Онъ отвернулся и ничего не отвѣтилъ.

— Сегодня отыграетесь, милый князь,—говорила Ав-
густа Павловна, закатывая глаза горѣ.—Вы ужасно рис-
куете, не надо такъ рисковать.

Я далъ себѣ слово внимательно слѣдить сегодня за
игрой: я былъ твердо убѣжденъ, что это шуллеръ, и
что Августа Павловна принадлежитъ къ числу такихъ
особъ, которыхъ никогда не прочь за какие нибудь сто
рублей примкнуть къ мошеннической шайкѣ.

IX.

Пріѣхали мы домой только къ семи часамъ, когда все
уже къ обѣду перепрѣло и испортилось. Роговы зани-
мали очень хорошенький уютный номеръ въ первомъ
этажѣ, съ прекрасной мягкой мебелью, трюмо, портье-
рами, ковромъ. Посрединѣ комнаты стоялъ накрытый
несовсѣмъ чистой скатертью столъ, а по диванамъ и
кресламъ сидѣли гости, которые, не стѣсняясь, расположи-
лись ждать возвращенія хозяевъ.

Рогова сейчасъ-же насть познакомила: генералъ Вѣдь-
минъ!

Маленький, улыбающійся, коротко стриженый, съ чер-

“ПОВ. И РАЗСК. П. И. ГИЗДИЧА”.

ными крашеными усами, премиленъкій генераль, щелкнулъ шпорами и пожалъ мнѣ руку.

Представлениѣ продолжалось.

— Господинъ Цетровъ, господинъ Сидоровъ...

Это были тощіе, костлявые юноши, одѣтые въ какіе-то не то пиджаки, не то куцевейки. Лица ихъ были ужасно мрачны, и я бы могъ принять это выраженіе за какую нибудь зловѣщую рѣшимость, если-бы не зналъ навѣрно, что они разстроены долгимъ ожиданіемъ обѣда. Каждый изъ нихъ, по очереди, стиснулъ мою руку, сур-рово глянувъ куда-то въ сторону.

Генераль, напротивъ того, былъ очарователенъ: онъ шаркалъ ножкой, брызгалъ слюнами, и все улыбался. Онъ поцѣловалъ у Стаси обѣ ручки, со вкусомъ смакуя каждый поцѣлуй, сказалъ: „а мы васъ ждали-ждали, и ждан-ки потеряли“, — побѣжалъ въ уголъ, гдѣ лежала его фуражка, и принесъ оттуда коробку съ конфетами...

— Шоколадъ! многозначительно сказалъ онъ.—Вашъ любимый.

— Merci,—улыбаясь отвѣтила Стася.

Онъ всхлипнулъ, и опять припалъ къ ручкѣ. Юноши свирѣпо уткнулись въ газеты.

— Я обиженъ, — лепеталъ наивно-дѣтскимъ голосомъ Вѣдьминъ, — меня барышня обидѣла: не взяла съ собой...

— Да мы такъ скоро собрались, — оправдывалась Стася.

— Обиженъ! моталъ онъ головою, закрывая глаза.

За обѣдомъ болтали больше всѣхъ генераль и Шнейдеръ. Стася сидѣла рядомъ съ княземъ. Мать зорко по-

глядывала на обоихъ. Возлѣ меня сѣлъ не то Сидоровъ, не то Петровъ (я ихъ тотчасъ-же перепуталъ). Онъ былъ довольно чистенький, опрятный, съ бѣлыми, мягкими руками, и обкусанными въ кровь ногтями; ъль онъ убийственно много, обильно посыпая солью каждое кушанье. Онъ молчалъ весь обѣдъ, и только когда уже насытился, и разговоръ зашелъ о свободѣ проживанія за границей безъ паспорта,—онъ внезапно замѣтилъ:

- Да и у насъ можно безъ паспорта.
- Это какъ-же? удивился генераль.
- Съ фальшивымъ.
- А вы по фальшивому живете? спросилъ внезапно князь.
- Нѣтъ, кажется, по законному,— отвѣтилъ онъ, ни мало не смущаясь.
- Я всегда на законной почвѣ стою,—заговорилъ Шнейдеръ, ударяя себя по лѣвому боку: вотъ тутъ всегда всѣ документы со мною, и по первому требованію всегда предъявляю.
- Ну, у васъ никто и не спросить,— васъ всякий будочникъ знаетъ,—замѣтилъ Петровъ.
- Ахъ, какой языкъ! внезапно умиллась Рогова. Какой вы злой... Вѣдь вы знаете,—онъ съ Никифоромъ на одной квартирѣ жилъ,—обратилась она ко мнѣ.
- Съ какимъ Никифоромъ?
- Да вотъ, что я вамъ говорила, въ Женевѣ...
- Никогда я съ нимъ не жилъ,—ероша волосы заговорилъ Петровъ.— Я не понимаю, что вамъ за охота всякий вздоръ повторять.
- Она нѣсколько опѣшила.— Какъ, какъ,— да вѣдь я васъ у него сама встрѣчала?
- Ну да, и бывалъ у него каждый день—и только.

— Кто это Никифоръ? добивался я.

— Эмигрантъ,—отвѣтилъ Петровъ,—старикъ, лекціи о соціализмѣ въ Женевѣ читалъ, къ нему наши барышни на поклоненіе ъздили, ломались,—мы дескать, либералки-патріотки...

Это уже было не въ бровь, а прямо въ глазъ. Августа Павловна вспыхнула и опустила глаза въ тарелку.

— Для нашихъ барынь первое дѣло—мода,—продолжалъ Петровъ,—а тамъ, чѣмъ модничать: юбкой-ли, или идеей—имъ все одно. Только разница та, что въ юбкѣ хоть что нибудь смыслять, а ужъ въ отвлеченныхъ идеяхъ ни черта!.. А туда-же: мы сочувствуемъ,—а кто ихъ сочувствія просить? Слѣдовало-бы ихъ, съ позволенія сказать...

— Ну, вы полегче, mon cher, здѣсь дамы,—замѣтилъ Вѣдьминъ.—У васъ необузданность выраженій часто переходитъ границы. Вы не умѣете себя держать въ извѣстной рамкѣ.

— Да я вѣдь не нарисованъ, чтобы въ рамкѣ сидѣть,—я живой человѣкъ: всѣ физіологіческія отправленія совершаю...

— Ну, довольно-съ,—строго замѣтилъ генераль, опасаясь, чтобы онъ не сталъ при Стасѣ развивать подробности своихъ физіологическихъ отправленій.

Петровъ что-то хрюкнулъ про себя, и съ ожесточениемъ принялъся за мороженое.

X.

Кончили обѣдать въ девятомъ часу, и сейчасъ-же принялись за чай. Шнейдеръ спросилъ бутылку финшампань, и сталъ поговаривать о картахъ, предлагая

генералу сыграть въ мушку. Генералъ нахмурился, и тономъ, который совсѣмъ не шелъ къ нему, проговорилъ:

— Вамъ извѣстно, милостивый государь, что съ *вами* играть я не стану.

Шнейдеръ тихонько глянулъ на князя и на меня: не слышали-ли мы его словъ. Князь былъ далеко,—я сдѣлалъ видъ, что читаю газету. Онъ какъ-то съежился, и отошелъ.

— Гм... вы говорите, преступленіе, уголовное преступленіе! говорилъ князю Петровъ.—А вотъ, вы знаете,—я уголовное преступленіе разъ совершилъ,—и виновнымъ себя не считаю. Я изъ человѣколюбія по чужому паспорту экзаменъ держалъ.

— Вѣдь скажеть,—изъ человѣколюбія! въ восторгѣ говорила Рогова.

— Изъ человѣколюбія, совершенно серьезно. У меня товарищъ былъ, изъ грузинъ,—туница, но милѣйшій малый. Жилъ въ Москвѣ, женился. Нигдѣ не служилъ, способенъ ни на что не былъ, существовалъ на средства отца—тотъ сто рублей въ мѣсяцъ ему присыпалъ. Потомъ узналъ, что сынъ женатъ—вдругъ взбѣсился. „Не буду, говорить, недоучкѣ денегъ посыпать. Выдержи сперва экзаменъ на аттестовать зрѣлости!“ А тотъ дальше четвертаго класса не шелъ. Что дѣлать,—хоть волкомъ вой.—Ну, я за него и выдержалъ.

— И обманъ не открылся?

— Нѣть: тогда карточекъ не прилагали къ документамъ... Ужъ очень я по богословіи силенъ былъ: самого попа сбилъ. По математикѣ двойку получилъ, да латынь съ греческимъ вывезла. Ну, какое-же это преступленіе? Отецъ счастливъ, сынъ счастливъ, я доволенъ,

начальство довольно. Аттестать лежить гдѣ-то въ столѣ,—а онъ на него по сту рублей въ мѣсяцъ процентовъ получаетъ. Говорятъ—уголовное преступленіе...

Сидоровъ позвѣнѣлъ ложечкой въ стаканѣ.

— Да вѣдь это кто говорить,— возразилъ онъ. — Постепеновцы. Ёздятъ по свѣту, да сентиментъ разводятъ.

— Стилисты! смѣясь сказалъ князь, вспоминая свое московское наименованіе.

— Стилисты! спокойно подтверждалъ Сидоровъ и обвелъ глазами комнату: ахъ, какое бы было для міра благодѣяніе, если бы всѣхъ ихъ вздернули на осину...

— А если васъ?—безпокойно спросилъ генераль.

Сидоровъ подумалъ.—Что-жъ, если заслуживаю, такъ пожалуй и меня, — согласился онъ. — Я отнюдь не прочь.

Генераль его поздравилъ, иронически расшаркиваясь, и вдругъ объявилъ, что ему пора домой. Его стали удерживать.

Между тѣмъ карточный столъ устроился. Князекъ опять усѣлся въ пикетъ и при томъ очень по большой. Подали шампанскаго. Всѣ выпили,—князя тоже начали просить выпить, онъ отказывался, говоря, что пить чай съ фин-шампань, и ничего болѣе не хочетъ. Но его все таки заставили.

Августа Павловна взяла меня за руку и таинственно повела въ уголокъ. Генераль со Стасей забились въ противоположный уголъ.

— У меня есть до васъ маленькое дѣльце, — нѣж-

нымъ шепотомъ заговорила она. — Вы давно знаете князя?

— Третій день.

Она грустно покачала головой. — Такъ мало! Ахъ, какъ жаль. А мнѣ хотѣлось собрать о немъ свѣдѣнія... Вы знаете, онъ такъ ухаживаетъ, такъ ухаживаетъ за моей дочерью... Вѣдь фамилья Тузлуковыхъ, кажется, очень извѣстна?

— Извѣстна.

— Его мать очень богата, я знаю. У нея три дома въ Москвѣ, да еще домъ въ Петербургѣ. Сестра ея замужемъ въ Петербургѣ за министромъ, вы знаете...

— Какъ-же, какъ-же...

— Ахъ, я сама высокаго происхожденія, — вздохнула она:—въ жилахъ Стаси течеть баронская кровь... Мужъ мой занимаетъ очень видное мѣсто въ Одессѣ... А вы чѣмъ занимаетесь?

Я объяснилъ ей.

— Такъ, такъ... Послушайте, — князь, кажется, ведеть нерегулярную жизнь?

— Кажется.

— Женится—перемѣнится. Онъ уже дѣлалъ намеки моей дочери. Конечно, эта партія еще не Богъ вѣсть что... Но если Стася согласится, я никогда противъ не пойду.

— Да вѣдь онъ женатъ,—внезапно брякнулъ я.

Эффектъ получился полный. Августа Павловна таѣ и замерла съ открытымъ ртомъ.

— Же-нать! по слогамъ выговорила она.—На комъ?

— На какой-то горничной.

Она всплеснула руками.

— Откуда вы это знаете?

— Онъ самъ говорилъ.

— Боже мой, Боже мой,—какой позоръ...

Она встала, пошла къ дочери и стала ей что-то говорить; та очень равнодушно пожала плечами.

Я сталъ присматриваться къ Шнейдеру. Сдавалъ онъ еще сносно,—но что онъ плутовалъ въ прикупкѣ, это я видѣлъ ясно. Онъ всегда возвращалъ неудачный снось,—и дѣлалъ это удивительно ловко. У князя боковой записи совсѣмъ не было...

Августа Павловна, все еще не успокоившаяся и красивая, стала приглашать меня играть съ нею. Я отказался, отговариваясь незнаніемъ. Она упросила хотя въ дурачки поиграть. — Отъ дурачковъ отказаться было невозможно: мы сѣли по рублю сдачу. Черезъ полчаса я проигралъ ей шесть рублей. Этимъ дѣло и кончилось.

XI.

Генераль сталъ въ десятый разъ прощаться. Увидѣвъ въ открытомъ рукавѣ Стаси ея полненькую бѣленькую ручку, онъ сталъ приставать къ ней — позволить попѣловать ямочку въ локтевомъ сгибѣ. Она не позволяла и хотела. Онъ наклонялся и тоже хотѣть. Наконецъ ему удалось чмокнуть, и онъ, очень довольный, сталъ въ восторгѣ топтаться на мѣстѣ.

— Пухъ! Пухъ! говорилъ онъ.—Бѣленькій, мяконькій, легонькій... Вы вся пухъ, — пухъ отъ усть Эола... Хе-хе! Позвольте, повернитесь ко мнѣ спиной... Согните руки.

Онъ взялъ ее за локти, и натужившись приподнялъ раза три кверху.—Пухъ! Пухъ! повторялъ онъ.

Стася его погнала.—Коли идти, такъ идите:—тысячу разъ прощается, фуражку мнеть въ рукахъ. Терпѣть не могу.

Прощаясь съ княземъ, Вѣдьминъ даже свиснулъ, увидѣвши запись. Вдобавокъ у князя почему-то было записано однимъ королемъ меныше, чѣмъ у Шнейдера. Князь впрочемъ этого не замѣталъ, и шампанское подливалъ себѣ ужѣ безъ приглашеній. Юноши нахмурились, когда генераль, спутавъ ихъ фамильи, одного назвалъ Карповымъ, а другаго Ивановымъ,—они приняли это должно быть за насмѣшку. Наконецъ онъ ушелъ.

— Боже мой, какъ вы проигрываете, милый князь,—соболѣзновала Рогова.—Нѣтъ, я этого не допущу,—какъ хотите, но берите меня въ половинную долю. Непремѣнно, непремѣнно.

Стася стояла у окна и кланялась генералу, дѣлавшему ей съ улицы ручкой. Я подошелъ къ ней.

— Луна какая чудесная,—сказала она,—прелестъ.

Ночь была южная, темная. По скровато-розовому фону неба, изъ-за тучъ выплывала золотисто-красная луна, дробясь золотою сѣткою зыби въ водѣ, заливая все волшебнымъ свѣтомъ.

— Знаете что? предложила Стася. Пойдемте въ лодкѣ.—Здѣсь пристань два шага.

— А ваша мамаша ничего не будетъ имѣть, если мы уѣдемъ вдвоемъ?

Она съ наивно-дѣтскимъ удивленіемъ покачала головой.—Конечно ничего. Я пользуюсь у нея полной свободой.

Дѣйствительно, Августа Павловна даже одобрила планъ прогулки, только сказала, чтобы на водѣ мы были осторожнѣе.

Стася надѣла шляпку, накинула мантилью, и взяла меня подъ руку.—Мы на тотъ берегъ перейдемъ,—сказала она, показывая рукой на ту сторону залива.—Ты мама, главное, не беспокойся.

Мы пошли. Старикъ-лодочникъ подогналъ къ пристани свою лодку. Стася ловко перепрыгнула черезъ бортъ, показывая узенькую ботинку изъ-подъ платья.—„Пухъ, пухъ!“ вспомнилъ я генерала.

На водѣ было еще лучше. Теплая, тихая, она чуть плескалась вокругъ высокихъ бортовъ большой морской лодки. Старикъ-рыбакъ сильно налегалъ на весла своими шаршавыми ладонями. На веслахъ сверкали капли, и алмазными нитями сыпались въ волны. Разноцвѣтные огни пароходовъ гирляндами сияли на рейдѣ. Огромные суда, какъ морскія чудища, всплыvши на поверхность вздохнули свѣжимъ вечернимъ воздухомъ, тяжело пыхтели, смутно чернѣя распостертыми реями въ золотистойочной мглѣ. Звѣзды дрожали и искаились въ водѣ. Мы скользили словно въ дымкѣ какой, какъ въ пѣснѣ германского лирика:

Wir sassen beisammen
Traulich in leichten Kahn,—
Die Nacht war still, und wir schwammen
Auf weiter Wasserbahn...

Недоставало только далекой пѣсни любви... Стася сбросила мантилью и задумчиво смотрѣла на небо. Ея темно-синіе глаза казались теперь совсѣмъ черными... „О чѣмъ она думаетъ,—мечтаетъ?“ спрашивалъ я самъ себя.

— Вы въ карты не играете? внезапно сказала она.
— Нѣть,—а что?

— Я такъ.. Это хорошо, что вы не играете,—и не играйте. Особенно у насъ...

— Отчего-же...

— Оттого что этотъ Шнейдеръ... Съ нимъ не надо играть. Онъ плутуетъ въ игрѣ.

— Какже ваша мамаша принимаетъ его, знакома съ нимъ, если онъ шуллеръ?..

Она опять подняла глаза на луну, и ничего не отвѣчала...

— Настасья Николаевна,—вамъ сколько лѣтъ?

— Семнадцать...

— Только? вырвалось у меня.

— Правда,—я старше выгляжу? улыбнулась она.—Я много пережила, я очень много пережила и видѣла. Иной во всю жизнь не увидитъ того... Вы знаете, что меня теперь ничто не интересуетъ,—въ семнадцать-то лѣтъ!

„Въ родѣ князя, — подумалъ я: того тоже ничто не интересуетъ...“

— Я давно не помню, чтобы хоть что нибудь живо заняло меня, на что бы я отъ души откликнулась. Я иногда съ ужасомъ думаю: Господи, да неужели мнѣ все еще семнадцать лѣтъ,—неужели впереди еще такъ много...

— Конечно много: встрѣтитесь съ человѣкомъ, который вамъ понравится, влюбитесь,—новая жизнь зацвѣтеть.

Она грустно тряхнула головой.—Нѣтъ. Я не встрѣчусь,—если встрѣчусь, то не полюблю,—а если и полюблю, то никогда не скажу обѣ этомъ.

— Отчего?

— Оттого что я искалѣченная. Я не такая, какъ всѣ остальные. Я бы муку для мужа составила. Послу-

шайте... Нѣтъ, вы не поймете меня... Это трудно понять. Да я и высказать не умѣю. Видите, я вѣрю, что въ человѣкѣ бываетъ иногда еще что-то такое, что не у всякаго бываетъ. Какая-то сила въ немъ есть, — и этой силой онъ можетъ окружающихъ мучить. Вы не понимаете?

— Что-то смутно...

— Ну да,—я знала, что вы этого не поймете. Вотъ во мнѣ эта сила и есть. Это ужасная вещь... Она у меня временами проявляется. Меня тогда всѣ начинаютъ бояться. Я и сама себя тогда боюсь... И я знаю, кто это все дѣлаетъ...

— Кто? То есть какъ кто?..

— Нѣтъ,—вы вѣдь смеяться будете...

— Зачѣмъ-же? Вѣдь вы искренно говорите?

— Искренно, конечно, искренно! съ жаромъ воскликнула она.—Неужели-же вы думаете, что я бы рѣшилась съ вами... Нѣтъ это правда, самая ужасная правда,—я бы Богъ знаетъ что дала, только бы избавиться отъ этой правды.

— Вы все больше меня заинтересовываете...

— Это съ малолѣтства у меня. Началось это ночью. Какъ закрою глаза—вижу передо мной что-то... я не знаю что... только не человѣкъ. Чудовище какое-то. Только фигура эта безъ головы... Вотъ вы теперь надо мнѣ смеяться будете... Я лучше не буду говорить...

Я увѣрилъ ее, что тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго.

— Ахъ, это ужасно было,—продолжала она.—Онъ мучилъ меня, щипалъ, щекоталъ—я не смѣла крикнуть. Потомъ онъ и днемъ сталъ являться. Какъ закроешь глаза, или задумаешься, — онъ ужъ тутъ... И у него съ годами лицо стало образовываться... Нѣтъ, что это

за лицо! Вы себѣ представить не можете,—теперь, при одной мысли, меня въ дрожь кидаетъ... Троньте мою руку.

Я взялъ ея маленькую бѣлую ручку, — отъ нея пышало горячечнымъ жаромъ. Она поднесла мою руку къ своему лбу.

— Чувствуете виски какіе? до чего наливаются кровью жилы... Представьте, что же со мной дѣлается тогда!.. Это разъ пять въ годъ бываетъ...

— Вы лечились?

— Какъ-же! У всѣхъ знаменитостей. Посылаютъ на воды... Пила я воды,—еще хуже... Служили молебны у чудотворныхъ иконъ,—не помогаетъ никакъ. И теперь онъ только стала появляться не сразу.—Я вдругъ почувствую, — гдѣ бы ни была, что бы ни дѣлала,—вдругъ почувствую далеко, далеко его присутствіе. Я слышу, какъ онъ до меня начинаетъ добираться. Иногда цѣлый день онъ не можетъ дойти до меня... Иногда онъ точно стѣны какія ломаетъ, кирпичи, камни падаютъ... Ближе, ближе,—наконецъ такъ близко, что я слышу, какъ онъ дышеть—хрипло, со свистомъ, и зубами скрипитъ.

Она дрожала какъ въ лихорадкѣ, глаза ея широко раскрылись, она оперлась своей рукой па мою руку, и совсѣмъ близко наклонилась, почти прижалась ко мнѣ...

— Меня въ эти минуты мамаша боится,—какимъ-то торжествующимъ голосомъ говорила она.—Она забивается иногда въ уголь и молится. Такъ что если со мной припадокъ случится,—я часами лежу на полу безъ помощи... Теперь вы понимаете, отчего я замужъ не пойду—и могу-ли я думать о будущемъ...

XII.

Я съ глубокимъ сожалѣніемъ глянула на этого бѣдаго, надломанного нервами, ребенка, на это горячее существо, съ пылавшей головкой...

— Говорять, мнѣ надо лечиться сомнамбулизмомъ... или магнетизмомъ,—ну словамъ пассами какими-то... Я вѣдь могу вещи очень странные дѣлать... Я могу стукъ вызывать. Во всемъ, въ полу, въ мебели, въ землѣ, въ потолкѣ. Я сама не знаю, что это такое... Если хотите,—прибавила она по французски, взглянувъ на лодочника,—я вамъ сдѣлаю примѣръ: вы услышите стукъ въ дно лодки. Слушайте.

Она стиснула мою руку, и насторожилась. Нѣсколько секундъ ничего не было слышно,—и вдругъ тупой мягкий ударъ раздался подъ водой. Стариkъ поднялъ весла.

— Что это? спросилъ я у него...

— Ударило что-то...

— Можетъ на дельфина соннаго набѣхали...

Стариkъ покачалъ головой и осмотрѣлся. А въ дно послышался новый ударъ только глушѣ и дальшѣ. Стася улыбнулась, и опять закуталась въ мантлью...

Луна поднялась совсѣмъ высоко и стала изъ красной блѣдно-серебристой. Воздухъ сильнѣе налился мглою, тѣни сильнѣе сгустились. Безконечный морской разливъ какъ стекло стоялъ предъ нами...

— Есть много чудеснаго въ природѣ,—задумчиво говорила Стася.—Я знаю это по себѣ,—и меня никто не увѣритъ, что это нервы... Можетъ быть я-бы и попра-

вилась, если-бы за мной былъ настоящій уходъ. А вѣдь мамаша...

Она остановилась словно не рѣшаясь сразу высказаться.

— Мамаша мучить меня, когда я здорова. Словно вымѣщаетъ надо мной тѣ, что ей приходится терпѣть во время припадковъ. Это постоянное подыскиваніе жениховъ,—приказаніе кокетничать съ ними... Это голоданье днями,—это ужасно!.. Порою мнѣ хочется закрыть глаза и полетѣть куда нибудь далеко, далеко... Мнѣ все чудится страна горячая, самая южная,—тамъ и тигры, и слоны, и цвѣты огромные... Если-бъ туда я попала, у меня все-бы прошло, потому что я навѣрно знаю, что *ему* тамъ запрещено бывать...

Я смотрѣлъ, не шутить-ли она, не хочетъ-ли надо мной посмѣяться: но нѣтъ,—она вся дрожитъ отъ нервнаго волненія, въ горлѣ судорожное сжиманіе: притворяться такъ нельзя,—да и не къ чему притворяться...

— Я точно Богомъ проклята съ дѣства,—говорила она;—за чужie грѣхи должно быть. За что-же испытанія такія?.. Доктора успокаиваютъ: говорятъ — нервы! Да что же мнѣ за дѣло, нервы это, или нѣтъ,—важно то, что *онъ* приходитъ—вотъ что! а отъ нервовъ-ли, отъ чего ли другаго,—не все ли мнѣ это равно?.. А тутъ еще вокругъ—эті карты, ужины... Ахъ...

Она спрятала въ платочекъ свое лицо.

Мнѣ было такъ не по себѣ, я былъ какъ въ чаду. Словно въ сказкѣ какой: вокругъ чернѣеть вода, звѣзды то вспыхиваютъ, то потухаютъ, лодка колышется, мыслей вереница снуется и путается въ головѣ. Тукъ-тукъ! раздается на днѣ лодки. Лодочникъ крестится.— Да что же это—сонъ, что-ли, весь этотъ разговоръ, и

это катанье, и эти стуки... Да нѣтъ-же,—это дѣйствительность,— отчего же такъ дышать тяжело, и пропнуться нельзя, а надо жить въ этомъ снѣ?..

Она подняла заплаканное лицо.—Вѣдь вы для меня совсѣмъ чужой, но, я вижу, вы понимаете меня,—и этимъ ближе роднаго. Вы сочувствуете мнѣ, милый,—да! Пожалѣйте вы меня,—за что меня бросилъ Богъ въ этотъ міръ? Чтобы вѣчно, вѣчно мучиться?.. И никто этого проклятья, никто снять не можетъ. И не хотять понять, что мнѣ тяжело такъ, и только тиранять мое сердце, по каплѣ кровь пьють... Хоть бы камень на шею,—да вотъ сюда, въ глубь—на дно морское... Тамъ и покой, и тишина. И онъ не придетъ,—онъ воды боится...

XIII.

Минутами мнѣ казалось, что она помѣшана. Въ ея глазахъ блестѣлъ какой-то совсѣмъ особенный огонь. Во всемъ лицѣ свѣтилось какое-то особенное, нечеловѣческое выраженіе. Точно и вправду она была не отъ мира сего.

— Развѣ ваша мама сильно стѣсняетъ васъ?

— Ахъ, она мучить меня! вырвалось у нея... Она меня въ замужество богатому жениху продать хочетъ... Вы думаете, она отчего не сказала ничего сегодня, когда князь поцѣловалъ меня въ вагонѣ,—вѣдь вы это знаете, я слышала, какъ онъ говорилъ съ вами объ этомъ... Она не сказала ничего, потому что считала его за жениха. А какъ вы сказали, что онъ женатый—она мнѣ подходить къ нему запретила, теперь посы

лаеть съ вами кататься... И вѣдь знаете—это съ три-надцати лѣтъ такъ: и чего я навидѣлась, чего наслуша-лась... Сколько разъ на волоскѣ судьба моя висѣла. Въ чужомъ городѣ меня бросали,—безъ хлѣба я голода-ла, платьми обносилась: заплатки не было починить... Чуть вѣдь не полы мнѣ приходилось мыть... И никогда, никогда теплой, искренней ласки мнѣ не уда-валось испытать...

— А вотъ этотъ генераль,—онъ такъ вамъ въ глаза и смотритъ.

— Это... отецъ мой... Впрочемъ не знаю — быстро прибавила она, — боюсь ошибиться... Я его помню съ тѣхъ поръ, какъ помню сама себя... Онъ прежде постоянно меня наказывалъ, да изъ комнаты вонъ гонялъ... А теперь вотъ каждый день конфеты возитъ, да ручки пѣлуетъ...

Она опять задумалась, пристально глядя въ хрусталь-ную зыбь воды. Между сдвинутыми бровями легла мор-щинка, на лицѣ отразилась словно какая-то тупая, внутренняя боль.

— Ну, домой, —пора,—сказала она вздрогнувъ,— и велѣла лодочнику повертьвать лодку назадъ. — Насъ ждуть вѣроятно...

— Вы мнѣ прежде, кажется, говорили, что вашъ отецъ въ Одессѣ... спросилъ я.

— То не отецъ — это мужъ маминъ. Они давнымъ давно разошлись... Онъ военный, важную должность занимаетъ... Ахъ, какъ я разстроилась отъ этого раз-говора,—замѣтила она, поводя плечами... У меня те-перь до того нервы напряжены, что кажется вотъ кап-ля одна переполнитъ—и припадокъ будетъ.

Я велѣль грѣсти скорѣе къ берегу, опасаясь, чтобы припадокъ этотъ не случился въ лодкѣ.

— Когда же всему этому конецъ будетъ, когда! прошептала она сквозь рыданія, склоняясь ко мнѣ на руку, конвульсивно вздрагивая отъ слезъ. — Неужели же кромѣ смерти нѣть избавителя другаго...

• • • • •

XIV.

Шатаясь она дошла по улицѣ до подъѣзда той гостиницы, гдѣ онѣ жили, и гдѣ два дня назадъ мой носильщикъ разбилъ стекло.

— Сегодня князь будетъ въ большомъ проигрышѣ,—сказала она, тяжело переводя дыханье...

Юноши ужѣ ушли. Въ накуренномъ воздухѣ было тяжело и душно. Сквозь облака сигарного и папироснаго дыма блестѣлъ при свѣчкахъ широкій лобъ Шнейдера, чернѣлъ силуэтъ взъерошенной головы Тузлукова. Августа Павловна сидѣла близъ князя.—Шнейдеръ, мнѣ показалось, былъ очень недоволенъ нашимъ возвращеніемъ.

— Что такъ скоро? спросила Рогова, взглянувъ на блѣдное лицо дочери и переводя на меня свои подозрительные болотные глаза.

— Мнѣ что то нехорошо... чуть дурно не сдѣлялось,—объяснила Стася.

— Утомилась въ дорогѣ,— успокоительно замѣтила мать.—А у насъ здѣсь нашъ милый князь совсѣмъ въ проигрышѣ,— я его никакъ не могу остановить,—отка-

заясъ даже быть съ нимъ въ долѣ: онъ уже болѣе тысячи рублей проигралъ...

— Я съ больше не играю,—говорилъ Шнейдеръ, тасуя колоду, привычными, наметавшимися руками.—Потрудитесь разсчитаться за проигранное,—а то вѣдь не на орѣхи-же, съ позволенія сказать, мы играемъ.

— Не угодно ли продолжать,—рѣзко замѣтилъ князь, окончательно ужѣ охмѣльшій, толкая подъ столомъ ногой поставленный туда пустыя бутылки.—Если я говорю—продолжать, такъ значитъ продолжать надо.

— Не хочу,—отвѣтилъ спокойно Шнейдеръ, бросая карты.

— А я... я требую! крикнулъ князь, ударивъ по столу кулакомъ такъ, что подсвѣчникъ, подскочивъ, упалъ съ края стола на полъ.

Я подошелъ къ нему.

— Довольно, князь. Ёдемте домой. Всѣ устали и спать хотятъ.

Шнейдеръ нахмурившись посмотрѣлъ на меня.

— Князь долженъ мнѣ тысячу двѣсти сорокъ рублей, сказалъ онъ.

— Завтра онъ вамъ заплатитъ.

— Извините, я его не выпущу, пока не получу съ него тотчасъ-же. И васть, милостивый государь, прошу не пугаться,—и не соваться гдѣ васть не спрашивають!

Я поднялъ князя за руку.

— Ёдемте князь.

— Я васъ не пущу,—крикнулъ Шнейдеръ, шагнувъ къ намъ.

— Постойте, постойте,—сказалъ Тузлуковъ, проводя невѣрной рукой по своему лбу.— Я разочтусь сейчасъ. Сколько вамъ надо?

— Тысячу двѣстѣ сорокъ рублей.

Князь написалъ на сукнѣ 1240,— подумалъ, что то соображала.

— Это я вамъ проигралъ? спросилъ онъ.— Да?— Ну, если такъ, то вы... Онъ задумался.— Вы не гродненскій помѣщикъ, а мерзавецъ!

— Что-о? заревѣлъ Шнейдеръ... Что... Да какъ вы смѣете...

Рогова завизжала, и стала искать колокольчика...

— Мерзавецъ! хладнокровно повторилъ князь.— Онъ говорилъ совершенно чисто и ясно, только гораздо медленнѣе.— И если вы шагнете,— я васъ вышвырну за окно...

— Уйдемте, ради Бога,— я не могу,— проговорила блѣднѣя Стася.— Куда нибудь уйдемте...

— Да какъ-же князя оставить?..

Она пошатнулась, схватилась за столъ.

— Уйдемте, уйдемте! повторяла она...

— Меня, меня вышвырнуть,— хрюпѣлъ задыхаясь Шнейдеръ,— да ты знаешь, что я мѣдюки въ трубки скручиваю...

Князь насыщливо смотрѣлъ на него пьянымъ взглѣдомъ, опустивъ руки въ карманы.

— Денегъ я не отдамъ,— мѣрно говорилъ онъ,— потому что вижу, что ты приписывалъ... Ну, прочь отъ меня, или...

Шнейдеръ вдругъ попятился къ дивану, поблѣднѣлъ какъ полотно. Стася кинулась въ двери.— Я, хорошенъко не понимая въ чемъ дѣло, бросился за ней...

— Куда вы,— послушайте,— говорилъ я, догнавъ ее на улицѣ...

— Тамъ... лепетала она указывая на окно.

Оттуда грянула выстрѣль, раздался какой-то вскрикъ, Стася пошатнулась и безъ чувствъ повалилась на землю...

ХV.

Когда она пришла немного въ себя, первое что она прошептала, это были слова:—Везите, везите меня куда нибудь, только подальше... я туда не пойду.

Я усадилъ ее въ первую пошавшуюся коляску, и по-весь къ себѣ. Она, окаменѣлая, безъ движенія, сидѣла рядомъ со мной, словно не сознавая окружающаго. Она машинально пришла ко мнѣ въ комнату, машинально сбросила накидку.—У меня завтра утромъ будетъ припадокъ,—сказала она...

Я ей далъ выпить воды, спросилъ, не надо ли ей позвать горничную, она сказала что не надо. — Она сѣла въ кресла и закрыла глаза...

Она сидѣла такъ всю ночь. Предъ разсвѣтомъ, когда свѣчи стали блѣднѣть, она забылась. Я боялся ее оставить хотя бы на минутку. А между тѣмъ меня мучило любопытство, что тамъ дѣлается: въ кого былъ данъ выстрѣль, какіе были результаты... Если на повалъ... Быть можетъ Сибирь?..

Несчастная пьяная фигурка князька такъ и стояла у меня предъ глазами. Вся прелестъ судебнаго слѣдствія, во всей красотѣ, развернулась предо мной.—И за что пропалъ человѣкъ?!

Я ходилъ по комнатѣ, прислушивался къ шуму подъ окнами и въ корридорѣ. Но все было тихо,—ночь все блѣднѣла и тускла. Дѣвочка ровно дышала, свѣсивъ голову на грудь.

Я прилегъ на диванъ,—но едва забылся, какъ вскочилъ отъ необычайного гама.

— Гдѣ моя дочь! разносился по коридору голосъ шт-те Роговой.—Гдѣ она,—возвратите мнѣ мою дочь!

Я вышелъ къ ней за дверь.

— Она у васъ?

— Тише,—она больна.

— Я хочу ее видѣть,—возвратите мнѣ мою дочь...

— Войдите...

Она вошла, хищнымъ взглядомъ окинула комнату. Стася не просыпалась. Августа Павловна мрачно скрестила на груди руки.

— Позвольте васъ спросить,—начала она,— что мнѣ прикажете дѣлать съ нею. Репутація ея погублена на всегда...

— Чѣмъ это?..

— Какъ? она ночью убѣжала съ вами...

— Да вѣдь этого никто не знаетъ...

— Согласитесь, что теперь ей немыслимо выйти замужъ...

Рѣчь у нея полилась потокомъ, она точно горохъ въ стаканѣ сыпала... Тутъ были намеки на то, что я обязанъ жениться, чтобы поддержать честь ея дочери, что она могла выйти замужъ за какого нибудь графа,—что я навсегда погубилъ ея будущность. Однимъ словомъ, она наговорила ту массу вздора, которую всегда способна наговорить женщина въ минуту раздраженія. Въ концѣ-концовъ она объявила, что я виновникъ, что ее вчера чуть не убили...

Насилу-насилу я ее убѣдилъ закрыть фонтанъ ея краснорѣчія, увѣриль, что ничего ужаснаго не произошло, и что она же должна быть благодарна за то,

что я увезъ ея дочь отъ полицейскихъ протоколовъ и скандала.

Понемногу она остыла. Оказалось, что вчерашній выстрѣлъ былъ для всѣхъ безвреденъ: пуля ушла въ стѣну. Князь арестованъ, но денегъ Шнейдеру все-таки не заплатилъ...

— Удивительно, что Шнейдеръ пропалъ куда-то,— говорила она,— я наугадъ сюда пріѣхала, мнѣ казалось, что вы именно здѣсь остановитесь... Ахъ, я такъ потрясена, такъ потрясена...

Но тѣмъ не менѣе она напилась чаю. Гиѣвъ ея окончательно прошель. Она совсѣмъ не поминала про оскорблѣніе, нанесенное ея дочери. Напротивъ, она была со мной чрезвычайно любезна.

— Это припадокъ,—говорила она.—Если бы вы знали, до чего я намучилась съ ней! Я сама больна отъ этихъ волненій... Это ужасно, ужасно!

Когда дочь проснулась, она съ нѣжностью стала ее цѣловать. Потомъ внезапно отозвала меня въ уголъ и попросила въ долгъ двадцать пять рублей. Я былъ тоже измученъ всѣми впечатлѣніями послѣднихъ сутокъ, и мнѣ продолжало казаться, что все это сонъ.

— Что то съ княземъ бѣднымъ будетъ? покушеніе на убийство... Вѣдь это ужасно! говорила т-те Рогова, уѣзжая съ дочерью.—О, какія ужасныя событія...

XVI.

Я рѣшился бѣжать на сѣверъ. Впечатлѣнія юга усиливались съ каждымъ днемъ, и далѣе выносить не было силъ. Стася весь слѣдующій день пролежала больная.

На утро, когда я укладывалъ вещи, ко мнѣ внезапно вошелъ князекъ, чистенький, вымытый, веселый. Онъ такъ мнѣ обрадовался, что кинулся на шею.

- Отпустили! въ восторгѣ кричалъ онъ.
- Какъ вамъ Богъ помогъ?
- Да и здѣсь начальство оказалось знакомымъ. Шнейдера вчера же выслали отсюда, а съ меня взяли слово, что я сегодня уѣду. Вы ёдете?
- Да.
- Такъ ёдемте вмѣстѣ.

Онъ бросился къ себѣ укладывать чемоданъ. Оказалось, что „начальство“, когда дѣло выяснилось, рѣшило покончить дѣло короче. Шнейдеръ, конечно, не получилъ ни гроша. Тѣмъ не менѣе, онъ добился свиданія съ княземъ, простился съ нимъ по пріятельски, поцѣловался даже, и увѣрилъ его, что былъ тоже пьянъ, потому и погорячился, и записалъ что нибудь лишнее. Но князь на это не сдался и отказался отъ всякихъ долговъ.

— Знаете, я какой-то несчастный, особенный человѣкъ,—говорилъ онъ мнѣ, когда паровозъ помчалъ насъ черезъ пропасти и мрачные тунNELи по таврическимъ горамъ.—Ну, посмотрите, какъ все шло хорошо, благополучно, вплоть до вчерашняго вечера. И не пиль я,—и гладко, и ровно все было... А теперь—въ полиції сидѣть, арестованъ быль: чортъ знаетъ, что такое. Вотъ мать говорить, что Стася не отъ міра сего. Ей Богу и я такой же... Отчего же съ другими никогда ничего подобнаго не случается... Нѣтъ, баста! Зарокъ даю—пить больше не буду?..

- Надолго?

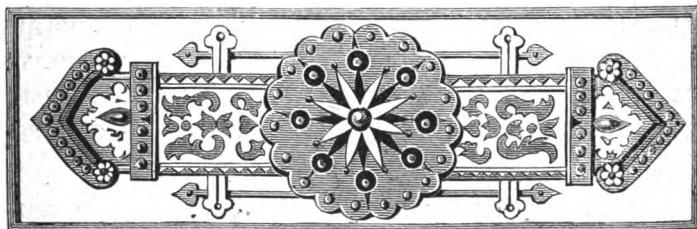
— Зарокъ-то?.. Навсегда!.. Впрочемъ, надо полагать не выдержу.

Въ X... мы разстались. Я полагаю, что онъ не выдержалъ.

Августъ 1882 г.

ВЪ ЮЖНОЙ ГЛУШИ.

I.

Черноглазая, красивая дивчина, босоногая, загорблая, съ маленькой астрой въ густыхъ волосахъ, выглянула на стукъ подковъ изъ калитки.

— Дома? крикнулъ ей молодой, съ закрученными въ стрѣлку усами, офицеръ въ голубомъ гусарскомъ ментикѣ, натягивая поводья и весело глядя на нее.— Отобѣдали?

— Ужѣ!

— Въ домѣ?

— Ни. Панъ въ клунѣ, а пани у черешень варенье варитъ.

Онъ привычнымъ движеніемъ перекинулъ черезъ сѣдло правую ногу, легко ступилъ на землю, перебросилъ черезъ голову мокрой лошади поводъ, провелъ рукой по растрепанной чолкѣ, отдалъ ремни подоспѣвшему конюху и выпнувъ сильно надутенный съ красной каемкой

платокъ, пошелъ въ садъ, слегка расправляя отекшія отъ долгой ѿзди ноги. Дивчина кинулась впередъ, мелькая среди цветовъ пестрыми, какъ эти клумбы, нарядомъ, бренча монистами, сверкая бѣлыми широкими рукавами.

— Ау! по руски окликнулъ гость, потерявъ ее изъ виду и въ недоумѣніи останавливаясь передъ двумя разбѣгающимися дорожками.

— Ау! откликнулись ему слѣва, и среди кустовъ засвѣтилось какое-то розовое пятно платья. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ. На лужкѣ, подъ черешнями, стояла небольшая печурка, аккуратно сложенная изъ кирпичей, съ громадной желѣзной покосившейся трубой, откуда теперь бѣжалъ прозрачный синеватый дымокъ, еле замѣтный въ горячемъ, пронизанномъ лучами украинскаго солнца, воздухѣ.

— Pardon, я не въ урочное время,—извинился гость, звяни шторами и натыкаясь на разбросанныя полѣнья.— Отвлекаю васъ отъ священнодѣйствія: оть служенія на алтарѣ пенатовъ.

Хозяйка, сконфуженная, покраснѣвшая и отъ огня и отъ внезапнаго посѣщенія гостя (она была въ капотѣ хотя и свѣженькомъ, но не предназначенному для приема гостей), улыбнулась, и вскорѣ вытеревъ свою маленькую горячую руку, протянула ее гостю.

— Напротивъ,—очень рада. Я ужъ кончаю варить: послѣдній тазикъ. Садитесь, monsieur Таганцевъ;— Приска, сними тарелки.

Приска быстро подхватила со скамейки пустыя блюда, переставила ихъ на столъ, врытый тутъ-же въ землю,

и въ то же время успѣла пощупать: не выпала ли отъ бѣготни изъ волосъ астра.

— Merci,—отозвался Таганцевъ, садясь на скамейку и оглядываясь.—Славно какъ здѣсь.—И точно было славно: вокругъ царилъ сладкій запахъ пѣнокъ, дыма, кружились какія-то мухи, стукали о тазикъ ложки,—все дышало южнымъ, горячимъ лѣтомъ, тепломъ, за-тишьемъ.

— А вашъ супругъ въ клунѣ? спросилъ онъ.

— Да вѣдь онъ цѣлые дни на работахъ.

— Его въ городѣ совсѣмъ не видно,—васъ тоже...

Мы часто васъ вспоминаемъ.

— Monsieur Таганцевъ, варенья хотите?

— Не откажусь. Онъ оглянулся—куда положить фу-ражку, и не найдя мѣста, надѣлъ ее себѣ на голову.—Прошлый разъ я у васъ *à la lettre* объѣлся варенѣемъ. Даромъ, что вы петербургская жительница—не усту-пите нашимъ...

Она выложила изъ простывающей миски нѣсколько ложекъ густыхъ сочныхъ ягодъ, и подала бледечко гостю.

— Васъ часто-часто мы вспоминаемъ,—продолжалъ онъ. Еще вчера отецъ протопопъ говорилъ о васъ: онъ буквально въ васъ влюбился... Отчего вы рѣдко загля-дываете въ нашъ городокъ?...

— Да не приходится какъ-то...

— Вы не повѣрите, что за тоска... День за день идетъ—одинъ какъ другой, другой какъ третій. Все одно и то же. Утромъ въ манежѣ, днемъ шляешься по товарищамъ, вечеромъ—карты... Семейныхъ офицеровъ, какъ на грѣхъ, ни одного нѣть,—даже докторъ овдо-

вѣль: ходишь, какъ муха сонная. Читать надоѣдаетъ,— да и у насъ это какъ-то не принято... .

Онъ поставилъ блюдечко на столъ, обтеръ усы, звякнуль по привычкѣ одной шпорой и прищурившись взглянулъ на хозяйку, на ея полненькия бѣлые руки, свободно выходившія изъ-подъ короткихъ, широкихъ рукавовъ блузы.

— А вы, Анна Павловна, не скучаете? спросилъ онъ.

— Немножко... Впрочемъ къ намъѣздятъ сосѣди. Я хозяйство люблю, очень люблю... Здѣсь прелестъ какъ хорошо...

Въ голосѣ ея чувствовалась нервность, раздражительность, но гость, не замѣтчая этого, продолжалъ смотрѣть на маленькия кисти рукъ, крѣпко державшія тазикъ и ложку.

— Я вѣдь къ вамъ, Анна Павловна, чрезвычайнымъ посломъ,—внезапно сказалъ онъ.

Она съ удивленіемъ взглянула на него.—Отъ кого это?

— Отъ всего города, отъ всей нашей интеллигентіи, и наконецъ лично отъ себя.

— Это интересно.

— Вы знаете, въ городѣ у насъ есть благотворительное общество. Оно нуждается въ суммахъ, и рѣшилось устроить спектакль... Я знаю, вы игравали на домашнихъ сценахъ. Если бы вы соблаговолили принять участіе?

Анна Павловна осторожно стraphнула съ ложки пѣнку.

— Я не могу вамъ дать прямаго отвѣта, сказала она.—Это зависитъ...

— Анна Павловна, согласитесь! умоляющимъ тономъ заговорилъ Таганцевъ.—Вы согласитесь—все устроится—

безъ васъ ничего не будетъ... Согласитесь пожалуйста—вы оживите насъ всѣхъ. Вѣдь здѣсь всѣ заплѣсневѣли. Вы знаете, спектакли какъ сближаютъ,—ну повеселимся, вздохнемъ посвободнѣе...

Въ его голосѣ было столько мольбы, просьбы, точно отъ согласія молодой женщины зависѣло все его счастье...

— Хорошо,—улыбаясь сказала она,—я приму участіе, только...

— Анна Павловна,—не надо „только“,—мы повеселимся, встрѣхнемся...

Она засмѣялась.—Я очень рада.

— Ну, а супругъ вашъ?

— Что?

— Я хочу сказать—онъ приметъ участіе?

Она слегка сдвинула брови, продолжая улыбаться губами.—Сохрани Богъ,—ему некогда, онъ съ утра до ночи занятъ. Еще сегодня привезли изъ Киева новую молотилку, онъ возится съ ея установкой... Вообще онъ не любить разѣзжать и вы на него не разсчитывайте.

Гусарь покорно наклонилъ голову.

— Вы кого думаете приглашать? какъ-то небрежно, мимоходомъ, прибавила она.

— Многихъ. Во первыхъ—Вѣру Всеволодовну Богучарову,—она... А горос—какъ она вамъ нравится?

Вопросъ этотъ тоже былъ сдѣланъ мимоходомъ, но поѢгавшимъ глазамъ Таганцева, и внимательно-напряженому лицу, нельзя было заключить, что отвѣтъ не интересуетъ его.

— Я ее очень мало знаю,—кажется милая барышня,—уклончиво отвѣчала хозяйка.

Лицо Таганцева просвѣтлѣло, онъ слегка попшевелилъ

„нов. и разв. и. и. гнѣдича“.

усами—и съ довольнымъ видомъ погладилъ себѣ по ногѣ. Богучарова была дочь мѣстнаго помѣщика, единственная наследница его громадныхъ имѣній, весьма бойкая барышня, къ которой Таганцевъ чувствовалъ себя неравнодушнымъ.

— Ну-съ, потомъ,—продолжалъ онъ веселымъ тономъ,—нельзя обойти Мармышева,—хотя онъ не всегда выносимъ въ обществѣ. Безобразить ужасно, а какъ вы его не пригласите? — первое лицо въ уѣздѣ—первый хозяинъ, заводчикъ... Ну, конечно, нельзя обойти Ярцева...

Она низко наклонилась, заглядывая въ печь,—лицо ея зарумянилось, должно быть оттого что она наклонилась. Она велѣла Прискѣ подбросить дровъ, и мелькомъ взглянула на гостя...

— Весело будетъ,—равнодушно сказала она.—Кому это пришла счастливая мысль о спектаклѣ?

— Минь-съ,—не безъ гордости отвѣтилъ Таганцевъ,—я на своемъ вѣку бездну спектаклей ставилъ, знаю театральное дѣло какъ свои пять пальцевъ,—два раза собирался на сцену поступить... Это кажется вашъ супругъ,—прибавилъ онъ, смотря въ аллею.—И съ нимъ еще кто-то...

— Ярцевъ. Онъ обѣдалъ у насъ: они вмѣстѣ молотилку пробовали...

II.

Къ нимъ подходило двое.—Одинъ—худощавый, бѣлокурый господинъ съ зеленовато-голубыми на выкатѣ глазами, съ длиннымъ, сжатымъ, заостреннымъ книзу

лицомъ, и курчавой густой бородкой. Другой былъ нѣсколько моложе, значительно выше, съ сѣрыми добрыми глазами, и густыми волнами заброшенныхъ за уши волосъ. Первый былъ мужъ Анны Павловны, кандидатъ на какую-то каѳедру—Сергѣй Ивановичъ Чмутовъ,—второй,—ихъ сосѣдъ по имѣнью, Борисъ Федоровичъ Ярцевъ.—Чмутовъ шелъ скорой, вздрагивающей походкой, заложивъ руки въ карманы своего коломянковаго, отдувающагося по вѣтру пиджака, надвинувъ на самые глаза широкополую, соломенную шляпу. Ярцевъ шелъ шага на два отставши, разсѣянно поглядывая по сторонамъ, вертя въ рукахъ сорванный гдѣ-то прутикъ. Увидя гостя, Чмутовъ прямо пошелъ къ нему.

— Поклонъ вамъ ото всего города,—заявилъ Таганцевъ.

Чмутовъ приподнялъ шляпу, стиснулъ ему руку, но не сказалъ ни слова, не поблагодарилъ, и уставилъ на варенье.

— По двору вашу лошадь водятъ,—сказалъ Ярцевъ, отвѣчая на пожатіе гусара.—Вы ее замучили совсѣмъ.

— Жарко сегодня. Я издалека: обѣдалъ у Богучаровыхъ.

— Охота по такой жарѣ ъздить! пожавъ плечами отозвался хозяинъ, ни къ кому лично не обращаясь, продолжая смотрѣть на вскипавшія ягоды, и стоя съ тѣмъ видомъ, съ какимъ стоятъ люди, остановившіяся мимоходомъ, для приличія, и которымъ сей часъ-же снова надо идти по дѣлу.—Это портить лошадь—мучить ее по такому пѣклу.

— У меня конь привычный,—не смущаясь возвратилъ Таганцевъ.—Да и сегодня я пріѣхалъ сюда къ

Аннѣ Павловнѣ по порученію,—прибавилъ онъ, какъ бы оправдываясь изъ-за чего онъ замучилъ его.

Чмутовъ слегка нахмурился.—По какому?

— У насъ затѣвается благотворительный спектакль, такъ проситьтъ Анну Павловну принять участіе.

— А! — Онъ повернулся къ женѣ. — Что же, — ты согласна?

— Согласна, — отвѣтила она, не поворачиваясь отъ тазика, но тономъ такого безусловнаго рѣшенія, что о возраженіи не могло быть и рѣчи.

— А вы, Сергѣй Ивановичъ,—продолжалъ Таганцевъ:—вы не будете участвовать.

Онъ скорчилъ не то улыбку, не то гримасу.—Нѣть, отвѣтилъ онъ, снимая шляпу и отираясь. — Я вамъ очень благодаренъ за честь (онъ особенно вѣжливо поклонился), — но я попрошу меня уволить... У меня, у самого дома спектакли съ благотворительной цѣлью...

Таганцевъ удивленно вскинулъ на него глазами.

— Да-съ,—продолжалъ онъ,—спектакли—и въ клунѣ, и на полѣ, и въ саду. Вчера былъ водевиль: хлопцы водянику, что въ травѣ передъ домомъ въ бутыли на солнцѣ грѣлась, выпили,—а сегодня трагедія: дивчина съ журавля оборвалась—бокъ отшибла—лежитъ, охаетъ...

— Какая это? беспокойно спросила его жена.

— Домаха.

— Надо ей дать что нибудь...

— Валерьяновыхъ капель на сахарѣ, фыркнуль мужъ,—и на полгода въ Египетъ на излѣченіе...

— У тебя все глупости,—раздраженнымъ но сдержаннѣмъ голосомъ возразила она.

— Ну, у кого глупости — такъ это у тебя. — Лѣчить хлопцевъ да дивчать, — обратился онъ на этотъ разъ уже прямо къ гостямъ:—даеть имъ какія-то мятыя да имбирныя пастильки, которая они могутъ жевать пудами—и воображаетъ, что приносить этимъ великую медицинскую помощь, выполняетъ какую-то миссію.

Лицо ея вспыхнуло, она сердитымъ движениемъ перебросила черезъ плечо шитое полотенце.—Я не понимаю,—сказала она,—твоей страсти смыться надо мню и особенно надъ моимъ лѣченемъ: еслибы не было отъ него пользы, вѣдь не ходили-бы ко мнѣ больные десятками каждый день. Посмотри, сколько болѣло лихорадкой, когда мы прїехали сюда весной,—теперь хина всеѣхъ вылѣчила... Я не знаю, что ты имѣешь противъ этого...

— Ничего особеннаго... Доказательствомъ служить то, что я даю на лѣкарства деньги...

Онъ круто замолчалъ, поводя во всѣ стороны глазами и нервно барабани кривыми, бѣлыми пальцами по столу. Анна Павловна стала сливать послѣдній тазикъ въ миску, шумно плеская и шлепая тяжелыми ягодами, обрызгивая свой передникъ горячимъ сокомъ.

— Вы молотилку устанавливали?—спросилъ Таганцевъ.

— Да,—отвѣтилъ за хозяина Ярцевъ.—Кажется, хорошо будетъ дѣйствовать... Въ восемь лошадей...

— Скажите пожалуйста, — я совершенный профанъ въ сельскомъ хозяйствѣ (и Таганцевъ снисходительно-виновно улыбнулся самъ своему незнанію), — имѣютъ новѣйшія усовершенствованія въ сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ примѣненіе на практикѣ?

Ярцевъ невольно тоже улыбнулся.—Конечно имѣютъ, иначе что-же бы это были за усовершенствованія.

— Да, но вотъ нерѣдко приходится читать въ газетахъ (хотя по наивному сознанію Таганцева читать у нихъ въ полку было „не принято“, но газеты все таки читались), иногда приходится читать въ газетахъ, что заграничныя полевыя машины не имѣютъ у насъ примѣненія...

— У меня онъ работаютъ отлично,—вразбрѣлъ Ярцевъ,—у Сергея Ивановича тоже, у Мармышева тоже. Все дѣло въ томъ какъ обращаться... У насъ есть и машинисты-специалисты и передвижныя полевыя кузницы, такъ что машинныя поврежденія исправляются на мѣстѣ... Большихъ паровыхъ машинъ-плуговъ, конечно, у насъ нѣтъ, потому что затрата въ 15—20 тысячъ при значительной дешевизнѣ рабочихъ рукъ непроизводительна. Бѣпрочемъ, еслибы цѣлый округъ обрабатывалъ однимъ плугомъ поля, и бралъ-бы его по очереди на аренду—можетъ быть и было-бы выгодно...

Ярцевъ говорилъ все это просто, не торопясь, высказывая давно созревшія въ его головѣ мысли. Тонъ рѣчи его былъ слегка лѣнивый. Онъ этимъ тономъ говорилъ со всѣми,—и съ своимъ прикащикомъ, и съ губернаторомъ, и съ хлопцами, этимъ тономъ онъ отвѣчалъ на экзаменахъ въ университетѣ,—и только въ разговорѣ съ женщинами онъ оживлялся, глаза его блестѣли. Хозяйствомъ онъ занимался толково, но отзывался о немъ какъ о какомъ-то долгѣ, о службѣ, которой нельзѧ избѣжать, отъ которой нельзѧ отказаться.

— Кофе скоро? лаконически спросилъ у жены Чмутовъ.

Анна Павловна молча вынула изъ кармана связку маленькихъ блестящихъ ключей, и подала Прискѣ. Та схватила ее и, по обыкновенію, бѣгомъ кинулась къ дому.

— Да, — я совсѣмъ забылъ у васъ спросить, обратился къ Ярцеву Чмутовъ, — вы не встрѣчали за послѣдніе дни на поляхъ маленькаго господина, толстенькаго, шляпа грибомъ, съ дубиной?.. Такая рыжая бородка сосульками...

— Встрѣчаль, кажется встрѣчаль, — медленно припоминая, проговорилъ Ярцевъ, — а что?..

— Надо будетъ присмотрѣть за нимъ, — что онъ тутъ путается... Это поповичъ какой-то... Чуть-ли не изъ новыхъ апостоловъ. Что-то такое рабочимъ болталъ о заработкахъ и раздѣлахъ...

— Позвольте, позвольте, — внезапно спохватился Таганцевъ, — вчера нашъ протопопъ что-то говорилъ о своемъ дальнемъ родственникеъ: „путаникъ, говорить, рыжеголовый, — пріѣхалъ изъ Рязани и сѣль мнѣ на шею: теперь, говоритъ, вокругъ города шатается гдѣ день, гдѣ ночь...“ Не этотъ-ли?

— Должно быть онъ, — рѣшилъ Чмутовъ. — Во всякомъ случаѣ я кой-какія мѣры принялъ, если онъ за свою проповѣдь возьмется на моей землѣ... И вамъ соворѣтую...

— Да что-же я могу предпринять? сказалъ Ярцевъ.

— Ну да ужь тамъ что хотите, — я васъ съ своей стороны предупредилъ...

Разговоръ оборвался. Таганцевъ сталъ рассказывать что-то очень неинтересное о полковыхъ производствахъ, всѣ слушали, ожидал, когда онъ кончить. Вдругъ Чмутовъ предложилъ ему осмотрѣть больнаго жеребенка.

— Я въ ветеринарномъ искусствѣ плохъ,—пояснилъ онъ—и предложилъ ему идти въ конюшню.

— Съ удовольствiемъ,—отвѣтилъ Таганцевъ, неохотно поднимаясь съ мѣста: ему, очевидно, гораздо было пріятнѣе находиться въ обществѣ красивой барыни, чѣмъ осматривать больнаго жеребенка, но отказываться было неловко.

III.

Когда шумъ удалявшихся шаговъ затихъ между деревьями, глаза Анны Павловны встрѣтились съ глазами Ярцева.

— И вотъ это постоянно,—отвѣтила она на его нѣжной вопросъ.—Это вѣчное брюзганье:—что бы я ни сдѣлала — все дурно; все что онъ дѣлаетъ — безподобно... Цѣлые дни — уроки и поученія...

— Но вѣдь это мелочи, пустяки,—спокойнымъ голосомъ отозвался ея собесѣдникъ.

Она нервно повела плечами.—Пустяки, все пустяки, но вѣдь это каждый день, каждый Божій день... У него какой-то особенный взглядъ на людей, онъ считаетъ себя на голову выше всѣхъ — смотритъ на всѣхъ съ какимъ-то пренебреженiemъ... Онъ уменъ, онъ образованъ — и гордится этимъ до того, что никому не прощаетъ ни малѣйшаго выхода изъ рамки, что онъ самъ себѣ выдумалъ, и къ другимъ примѣняетъ...

— Да что-же вы волнуетесь,—полно...

Ея ноздри раздулись, на щекахъ вспыхнулъ румянецъ, изъ-подъ темныхъ бровей словно посыпались искры.—Вы замѣтили сейчасъ эту фразу, сказала она,—насчетъ

больныхъ: „я ничего особенного не имѣю противъ нихъ,— я даже деньги даю на лѣкарства“... Это я даю деньги— лучше всего, — тонкій намекъ: „ты не забудь, вѣдь и тутъ я плачу, тебя-то я безъ приданаго взялъ“...

— Полноте, онъ не имѣлъ этого и въ виду.

— Ахъ,—вы его не знаете! какимъ-то груднымъ, гнущущимъ голосомъ сказала она. — Вы говорите, что это мелочи, — да вѣдь вся жизнь наша, — все это мелочи, мелочи и небольше. Можетъ быть вы правы—я мелочна,—но что жъ дѣлать: такою видно ужъ Богъ меня создалъ...

Она опустилась головой на руки, закрывъ ладонями лицо. Онъ наклонился къ ней и тихонько взялъ ее за руку.

— Полноте, дорогая, о чёмъ-же...

Она не отнимала отъ него рукъ, но не поднимала головы.

— Онъ не считаетъ это оскорблѣніями,—начала она снова, — онъ не подозрѣваетъ, что въ этихъ намекахъ есть что нибудь оскорбительное. Онъ считаетъ себя выше этихъ намековъ, выше! Это богъ, который съ высоты своего величія раздастъ дары.. А, да затѣмъ я вамъ все это говорю, съ какой стати...

— Говорите, говорите, — тихо возразилъ онъ, глядя на ея милую поникшую головку, на бѣленькую обрамленную кружевомъ пеньюара шейку, на крутившіеся колечками на затылкѣ и за ушами золотистые волосы, на разгорѣвшіяся отъ волненія, горячія щеки; — говорите, я вашъ старый... старый знакомый, — вѣдь вамъ легче когда вы выскажетесь, легче,—да?..

— Какое право онъ имѣть,—воскликнула она, подавленная новымъ наплывомъ мыслей, — какое онъ

имѣть право, оскорбляя меня на каждомъ шагу, ревновать въ то же время ко всѣмъ, ко всѣмъ, кто къ намъ ни ъздилъ въ Петербургъ... Онъ увѣряетъ, что даетъ мнѣ полную свободу, а самъ связалъ меня по рукамъ и по ногамъ, я не могу двинуться, пошевелиться,—я задыхаюсь...

— Вѣдь это происходитъ оттого, что онъ любить васъ,—попробовалъ утѣшить Ярцевъ.

— Не надо мнѣ его любви, не надо...

Она судорожно опустилась руками на столъ и зарыдала давно накипѣвшими слезами, зарыдала такъ, какъ рыдаютъ только женщины, въ порывѣ бессильного отчаянія и горя...

IV.

— Что за пошлая форма благотворительности, что за вздоръ! говорилъ Чимутовъ, когда Таганцевъ красивой развалкой выплылъ со двора на свое мѣсто иноходцѣ.— Я не понимаю, мой другъ, и тебѣ охота соглашаться...

И онъ, для того, чтобы яснѣе выразить, что онъ съ этого не понимаетъ, пожалъ плечами и заходилъ большими шагами по балкону, изподлобья поглядывая тѣ на жену, тѣ на Ярцева.

— Зачѣмъ-же отказываться? отозвалась она,—что-же мнѣ здѣсь сидѣть, никуда шага не ступая дальше сада? Вѣдь три мѣсяца я сижу,—вѣдь у насть кромѣ Бориса Федоровича, который изрѣдка заглядываетъ,—никто не бываетъ.

— Неужели тебѣ такъ интересны здѣшніе сосѣди и знакомства? иронически возразилъ онъ.—Вотъ спроси у

Бориса Федоровича (онъ качнулъ головой по направлению Ярцева),—спроси: кто здѣсь, изъ здѣшнихъ барынь тебѣ подъ пару, — съ кѣмъ ты можешь сойтись? Все дура на дурѣ... Я не понимаю, что тебѣ этотъ благотворительный спектакль? Только разовьетъ ненужное амикошонство... Пойдутъ пошлые разговоры: кромѣ пошлыхъ разговоровъ они ни на какіе не способны.. Мелкие интересы, дрязги...

Ярцевъ нетерпѣливо повернулся на креслѣ: онъ чувствовалъ въ себѣ тѣ сознаніе неумѣстности, которое всегда ощущаютъ люди, оказавшіеся невольными свидѣтелями семейной сцены. Онъ смотрѣлъ въ садъ, на ярко залитую вечернимъ свѣтомъ листву, на перистыя облака, что перламутромъ разсыпались по небу, на далекіе нагорные берега Днѣпра, синѣвшіе на горизонтѣ, и въ то же время невольно смотрѣлъ на Чмутова, слышалъ, что говорилось вокругъ...

— Но что-же мы за неземныя существа съ тобой? спрашивала Анна Павловна.—Почему мы не должны снизойти до простыхъ смертныхъ?

— Не должны! категорически отвѣтилъ Чмутовъ.—Держись особнякомъ, въ сторонѣ, отъ этой грязи.. Въ три года что мы женаты — я всѣми силами стараюсь удержать чистоту семейныхъ элементовъ... Теперь у насъ семья распадается, семьи нѣть: разумная, замкнутая жизнь—единственный исходъ укрѣпить какія-бы то ни было отношенія...

— Но почему же замкнутая жизнь самая разумная, объясни мнѣ пожалуйста—я этого не понимаю?..

— Потому что... потому что ты молода—ты не знаешь людей.

— Да я хочу ихъ узнать,—вѣдь я живое существо,—

молодымъ, порывистымъ голосомъ возразила она.—Вѣдь я всю жизнь взаперти росла...

— Славу Богу, что не знаешь, что росла взаперти,—быстро отвѣтилъ онъ.—Съ этой стороны я уважаю твою мать. Твое воспитаніе было рационально,—ты неиспорченная, свѣжая натура—не тѣ верченые юлы, что прыгаютъ въ Петербургѣ по паркетамъ...

— На противъ, напротивъ! убѣдительно-оживленно заговорила она:—главная ошибка моей матери была та, что я мало выѣзжала, мало видѣла свѣта... Знай я побольше людей—я... я быть можетъ не ошибалась бы въ нихъ и... и была бы счастливѣе...

Чмутовъ остановился прямо противъ жены.

— То-есть ты хочешь сказать,—началъ онъ, глубоко заложивъ руки въ карманы,—что ты ошиблась, выйдя за меня замужъ.—Но на это я тебѣ при постороннихъ ничего не отвѣчу... ибо считаю это неумѣстнымъ.

Ярцевъ быстро поднялся съ мѣста.

— Вообще вы мнѣ позвольте уѣхать,—хмуриясь сказалъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—равнодушнымъ, почти небрежнымъ тономъ возразилъ Чмутовъ,—вы пожалуйста, пожалуйста сидите. Вы у насъ почти свой (онъ какъ-то странно подчеркнулъ это „почти свой“). Вы мою жену знаете больше чѣмъ я; знаете, что она прекрасная женщина, но что у ней есть своего рода недостатки. Вонервыхъ, у нея нѣтъ характера, какъ и вообще у женщинъ! У нихъ характеръ замѣняется самолюбиемъ или капризомъ... Не скажу, чтобы она была капризна, но она самолюбива, самолюбива до глупости, какъ женщина...

— Я тебя попрошу прекратить этот разговорь,—попробовала его остановить Анна Павловна.

— Отчего же? Онъ косо усмѣхнулся и еще глубже опустилъ руки въ карманы.—Зачѣмъ-же прекращать—вѣдь это въ тебѣ опять говоритъ самолюбіе. Ты самолюбива, изъ самолюбія не хочешь, чтобы я при Борисѣ Федоровичѣ говорилъ это.

— Ты хочешь по обыкновенію оскорблять, унижать меня,—тяжело дыша сказала она, чувствуя какъ щеки ея горятъ, въ виски стучить кровь, сердце порывисто колотится.—Что-же, пользуйся своимъ правомъ...

— Что за фразы: „оскорблять, унижать“, морщась заговорилъ Чмутовъ.—Начиная съ того, что я не могу тебя оскорбить и унизить, потому что тебя люблю и потому что ты для меня дороже всего на свѣтѣ...

— Еще разъ, ради Бога, оставимъ этотъ разговорь...

— Пять минутъ еще. Я говорю тебѣ правду, правду—и не больше,—говорю, потому что не нахожу нужнымъ ее скрывать. Ты милая, хорошая женщина, но ты пуста—пуста совершенно, не смотря ни на воспитаніе, ни на образованіе... На что ты способна, къ чему подготовлена?.. Это счастье, что у тебя нѣть дѣтей—ты бы ихъ ненавидѣла...

— До свиданія,—настойчиво проговорилъ Ярцевъ, подходя къ Аннѣ Павловнѣ.

Та подняла на него свои глаза и крѣпко пожала руку. Глаза ясно говорили: „вы видите, вотъ это каждый день, каждый Божій день“... Онъ стиснулъ зубы и стараясь ни на кого не глядѣть, пошелъ съ балкона.

Проводивъ его, Чмутовъ вернулся къ женѣ.

— Я тебѣ даю полную свободу,—сказалъ онъ, дѣлая плавный жестъ по воздуху. Ты можешь дѣлать что хо-

чешь: хочешь играть на этомъ пошломъ спектаклѣ: играй, — но по моему это глупо, это ненужно. Мой девизъ — полная свобода, и этой свободой ты пользуешься вполнѣ...

— Сергей, но что же это за свобода — выговоры, нотации...

— А это своего рода узда... Ты свободна: ты можешь идти, ъхать куда и съ кѣмъ хочешь, — я никогда не потребую отъ тебя отчета, потому чтоувѣренъ въ тебѣ. Но надъ женщиной всегда долженъ висѣть дамокловъ мечъ — сила ея мужа...

Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней и наклонился. Лицо его было серьезно, нижняя челюсть вздрагивала, глаза покраснѣли...

— Что у тебя за мелодраматический видъ, — попробовала улыбнуться она.

— Я знаю, ты ошиблась, — продолжалъ онъ: — ты не любишь, ты ненавидишь меня, ты проклинаешь день нашей свадьбы, — я это знаю, — но это мнѣ все равно...

— Какъ все равно? съ изумленіемъ проговорила она.

— Все равно! Я тебя люблю — и этого мнѣ довольно. Онъ схватилъ внезапно ея руку и стиснулъ. — Ты мнѣ принадлежишь, ты моя законная собственность — и могу я владѣть тобой безраздѣльно... Если ты полюбишь другаго — я тебя не отпущу отъ себя, — если уйдешь — я верну тебя силой... Да ты не уйдешь — у тебя и характера не хватитъ... да и денегъ нѣтъ... Ты боишься меня — этимъ я силенъ... Куда бы ты ни ушла, я вырву тебя отовсюду — и въ концѣ концовъ ты моя будешь, моя...

Онъ наклонился къ ней, охватилъ одной рукой ее за плечо и горячо прижалъ свои губы къ ея щекѣ. —

Люблю я тебя, ты богъ міѣ, жизнь—и никому, никому я тебя не отдашь—и ревновать я тебя ни къ кому не буду, потому что любить ты никого не посмѣешь...

Она гадливо отстриялась отъ него; онъ, какъ будто не обращая на это вниманія, повернулъ къ себѣ объими руками ея голову и крѣпко, крѣпко поцѣловалъ ее въ сжатыя, холодныя губы и закрытые глаза. Потомъ, быстро взявшъ со стола шляпу, надѣль ее, остановился на минуту въ раздумыи, собираясь что-то сказать ей, но видя, что она по прежнему сидѣть блѣдная, съ закрытыми глазами, слегка маxнула рукой и стала торопливо спускаться по ступенькамъ балкона.

V.

Ярцевъ вышелъ на крыльце хмурый. Конюхъ подвель ему воронаго рысака, заложенного въ бѣговыя дрожки, пугливо вздрогивавшаго и поводившаго налитыми кровью глазами; онъ, еще разъ холодно пожавъ Чимутову руку и расправивъ возжи, быстрымъ прыжкомъ сѣлъ у передка. Вороной шарахнулся въ сторону, осѣль на заднія ноги, затопаль всѣми четырьмя копытами въ мягкую, поросшую мелкой травой землю, и сильно рванувъ съ мѣста, крупной рысью выѣхалъ на дорогу. Его, кажется, нѣсколько удивило, что сѣдокъ не натягиваетъ возжей, даетъ ему сразу полный ходъ. Онъ потряхивалъ головой, прядаль ушами и ровнымъ бѣгомъ несъ легкій экипажъ по узкой дорогѣ, смутно чувствуя, что хозяинъ не въ духѣ. Ярцевъ, точно, хмурился все больше и больше. Его бѣсила спена, которой онъ былъ только что свидѣтелемъ: въ его ушахъ гудѣлъ иѣрный, одно-

тонный голосъ Чмутова, мелькало блѣдное, разстроенное лицо его жены.— „Кому досталась! думалъ онъ. Она, это милое, это безконечно милое существо!“... И онъ вспоминалъ ее такой, какой зналъ лѣтъ шесть-семь назадъ, когда впервые еще съ ней познакомился, когда она была еще дѣвушкой. Онъ вспомнилъ всю семью: красиваго сухаго старика, ея отца, вѣчно страдающую мигренями мать, ея сестеръ, братьевъ—вспомнилъ ту атмосферу влюбленности, которая всегда царила въ ихъ домѣ, и сердце въ немъ такъ болѣло, такъ непріятно скжалось. „Какъ она вышла за него замужъ, какъ это все такъ случилось?“ — задавалъ онъ себѣ вѣчный вопросъ... Ему казалось непростительно-непонятнымъ—отчего онъ тогда не сдѣлалъ ей предложенія. Онъ боялся оскорбить ее своимъ предложеніемъ,—она на такой недосягаемой высотѣ стояла передъ нимъ, онъ считалъ себя недостойнымъ такого счастья—и вдругъ она согласилась быть женой Чмутова, котораго онъ за годъ передъ этимъ познакомилъ съ ихъ домомъ какъ своего сосѣда, заѣхавшаго ненадолго по дѣлу въ Петербургъ. Что такое Чмутовъ? Филологъ, правда человѣкъ богатый, кончившій курсъ съ медалью, пользовавшійся репутациею умнѣйшаго человѣка, но въ сущности человѣкъ очень недалекій. Ярцевъ былъ пораженъ, подавленъ случившимся... Когда она сообщила ему, что выходитъ замужъ, вся кровь кинулась ему въ голову, сердце мучительно замерло, но онъ пересилилъ себя и спокойно поздравилъ ее. Онъ рѣшилъ что она его не любить: если бы любила — зачѣмъ бы она пошла замужъ за другаго?.. И она такъ спокойно, такъ ровно стояла подъ вѣнцомъ, улыбалась, улыбалась когда неловкій шаферъ наступалъ ей на платье, улы-

балась, когда пили шампанское, улыбалась, когда ее сажали съ мужемъ въ вагонъ. И чѣмъ больше унижений (какъ казалось ему) выносила она, тѣмъ словно она становилась ровнѣе и спокойнѣе...

То, что онъ слышалъ сегодня—это ужъ не первый разъ. Ему и раньше доводилось видѣть такие порывы, и раньше онъ замѣчалъ эти огоньки въ ея глазахъ... „Быть грозѣ!“ подумалъ онъ, глядя на небо — и невольно сравнивая эту душную предгрозовую атмосферу съ тѣмъ, что онъ оставилъ тамъ, позади. На поворотѣ дороги онъ оглянулся. Бѣлый домикъ тонулъ въ зелени, опускался внизъ за холмъ вмѣстѣ съ садомъ, словно вросталъ въ землю: одинъ фронтонъ только былъ виденъ, какъ разъ въ уровень съ пахатнымъ полемъ. „И тамъ она, глазъ на глазъ съ нимъ, вдвоемъ“...

Онъ передернулъ возжами, и попрыгивая по выбоинамъ дороги, еще скорѣе помчался къ дому. Лиловая туча ползла изъ-за Днѣпра, густая, тяжелая, отороченная по краямъ золотисто-серебряной каймою. Она ползла зацѣпляя солнце, бросая синія тѣни на дальние лѣса и покосы, забирая къ зениту, затягивая небо все больше и больше...

— Такъ долго продолжаться не можетъ,—думалъ Ярцевъ, — такое положеніе немыслимо. Это не жизнь, — это ложь. Развѣ это бракъ? Гдѣ тутъ взаимная нравственная поддержка? Онъ расшатывается съ каждымъ днемъ семейныхъ отношеній, онъ, самъ не сознавая, ломаетъ снизу постройку—не понимаетъ, что когда она рухнетъ, его же первого раздавить... Нервы ея напряжены—еще одинъ, два толчка — цѣль порвется, — она отъ него уйдетъ...

Куда уйдетъ? Ярцевъ обходилъ этотъ вопросъ,—точно ему не было до него дѣла. Онъ не отдавалъ себѣ отчета въ этомъ, но онъ зналъ, чувствовалъ,—во первыхъ, что она уйдетъ, а во вторыхъ—что онъ ее любить. Онъ былъ твердо увѣренъ, что любить ее; онъ волновался, когда думалъ о ея отношеніяхъ къ мужу, онъ скучалъ, когда не видѣлъ ее нѣсколько дней, онъ засыпалъ съ мыслью о ней, просыпался съ тою же мыслью. И никогда это возбужденіе не доходило до такой степени какъ сегодня. „Вѣроятно это отъ близкой грозы“, думалъ онъ, прислушиваясь къ шумному лепету вербъ, испуганно трепетавшихъ молочно-зелеными листьями, подъ первымъ порывомъ вѣтра.

Отдаленный громовой раскатъ волнами прокатился по степи. Впереди на дорогѣ зачернѣлись двѣ гарбы, полныя плотно-сложенными копами. Это шли его поля, и гарбы были его же. — „Не успѣютъ сегодня все-го овса свезти“, невольно перешель онъ мыслии на хозяйство,—и стала осторожно огибать скрипучія телѣги. Пѣгие волы, флегматично покачивая головами, неторопливо переставляли раздвоенные копыта, прислушиваясь къ мѣрному „попъ-цопъ“, которымъ ижъ подбодрялъ загорѣлый узколицій хлопецъ въ грязныхъ шароварахъ.—„Сегодня убраться не поспѣли?“ спросилъ у него Ярцевъ. Оказалось, что „возовицы“ хватить на весь завтрашній день. Всѣ эти дни погода стояла неравномѣрная: то солнце, то дождь; съ утра ясно — къ полдню затянетъ, вечеромъ дождь, а ночью опять вызѣздить. „Гадко, что сегодня не убрались,—подумалъ онъ,—очень гадко“.

Первые крупные капли дождя застали его въ полуверстѣ отъ дома. Но ѿхать скоро было нельзя,—по до-

рогъ пестрѣли спѣшившія домой съ поля дивчата и хлопцы, поминутно встрѣчались гарбы, а одна вдова-вокъ, у которой сломалось колесо, бокомъ сидѣла какъ разъ поперекъ дороги; ветхіе мосты, мѣстами переброшенные черезъ ручьи, высмотрѣли сомнительно и рысью по нимъ нельзя былоѣхать. „На репетиціяхъ, быть можетъ, что нибудь выяснится“, продолжалъ Ярцевъ свои мысли, щурясь отъ косаго дождя, и невольно мигая отъ вспыхивающей вокругъ молніи. Мокрый вѣтеръ билъ ему прямо въ лицо, слѣпилъ глаза. — „Любить она меня, или не любить?.. Кокетство ли это, отчаяніе—хватаніе утопающаго за соломинку?.. Ей не за кого ухватиться — я одинъ близокъ къ ней... Или?..“

И онъ, не окончивъ мысли, чути не карьеромъ пустилъ лошадь, огибая полукругомъ свой дворъ, подъѣзжая къ низенькому крылечку, куда выбѣгали навстрѣчу ему люди.

VI.

— Васъ, пане, тутъ дожидаются,—должилъ ему казачекъ, едва онъ вошелъ въ комнату, стаскивая вымокшую насквозь куртку.

— Кто дожидается? морщась отъ непріятности визита спросилъ Ярцевъ.

— А кто его знае. Сидѣть въ пекарнѣ съ челядью.

Ярцевъ переодѣлся весь, съ ногъ до головы, вымылся, съ пріятнымъ сознаніемъ сухости и тепла, которыхъ не разстроить бушевавшая за окномъ буря, вышелъ въ

столовую, къ кипѣвшему, только что вычищенному самовару, и велѣлъ позвать того, кто его спрашивалъ. Неотвязные мысли объ Аинѣ чередовались съ мыслями о возовицѣ, пока онъ заваривалъ чай,—и такъ его заняли, что онъ даже не разслышалъ въ сосѣдней комнатѣ стука мокрыхъ, невытертыхъ, шуршавшихъ налипшими пескомъ сапоговъ, и оглянулся ва дверь только когда на порогъ показалась маленькая, коренастая фигура.

— Помѣщикъ Ярцевъ? полуувопросительно проговорилъ вошедшій.

Ярцевъ посмотрѣлъ на него. Коротенький сѣрый пиджачекъ плотно охватывалъ его выпуклую грудь и животъ. На крахмаленой, довольно чистой рубашкѣ не было галстука. Волосы на головѣ были близко острижены, глаза беспокойно бѣгали во всѣ стороны.

— Помѣщикъ Ярцевъ? еще разъ повторилъ онъ.

— Что вамъ угодно? рѣзко сказалъ Ярцевъ.

— Я пришелъ къ вамъ просить себѣ мѣста... Онъ оглянулся на стулъ, что стоялъ возлѣ, но увидя, что хозяинъ всталъ для разговора съ нимъ, ограничился только тѣмъ, что взялся рукой за спинку.

— Мѣста? Какого мѣста?

— Для себя... Позвольте представиться: Лухмановъ—бывшій студентъ-медикъ.

— Вы потрудитесь обратиться къ кому-нибудь другому... Какое же я вамъ могу доставить мѣсто?

— Очень обыкновенное. Мѣсто простаго рабочаго. Въ полѣ вскидывать снопы, молотить, сѣять...

Ярцевъ посмотрѣлъ на него пристально: смеется онъ,

или говорить серьезно: лицо его было самоувѣренно, губы словно готовы были дрогнуть улыбкой...

— Что же вамъ, медику, вздумалось идти въ поденщики, что за нелѣпость?

— Никакой нелѣпости... Почему же мнѣ не исполнять библейское назначеніе человѣка: въ потѣ лица обрабатывать землю? Я шляюсь безъ дѣла,—обратился къ вамъ, какъ къ мѣстному рантье, и прошу мѣста... У меня нѣтъ ни гроша, я голодаю по цѣлымъ днямъ...

— Но почему же вы не въ академіи, не въ университѣтѣ?

Онъ сопурился.—Это не ваше дѣло, и никакого отношенія къ нашему разговору не имѣть. Бумаги удостовѣряющія мою личность при мнѣ—можете полюбоваться...

Онъ вынуль изъ кармана свертокъ засаленныхъ бумагъ и подаль Ярцеву.

— Вы не родственникъ здѣшнему протопопу? спросилъ тотъ, не взявъ свертка.

— Племянникъ... Но это, опять таки къ дѣлу не относится: я васъ прошу отвѣтить мнѣ,—берете вы меня или нѣтъ: отвѣтьте не ломаясь, прямо.

Ярцеву вдругъ показалась вся эта сцена такой отвратительной,—и этотъ господинъ, и весь разговоръ, и нелѣпость взаимныхъ отношеній...

— Извините,—отвѣтилъ онъ,—у меня комплектъ рабочихъ полный, и я не нуждаюсь въ новыхъ силахъ...

— Гм,—промычалъ гость,—я ожидалъ этого: ничего другаго отъ васъ невозможно и требовать.

— Послушайте, возвысилъ голосъ Ярцевъ, — вы забываете, что вы въ чужомъ домѣ.

— А вы забываете, что вы у себя дома, — спокойно

Возразилъ Лухмановъ, — я вамъ говорю, что днами голодаютъ, а вы мнѣ стакана чая не предложите.

Ярцевъ подавилъ въ себѣ новый наплывъ гадливости, и крикнулъ казачку, чтобы подали еще стаканъ. „Чортъ его возьми, бывшій студентъ, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ несчастная личность“ — подумалъ онъ и предложилъ ему садиться.

Лухмановъ неторопливо взялъ изъ корзинки ломть бѣлаго хлѣба и стала намазывать его масломъ, не поднимая глазъ, аккуратно размазывая толстый слой, стараясь, чтобы нигдѣ не было бугровъ. Потомъ онъ пододвинулъ къ себѣ коньякъ, взглянула мелькомъ на этикетъ, отпилъ изъ стакана, и не стѣсняясь долилъ его до краевъ.

— Вы очень нуждаетесь? спросилъ Ярцевъ.

— Очень нуждаюсь, — откровенно отвѣтилъ Лухмановъ.

— Въ рабочіе я васъ взять не могу... У меня есть на это много основаній. Но если вамъ нужны деньги — я дамъ.

— Дайте. Я возьму. Отчего не взять — они у васъ шальные.

— Почему же вы думаете — шальные? — Я съ утра до ночи въ полѣ на работахъ.

— Знаю. Только вы за свой рабочій день получаете слишкомъ высокій гонораръ... Если я дѣлить вашъ годовой доходъ на число вашихъ рабочихъ дней... Нутка?

Ярцевъ нетерпѣливымъ движеніемъ вынулъ изъ бумажника ассигнацію и положилъ ее передъ Лухмановымъ на столъ; Лухмановъ сложилъ ее вчетверо и сунулъ въ жилетный карманъ.

— Вѣдь васъ бѣсить мое присутствіе,—сказалъ онъ. Васъ возмушаетъ, что я не ломаюсь, держусь просто... Такъ вѣдь?.. Ну, не стѣсняйтесь, скажите?..

— Да,—проговорилъ Ярцевъ, чувствуя что нахальный тонъ собесѣдника сообщается и ему.—Меня вы возмушаете, и я съ удовольствіемъ думаю о той минутѣ, когда вы уйдете...

Лухмановъ громко засмѣялся.

— А вѣдь вы немножко робѣете передо мной,—внезапно сказалъ онъ взглянувъ на Ярцева.—Вы чувствуете во мнѣ силу? Не правда развѣ?

— Я чувствую, что вы мнѣ ужасно надоѣли,—сердито отвѣтилъ Ярцевъ—уходите скорѣй...

— Ну, вотъ эта самая робость и есть. Передо мной почему-то всѣ пасуютъ — какъ-то съеживаются, сокращаются. — Онъ съ удовольствіемъ отхлебнулъ глотокъ, откусивъ предварительно отъ ломтя.—Знаете, мнѣ одинъ анекдотъ припоминается, изъ давнопрошедшаго. Экзаменъ я держалъ по богословію — еще въ семинаріи дѣло было. Пріѣзжаетъ архіерей, который слылъ за ученѣйшаго казуиста. Меня рекомендуютъ, какъ лучшаго богослова. Отвѣтилъ билетъ отлично,—вдругъ онъ меня подъ конецъ спрашиваетъ: „Вы, говоритъ, Штрауса читали?“—А я ему совершенно серьезно отвѣщаю,—не только Штрауса, а и Фогеля читаль. Владыка качаетъ головой: „солидное, говоритъ, сочиненіе, только Фогель часто увлекается“.—А я ему въ отвѣтъ и преподнесъ: „виноватъ, говорю, перепуталъ; Фогеля я путешествіе въ Африку читалъ, а не богословіе: такого богослова не существуетъ“... Такъ вѣдь мнѣ тогда насилиу аттестовать выдали.

— Кажется дождикъ прошелъ, — замѣтилъ Ярцевъ,

подходя къ окну, глядя на проясняющееся небо, по которому неслись обрывки тучъ.

— Ухожу, — смѣясь отвѣтилъ Лухмановъ. — До свиданія, рантье, можетъ быть увидимся.—Онъ пошелъ къ двери и остановился. — А нѣтъ-ли у васъ „Философіи Вильяма Гамильтона?“

— Нѣтъ.

— Вы можете врете,—боитесь, что я зачитаю?

— Говорю вамъ, что нѣтъ.

Ех-студентъ надѣлъ свою съ отвернутыми полями шляпу, которую Чмутовъ не безъ основанія сравнилъ съ грибомъ, застегнулъся, и зацѣпивъ по дорогѣ неловкимъ движеніемъ стулъ, стоявшій у двери, вышелъ.

Ярцовъ всталъ изо стола. „Вотъ еще, подумалъ онъ,— не было печали — какихъ нанесло въ нашу сторону, — только ихъ не хватало...“ Онъ распорядился, чтобы не пускали этого господина, если онъ придетъ еще, и чтобы отогнать впечатлѣніе разговора, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Вереница мыслей мучила, давила его.

Онъ отворилъ окно. Ароматъ омытаго дождемъ сада, послѣгрозовая пахучая свѣжесть влилась въ комнату.— Нѣтъ, такъ нельзя! говорилъ онъ, сдавливая обѣими руками грудь, глядя на одинокую, затеплившуюся надъ темною зеленою сада звѣздочку. — Такъ продолжать нельзя,—какой нибудь конецъ да надо положить—такъ нельзя...

VII.

Говоря съ Анной Павловной о предполагавшемся спектаклѣ, Таганцевъ не стѣсняясь заявлялъ, что глав-

ная цѣль его устройства не благотворительность, а „пріятное времяпровожденіе.“—Въ сущности, онъ за-дался болѣе частными цѣлями: ему не давала покоя мысль о молоденькой Богучаровой — о ея миломъ смѣющемся личикѣ, и о ея (онъ этого нисколько не скрывалъ отъ себя) наслѣдствѣ. Онъ потому такъ уго-варивалъ Анну Павловну согласиться играть, что Богу-чаровъ-старикъ непремѣннымъ условіемъ участія до-чери на спектаклѣ поставилъ участіе Анны Павловны—этой, во всякомъ случаѣ, „петербургской“ дамы, съ ко-торой онъ „имѣлъ честь“ недавно познакомиться, и ко-торая, по его словамъ, имѣла всѣ данные на почте-ниe и уваженіe.

Теперь, заручившись согласіемъ Анны Павловны, Та-ганцевъ пришелъ въ самое лучшее настроеніе. Онъ чувствовалъ, что репетиціи могутъ быть самыми вѣр-ными ступенями къ сердцу Вѣрочки: Онъ хорошо зналъ, что Вѣрочка не разъ съ удовольствіемъ останавливалась свои глазки на его красивомъ лицѣ,—и была всегда очень не прочь съ нимъ пококетничать.—Эхъ, кабы удалось!.. повторялъ онъ постоянно про себя любимую фразу.

Дня черезъ два послѣ визита къ Чмутовымъ, онъ отправился съ пріятною вѣстью (объ изъявленномъ согласіи) въ Богучаровку. Онъ весь тщательно вытерся туалетнымъ уксусомъ, два раза выбрилъ себѣ щеки и подбородокъ, посрединѣ котораго помѣщалась ямочка, внимательно расчесалъ усы, слегка смочивъ ихъ брил-лиянтиномъ, и поскакалъ по знакомой дорогѣ.

— А публики много будетъ,—весело спрашивала Вѣ-рочка, слегка приподнимая одной рукой платье, и упруго ступая кожаными сапожками по мокрой аллѣ.

— Много,—также весело отвѣтилъ ей Таганцевъ, идя съ боку ея—въ залѣ можетъ помѣститься человѣкъ восемьдесятъ...

— Мне ужасно, ужасно хочется играть, но я боюсь сробѣть: вдругъ выйду и не скажу ни слова.

— Полноте, есть чего бояться!

— Какой вы панинка, что все это придумали, — сказала она, ласково глядя на него своими бархатными живыми глазами, и слегка запрокидывая голову, чтобы заглянуть ему прямо въ лицо: онъ былъ гораздо выше ея ростомъ.—Я такъ рада, такъ рада... *Et vous, m'-lle Ernestine?*

— Oui, oui,—быстро заговорила низенькая, маленькая француженка, бывшая ея гувернантка, теперь оставшаяся въ ихъ домѣ въ качествѣ компаньонки (Богучаровъ былъ вдовъ),—oui,—et moi aussi...

— На репетиціи мы будемъ ъздить на тройкѣ...—А репетиціи поздно будутъ кончаться?..

— Я думаю поздно... за- полночь.

— Я очень люблю ночью ъздить. Такъ темно-темно— и только звѣзды... Такъ вокругъ надъ степью шапкой и висятъ... Вы знаете, нась на дняхъ съ *m'-lle Ernestine* Федоръ ночью вывалилъ въ канаву.

Она звонко расхохоталась, и стала рассказывать какъ это было.—Онъ ъхали... и вдругъ на поворотѣ—прямо въ грязь... *M'-lle Ernestine* въ канаву... Пріѣхали домой, папа перепугался... А онъ точно изъ рѣки,—ужасно весело было...

— Это былъ такой ужастъ! по русски сказала *m'-lle Ernestine*,—и изобразила на лицѣ испуганную мину.

Она хотѣла идти въ тонъ русскому разговору, а при Таганцевѣ всегда говорили по русски, потому что французскимъ языкомъ онъ нѣсколько затруднялся. Его это очень стѣсняло—и онъ всегда краснѣлъ, когда по привычкѣ кто нибудь ронялъ французскую фразу.

— Какъ я хотѣала,—продолжала Вѣрочка свой разсказъ.—Нѣть, вы только представьте фигуру м-lle Ernestine...

Таганцевъ смотрѣлъ на нее и невольно улыбался, слушая, какъ она говорила. Все существо ея жило, трепетало, билось; она рассказывала не однимъ голосомъ: въ разговорѣ принимало все участіе,—смѣялись глаза, смѣялись щеки, смѣялся ротъ, мелькали ряды крохотныхъ ровныхъ бѣленъкихъ зубовъ, молоденькая грудь волновалась и билась, полненькия, пущистыя руки дѣлали отчаянные жесты, даже прическа слегка растрепалась и непослушная приди колечками вырывались изъ подъ стягивавшихъ ихъ шпилекъ...

— Нѣть, вы представьте—руки по сихъ поръ въ лужѣ и на лицѣ—лепешки тутъ и тутъ...

И опять громкій хотѣла ея и ея собесѣдника разнесся по старому саду, отдаваясь эхомъ на полянкахъ и лужайкахъ.

— Что же, вы не ушиблись? спросилъ ее Таганцевъ.

— Нѣть,—я вѣдь какъ кошка гибкая,—я никогда не ушибаюсь.

Онъ сбоку взглянулъ на нее. Точно, въ ней было много кошачьяго — и въ походкѣ, и въ движениихъ, и въ томъ, какъ она поводила головкой... А и царапаться должно быть она умѣеть! — невольно пришло ему на умъ.

— Вы, Валерьянъ Степановичъ, бѣгать умѣете? привѣтила она впезапно.

— Умѣю... а что?

— Давайте на перегонки! Хотите?.. Поймаете меня, или нѣту... Ну-ка—разъ, два, три!

И не слыши отчаянного крика француженки, она кинулась бѣгомъ по дорожкѣ...

— Берегитесь,—раздался сзади нея веселый голосъ Таганцева,—поймаю.

Ей было неловко бѣжать въ ея узкомъ, модномъ, стянутомъ внизу тесемками платьѣ, а она все таки мчалась насколько хватало силъ по вьющейся туда и сюда между смородинныхъ кустовъ тропинкѣ. Она знала, что Таганцевъ нарочно ее не ловить, чтобъ по-далъше уйти отъ *m-lle Ernestine*.

— Véra! Véra! отчаянно раздавалось издали.

На крутомъ поворотѣ она вдругъ остановилась; Таганцевъ сразу налетѣлъ на нее и охватилъ руками за плечи.

— Смотрите — гадюка! испуганно говорила она, показывая на дорожку.

Онъ, не выпуская ее, глянулъ впередъ.

— Просто—ужъ,—отвѣтилъ онъ, замѣтивъ среди сухихъ листьевъ темное, круглое тѣльце вытянувшейся змѣи.

— У насъ гадюка на прошлой недѣлѣ въ кухню пришла,— заявила она,— и вдругъ оттолкнула его.— Чѣмъ вы! пустите, вы съ ума сошли,— словно удивилась она.—Вы думаете, я такъ змѣи испугалась...

Ужъ сунулъ голову въ траву, и подтягивая волнами свое тулowiще, съ шипѣніемъ понолзъ куда-то.

— Фа, фа! твердила запыхавшись француженка, торопливыми шагами поспѣвая за ними: — la patience m'échappre...

— Милушка, — кинулась ей на шею Вѣрочка, — ну чего вы сѣрдитесь, — мнѣ весело, а вы сердитесь...

Она крѣпко охватила ея шею руками, и стала цѣловать въ глаза, въ щеки, въ губы.

— Оставьте меня, оставьте меня,—отбивалась м-lle Ernestine, путая французскія и русскія фразы. — Вы ужасная дѣвушка...

— Голубчикъ, прелестъ моя, — ну не сердитесь... Я теперь стану совсѣмъ послушной дѣвочкой.—Буду ходить смироно, послушно, какъ на Тверскомъ бульварѣ...

Она опять подхватила одной рукой платье, и пошла назадъ.—Тамъ очень сырьо,—сказала она, махнувъ рукой по тому направленію куда бѣжала.

— Какіе у васъ маленькие слѣды,—говорилъ Таганцевъ, смотря на мокрый песокъ, по которому шли узенькие отпечатки ея ногъ съ глубокими ямками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ попадали каблучки.

— У меня вообще маленькая нога,—отвѣтила она.—Смотрите! Изъ подъ кружевной обшивки мелькнула полненькая, плотно охваченная ажурнымъ чулкомъ ножка.—Не дурна? А?

— Vous mettez ma patience à bout! предупредила ее компаньонка.

— Ахъ, какъ вы мнѣ надоѣли!—невольно вырвалось у Вѣрочки:—ну не ходите за мной всюду слѣдомъ, чтобы не раздражаться...

— Mais monsieur le général...

— Папа ничего не можетъ имѣть противъ того, что

я похвастаюсь ножками... Онъ самъ всегда восхищается ими...

— О, ужасная девушка! повторила мадам Ernestine.

VIII.

Къ солнечному закату, всѣ собрались на террасѣ, выходившей въ садъ. Подали яблоки, груши, сливы, арбузъ, дыню, варенья. Таганцевъ, отуманенный шаловливой бойкостью Вѣрочки, сидѣлъ въ креслахъ противъ ея отца и всѣми силами старался понять, что онъ говоритъ,—мысли его такъ путались, въ головѣ возникали такие вопросы и соображенія, что онъ, машинально воспринимая слова, никакъ не могъ отдать себѣ отчета въ ихъ значеніи.

— Мой вамъ совѣтъ,—говорилъ густымъ басомъ Богучаровъ, высокій щетинистый генералъ, съ крашеными усами и нависшими черными бровями,— мой вамъ совѣтъ,—не назначать входной платы, а просто разослать пригласительные билеты, и выставить у входа кружку. Кто сколько можетъ, столько и дастъ—безъ стыднія,—это лучше всего.

— Да, это хорошо,— машинально согласился Таганцевъ.

— Конечно надо знать, кого пригласить,—но въ этомъ отношеніи я полагаюсь на ваше чутье, такъ сказать... Въ городѣ спектаклемъ интересуются?

— Очень,— и знаете кто больше всѣхъ? говорилъ Таганцевъ, стараясь оживиться:—нашъ протопопъ. Онъ проситъ даже устраивать репетиціи въ его домѣ. Да

оно и понятно: никогда не удавалось ему быть въ театръ.

— Не люблю я его,—возразилъ поморщившись генераль,—эти нынѣшніе либералы: бороду подстригаютъ, выпускаютъ воротнички, ходятъ въ цилиндрахъ, карикатурные журналы выписываютъ... Чортъ знаетъ что такое!

Онъ недовольно пыхнулъ сигарой, пустивъ огромный клубъ синеватаго, Ѣдкаго дыма.

Вѣра, ходившая по балкону, съ видомъ ребенка, не-
доумѣвающаго—что бы такое еще сдѣлать,—подошла къ
отцу, и сѣла къ нему на колѣни.

— Шапка, милый,—я тебя очень люблю,—сказала она, схватывая его за уши, и смотря ему прямо въ лицо.—Ты мнѣ къ спектаклю хорошія платья сдѣлаешь?
да, хорошія?

— Хорошія,—засмѣялся стариkъ.

— Трэнъ длинный - предлинный,—продолжала она, серьезно грозя пальцемъ.—Слышишь? Вѣдь у тебя денегъ много, тебѣ дѣвать некуда.

— Сдѣлаю, милая, все сдѣлаю,—отвѣтилъ отецъ, цѣ-
лую ее. Она охватила руками его шею, прижалась
своей щекой къ его небритой щекѣ, и покачивалась,
словно баюкая его, лукаво посмотрѣла на Таганцева.
Mlle Ernestine замѣтила этотъ взглядъ, но ничего не
сказала, только завертѣлась на стулѣ.

— Ахъ, еслибы, — подумалъ Таганцевъ: еслибы я
могъ располагать этими губками, глазками, какъ своею
собственностью... Еслибы эти рученки когда нибудь об-
няли меня за шею также крѣпко, какъ вотъ теперь
отца обнимаютъ... Экая прелесть!

Она все смотрѣла на него плутовскимъ, ласковымъ

взглядомъ, словно говорила: — Вотъ видишь, онъ меня обнимаетъ, цѣлуетъ, а ты не смѣешь. Ты смотри и любуйся, а больше ты ничего не можешь.

— Фу, какой ты жесткій, — замѣтила она, проводя рукой по своей щекѣ и вставая съ его колѣнъ.—Отчего ты не бреешься каждый день какъ въ Москвѣ?..

Она подошла къ Таганцеву и сѣла съ нимъ рядомъ.

— А вѣдь какая прелестная барыня Анна Павловна, сказала она.

— Что это вамъ вздумалось? — встрепенулся Таганцевъ.

— Да такъ... Вы за ней ухаживаете?

— Нѣтъ.

— А сами покраснѣли. Папа, посмотри, онъ покраснѣлъ, онъ ухаживаетъ...

— Фа, фа,—шептала m-lle Ernestine.

Таганцевъ, дѣйствительно, почему-то сконфузился. Генераль снисходительно загоготалъ.

— Какая вы, Вѣра Всееволодовна,—оправляясь заговорилъ Таганцевъ,— и съ чего это вы вдругъ...

— Изъ ревности! лукавымъ шепотомъ проговорила она и быстро встала.—Не прокатиться ли намъ въ новомъ шарабанѣ въ дубовую рощу? — предложила она.

— Можно,—согласился ея отецъ.

Отдано было приказаніе заложить въ шарабанѣ пару сѣрыхъ. Генераль пошелъ производить какой-то необходимый осмотръ въ конюшняхъ, а m-lle Ernestine сочла необходимымъ перемѣнить платье...

— Cela est bien triste,—сказала она, встрѣтивъ сми-
ющійся взглядъ Вѣры.

— Да? спросила ей вслѣдъ Вѣрочка.

— А вѣдь мнѣ надо тоже одѣться, —сказала она под-

ходя къ Таганцеву, когда все ушли.—Я все смотрѣла, какие у васъ славные усы.—Можно ихъ тронуть?

— Можно, отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

Она серьезно протянула къ усамъ руку.

— Вотъ этотъ хвостикъ непослушный,—сказала она.

Онъ поймалъ ея руку и хотѣль поцѣловать въ ладонь,—она покраснѣла и вырвала ее.

— Одѣваться пора,—сказала она.—Если вамъ скучно—подите къ папашѣ: онъ въ конюшнѣ...

И весело подпрыгнувъ на порогъ, она исчезла гдѣ то за дверью, мелькая своимъ свѣтленкимъ платьемъ...

— Ахъ, если бы... невольно подумалъ ей вслѣдъ Таганцевъ.

IX.

Мысль свою о сватовствѣ Таганцевъ сообщилъ двумъ или тремъ своимъ товарищамъ, но тѣ прямо отсовѣтовали ему дѣлать предложеніе, увѣряя, что его ожидаетъ отказъ. Говорили, что въ Москвѣ нѣсколько жениховъ не ему чета получили отъ генерала рѣшительный отвѣтъ: „дочь моя молода“. Таганцевъ, впрочемъ, хорошо понималъ, что отецъ главнѣйшимъ образомъ зависѣлъ отъ Вѣрочки, и *захотѣ* она — едва ли бы послѣдоваль отказъ, а тѣмъ болѣе лишеніе наслѣдства.

Первымъ долгомъ надо было хлопотать о спектаклѣ. Съ этой цѣлью Таганцевъ загонялъ по три лошади въ день. Концы ему приходилось дѣлать немалые: то къ Чмутовымъ, то въ Бугучаровку, то къ Мармышеву—тому помѣщику, котораго Таганцевъ не рѣшался обойти,

какъ первое лицо въ уѣздѣ, хотя и называлъ его въ разговорѣ съ Анной Павловной безобразникомъ. Мармышевъ при извѣстіи о спектаклѣ пришелъ въ неописанный восторгъ, но заявилъ, что репетиціи у протопопа немыслимы, такъ какъ „батюшка“, въ силу одного обстоятельства, въ свой домъ его не пустить. Обстоятельство же это заключалось въ томъ, что Мармышевъ, зная крайнюю брезгливость батюшки, зазвалъ его къ себѣ и накормилъ лягушками, увѣривъ его, что это цыплята. Съ этихъ поръ отецъ Михаилъ при видѣ Мармышева чувствовалъ тошноту и его кидало въ испарину, при мысли, какъ онъ опоганился. Что же касается Мармышева, то всѣ хорошо знали, что онъ есть не только лягушекъ, но даже конину—и еще надняхъ, когда его чистокровный жеребецъ „Талисманъ“ сломалъ ногу, онъ пристрѣлилъ его и сѣль. — Тогда пришлось измѣнить программу репетицій, перенести ихъ къ полковому командиру гусарскаго полка (въ городѣ еще стояли драгуны)—и по возможности устранить непріятныя встрѣчи между двумя врагами...

Въ городѣ вообще обнаружилось нѣкоторое движение: всѣ встрепенулись, ожили. Солнечные блѣдые домики, тихо дремавшіе въ густыхъ вишневыхъ и грушевыхъ садахъ, словно проснулись. „Театръ будетъ, театръ, да еще съ благотворительной цѣлью—въ пользу пріюта!“ Мысль эта всѣхъ подбодряла, оживляла. Словно цѣль, какая-то явилась впереди, однообразное прозябаніе изо дня въ день вдругъ было взполновано необычайнымъ событиемъ. Увидѣть петербургскихъ и московскихъ жительницъ, считавшихся здѣсь мѣстной аристократіей,—увидѣть ихъ на подмосткахъ сцены — да развѣ это не событие! Въ городѣ стали позднѣе ложиться, раньше

вставать. Барыни стали подумывать о нарядахъ. На соборной площади, въ такъ называемый рядамъ, стали то и дѣло подъѣзжать дрожки; залежавшіеся у живоѣтъ товары пошли бойко. Полковой писарь, заваленный перепиской ролей, и тотъ нѣсколько волновался, одобряя мысль спектакля. Онъ не разъ, выходя изъ канцелярии за ворота „покурить“, говаривалъ дежурному солдату:

— Недурная иниціатива, — особенно при достаточномъ образованіи,— занятіе довольно пріятное.

Въ городѣ, конечно, не было никакихъ клубовъ и съборній (кромѣ земскихъ), — дѣло ограничивалось вечерами, что по очереди давали семейные обыватели. Когда, года два назадъ, солдаты, зимовавшіе въ городѣ, затѣяли „театръ“, и поставили *средневѣковую* драму „Царь Эздигеръ“, въ восемнадцати картинахъ,—на представление съѣхался не только весь городъ, но все жившее верстъ на пятнадцать вокругъ. Смотрѣли съ большимъ интересомъ, и потомъ съ полгода все поминали разные курьезы, которыми было обставлено представление. Особенно смѣялись всѣ, когда полковникъ, сидѣвшій въ первомъ ряду, замѣтилъ царю Эздигеру: „Максимовъ, говори громче“, а тотъ съ трона отрапортировалъ:

— Слушаю, ваше высокородие!

Но то вѣдь было просто такъ—пародія на спектакль. Теперь было дѣло серьезное. Отецъ Михаилъ высказалъ прямо положеніе, что драматическое искусство—высшая степень культурнаго проявленія, и что ни живопись, ни скульптура, ни беллетристика, не выражить такъ полно и явственно художественныхъ образовъ,

какъ искусство сценическое.—Въ моей юности,—добавлялъ онъ,— я имѣлъ случай (еще до посвященія) видѣть трагика Ольриджа въ роли жестокаго араба Отелло, и могу сказать, что получилось впечатлѣніе очень сильное. И какъ балеть—Дочь Фараонова—произвѣлъ на меня впечатлѣніе грустное и удручающее, такъ, напротивъ, драма возвышала душу, очищала помыслы.

Больше всѣхъ почему-то волновались жида. Они, потряхивая пейсами, шныряли изъ дома въ домъ, и хотя ихъ немилосердно хватали за икры собаки,—они ухитрялись все таки дѣлать свое дѣло — продавать обои и краски для декораций, шить платья, сапоги, по дешевой цѣнѣ спускать какія-то выцвѣтшія ленты, щеточки, баночки. Центромъ всѣхъ новостей былъ мѣстный парикмахеръ Азикъ,—имѣвшій свой „Salon“ въ подвалѣ противъ собора, и согласно укоренившемуся обычаю, умывавшій руки на глазахъ каждого посѣтителя, прежде чѣмъ приступать къ бритью. Онъ зналъ буквально всѣ подробности того, что и какъ будетъ на спектаклѣ,— и увѣрялъ, что для большей торжественности мѣстное начальство выдастъ городовымъ въ день представлѣнія новое платье, что его давно ужъ надо бы выдать, но его специально берегутъ для этого торжества...

И была еще одна личность, знавшая все, и даже принимавшая участіе въ клейкѣ павильоновъ для сцены: это Лухмановъ. Онъ за послѣдніе дни сталъ больше сидѣть дома, меньше рыскалъ по полямъ—оттого-ли, что ни одинъ помѣщикъ не хотѣлъ его принять въ работники, или оттого что Чмутовъ чуть не хватилъ его однажды арапникомъ. Столкновеніе это произошло у нихъ слѣдующимъ образомъ.

Х.

Чмутовъ выѣхалъ на поджаромъ конькѣ въ поле, посмотрѣть, какъ убираютъ рапсъ, — онъ въ первый разъ его посѣялъ и очень интересовался уборкой. Замѣтивъ среди рабочихъ сѣренъкій пиджакъ и обвѣслую шляпу студента, онъ прямо поскакалъ на него. Его бѣсила мысль, что около его хутора возможна агитація, что рабочіе вдругъ заявитъ какія нибудь претензіи — и поля, чего доброго, останутся неубранными... Проучу я этого мальчишку, злобно шепталъ онъ затягивая поводья и наскакивая на него.

— Кто вы такой? крикнулъ онъ еще издали. — Что вамъ здѣсь надо?..

Лухмановъ опустилъ вилы и вѣжливо снялъ шляпу.

— Homo sum, collega,—homo...

— Вы что же здѣсь дѣлаете? спросилъ Чмутовъ, нѣсколько опѣшеннный отъ латинской фразы.

— Помогаю дивчатамъ... Я люблю дивчать...

— Я бы васъ попросилъ удалиться, — хмурясь возразилъ Чмутовъ. — Очень попросилъ бы; — и почему вы меня называете коллегой, право я не знаю, кажется общаго между нами нѣтъ ничего.

— Какъ нѣтъ? — возразилъ Лухмановъ, картино опираясь на вилы. — Мы съ вами интеллигенція, профильированная культура, люди мысли, — а это вѣдь что? — plebs. — Онъ повелъ рукой на окружавшихъ его дивчать. — Параска, — крикнулъ онъ, — ты чувствуешь, что ты плебейка?..

Параска хихикнула въ рукавъ.

— А разница между нами та,—продолжалъ Лухмановъ,—что вы — буржуа, а я пролетарій... А професія,—если я не ошибаюсь, вы г-нъ Чмутовъ?.. Вы, я знаю, занимаетесь сравнительной филологіей—не находите ли вы нѣчто общее между французскимъ *prolétaire*, и русскимъ „пролетѣль“?

Чмутовъ молча смотрѣлъ на него въ упоръ, и ждалъ, когда онъ кончить. Лухмановъ встрѣтилъ его взглядъ и опустилъ глаза, но тотчасъ же ихъ поднялъ.

— Я изъ пролетѣвшихъ,—сказалъ онъ,—но это ничего: значить все таки летѣлъ когда-то — пингвиномъ безкрытымъ никогда не былъ.

— Я бы васъ покорнѣйше попросилъ, — началъ Чмутовъ,—не ходить по моимъ полямъ.

— Pourquoi donc?

— Это ужъ мое дѣло.

— Та-акъ-сь. — А скажите пожалуйста, господинъ Чмутовъ, — васъ не удивляла никогда мысль, что для винтика отвертка есть, и для того, чтобы винтикъ отвинтить, не надо стѣну ломать?

Чмутовъ хотѣлъ понять сразу, что хочетъ сказать своей запутанной фразой этотъ улыбавшійся, смѣло глядѣвшій на него своими бѣгающими глазками рыжій господинъ,—и не могъ уловить мысли,—въ головѣ его все какъ-то разబѣгалось. Онъ сразу перемѣнилъ разговоръ.

— О чёмъ вы сейчасъ объяснялись съ моими рабочими? спросилъ онъ.

— Съ *вашими* рабочими, на *вашихъ* поляхъ,—засмѣялся Лухмановъ подчеркивая слова.—Я вотъ этой Пасекѣ въ любви объяснялся въ самыхъ пылкихъ выраженіяхъ. Она меня хладно отвергаетъ, говоритъ—„ходи прочь, ну тебя!“

Чмутовъ все хотѣлъ придраться, выгнать его съ поля—ему это не удавалось. — Вы мѣшаете моимъ рабочимъ,— сказалъ онъ,— я вѣсъ прошу чтобы впредь этихъ разговоровъ не было...

— Вы знаете, что значитъ по гречески *pausikare*? внезапно спросилъ Лухмановъ.—Это намордникъ такой съ замкомъ; его надѣвали рабамъ, когда они тѣсто мѣсили, чтобы они не ъли его.—Выдайте этимъ дѣвицамъ паузикѣ,—въ намордникахъ чудесно, и сколько классицизма въ этомъ!

— Гораздо лучше,—вразбрѣлъ Чмутовъ,—вѣсъ сюда не пускать... Въ послѣдній разъ говорю вамъ—уходите—иначе я за себя не ручаюсь...

— То есть вы меня арапникомъ вытяните?.. Да, тогда выйдетъ нѣчто „*horribile dictu*“,— ибо у меня въ рукахъ рогатина...

— Вонъ! бѣшено крикнулъ Чмутовъ, вдругъ краснея и наѣзжая на него:—что бы духу вашего не было...

Лухмановъ бросилъ рогатину и приподнялъ съ улыбкой шляпу...

— *Gut Morgen!* сказалъ онъ, и повернувшись пошелъ прочь. Чмутовъ повертилъ лошадь въ другую сторону...

— Господинъ Чмутовъ! внезапно крикнулъ Лухмановъ.

Тотъ остановился.

— Вы какую роль на спектакль играете?

Чмутовъ, не отвѣчая, далъ шторы лошади и поскакалъ прочь. Лухмановъ, прищурясь и заложивъ руки въ карманы, слѣдилъ за нимъ.

— Рантье проклятые,—проворчалъ онъ.—Ужъ я вамъ

преподнесу на вашемъ спектаклѣ штуку... Будете меня припоминать...

И онъ побрелъ черезъ пахатное поле къ городу, бро-
сая вокругъ недовольные взгляды.

XI.

Съ мужемъ Анна Павловна не говорила, или почти не говорила: развѣ только самыя необходимыя фразы за столомъ. Они молчали днями. Онъ молча уходилъ въ поле, молча возвращался; молча, здороваясь и прощаясь, тѣловалъ, по привычкѣ, жену въ руку и щеку. Въ сущ-
ности, прямой ссоры между ними не было—и эти молча-
ливыя отношенія стали за послѣднее время обращаться
у нихъ въ привычку. Да и говорить было не о чёмъ:
все переговорено, и давно уже переговорено.

Разъ утромъ онъ вошелъ къ ней въ уборную. Она причесывалась, придерживая одной рукой косу, а другой вытикая въ нее шпильки. По лицу мужа она сразу увидѣла, что онъ не въ духѣ. Сбросивъ на столъ шляпу, онъ заходилъ изъ угла въ уголъ.

- Къ тебѣ гости ёдутъ,—сказаль онъ.
- Кто? удивилась она, поворачиваясь.
- Ярцевъ.
- Почему-же ко мнѣ, а не къ тебѣ? дрогнувшимъ голосомъ сказала она.

Лицо его искривилось въ улыбку.—Да я ему какой-же представлю интересъ,—возразилъ онъ разводя руками.—Онъ со мной не можетъ связать двухъ словъ... Вѣдь понятно—онъ для тебя ёздить—спроси хоть у Приски—и она тебѣ скажетъ...

— Ну, и что-же? Что-же ты всѣмъ этимъ хочешь сказать?...

— Я ничего не хочу сказать, — я предоставлю это на твое усмотрѣніе...

— Ты хочешь, чтобы Ярцевъ не ъздилъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Это будетъ стѣсненіе—мой девизъ не стѣснять никогда никого. Ты къ нему привыкла, онъ твой другъ, пусть ъздитъ...

Онъ еще скорѣе заходилъ по комнатѣ.—Вѣдь ничего же нѣтъ между вами, я очень хорошо знаю,—и не можетъ быть,—конечно, ничего не можетъ быть,— успокоительно возражалъ онъ.—Мало-ли кто къ кому ъздить... Да и наконецъ, что можетъ быть глупѣе ревности?.. И съ какой стати я буду тебя ревновать?... Да, это въ теорії!.. А между тѣмъ на практикѣ... Вотъ иногда у меня является ужасное желаніе... и это только въ послѣднее время... Да нѣтъ, не надо обѣ этомъ говорить!..

Онъ замолчалъ, круто оборвавъ рѣчь.

— Какое-же у тебя является желаніе? какъ-то беззвучно-машинально спросила она.

Онъ остановился сзади ея, такъ что они видѣли взаимно лица въ туалетномъ овальномъ зеркалѣ. Она была блѣдна, у него мускулы дрожали на щекахъ.

— Ты хочешь знать? Хочешь? что же, я скажу...

— Ну!, Я жду...

— Страстное желаніе придушить,—сквозь зубы сказалъ онъ.—Тебя, тебя придушить,—быстро прибавилъ онъ, встрѣтившись съ ея взглядомъ въ зеркалѣ... Голову тебѣ свернуть какъ куренку...

Она встала, отодвигая табуретъ, посмотрѣлась послѣдний разъ въ зеркало и оглянулась. Онъ предупредительно, угадавъ ея намѣреніе, взялъ съ кресла черную кофточку.

Она неловкимъ движеньемъ (кофточка застегивалась сзади, и потому непривычно было ее надѣвать) просунула руки въ рукава. Бѣлыя, обнаженные, мягко круглившіяся плечи, съ золотой цѣпичкой нагрудного креста закрылись. Онъ началъ застегивать безконечный рядъ пуговицъ, сперва медленно, потомъ скорѣй. Она все молчала. Онъ застегнулъ; она подошла къ туалету, не торопясь подавила гуттаперчевый пульверизаторъ, брызнула на себя духами, и пошла къ двери. Чмутовъ схватилъ ее за руку.

— Аня,—сказалъ онъ,—Аня... Ну что-же ты молчишь,—ни слова, ни одного слова?...

— Что-же мнѣ говорить,—пожавъ плечами возразила она, и высвободивъ свою руку пошла изъ комнаты.

— Аня, прости меня, — молящимъ голосомъ заговорилъ онъ,—я опять, быть можетъ...

— Ахъ, оставь меня, оставь ради Бога,—почти крикнула она.—Вѣдь ты молчалъ полторы недѣли,—и я молчала. Было хорошо, спокойно.—Не надо говорить—будемъ молчать, молчать всегда, постоянно...

Она торопливо, словно боясь, что онъ еще разъ ее остановить, прошла на балконъ, и спустилась въ садъ.

Она никого не хотѣла видѣть—даже Ярцева. Ей нравилась мысль, что онъ тутъ, — а она къ нему не пойдетъ. Она скорымъ шагомъ, сдерживая душившія ее слезы, шла по дорожкѣ. Ея мысли путались... „Придущить,—да за что-же, за что-же? думала она,—что-же я ему сдѣлала такое?..“ Она чувствовала, что съ каждымъ днемъ она болѣе и болѣе теряетъ изъ-подъ ногъ почву. Она не понимала своихъ отношеній къ мужу. Тѣ онъ былъ ей противенъ, тѣ жалокъ,—она сознавала

ясно только одно, что она его не любить. Она вышла за него какъ-то машинально, какъ выходить большинство нашихъ дѣвушекъ. Онъ присватался, казался очень въ нее влюбленнымъ, быть богатъ (даже очень богатъ), превосходно образованъ, не старъ. Онъ согласилась. Она какъ въ туманѣ была тѣ полгода, пока не сыграли свадьбу. И всю ложь своего положенія она сознала только тогда, когда послѣ вѣнца осталась съ нимъ вдвоемъ глазъ на глазъ...

Предъ ней вдругъ ясно-ясно теперь, черезъ три года, предстала эта сцена. Въ день свадьбы они уѣзжали на мѣсяцъ въ деревню. Она была въ коротенькой шубкѣ, отороченной соболями (на дворѣ была ростопель). Знакомые собрались на полутемную платформу ихъ провожать. Она была какъ въ чаду. Мелькали фонари, знакомыя лица, таяла на краяхъ бокаловъ пѣна шампанскаго, мать безконечно долгими попѣлками прощалась съ ней. Потомъ звонки, свистокъ,— поѣздъ тронулся, освѣщенный городъ остался позади, ее охватилъ со всѣхъ сторонъ мракъ, и только сквозь двойные стекла мелькали одинокіе огоньки сторожевыхъ будокъ. Она какъ въ забытьѣ стояла въ узенькомъ коридорчикѣ вагона. Мужъ подошелъ къ ней, тихонько дотронулся до ея плеча, сказалъ, что тутъ дуетъ. Она пошла за нимъ въ купѣ. Газъ скучно горѣлъ и нагревалъ до духоты тѣсное помѣщеніе. Вокругъ, на диванахъ и въ сѣткахъ, качались груды дорожныхъ вещей. Она сняла шубку, шапочку—оглянулась и вздрогнула: съ каждымъ мигомъ она отъ Петербурга все дальше, дальше — отъ всего дорогаго, милаго, — отъ всего, къ чему она такъ привыкла, — все это тамъ, позади осталось... А тутъ?.. Она глазъ на глазъ съ человѣкомъ —

который не имѣть никакого отношенія къ этому прошлому—да ему и дѣла нѣть до этого ея прошлаго, который, правда, любить ее, но... „Но вѣдь я-то его не люблю“,—въ первый разъ сознательно, вполнѣ сознательно рѣшила она.—Но теперь было уже поздно,—возврата не было. Они обвѣнчаны,—вогъ онъ сидѣть рядомъ съ ней, крѣпко-крѣпко обнялъ ее рукой...

Ей стало жутко при одномъ воспоминаніи. Эта вагонъ, эта давящая атмосфера, что окружала ее!... Она все силилась тогда доказать себѣ, что это сонъ, что на яву никогда такъ тяжело не дышется, что это сонъ, отъ котораго можно проснуться, возвратиться къ живой, яркой, свѣжей жизни... Но колеса поѣзда глухо рокотали, черная ночь смотрѣла въ окна,—и она уносилась куда-то все впередъ и впередъ—зачѣмъ, для чего—она не отдавала себѣ отчета...

Онъ такъ страстно, горячо любилъ ее, былъ такой образованный, умный. И не было въ немъ одного: чуткости не было. Что ни шагъ—сталкивались двѣ противоположныя натуры. Онъ не понималъ, что семейные начала стараго дворянскаго рода слишкомъ глубоко укоренились въ ней, что слишкомъ осторожно надо дотрогиваться до нѣкоторыхъ струнъ ея внутренней жизни,—что ее оскорбляло тѣ, въ чемъ онъ совсѣмъ не видѣлъ оскорблѣнія... Богъ знаетъ отчего это происходило,—отъ мѣщанской-ли обстановки семьи,—(онъ былъ сынъ какого-то подрядчика или откупщика),—семи, въ которой онъ считался первымъ разумникомъ, или ужь такъ нескладно сформировалась его натура,—но только съ первыхъ-же недѣль супружества пошелъ разладъ. Они не понимали другъ друга. Онъ смѣялся надъ ней, даже корилъ дворянствомъ,—точно она ви-

новата была, что родилась не отъ разночинца. Онъ упрекалъ ее, что у ней нѣтъ приданаго, что онъ взялъ ее нищею,—хвастался своимъ образованіемъ, тѣмъ что онъ вышелъ изъ народа—что онъ не одряхлѣла, живая сила...

Потомъ она вспомнила, какъ она старалась привыкнуть къ нему, подладиться подъ его характеръ и какъ это не удавалось ей—не могла сломать она себя. Одно время она рѣшила,—что вѣдь кромѣ самой себя некого обвинять въ этомъ бракѣ,—и какъ-то успокоилась на мысли, что это крестъ, данный ей свыше. Она стала покойнѣе, ровнѣе — но все это было не то, что-то совсѣмъ другое,—это была не жизнь...

Минувшая зима оборвала ея послѣднія привязанности къ мужу. Онъ ее давилъ своимъ педантизмомъ, писалъ какое-то ученое сочиненіе, попрекалъ ее пустотою. Она отмачивалась. Теперь, лѣтомъ, когда ссоры стали повторяться чуть не ежедневно,—молчать болѣе она не могла,—она рвалась куда-то на волю, стараясь возможно сдерживаться...

— Натурали у меня такая испорченная,—думала она. идя паркомъ,—другая, быть можетъ, была бы счастлива на моемъ мѣстѣ: мужъ меня такъ любить, а я... я его ненавижу... Да что-же мнѣ дѣлать, куда идти?..

Она въ отчаяніи остановилась.—Вѣдь если-бы я хоть знала, что онъ меня любить?.. Пожить одну минуту, только одну... Сказать себѣ,—да, я жила—и любила...

Она закрыла на мгновеніе глаза, потомъ внезапно повернулась, и пошла къ дому.—Я у него спрошу прямо—да, или нѣтъ,—говорила она тѣ краснѣя, тѣ блѣднѣя, торопливо огибая клумбы...

Она твердыми шагами пошла въ залу — тамъ не было никого; — въ соседней комнатѣ возилась Приска.

— Гдѣ Борисъ Федоровичъ? спросила она.

— Да винъ тутъ и не буль, — равнодушно отвѣтила та: — Проіхалъ тилько.

— И не заѣзжалъ?

— Ни!

— Ни! повторила она, остановившись посреди залы, — сердце такъ колотилось. — Ни... и не заѣзжалъ даже... А всѣ знаютъ, — вотъ и Приска знаетъ, зачѣмъ онъѣздитъ...

XII.

Вечеромъ въ тотъ-же день была назначена репетиція. Послѣ обѣда Анна Павловна написала Ярцеву письмо. „Заѣзжайте къ намъ, писала она: — на репетицію поѣдемъ вмѣстѣ. мнѣ надо съ вами поговорить, поговорить о многомъ. Вы не повѣрите, до чего я измучилась за эти дни, до чего мнѣ тяжело“.

Ярцевъ получилъ записку въ клунѣ, стоя возлѣ вѣялки, которую вертѣли двѣ дюжія дивчины, и отъ которой пыль валила густыми облаками. Онъ пробѣжалъ письмо, — и велѣлъ тотчасъ-же закладывать дрожки. — „За соломинку, хватается, тонеть“, — повторялъ онъ, шагая черезъ кучи вымолоченнаго рапса. — „Дольше выдерживать силъ нѣтъ — захлебывается... Ну, а я-то тутъ причемъ? — Прохожій, первый встрѣчный — не къ кому больше обратиться... Вѣдь не влюбилась-же она въ меня? Я ждалъ этого письма, —такъ продолжаться

не могло... Теперь для нея началось что-то новое... да, началось!"

Когда онъ пріѣхалъ, и взглянулъ на ея лицо—сомнѣній для него больше не было.—„Началось!“ повторилъ онъ про себя.—Она, застегивая перчатку, объяснила, что мужъ уѣхалъ куда-то осматривать лѣса, и потому она обратилась къ нему—одной щѣхать скучно.

Они сѣли въ коляску. Обоимъ было какъ то неловко. Заговорили о пысахъ, о роляхъ, объ участвующихъ: обоимъ это было не интересно, оба хотѣли говорить совсѣмъ о другомъ, и оба ждали — кто первый начнетъ. До города было всего четыре версты—и они уже были возлѣ старого кладбища, которымъ открывался вѣзде въ городъ, когда Ярцевъ вдругъ сказалъ:

— Вы хотѣли поговорить со мной, Анна Павловна?

— Да, хотѣла,— отвѣтила она, внимательно глядя куда-то въ сторону.—Да теперь когда-же, некогда...

— О чѣмъ-же вы хотѣли?—несмѣло началъ онъ.

Она повернула къ нему голову.—Вѣдь вы хорошо знаете,—медленно возразила она,—зачѣмъ-же спрашивать?..

— Вы говорите—вамъ тяжело...

Она молчала. — Я вамъ сочувствую,—продолжалъ онъ: — я вамъ глубоко сочувствую. И понимаю ваше положеніе...

— Борисъ Федоровичъ,—гдѣ-же выходъ? съ тихимъ отчаяніемъ проговорила она.—Укажите мнѣ исходъ...

— Вы мужа не любите?

Она отрицательно качнула головой.—Уйдите отъ него, сказаль онъ.

Она тяжело дышала, грудь ея порывисто вздымалась

подъ накидкой. — Уйти, — повторила она — куда уйти, чѣмъ жить? да онъ меня не отпустить...

— То есть какъ же не отпустить, если вы уйдете?..

— Онъ вернетъ меня... Это сумасшедшій—вы его не знаете. Онъ влюбленъ въ меня, но только...

— Что же вы остановились?... Анна Павловна, говорите.

Она низко наклонила голову, разбирая бахрому на платьѣ.

— Онъ любить не меня—онъ говорить, что мы не сошлись... Онъ любить... Ну, вы понимаете, онъ любить меня за вѣшность... Онъ боготворить меня какъ... молодую женщину.

Ярцевъ скользнулъ взглядомъ по ея златокудрой головкѣ, по кокетливой модной шляпкѣ; маленькия, чувственныя влажныя губки какъ-то по дѣтски дергались, въ синихъ глубокихъ глазкахъ вспыхивали огоньки. Милый, давно знакомый образъ дышалъ въ эту минуту для него такой невыразимой прелестью...

— Найти средство, чтобы уйти отъ него можно всегда,—сказалъ онъ... Если бы... если бы только вы были согласны...

— Бываютъ минуты—когда я согласна на все,—съ жаромъ отвѣтила она,—а порой мнѣ его такъ жалко...

— Подумайто хорошенько, — продолжалъ Ярцевъ—и если вы скажите да, если вы захотите уйти — я быть можетъ найду средство ..

Въ это время колиска подъѣхала къ крыльцу. Она крѣпко оперлась черезъ перчатку на его руку и легко спрыгнула на землю. Онъ отвѣтилъ на ея пожатіе тѣниже крѣпкимъ пожатіемъ, и они пошли черезъ стеклянную галлерею въ домъ, откуда изъ открытыхъ оконъ

слышался смѣхъ, фортепіано, мелькали женскія и мужскія фигуры.

Они приѣхали послѣдними. Впрочемъ ихъ не ждали и репетировали водевиль, въ которомъ они не участвовали. Къ немалому изумленію Ярцева, посрединѣ залы сидѣлъ на стулѣ Лухмановъ съ тетрадкой: оказалось, что его назначили суплеромъ. Эту непріятную обязанность онъ принялъ на себя тотчасъ, едва Таганцевъ о ней заикнулся,—принялъ, вѣроятно, соблазнившись перспективой ужиновъ и выпивки—этихъ необходимыхъ дополненій каждого провинціального „вечера“. Онъ былъ, кажется, очень доволенъ своей должностю и какъ-то радостно покрякивалъ. Толстый Мармышевъ, уже немолодой, здоровый, видный мужчина, съ трясущимися розовыми щеками, пѣлъ подъ фортепіано какой-то глупѣйший водевильный куплетъ, — окружавшіе его хотели,—вокругъ стоялъ такой гамъ, что положительно нельзя было ничего разобрать...

— Позвольте, господа, позвольте, такъ нельзя,—горячился Таганцевъ, исправлявшій должностъ режиссера. Я попрошу васъ на мѣсто. Семенъ Никитичъ—начните снова четвертое явленіе. Господинъ Лухмановъ, потрудитесь „подавать“...

Лухмановъ (онъ оказался очень сноснымъ суплеромъ) сталъ „подавать“ въ десятый разъ одну и ту же страницу.—Аннѣ Павловнѣ стало ужасно весело, едва она переступила порогъ зала, и хозяинъ, очень толстый усатый полковникъ, укорилъ ее въ позднемъ пріѣздѣ.—„Онъ меня любить“, радостно сознавала она, слѣдя глазами за Ярцевымъ, который отошелъ къ мужчинамъ.—„Какъ здѣсь славно, просто, хорошо, — а что самое лучшее, это—что его нѣть—мужа“...

„ПОВ. И РАЗСК. П. П. ГНѢДИЧА.“

Она подошла къ Богучаровой. Веселая барышня была уже давно тутъ—и вдобавокъ безъ опеки: она пріѣхала съ отцомъ, и онъ засѣлъ въ соседней комнатѣ играть въ карты.

— Здѣсь чудо какъ хорошо, — подтвердила она замѣчаніе Анны Павловны.—Вотъ если бы эти репетиціи были каждый день и такъ всю жизнь.

Анна Павловна засмѣялась.—Тогда бы, чего доброго, вы сказали, — „ахъ, если бы этихъ репетицій не было никогда—тѣ-то было бы счастье“...

— Это отчего же? спросила дѣвушка.

— Оттого что... оттого что мы гораздо больше дорожимъ тѣмъ, чего у насъ нѣтъ...

— И то правда,—быстро согласилась она.—Валерьянъ Степановичъ, подозвала она Таганцева, — правда, что для настѣ дороже то, чего мы не имѣемъ?..

— Ну, смотря по тому какъ и когда,—весело отвѣтилъ гусаръ. — Если чего не имѣешь, надо стараться пріобрѣсти, а пріобрѣти держать покрѣпче обѣими руками... Тогда будетъ всегда дороже всего тѣ, что имѣешь.

Его позвали зачѣмъ-то,—онъ отвернулся...

— Обѣими руками,—да! и ужъ не выпускать, сказала Богучарова.—Такъ, Анна Павловна?

— Такъ,—отвѣтила Анна Павловна,—только счастье рѣдко попадаетъ въ руки...

— А его надо ловить,—рѣшила Вѣрочка.—Какъ увидѣли—такъ хватать и надо, не задумываться.

— Не задумываться,—повторила про себя Анна Павловна.—А что въ самомъ дѣлѣ... о чёмъ думать? Можетъ быть счастье тутъ, подъ руками...

ХІІІ.

Въ сущности между ней и Ярцевымъ о взаимныхъ чувствахъ не было сказано ни слова, но послѣ разгово-ра въ коляскѣ у нихъ не оставалось на этотъ счетъ сомнѣній. Оба молоды, любятъ другъ друга,—но что-же дальше? Тутъ нить мыслей обрывалась, а дальше ничего видно не было. То, что она уйдетъ отъ мужа—ка-залось невѣроятнымъ для обоихъ... Обманывать мужа?—лгать, притворяться, зависѣть отъ каждой горничной, отъ каждого лоскутка бумаги—это было какъ-то дико, нелѣпо. Что же дальше?.. Оба, кажется, положились на время,—время покажетъ—что и какъ...

Они старались больше держаться врозь— но это какъ-то выходило дѣлано. Въ трехактной основной пьесѣ спек-такля имъ приходилось играть вмѣстѣ, а во второмъ актѣ у нихъ было довольно энергичное объясненіе...

— Это мѣсто у васъ ничего: выходитъ, — замѣтилъ Лухмановъ, осипшимъ голосомъ.— Только вы, рантье, очень перевираете начало. Подучить слѣдовало бы.

Впрочемъ роли у всѣхъ были не тверды. Лучше всѣхъ знала роль Вѣрочки. Таганцевъ былъ отъ нея положительно въ восторгѣ.

— У васъ громадный талантъ,—говорилъ онъ.—Поми-луйте,—вы, никогда не играя, прямо прониклись духомъ изображаемаго лица—создаете типъ. Вы—колос-сальное дарованіе!

„Колоссальное дарованіе“ краснѣло отъ восторга. Она была и вправду очень мила; даже Мармышевъ, ни-

когда ни на кого не обращавшій вниманія, подсѣль къ ней...

— Какіе у меня персики и ананасы въ этомъ году, хвастался онъ,—я вамъ, барышня, непремѣнно пришлю..

— Да они у васъ... тамъ ничего нѣтъ?.. Вы вотъ отца Михаила накормили гадостью какой-то.

— Еще въ постный день,—засмѣялся Мармышевъ.—Чуть анаемъ меня не предалъ,—видѣть теперь меня не можетъ.

Онъ заливался смѣхомъ, колыхая свой огромный животъ, тряся пухлые щеки.

Въ комнатѣ стоялъ словно чадъ,—свѣчи тускло горѣли и отъ жары и отъ пыли. Разговоръ шелъ сплошнымъ, непрерывнымъ гуломъ.

— Мы когда съ вами увидимся? тихо спросила Анна Павловна у Ярцева.

— Вѣдь вы говорите, что вашему мужу не нравятся мои посѣщенія...

— Онъ еще сегодня утромъ говорилъ, что ничего противъ васъ не имѣеть. Пріѣзжайте — мнѣ съ вами легче. Ну, придумайте предлоги какіе нибудь... Будете пріѣзжать,—да?

— Да,—съ усилиемъ выговорилъ онъ, — только зачѣмъ?

— Зачѣмъ,—изумленно возразила она, уставляясь на него большими, не то испуганными, не то недоумѣвающими глазами,—какъ зачѣмъ?..

— Ахъ, вы меня не понимаете,—вырвалось у него. Лицо ея прояснилось.

— Завтра пріѣзжайте непремѣнно,—слышите, говор-

рила она.—Сейчасъ пріѣдетъ сюда мужъ, прибавила она съ гримаской,—онъ хотѣлъ къ десяти сюда заѣхать... Съ нимъ надо возвращаться домой,—какая мука!

— Вашъ выходъ,—въ третій разъ обратился къ ней Лухмановъ, ударяя тетрадкой по своей ладони и внимательно вглядываясь въ лица обоихъ...

Но она ничего не замѣчала—ни загадочныхъ взглядовъ Лухманова, ни легкихъ улыбочекъ толстой дамы, сидѣвшей не подалеку отъ нихъ,—ей было такъ хорошо, такъ легко, весело, спокойно на душѣ—какъ давно не бывало,—а тамъ остальное—все пустяки, мелочи, вздоръ...

— Ну, что говорить? обратилась она къ Лухманову.
Онъ подальѣ ей первыя два слова.

— А дальше?

— Не знаете-съ? И вы, рантьерша, пасуете... Можно и дальше... Только вамъ бы немножко оправиться надо—вы кажется несовсѣмъ подготовлены къ роли...

Она вспыхнула.—Потрудитесь говорить подъ-рядъ, возразила она,—я этого явленія совсѣмъ не учila...

XIV.

Къ одиннадцати часамъ пріѣхалъ Чмутовъ. Онъ небрежно поздоровался съ женой и прошелъ къ карточному столу, плотно затворяя дверь въ накуренный до нельзя кабинетъ, гдѣ лица играющихъ плавали словно въ туманѣ.

Таганцевъ, замѣтивъ, что нѣсколько барышенъ, и въ числѣ ихъ Богучарова, вышли на балконъ, бросилъ режиссерство и выскоцизнулъ за ними.

— Какая ночь,—сказалъ онъ, найдя Вѣрочку,—вѣдь это прелестъ! такихъ ночей и на Украинѣ поискать.

— Да,—отвѣтила она, запрокидывая голову и смотря на густую темную синеву, по которой фосфорическими огоньками сверкали крупные звѣзды.— Очень хорошо. И тишина какая—теплышь.

— Хотите пройтись по саду, — предложилъ Таганцевъ,—хоть разъ обойдемъ его—всего пять минутъ?

— А какъ же, — начала было Вѣрочка, но тотчасъ же сама перебила себя.—Пойдемте, пойдемте!..

Она оперлась на подставленную ей руку и они пошли по дорожкѣ. Освѣщенный домъ и говоръ уходили назадъ, а впереди ихъ чернѣла безконечнымъ туннелемъ старая липовая аллея.

— Вы не боитесь? спросилъ онъ тихо.

— Чего? какимъ-то робкимъ шепотомъ отвѣтила она.

— Что темно?..

— Да вѣдь я съ вами!—И она еще крѣпче оперлась на его руку. Она совсѣмъ присмирѣла—вся ея бойкость куда-то исчезла, она пошла какъ ребенокъ, котораго ведутъ, не спрашивая куда и зачѣмъ.

Таганцевъ чувствовалъ легкую дрожь во всемъ тѣлѣ—хотя ночь была теплая. Онъ чувствовалъ, что сейчасъ должно рѣшиться что-то важное, безповоротное.—Надо что-то было говорить, но слова, какъ на зло, не шли съ языка. Онъ озирался по сторонамъ, смотрѣлъ на черные фантастические деревья, словно стада великановъ окружавшія ихъ, и велье ее все глубже и глубже въ аллею.—Ну что-же я молчу, сердился онъ,—что-же я молчу! вѣдь я долженъ сейчасъ все сказать, все...—

Они подошли къ скамье, стоявшей въ концѣ аллеи.—

Сядемъ, сказалъ Таганцевъ. Она молча сѣла, — ждала что будетъ.

— Такая ночь вѣдь не повторится,—проговорилъ Таганцевъ.—Душистая какая, здоровая... Какъ мнѣ славно, хорошо сегодня,—и вы тутъ, возлѣ...

— Это какая звѣзда, вы не знаете? спросила она, смотря кверху.

— Не знаю,—отвѣтилъ онъ, глядя не на небо, а на смутно чернѣвшую передъ нимъ головку, и подвигаясь къ ней ближе.—„Ну—теперь, или никогда, раздавалось въ его ушахъ... Но какъ, что сказать?“...

И онъ, неожиданно для самого себя, внезапно притянулъ ее къ себѣ и прильнулъ губами къ ея нѣжной, приподнятой шейкѣ...

— Что вы, Валерьянъ Степановичъ,—слабо отбивалась она.

Онъ покрывалъ поцѣлуями ея щеки, глаза, губы, волосы, руки.—Радость моя, прелесть моя, шепталъ онъ,— люблю я васъ, люблю больше жизни...

Ему казалось что она улыбается, или невѣрный отблескъ звѣздъ скользилъ такими странными пятнами по ея лицу. Во всякомъ случаѣ она не сопротивлялась— и если не отвѣчала на поцѣлуи, то и не отталкивала его...

— Будешь моей женой, да, да? спрашивалъ онъ.

— Вы мнѣ прическу всю смыли, какъ я возвращусь,— полусердито говорила она.

— Вѣрочка, милая,—ну скажи...

— Да что-же? Что вамъ сказать?..

— Одно только: любите-ли?..

— А такъ, самому, нельзѧ догадаться?

Таганцевъ отъ восторга какъ-то необычайно взвизгнуль и упаль къ ея ногамъ.

— Тише, чего ты, вѣдь услышать,—ласково говорила она, держа его за голову.—Такъ любишь,—да?..

Онъ былъ какъ помѣшанный, онъ цѣловалъ ея платье, туфли, она смѣялась, и радовалась, и готова была заплакать.

— Я завтра пойду къ твоему отцу, завтра-же утромъ, заявилъ онъ. Ты его подготовь какъ нибудь;—онъ согласится, ты какъ думаешь?..

— Вотъ не знаю... Нѣть, вѣрнѣй не согласится.

— Отчего?

— Да ужъ не согласится! Онъ очень меня любить,—ну и не согласится.

— Коли любить, такъ скорѣй согласится.

— Ахъ, какой ты! Ему жаль со мной разстаться, онъ говорить, что я еще молодая—семнадцати лѣтъ нѣть.

— Ну такъ какъ же тогда?

— А тогда мы убѣжимъ.

— Ты убѣжишь со мной?

— Убѣгнгу,—и она, со смѣхомъ цѣпляясь за жесткіе шнуры ментика, спрятала на его груди свою головку.

По аллеѣ раздались шаги. Они ничего не слышали,—они были полны другъ другомъ—остального мѣра для нихъ не существовало.

— Это кто тутъ? раздался голосъ возлѣ нихъ и тяжелое отдуванье.—Кто это?..

Оба замерли на мгновеніе. Спичка шаркнула и внезапно освѣтила ихъ и внимательно-строгое лицо Мармышева.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ.—А я слышу чмокъ-чмокъ! вы бы поосторожнѣ...»

— Семенъ Никитичъ,—это моя невѣста,—запинался возразилъ Таганцевъ.

— А-а! очень пріятно... Что же мнѣ вашъ батюшка ничего не говорилъ—или это тайна?

— Онъ еще ничего не знаетъ,—поспѣшилъ заявить Таганцевъ.

— А-а-а! еще болѣе протянулъ Мармышевъ.—Но вы ему все-таки скажете?..

— Да... я завтра-же думаю...»

— Завтра,—это хорошо. Ну, что-же вы тутъ оставетесь?

— Нѣть,—мы идемъ тоже.

Они тронулись по дорожкѣ.—Раненько, барышня, замужъ собрались,—началъ Мармышевъ,—ну, поздравляю, поздравляю...»

— Семенъ Никитичъ, милый! крикнула Вѣрочка и подпрыгнувъ, охватила его за шею,—я васъ разцѣлу.

— Немножко финаль вышелъ не тактиченъ,—думалъ Таганцевъ.—а то все хорошо—очень хорошо... Ну, да Мармышевъ человѣкъ порядочный.

Отсутствія ихъ рѣшительно никто не замѣтилъ. Чмутовы ужъ уѣхали. Ярцевъ сразу сталъ скучнымъ, неразговорчивымъ, ушелъ въ себя. Лухмановъ его чѣмъ-то дразнилъ. Вѣрочка пошла звать отца ѿхать домой. Таганцевъ, подсаживая ихъ въ экипажъ, хотѣлъ поцѣловать ея руку, но это какъ-то не удалось. Остальные тоже скоро разошлись; огни потухли — и только серебристая луна заливала своимъ голубоватымъ свѣтомъ, заснувшій, словно декорація недвижный, спокойный городокъ.

ХV.

На другой день счастливый, побаивающейся исхода своей поездки, Таганцевъ пріѣхалъ къ Богучарову. Генераль встрѣтилъ его очень радушно, но когда тотъ сдѣлалъ предложеніе—отказалъ наотрѣзъ.

— Моя дочь слишкомъ молода,—сказалъ онъ.—Пусть подождетъ годика два, узнаетъ поближе людей,—и тогда...

— Но я люблю вашу дочь,—осмѣлился замѣтить Таганцевъ.

— Подождите два года,—посовѣтовалъ ему старикъ, и круто повернуль разговоръ въ другую сторону.

— Милушка моя,—говорила Вѣрочка, плача на шеѣ своего непризнаннаго жениха,—(она уѣжала съ нимъ въ глубь парка)—я куда хочешь уйду за тобою—скажи только слово—и я уйду. Папа вѣдь простить — ты не думай. Ему просто жалко со мной разстаться...

Не зная радоваться ему или печалиться, выѣхалъ Таганцевъ изъ Богучаровки. Онъ былъ какъ пьяный. Веселые тополи, вербы, дымчатыя крыши хатъ, тыквы, зреющія на заборахъ, подсолнечники, тамъ-самъ выпрыгивающіе изъ - за иронизей вербъ, яблонь, черешень,—все это какъ въ туманѣ вертѣлось передъ нимъ. Куда же теперь? думалъ онъ, глядя на мохнатыя уши своего иноходца.—Домой, въ городъ?.. Ни за что!

Онъ пришпорилъ лошадь, и поскакалъ въ Мармышевку. — „Ужь если онъ вчера наскоцилъ на насть,—такъ пусть-же вмѣстѣ съ нами и расхлебываетъ кашу!..“

Мармышевъ жилъ въ крохотномъ домикѣ, крытомъ

очеретомъ; большой помѣщичій домъ сгорѣлъ и старый холостякъ, которому прислуживала очень красивая полногрудая дивчина Оксана, довольствовался этимъ помѣщеніемъ. У него было, кромѣ Мармышевки (превосходнаго во всѣхъ отношеніяхъ имѣнья), еще четыре имѣнья въ сосѣднихъ губерніяхъ — масса чернозема, лѣсона, конскій заводъ, какая-то фабрика. Убранство комнатъ его было странное до нельзяя, — фортецьино, богемскій хрусталь, сѣдла, фотографические снимки съ лошадей, ружья, ножи, какіе-то патенты въ рамкахъ, все это беспорядочно перемѣшано на столахъ, на полу, на стѣнахъ. Спалъ обыкновенно онъ на диванѣ, чуть-ли не набитомъ щебнемъ, подложивъ подъ голову что-то въ родѣ подушки съ казачьимъ сѣдломъ. Жилыхъ комнатъ было только двѣ—остальные были заперты и въ нихъ составлена спасенная изъ сгорѣвшаго дома мебель. Въ этихъ двухъ комнатахъ онъ принималъ всю губернію, закармливая гостей какъ на убой: онъ держалъ дорогаго московскаго повара, который зналъ въ совершенствѣ и французскую, и малороссійскую кухни.

Увидѣвъ красное, разстроенное лицо Таганцева, онъ швырнулъ подъ диванъ „Домашній скотолечебникъ“, членіемъ котораго занимался, и растянулъ свое румяное лицо въ добродушную улыбку.

— А-а! женихъ! привѣтствовалъ онъ его, спуская ноги съ дивана и по своей старой привычкѣ трижды съ нимъ лобызаясь.—Не въ шафера-ли звать пріѣхалъ?

— Нѣть... Вы меня видите, Семенъ Никитичъ, въ ужасномъ положеніи.

Семенъ Никитичъ, покутанно на него уставился.

— Все пропало... Богучаровъ мнѣ отказалъ...

— Эгэ!.. Вотъ оно—вчерашинее-то,—прежде временно немножко...

— Семенъ Никитичъ, голубчикъ, спасите,—чуть не плача заговорилъ гусаръ.—Поймите, жить я безъ нея не въ силахъ. Это вѣдь такая прелесть-дѣвочка...

— Да что-же сдѣлать-то я могу?

— Увезти я ее хочу, обвѣнчаться потихоньку... Только не знаю я, и представить не могу—какъ это можно устроить... Священникъ, бумаги—все это...

Мармышевъ задумался,—запустилъ руку въ свои черные рѣдѣющіе волосы.—Увезти,—повторилъ онъ.—Это, батенька, нынче не въ модѣ,—это въ прежнее время люди занимались этимъ. Подвяжутъ бубенцы, тихонько съ задняго крыльца по морозцу подѣдуть—да и цапъ-царпъ. Нынче какъ-то это вывело,—романическія приключения, луна, Жуковскій... Неужто нельзя безъ этого?..

Таганцевъ началъ объяснять почему необходимо увезти дѣвушку: ждать два года онъ не въ силахъ,—отецъ раньше этого срока ни за что дочь не выдастъ,—мало-ли, наконецъ, что можетъ случиться въ эти два года.

— Увезти не трудно, и попа пріискать можно,—задумчиво говорилъ Мармышевъ,—это все ничего, а только смотрите, потомъ можетъ такая каша завариться—бѣда! Бывалъ я въ такихъ передрягахъ, знаю,—сколько разъ такими „узовами“ занимались, только вѣдь это давно было, не теперешняя пора. Самая скверная вещь теперь — телеграфъ. Пощелкаютъ пуговкой — глядь, за тысячу верстъ тебя переодѣтый жандармъ и поджи-

дастъ... Впрочемъ, если понадѣяться на пословицу—Богъ не выдастъ, свинья не сѣсть — тогда конечно..

Онъ велѣлъ подать чего - нибудь поскорѣе на завтракъ, и обѣщалъ Таганцеву, что въ случаѣ если тотъ рѣшился на увозъ, онъ, такъ и быть, дастъ ему свою новую, недавно обѣзжанную тройку: черти а не лошади,—самъ обѣзжалъ. — Вы пососѣднимъ попамъ поѣздите,—продолжалъ онъ,—который нибудь да согласится. Суньте ему нѣсколько радужныхъ,—можетъ быть и выгоритъ. Свидѣтелей и всего прочаго я вамъ подышу, обѣ этомъ не беспокойтесь.

Назавтра кавшись жирными, обваленными въ густой, какъ кисель, сметанѣ варениками, они отправились смотрѣть тройку. Конюхи выводили по очереди „чертей“, присѣдая къ землѣ и шикая. „Черти“, вздрагивая тонкой лоснищейся кожей и раздувая горячія ноздри, съ беспокойнымъ любопытствомъ смотрѣли на хозяина и гостя, отставляя заднія ноги, дергая головою.—На дѣлкое разстояніе ихъ не пущу,—объяснилъ Мармышевъ,—а верстѣ на тридцать пожалуй: въ этомъ окружѣ церковь и ищите.

Во всякомъ случаѣ, рѣшили ждать, дѣйствовать не сразу и не очертя голову; положено было сперва спрavitъ спектакль, и покончивъ съ благотворительностью, заняться скрѣпленіемъ брачныхъ узъ.

XVI.

На репетиціяхъ, дѣйствительно, выяснилось то, о чёмъ думалъ Ярцевъ. Что онъ любить Анну Павловну, а она его—это не было загадкой не только для него,

но и для многихъ изъ окружающихъ. Ярцевъ чувствовалъ себя словно выдѣленнымъ отъ всего остального міра, словно какое облако окружало его,—рядомъ съ собой онъ видѣлъ ее, а тамъ, дальше, не было никого—туманъ заволакивалъ все и ему дѣла не было до этого всего. Онъ ничего не хотѣлъ, ни къ чему не стремился. Онъ занималъ, работалъ какъ и прежде, ходилъ въ поле, слушалъ какъ жужжала молотилка, вмѣстѣ съ мельниками наставляя по-вѣтру крылья грузно-присѣвшихъ на межѣ млиновъ, распоряжался обивкою яблоковъ и грушъ—но дѣлалъ все это словно по инерціи. Онъ постоянно былъ занятъ рядомъ какихъ-то мыслей, но что это были за мысли—онъ и самъ себѣ не могъ отдать отчета. Онъ чувствовалъ, что голова его горитъ, въ виски волнами приливаетъ и отливаетъ кровь, какая-то нервная дрожь охватываетъ всего. Онъ спалъ тяжелымъ смутнымъ сномъ, безъ пестрой нити сновидѣній, охваченный словно тисками какимъ-то кошмаромъ. Онъ видѣлъ, что молодая женщина привязывается къ нему съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Онъ понималъ, что столкновенія между ними предугадать нельзя—они мчались съ равныхъ сторонъ къ какой-то одной общей, назначенной кѣмъ-то гдѣ-то точкѣ, и въ этой точкѣ должны были сойтись: когда, гдѣ—этого онъ не зналъ, но зналъ, что они отъ нея недалеко... Только когда въ полѣ порывистый, напоенный ароматомъ осени вѣтеръ билъ ему въ лицо, онъ отрезвлялся на минуту—для того, чтобы потомъ опять отдаться своему всеохватывающему чувству...

Еще сильнѣе сказалась душевная борьба послѣднихъ дней на Аннѣ Павловнѣ. Лицо ея осунулось, глаза впали, углы рта опустились, щеки тѣ вспыхивали, тѣ блѣд-

нѣли. Мужъ изподлобья посматривалъ на нее, молча хмурился и старался не разговаривать. Сорвавшееся у него съ языка обѣщаніе „придушить“ еще рѣзче проводило черту между ихъ отношеніями. Онъ старался больше не бывать дома, придумывалъ себѣ занятія въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ своего имѣнія, по вечерамъ занимался переводомъ Аристофана, старался наполнить каждую минуту съ утра до ночи. Его безконечно волновала мысль, что она, это божество, не любить его; онъ—ея мужъ, онъ ближе всѣхъ къ ней, и въ то же время далекъ неизмѣримо. Въ душѣ его безпрерывно сменялась любовь и ненависть, да и не ненависть, а желаніе „придушить“. Приподнявшись съ своей постели, вытянувъ шею, онъ порою, мучимый безсонницею, часами смотрѣлъ на нее. Правильный, красивый окладъ ея лица, темныя брови, плотно сжатыя, опущенные шелковистыми рѣсницами вѣки, тихое теплое дыханіе, мерцающее сіяніе утра, скользившее бликами по щекѣ и по лбу,—это все онъ такъ страстно, горячо любилъ, и въ силу этого готовъ былъ уничтожить. Такъ вотъ взять руками за горло, какъ кольцомъ сдавить его и придушить, придушить...

О томъ, что она уйдетъ отъ мужа, Анна Павловна не возобновляла разговора съ Ярцевымъ. Она какъ-то временно утишилась на мысли, что она любить, любить, кого любила и прежде, еще до свадьбы. На нее повѣяло старымъ-старымъ, давно минувшимъ. Все что прежде тлѣлось въ ея душѣ, опять вспыхнуло съ новой могучей силой. Она чувствовала, что любить, и не девической бездѣтной любовью, а какъ женщина, сознательно, всѣмъ своимъ существомъ.

— Но что-же, что-же дѣлать? повторяла она сама

себѣ, ходя по комнатамъ, по саду, машинально вышивая мѣтки на новыхъ платкахъ, вывязывая фриволитѣ.—Я не могу его видѣть, мнѣ противенъ онъ самъ, его платье, привычки, движения. Какъ онъ противно сморкается, выправляетъ изъ-за воротника шею, эта кривая улыбка, фырканье, нахмуривание бровей—до чего все это отвратительно...

Она вздрагивала съ невыразимымъ отвращеніемъ, когда онъ входилъ въ комнату, старалась не встрѣчаться съ его взглядомъ. Она спрашивала у Ярцева, что ей дѣлать, просила уяснить ея положеніе. Но какъ-же онъ могъ уяснить чужой душевный міръ, когда и въ своемъ-то онъ путался, не понималъ его?...

— Уйти! безповоротно рѣшила она. И вдругъ ей ясно представилось, что это грѣхъ, что нельзя оставить мужа, что оставивъ семью она погибнетъ.

Да и что ожидаетъ жену, покинувшую мужа?... Вѣчная зависимость отъ другихъ,— у нея вѣдь нѣть своего угла. Идти въ гувернантки теперь, въ двадцать шесть лѣтъ—не поздно-ли? Да и подготовлена-ли она настолько?... И опять таки зависимость вѣчная отъ другихъ... А уйти все таки надо, — такъ продолжать нельзя...

Она кидалась на колѣна передъ образомъ, молилась, но молитва не облегчала ее; она днемъ, уткнувшись въ подушку, плакала и рыдала часами. Ей казалось порою, что мысли ея путаются, что она сходитъ съ ума. Ярцевъ не былъ ей опорой; она желала, ждала помощи,— помочь не приходила.

Наконецъ, разъ какъ-то вспомнила она, что неподалеку отъ нихъ, въ селѣ Глѣбовскомъ, жилъ священникъ, отецъ Исаія, пользовавшійся глубочайшимъ уваженіемъ окрест-

ныхъ прихожанъ. Она была какъ-то въ глѣбовской церкви за обѣдней и ей очень понравилось его богослуженіе. Она рѣшилась пойтать къ нему, поговорить, посовѣтоваться съ нимъ—можетъ быть онъ облегчить ея страданія, предотвратить нечто неизбѣжное, что должно произойти...

XVII.

На другой день она велѣла заложить гигъ, и съ казачкомъ на запяткахъ, отправилась въ Глѣбовское. Бхать приходилось недалеко, и скоро передъ ней сверкнулъ крестъ каменной церкви, а по сторонамъ дороги потянулись живые плетни изъ разросшихся ивъ. Замелькала обычная панорама Украины: георгины, аисты, поросята, гуси—и ни единой человѣческой души,—все селеніе въ полѣ, только древнія старухи покашливаютъ кой-гдѣ въ хатахъ, да пищать маленькие ребятишки, привязанные за веревку къ столу, чтобы не напроказили безъ старшихъ. Чуть не задавивъ подвернувшагося подъ ноги лошади пѣтуха, перѣѣхавъ два прыгающихъ какъ клавиши моста, завернули круто къ церковной оградѣ. Казачекъ соскочилъ, прошелъ черезъ калитку, отперъ ворота. Желтенькая церковь съ большою лиловою тѣнью, упавшею отъ нея поперекъ дороги, ничѣмъ не заслоненна, чистенькая словно академическая модель, стояла посрединѣ двора. По узкой дорогѣ, мимо покосившихся могильныхъ крестовъ, проѣхали къ крохотному, залитому зеленою, домику отца Исайи, окруженному со всѣхъ сторонъ маленькими, грязными пристройками. У крыльца стояла осѣдланная лошадь.

«ПОВ. И РАЗСК. П. П. ГИѢДИЧА».

— Кто-то есть у него,—еще помышлаютъ,—подумала Анна Павловна.

Въ это время на крыльце отворилась дверь, и показались двѣ фигуры—Таганцева и отца Исаи.

— Анна Павловна! восторженно привѣтствовалъ ее гусарь, и кинулся помочь ей вылезать изъ гига.—Зачѣмъ вѣсъ сюда Богъ занесъ?..

— У меня есть дѣло до батюшки,— отвѣтила она, пожимая жесткую руку отца Исаи.—А вѣсъ я совсѣмъ не ожидала здѣсь встрѣтить...

— У меня тоже дѣлѣ,— и очень серьезныя.—Онъ лукаво глянулъ на священника, который какъ-то растерянно хмурился.— Только батюшка отказываетъ мнѣ въ содѣйствіи.

— Не могу-съ,—заговорилъ плавнымъ и тихимъ голосомъ Исаія.—Этого я сдѣлать не могу — обратитесь къ кому другому—здѣсь много приходовъ.

— Да поймите, батюшка, что ваша церковь для меня удобнѣе всего...

— Мнѣ-съ неудобно...

— Вы сами назначьте сумму,— тихо сказалъ онъ, когда Анна Павловна отошла отдать какія-то приказанія казачку.—Хотите четыреста... пятьсотъ...

— Оставимте этотъ разговоръ,— я вѣсъ уже просиль. У вѣсъ есть вѣдь полковой священникъ... Я не желаю быть запутаннымъ въ эту исторію—я ей не сочувствую. По долгу христіанина, я долженъ бы даже предупредить все это... но я предоставлю все вамъ—только меня оставьте въ сторонѣ...

Таганцевъ съ улыбкой пожалъ плечами.— Вы, чудакъ, отецъ Исаія,—въ вашемъ положеніи отказываться отъ такой суммы... Я этого не понимаю.

Онъ простился съ Анной Павловной и отвязалъ отъ столба лошадь.

— Если вы надумаетесь, — крикнулъ онъ, уже сидя въ сѣдлѣ — пришлите сказать, или сами заѣзжайте... Повторю, здѣсь мнѣ удобнѣе всего...

И еще разъ приложившись къ козырьку, онъ тронулъ лошадь. Отецъ Исаія посмотрѣлъ ему вслѣдъ съ какимъ-то недоумѣвающимъ сожалѣніемъ, слегка покачивая головой. Губы его шевелились, точно что-то шептали. Опершись сухими жилистыми руками о перила, онъ словно застылъ весь — и въ своей старой толстой рясѣ, съ длинной сѣдой бородой, волнистыми волосами, слегка вздывающими по вѣтру сталъ такъ похожъ на библейскія изображенія патріарховъ.—Анна Павловна тоже молчала, не желая тревожить его мыслей...

— Виноватъ, опомнился онъ.—Прошу въ горницу...

Онъ первый шагнулъ черезъ порогъ низенькой двери, и торопливо прошелъ полуутѣмными сѣнями въ „горницу“. Анна Павловна вошла вслѣдъ за нимъ въ начисто-выбѣленную, просторную комнату съ жесткимъ kleenчатымъ диваномъ, и развѣшенными по стѣнамъ изображеніями святыхъ, архіереевъ и лицъ царской фамиліи. Въ воздухѣ слегка пахло деревяннымъ масломъ отъ теплившейся въ переднемъ углу лампадки.

— Зачѣмъ изволили пожаловать? спросилъ священникъ, когда Анна Павловна, снимая перчатки, опустилась на диванъ.

Ей вдругъ стало неловко, стыдно. — Какъ-же это я такъ ему вдругъ скажу? — мелькнуло у нея въ головѣ. Съ какой стати?.. Какое отношеніе онъ ко мнѣ имѣть,—ко мнѣ, къ мужу, къ нему... Что онъ можетъ сдѣлать?.. Онъ совсѣмъ, совсѣмъ посторонній человѣкъ...

— Вы изволили сказать, — по дѣлу, — продолжалъ Исаія.

— Да... у меня есть дѣло къ вамъ,—отвѣтила она, не поднимая глазъ.

— Неугодно ли арбуза? внезапно спросилъ онъ, заѣтывъ ея смушеніе.—Бѣздѣлъ сегодня въ городъ и купилъ пятічекъ на базарѣ...

Онъ поспѣшно принесъ арбузъ, бутылку церковнаго вина, и двѣ рюмки.. Ани Павловна торопливо стала отказываться, говоря, что она только что завтракала...

— Не погнушайтесь, откушайте, — возразилъ онъ, взрѣзая арбузъ сочными сахаристыми пластами.—Пурпуровый—кровь, а не арбузъ.

— Право я не могу,—отвѣтила она, придвигая расписанную тарелку.—И зачѣмъ,—думала она,—полвернулся этотъ гусаръ—онъ испортилъ все настроеніе... Все это не то, совсѣмъ не то...

— Какъ хорошо у васъ, батюшка,—сказала она, обводя глазами комнату. — Чисто такъ, свѣтло. А это вашъ портретъ?

Она указала на маленький почернѣвшій холстъ, на которомъ доморощеннымъ художникомъ была намазана какая-то невозможная физіономія, имѣвшая смутное сходство съ Исаіею.

— Да-съ,—это мой портретъ,—отвѣтилъ онъ.—А рядомъ—изображеніе моей сестры Александры...

— Я думала, это ваша жена...

— Нѣтъ-съ,—глухо отвѣтилъ онъ, низко наклоняясь къ арбузу. — Сестра Александра тоже въ монашествѣ. Недалеко отсюда—на Днѣпрѣ, на правомъ берегу, можетъ изволите знать, женскій монастырекъ... Женщина

вѣры глубокой, убѣжденій твердыхъ,—рѣдкость въ пе-
ріодъ нынѣшняго шатанія...

— Отчего-же она въ монастырь пошла?..

— Мирское дѣло... Человѣка она одного полюбила...
Давно ужъ. Ну—кончилось все печально, онъ ее бро-
силъ. Сперва она тосковала, топиться хотѣла... Покон-
чила на монастырѣ...

— И довольна?

— Вполнѣ! Райское житѣе. Пѣніе у нихъ прево-
ходное. Извольте побывать — убѣдитесь сами — миръ,
согласіе, тиши. Процвѣтаютъ рукодѣлія, садоводство...

Анна Петровна на мгновеніе задумалась.—А если-бы
я,—мысленно начала она—и не кончила мысли...

— Батюшка, — начала она внезапно.—Я къ вамъ...
спасите меня...

Исаія удивленно посмотрѣлъ на нее.—Спасти?.. Какъ
спасти... .

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать, — продолжала она,
чувствуя, какъ кровь приливаетъ ей къ головѣ, въ
глазахъ тускнѣеть.—Я за совѣтомъ къ вамъ, за по-
мощью...

Удивленіе его смѣнилось внимательнымъ любопыт-
ствомъ. Онъ опять прищурился, и беспокойно запах-
нуль полы рясы.

— Я не знаю, какъ вамъ это все выскажать, — про-
должала она, сжимая свои холодѣющіе пальцы.—Я при-
шла къ вамъ, какъ къ духовнику, какъ къ отцу.

Отецъ Исаія сталъ еще беспокойнѣе, борода его за-
дергалась, брови сдвинулись.

— Да-съ,—такъ что-же-съ,—залепеталъ онъ.

— Моихъ силъ нѣть—у меня все внутри излома-

но—живаго мѣста въ душѣ нѣтъ.—Я... не люблю своего мужа.

Отецъ Исаія вздохнулъ полною грудью, словно тяжесть свалилась съ себя...

— Зачѣмъ-же вы замужъ шли за него, коли не любите? спросилъ онъ.

— Зачѣмъ? почти крикнула она, вставая.—Не знаю зачѣмъ!.. Я связала себя съ нимъ—теперь я не могу... ну не могу...

Она задыхалась отъ готовыхъ хлынуть слезъ, ловила дрожащими руками руку Исаіи.

— Нѣту силъ моихъ... Я не могу оставаться въ домѣ... Я уйду отъ него...

Онъ держалъ въ своей широкой руکѣ конвульсивно-вздрагивающую нѣжную ея руку, съ гремѣвшимъ привѣщенными бульками браслетомъ, смотрѣлъ какъ билось отъ рыданій все ея молодое, красивое тѣло...

XVIII.

Странныя, смутныя мысли, одна за другою, неслысь въ его головѣ. Сегодняшнее утро многаго ему стоило. Сколько лѣть онъ жилъ здѣсь, въ этой чудной южной глушки, въ этой низенькой хаткѣ. Люди родились, крестились, вѣнчались, умирали,—онъ крестилъ, отпѣвалъ и вѣнчалъ ихъ,—все шло обычнымъ, неизмѣннымъ порядкомъ. Горячее лѣто, короткая зима, пчелки на пасекѣ, ковуны, архиерей, прихожане,—все это двигалось вокругъ него однообразной, заведенной панорамой. Строй мыслей возникалъ въ извѣстномъ порядкѣ, въ извѣст-

номъ порядкѣ уносился... А сегодня все какъ-то спуталось, сбилось...

Сегодня утромъ онъ пошелъ взглянуть на свое хозяйство, и вдругъ пріѣхалъ этотъ гусаръ, розовый, блестящій, надушеный; сталъ говорить, что противъ воли старика-отца хочетъ жениться на его дочери, чуть ли не ребенкѣ, увезти ее, тайно обвѣнчаться... Говорилъ, что онъ ее страстно любить и что у нея громадное приданое.—На отца Исаю пахнуло другимъ міромъ, другимъ ~~страстями~~, треволненіями, желаніями, совсѣмъ ему чуждыми, странными .. А теперь вотъ эта барыня плачетъ у него на рукѣ,—красавица, пріѣзжая изъ столицы—говорить, что хочетъ бросить мужа...

— Я воды вамъ принесу, воды,—растерянно говорилъ онъ, стараясь усадить ее на диванѣ.—Успокойтесь, пожалуйста...

Онъ сбѣгалъ за водой и принесъ ее въ граненомъ синемъ стаканчикѣ.—Выпейте сударыня, выпейте...

Она понемногу стихла. Онъ оглянулся. Яркое солнце глядѣло въ окно, спокойно, чисто сіяя. Все село золотилось подъ этими лучами—и тиши, такая благоуханная тиши въ природѣ. Нѣтъ ни страостей, ни порывовъ,—спокойствіе, миръ...

— Смирите себя, смирите,—тихо шепталъ Исаія.

— Ахъ, смирялась я, три года смирялась... А онъ говорить: „придушить“...

— Къ Богу обратитесь,—продолжалъ священникъ,—Онъ одинъ, милосердый—утѣшить васъ, успокоить... „Блаженны есте, егда васъ унижаютъ“ ...

— Блаженны?.. повторила она.

— Вы вѣрите въ будущую жизнь? Да? Безспорно вѣ-

рите!.. Такъ вѣрьте, что тамъ вамъ будетъ награда за все... Если страданія есть—они искупятъ много...

— Но что-же мнѣ теперь дѣлать?..

— Смиритесь,—смиритесь: вамъ выпалъ этотъ крестъ на долю,—несите его со смиреньемъ. Нѣть ничего ужаснѣе распаденія семьи,—особенно теперь,—а теперь-то у насъ семья и распалась... Поддерживайте семью что станетъ силъ,—на ней только и можетъ общій строй держаться...

— Я, молилась,—молитва не помогаетъ мнѣ...

— Молитесь еще, молитесь чаще. Минута не пришла вашего просвѣтленія, но она придетъ. Бываютъ дни, когда молитва трудна... Но за то иногда такой мигъ настанетъ, что все, все искупитъ!.. И вѣрьте,—вышаго блаженства нѣть на землѣ, какъ молитва... Всѣ остальныя чувствованія—ничто передъ такимъ мигомъ откровенія... Вы женщина свѣта,—но я говорю вамъ: всѣ ваши наслажденія и блага міра вы не промѣняете на сладость молитвы, если вся отدادитесь ей...

— Да я готова отдаться, но не могу...

— Поднимитесь до любви къ Богу выше всего остального...

— Я рада-бы... Силь нѣть...

Старикъ изыскливо глянулъ на нее.—Вы любите другаго? спросилъ онъ.

Кровь кинулась ей въ щеки—ей стало стыдно сознаться, стыдно, что она любить.—Она хотѣла сказать *нѣть*, но пересилила себя.

— Люблю,—чуть слышно отвѣтила она.

Исаія замолкъ. Кровь и у него заиграла на старческихъ щекахъ, глаза заискрились, точно что-то въ родѣ преображенія засвѣтилось въ нихъ.

— Вотъ гдѣ причина всего,—сказалъ онъ.—Такъ! Это всегда такъ бываетъ... И силъ нѣтъ устоять... И воли нѣтъ?..

— Нѣтъ...»

— Молитесь, молитесь,—торопливо заговорилъ онъ,—гоните дурные помыслы прочь, дальше отъ себя... Не давайте дьяволу смущать васъ...»

— Силь нѣтъ,—шептала она.

Исаія смотрѣлъ на нее и думалъ:—Куда-же духу тьмы и вселиться, какъ не въ этомъ сосудѣ чудный, перлъ творчества Божія.

Они помолчали. Она встала, протянула ему руку, крѣпко пожала ее, и словно шатаясь пошла изъ комнаты...

— Батюшка, помолитесь за меня,—сказала она на порогѣ, держась за притолку, молящимъ взоромъ взглянувъ на него...

Онъ молчалъ. Она вышла на крыльцо, подозвала гигъ, и сѣла въ него. Лошадь тронулась. Легкая пыль пробѣжала по дорогѣ, и разсѣялась...

Отецъ Исаія неподвижно сидѣлъ на крылечкѣ и погрустно лышалъ. „Отъ мужа уходятъ, страстью обуреваемы,—тайство брака воровски, ночью... Вѣдь все такъ постоянно у нихъ дѣляется, всегда, и ничего тутъ нѣтъ достойнаго изумленія... Мало мѣста имъ на землѣ, разойтись негдѣ”...

Давно онъ такъ не былъ взволнованъ, потрясенъ... А вокругъ все та же тишина, спокойствіе, теплынь,—словно міръ заснулъ и грѣется на полуденномъ осеннемъ солнышкѣ.—„Дивны дѣла твоя”... началъ Исаія, недоговорилъ, понурилъ голову и задумался о чёмъ-то старомъ, давно минувшемъ...

XIX.

Наступилъ день спектакля. Съ самаго утра городъ принялъ праздничный видъ. Городовые, точно, появились въ новой формѣ. Парикихъ Азикъ выбрилъ столько щекъ и подбородковъ, сколько ему не приходилось брить, и въ свѣтлый праздникъ. Бѣда по городу была необычайная. Черезъ окна видны были суетливыя движения „обывателей.“ Протопопъ въ новомъ цилиндрѣ и въ фиолетовой рясѣ уже два раза спѣшно прошелъ черезъ площадь, небрежно кивая на поклоны встрѣчнаго чернаго люда: на лицѣ его было написано: „хорошо, хорошо—мнѣ некогда.“ Почтмейстеръ, очень толстый, чрезвычайно угрюмаго вида мужчина, сидя за прилавкомъ своего закапаннаго чернилами и пропахшаго сквернымъ сургучемъ отѣленія, былъ нервенъ, и нѣсколько разъ такъ громко прикрикнулъ на бабъ, что младшій чиновникъ со страха надѣлалъ кляксъ. Голова съ утра устроилъ у себя завтракъ—и пригласилъ на него всѣхъ городскихъ властей, отчего присутствія всюду кончились рано.

Когда протопопъ въ третій разъ проходилъ черезъ площадь, идя на этотъ разъ на завтракъ къ головѣ, ему повстрѣчался Лухмановъ.

— Чего ты какъ бѣсь передъ заутреней по городу мыкаешься? сурово спросилъ его отецъ Михаиль.

— Я, дяденька, себя въ приличный видъ приводилъ,—отвѣтилъ Лухмановъ осклабившись,—я себѣ, дяденька, у жидовъ новое платье купилъ. Посмотрите, дяденька, какіе штаны важные...

— Ты чего-же франтить вздумалъ?

— Вы-же, дяденька, въ цилиндрахъ ходите, да еще на бочекъ ихъ надѣваете, отчего же мнѣ, лицу свѣтскому, не прифрантиться...

— Да кто тебя изъ твоей конуры собачьей увидитъ?..

— Лицедѣи, диденька.—Напримѣръ мамзель Богучарова,—недурная вѣдь цыплятинка?.. а?..

— Ты деньги откуда досталь—не укралъ-ли?

— Ну, вы полегче!.. За такія слова знаете что!.. Деньги у меня есть... Не угодно-ли.

Онъ вынулъ изъ кармана двадцати-пятирублевую бумажку и махнулъ ею по воздуху...

— Откуда ты это? удивился протопопъ.

— Секреть, дяденька... На службу поступилъ, на частную...

„Дяденька“ плюнуль, и пошелъ дальше. Лухмановъ, все осклабившись, весело продолжалъ путь черезъ площадь. За послѣдніе два-три дня строй его мыслей сильно измѣнился. Онъ все собирался преподнести на спектакль какую-то „штуку;“ но теперь раздумалъ, и былъ очень доволенъ удачно сложившимися обстоятельствами.

Таганцева онъ розыскалъ на сценѣ; тотъ хлопоталъ объ устройствѣ потолка. Вокругъ было темно, пахло свѣжимъ деревомъ, клейстеромъ и керосиномъ. Они totчасъ отошли въ сторону.

— Ну что-же?—спросилъ Таганцевъ.

— Все благополучно, — сказалъ Лухмановъ.—Онъ будеть ждать хоть всю ночь. Ключи, дьячекъ—все на готовѣ; — какъ пріѣдете, хоть подъ утро, въ четверть часа покончитъ...

Таганцевъ крѣпко пожалъ ему руку, и остановился на минуту въ нерѣшиности.

— Послушайте, Лухмановъ, робко сказалъ онъ,— вы... вы ради Бога не напейтесь...

— Я никогда не напиваюсь,—сурово отвѣтилъ Лухмановъ,—я право не знаю, зачѣмъ вы такія пустопорожнія слова говорите...

— Ну, да, да, извините,—сконфузился Таганцевъ, и пригласилъ его полюбоваться, какъ хорошо дѣйствуетъ занавѣсь.

Сцена вообще представляла очень приличный видъ. Внизу, ниже рампы, сидѣли какіе-то картонные амуры: занавѣсь была удивительного ярко-малиноваго цвѣта, такъ что кривоглазый маляръ, грунтовавшій ее, увѣрилъ, что „даже въ натурѣ такого колера не найти: въ десять разъ превосходнѣе...“ Боковые подборы были сдѣланы съ большімъ стараніемъ: да и не мудрено: Таганцевъ послѣднюю недѣлю буквально жилъ на сценѣ, и уходилъ домой только почевать; даже обѣдать иногда ему сюда приносили.

Въ воздухѣ сплошнымъ туманомъ висѣла пыль: солдаты мели полъ, плотники уколачивали послѣднія скамейки, разставляли стулья. По стѣнамъ развѣшивали разнокалиберныя лампы, набранныя со всего города. Молотокъ звонко щелкалъ по широкой шляпкѣ гвоздя и эхомъ отдавался на сценѣ. Дамскія уборныя устилали коврами, уставляли цвѣтами. Въ уборной, гдѣ должны были одѣваться Анна Павловна и Вѣрочка даже повѣсили для чего-то розовый фонарь на бронзовыхъ цѣпяхъ. Однимъ словомъ—Таганцевъ хотѣлъ сыграть спектакль на славу.

— Мастеръ, мастеръ,—хвалилъ его протопопъ, поѣтившій послѣ завтрака театральную залу.—Ужь вы мнѣ дозвольте къ вамъ во время представлениія за кулисы

прійти... Вѣдь въ сущности нигдѣ закона такого нѣть, чтобы духовное лицо не посѣщало театровъ, а просто не принято...»

Передъ этимъ, на завтракѣ, протопопъ только что примирился съ Мармышевымъ, и болѣе не опасался съ нимъ встрѣчи. Мармышевъ извинялся за исторію съ лягушками, и увѣрялъ, что онъ былъ на этотъ счетъ введенъ въ заблужденіе.—„Я не разобралъ сразу, увѣрялъ онъ, что приготовилъ дуракъ-поваръ. Потомъ разсмотрѣлъ косточки—вижу лягушечки“. И хотя батюшка при воспоминаніи почувствовалъ потребность встать изъ-за стола, примиреніе все таки состоялось.

Билеты были разосланы заранѣе, причемъ, конечно, распределеніе мѣстъ стояло въ прямой зависимости отъ чина и положенія зрителя. Таганцевъ разсчитывалъ на большой доходъ, и потому не стѣснялся обстановкой. Одну очень почтенную даму, не оказавшую никакихъ способностей на сценѣ, уломали сидѣть у входа, продаивать афиши и наблюдать за тѣмъ, какъ посѣтители будутъ опускать въ благотворительную кружку свои лепты. Барыня сперва отказывалась, потомъ сдѣлала себѣ громадную голубую розетку на грудь,—въ знаѣ того, что и она членъ-распорядительница—и рѣшилась до начала спектакля посидѣть у дверей.

XX.

Къ вечеру общая ажитациѣ усилилась. Вдобавокъ городъ взволновался двумя событиями особаго рода. Во первыхъ, разнесся слухъ, что ёдетъ губернаторъ, сѣденький, маленький генераль, съ кривыми рѣдкими зу-

бами и привычкою постоянно кряхтѣть, — но тѣмъ не менѣе милѣйшее и добрѣйшее существо въ мірѣ. Ёхаль онъ навѣрное—это всѣ знали и утверждали; вѣроятность присутствія его на спектаклѣ была очень возможна. Во вторыхъ разыгралась безобразная сцена такого рода. Мармышевъ поймалъ гдѣ-то хохла, напоилъ его мертвѣцки, потомъ вымазалъ дегтемъ его, его лошадь, его телѣгу, и долго возилъ по городу. Пыль густыми слоями осѣла на деготь и придала фантастическій видъ группѣ, оставленной на произволъ судьбы посрединѣ плошади. Когда полицейскіе стали расталкивать пьяного, и не растолкавши отправили въ часть,—новая форма оказалась вся въ дегти, чѣмъ Мармышевъ остался очень доволенъ, и тотчасъ-же уплатилъ ея стоимость, прибавивъ ассигнацію и на долю хохла...

Но изо всѣхъ зрителей и участвующихъ болѣе всѣхъ ажитировалась Вѣрочка. Она плохо спала передъ этимъ ночь, но встала свѣженѣка, веселая. Долго сидѣла она, впрочемъ, поджавши ноги, на постели, прежде чѣмъ рѣшилась вдѣть ихъ въ маленькия красныя туфельки, чинно стоявшія на коврикѣ. Она очень смиренno умылась (обыкновенно она дурачилась во время умыванія, и приводила въ отчаяніе горничную), молилася очень долго, и еще дольше гуляла по-саду. Въ саду ее розыскаль какой-то хлопецъ и подалъ ей маленькой конвертикъ. „Не раздумали-ли вы? прочла она. Сегодня, сейчасъ послѣ спектакля. Скажите посланному да—другаго отвѣта не надо“.—Она разорвала письмо на мелкіе клочки, сказала „да!“ покраснѣла, обрадовалась, повернулась и побѣжала домой. Она обошла весь домъ, ко всему присматривалась. Розыскала въ альбомахъ портреты покойной матери и долго ихъ рассматривала. По-

тотъ расплакалась съ чего-то, наговорила ужасныхъ ве-щихъ ш-ле Ernestine, вышла къ обѣду опять веселая, и долго-долго цѣловала отца послѣ обѣда.

— Ты меня любишь, папа? спросила она.

— Люблю... Что за вопросъ...

— Ни и люби, это хорошо,—ответила она.

Ей было страшно, очень страшно, и въ то же время невыразимо пріятно... Она бѣжитъ изъ родительского дома, съ нимъ—съ милымъ, хорошимъ, веселымъ, красивымъ, умнымъ — ну, однимъ словомъ, прелестнымъ... Развѣ это не чудо?.. И день какой веселый отъ этого! И любить какъ она его—ужасъ! Ее еще никогда, никогда не оставляли одну,—она никогда съ чужими (совсѣмъ съ чужими) неѣздила, — и тутъ вдругъ ночью, съ нимъ, одна уѣдетъ куда-то въ даль. Но она этого не боится, никакъ не боится.—Она вздрагивала, улыбдалась, оглядывалась,—и опять погружалась въ мечты, которыя словно колыбельные пѣсни убаюкивали ее, застилали отъ нея все остальное...

— Что съ вами? спрашивала француженка.—Вы боитесь спектакля?..

Она не отвѣчала. Ей было лѣть отвѣтить. Да и кто могъ понять ее, ея мысли?..

Ей прежде всегда почему-то представлялось, что свадьба ея будетъ съиграна въ Москвѣ, въ ихъ домѣ близъ Страстнаго монастыря. Будетъ множество гостей, зажгутъ люстры, будутъ танцы, оркестръ, ужинъ... А теперь—теперь оказывается, что она вѣнчаться будетъ гдѣ-то ночью, въ южной глухи, на глухомъ хуторкѣ... Какъ это странно?..

Чуть-ли не въ первый разъ въ жизни она задумалась. Прежде какъ-то не приходилось думать. Да не объ чемъ

было. Училась, сдавала экзамены, гуляла,—пока жива была мать, съ матерью, а потомъ съ m-lle Ernestine, по Тверскому бульвару; лѣтомъ ѿздила за границу, приходила въ восторгъ, какъ и слѣдуетъ быть, отъ Швейцаріи и Парижа. Теперь она вспомнила въ какой восторгъ привель ее счетъ, присланный изъ моднаго магазина *m-me Laferrière*, — счетъ на имя *mademoiselle Bogoutcharoff*, — первый счетъ на ея имя, — какъ покраснѣла она, и краснѣя отдала шестьсотъ франковъ за платье... Она порылась въ столѣ, хотѣла найти этотъ счетъ, но вмѣсто его нашла другой— „*Blanchisserie de Courcelles*“ со спискомъ грязнаго бѣлья, разсердилась, и опять заплакала...

Къ вечеру все прошло. Она звонко хохотала, смѣхъ ея такъ и разносился по всему дому. Спектакля она нисколько не робѣла, да и поглощена она была совсѣмъ другимъ... Теперь только нѣсколько часовъ осталось быть *своей*, а тамъ—*его*, его на всю жизнь...

Большая корзина съ платьями была поставлена на козлы кареты; она сѣла съ m-lle Ernestine, вся задыхаясь отъ смѣха.

— Право вы нездоровы, — замѣтила ей француженка.

— Какъ вамъ нравится, m-lle Ernestine, Таганцевъ? спросила въ отвѣтъ Вѣрочка. — Только правду говорите.

— Онъ очень милый, видный,—съ разстановкой, взвѣшивая каждое слово, возразила та.—Только онъ, кажется, пустоватый молодой человѣкъ..

— Никогда, вотъ ужъ никогда! крикнула съ негодованіемъ Вѣрочка.—Что онъ пустой это неправда, слышите—неправда!..

Она отвернулась къ окну и сердито стала смотрѣть на широкую панораму степи. Во всю остальную дорогу она ни слова не сказала съ своей спутницей.

XXI.

Чмутовъ объявилъ женѣ, что онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ нею. Она ѿхала, конечно, гораздо ранѣе началя спектакля, чтобы имѣть время разобраться съ платьями, одѣться и причесаться. Она ничего ему не отвѣтила и продолжала сборы.

Поѣздка къ отцу Исаї принесла ей временное облегченіе; она опять взглянула на своего мужа какъ на крестъ, на испытаніе ниспосланное ей свыше. Но испытаніе все таки оставалось испытаніемъ, вдобавокъ нещаднымъ. Она по возможности старалась себя „смирять“ и даже разговаривала съ мужемъ.

Она съ Приской укладывала въ картонку платья. Онъ сидѣлъ тутъ же верхомъ на стулѣ.

— Я думаю скоро отправить тебя въ Петербургъ,— сказала онъ.

Она повернула къ нему испуганное лицо.

— Ты вѣдь скучаешь,—продолжалъ онъ,—говоришь, что людей здѣсь мало видишь, погости у сестры мѣсяца два, а къ Рождеству я къ тебѣ приѣду...

— Но я теперь не хочу уѣзжать, мнѣ не скучно,— сказала она.

Онъ фыркнулъ и что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ. „А что, если въ самомъ дѣлѣ онъ меня отправить? думала она.—Ясно, онъ ревнуетъ меня къ Ярцеву — особенно послѣдніе дни. И ничего я не могу

туть сдѣлать. — Онъ какъ посылку можетъ отправить меня... Какъ это гадко все, неестественно”...

— Тебѣ интереснѣе здѣсь остаться,—заговорилъ Чмутовъ, выждавъ время, когда Приска вышла изъ комнаты.—Понятно! Но тогда лучше уже совсѣмъ уйти къ... уйти изъ дома...

— Да я и уйду,—внезапно сказала она, вся блѣднѣя и подымаясь съ мѣста.

— А-а, вотъ какъ! отвѣтилъ Чмутовъ, чувствуя какъ холодѣютъ его руки и ноги.—Ну что-жъ, скатертью дорога! Двери не на замкахъ, отвори, вѣли кучеру заложить коляску и отправляйся на всѣ четыре стороны.

— Ну, а еслибъ я это сдѣлала?

— Это дополнило бы твой нравственный портретъ, который постепенно начинаетъ выясняться передо мной. Прикинулась кроткой овечкой, чтобы только выскочить замужъ...

— Я прикинулась?..—возразила она. Злоба душила ее, она всѣми силами души ненавидѣла его въ этотъ мигъ.

— Ну да, ты польстилась на богатство, ты не пріучена къ труду, хотѣла цѣлый вѣкъ просидѣть сложа ручки,—ты этого добилась... Только вотъ не удалось тебѣ изъ меня сдѣлать башмакъ, который можно, снявъ съ ноги, швырять куда угодно...

Онъ поднялся съ мѣста, стискивая въ рукахъ попавшійся карандашъ, и ломая его въ куски.—Я оказался сильнѣе тебя, и помыкать собою не позволилъ. Ты измучила меня въ эти три года, что мы женаты. Я искалъ хозяйку, мать — а что я въ тебѣ нашелъ?.. Какую-то пустую, верченую куклу...

— Да почему же я кукла! съ какимъ-то болѣзnen-

нымъ отчаяніемъ крикнула она.—Почему же я пуста? Да и чѣмъ я виновата, что такой уродилась какая есть. Ты измучилъ меня, а не я тебя... Три года я старалась тебя полюбить...

Отвращеніе въ ней росло, порывъ гнѣва охватилъ ее. Въ первый разъ она такъ говорила, въ первый разъ защищала свои права...

— Я старалась тебя полюбить, понять, чего ты отъ меня хочешь — и на каждомъ шагу встрѣчала грубую насмѣшку... или ласку,—она была для меня еще хуже. Ты смылся надъ тѣмъ, что я барышня, дворянка, что ношуся я съ своими мелкими чувствованіями... Да ужь какія они ни на есть — да мои собственныя... Теперь все это продолжаться не можетъ.

— Да вѣдь ты нищая,—щурясь возразилъ Чмутовъ. Куда-жъ ты пойдешь... Или Ярцевъ обѣщалъ тебѣ покровительство?..

— Ну да, обѣщалъ, — отвѣтила она, чувствуя, что еще минута и она окончательно потеряетъ сознаніе... И что я нищая — это тоже правда, и жить на твой счетъ, твоими средствами, я не хочу...

— Это черезъ три-то года житья на чужой счетъ? засмѣялся онъ.

Ей хотѣлось броситься на него, какое-то неудержимое бѣшенство овладѣвало ею, а онъ все также циничеки улыбался.

— Да, сказалъ онъ,—ты сегодня окончательно превзошла себя... Такою дряпью я тебя не представлялъ.

— Что?.. задохнулась она.—Меня еще никогда никто... Она ступила къ нему шагъ, пошатнулась, и грянулась во весь ростъ навзничь.

Онъ стоялъ надъ ней какъ каменный, не шевелясь.

Потомъ наклонился къ ней, поднялъ, перенесъ на кушетку, отцѣшилъ брошку, сдернулъ воротничекъ, отстегнулъ, чутъ не разорвалъ платье...

— Воды! крикнулъ онъ вбѣжавшой въ комнату испуганной Прискѣ, разстегивая дрожащими, неловкими руками тугіе крючки корсета, ломая хрустѣвшія планшетки. Онъ мочилъ ей одеколономъ виски, цѣловалъ полуоткрытые холодѣющія губы, прыскалъ въ лицо водой, слушалъ сердце, плакалъ...

Она судорожно вздохнула. Онъ поднялся съ колѣнъ.

— Когда ей будетъ лучше — вели подавать коляску и скажи мнѣ, проговорилъ онъ отрывисто, проходя мимо Приски...

— Не отдамъ, не отдамъ! сквозь зубы шепталъ онъ, опускаясь въ кресло въ своеемъ кабинетѣ.—Съ жизнью только у меня ее вырвутъ,—иначе не отдамъ...

XXII.

Изъ артистовъ первымъ пріѣхалъ Мармышевъ. Онъ пріѣхалъ въ небольшой, легкой дорожной коляскѣ, зараженной отборною тройкой. Дюжій молодой кучерь въ бархатной поддевкѣ и кантаусовой рубашкѣ сидѣлъ за барина, а Мармышевъ на козлахъ лично правилъ „чертями“. Онъ самъ ихъ выѣздилъ и плохо довѣрялъ ихъ даже любимцу-кучеру. Только съ своей геркулесовской силой онъ иправлялся съ ними. Ихъ поставили на дворъ къ протопопу и Мармышевъ въ сотый разъ подтвердилъ свой наказъ кучеру.

Уборные начали понемногу наполняться. Пріѣхалъ изъ губернского города специально приглашенный на

этотъ день парикмахеръ съ огромными черными картонками, съ массою париковъ, накладокъ, буклей и волосъ. Всюду царилъ тотъ хаосъ, который такъ присущъ всѣмъ уборнымъ. На столахъ—бутылки вина, по диванамъ и стульямъ—чемоданы, сакъ-вояжи, корзинки. Передъ зеркаломъ шесть свѣчей, чтобы свѣтлѣе было гри-мироваться; на столѣ—расчесанные парики съ розовыми лбами, ящики съ жирными красками, растушки, карандаши, пудра, лакъ. Всѣ сразу одѣвались, говорили, смеялись, курили. Парикмахеръ у всѣхъ просилъ мѣста,—всѣмъ было такъ весело и хорошо.

Зрительную залу стали мало по малу освѣщать. Темная занавѣсь загорѣлась золотыми блестками и малиновыми складками. Прошелъ солдатъ, поливая раскаленную жаровню ароматическимъ уксусомъ. Толстая барыня съ голубой розеткой торжественно расположилась у входа, ей на помощь оказался прикомандированный какой-то худосочный юноша. На сценѣ передвигали мебель. Солдаты-мѣзыканты курили на задворкахъ, осторожно прислонивъ къ стѣнамъ свои блестящія трубы. Двѣ пожарныхъ бочки стояли тутъ же, на всякий случай...

Солнце было еще довольно высоко, до половины освѣщая соборную колокольню,—до спектакля оставалось еще добрыхъ два часа, а Таганцевъ торопилъ уже всѣхъ гриммироваться, чтобы не задерживать...

— Что это Чмутова не Ѳдетъ? безпокойно думалъ онъ, чувствуя какъ парикмахеръ крѣпко стягиваетъ ему сзади шнурками парикъ.—Надо будетъ послать нарочного,—не случилось ли чего, сохрани Богъ... Главная роль въ комедіи...

И онъ распорядился послать одного гусара узнать—не случилось ли чего.

Оставалось решить вопросъ: ждать губернатора если онъ запаздываетъ, или нѣтъ. Общимъ голосомъ рѣшили не ждать: чего добраго, съ дороги генералъ захотѣть отдохнуть, и на представление не пойдетъ. Задавлять же томиться ожиданіемъ публику было неудобно...

Лухмановъ шептался съ Мармышевымъ, отведя его въ уголъ.

— Еще экипажъ будетъ? спрашивалъ онъ.—У васъ коляска вѣдь двумѣстная.

— Не будетъ. Мы съ вами на коалахъ... Только помните: какъ вызовы кончатся—сю же минуту...

Лухмановъ кивнулъ головой?—Хорошо, что погода ясная,—сказалъ онъ.

— А вотъ, батенька, какой случай былъ въ Одессѣ, говорилъ мировой судья, игравшій въ водевилѣ роль благороднаго отца.—Игралъ одинъ актерикъ Гамлета... Играль... Хорошо—съ.. Только передъ выходомъ—знаете въ сценѣ съ матерью, послѣ театра,—у него бородка и отвались... А игралъ онъ Гамлета съ бородкой, говоря что это необходимо по тексту... Вышелъ это онъ, хватъ за подбородокъ, да и говоритъ: „а я, маменька, говорить, побриться успѣлъ“... Такъ весь театръ со смѣхомъ лоскъ и уложилъ.

— Пріѣхали! ворвался въ уборную худосочный юноша,—пріѣхали!

— Кто? Чмутовы? быстро спросилъ Таганцевъ.

— Нѣтъ, публика: купецъ-бакалейщикъ—Пехтерёвъ...

Первый зритель,—съ женою и сыномъ...

Пехтерёвъ имѣлъ въ рядахъ огромный магазинъ

бакалейныхъ товаровъ и ему, какъ богатому купцу, не преминули послать билетъ и афишу. Онъ вывѣсилъ свою медаль, причесался волосокъ къ волоску и переваливаясь какъ гусь, приплылъ въ театръ. Снявши картузъ и поздоровавшись, онъ сунулъ въ кружку крупную бумажку и съ сознаніемъ собственного достоинства вступилъ въ залу.

— Раненько? спросилъ онъ полковаго писаря, исправлявшаго должностъ капельдинера и потому завившагося „капулемъ“.

— Принимаю во вниманіе современное состояніе солнца, еще достаточно рано,—отвѣтилъ тотъ обрывая уголки билетовъ.—Изволили прибыть не по здѣшнему мери-діану. Зайдите на стулъ мѣсто,—все одно публику обозрѣете...

Пехтерёвъ съискалъ стулъ и вздыхая помѣстился на него. Жена и сынъ робко присѣли рядомъ.—Ты, Петька, нишки,—заявилъ онъ сынишкѣ и терпѣливо стала смотрѣть на колыхающуюся занавѣсъ.

— Батенька, какъ поздно! встрѣтилъ Таганцевъ входящаго въ уборную съ чемоданчикомъ Ярцева.—Анну Павловну вы не видали?

— Нѣть,—да гдѣ же мнѣ ее видѣть,—сердито отвѣтилъ Ярцевъ. Ему показалось (какъ постоянно казалось за послѣднее время), что Таганцевъ желаетъ уколоть его намекомъ на отношенія къ Чмутовой.

— Не ёдетъ! съ отчаяніемъ сказалъ Таганцевъ. Онъ прошелъ коридорчикомъ и стукнулъ у двери.

— Нельза! раздался голосъ Вѣрочки.

— Анны Павловны нѣть? спросилъ онъ.

— Нѣть!..

Онъ повелъ плечами, и пошелъ справляться, побѣжалъ

ли солдатъ, котораго онъ послалъ. По дорогѣ онъ вспомнилъ, что на диванѣ остался брошеннымъ его ментикъ, а въ немъ деньги и бумаги. Онъ воротился въ уборную, замкнулъ ихъ въ шкачикъ на ключъ и опять прошелъ на крыльцо.

— Просто хоть спектакля не давай,—сказалъ онъ.— Ну, ужъ эти барыни! придется впередъ дать водевиль...

Таганцева весь день тряслось. Онъ слегка побаивался исхода того, что было затѣяно. Не люби его Вѣрочка такъ, какъ она (казалось) его любила—онъ бы отказался отъ своего предпріятія. Еще хорошо, что это было въ день спектакля. Хлопоты его отвлекали нѣсколько. Сегодня ему только разъ, мелькомъ удалось ее видѣть, но вчера на генеральной репетиції у нихъ все было порѣшено и уложено. Черезъ нѣсколько часовъ... теперь скоро семь... черезъ семь-восемь часовъ она будетъ его женой—и тогда ужъ никто никогда ихъ не разлучитъ...

На сценѣ онъ велѣлъ переставить павильонъ—и начинать съ водевиля. Отогнувъ край занавѣси, онъ заглянулъ въ залу. Кое-гдѣ сидѣли и стояли набиравшіеся зрители. Одна лампа коптила стекло; онъ приказалъ ее поправить. „Вдругъ догонять, отстановятъ“,— думалъ онъ.

У входа въ театръ были развѣшаны цвѣтные бумажные фонари, собственноручно сдѣланные учителемъ земской школы, большими любителемъ всевозможной клейки. Рѣшено было зажечь ихъ, едва стемнѣеть. Разсчитывали на поразительный эффектъ. Къ крыльцу стали тѣ и дѣло подкатывать экипажи съ невѣроятнымъ количествомъ сѣдоковъ. Въ залѣ замелькали розовые, голубые, бѣлые платья, обнаженный нѣжныя ручки дѣвицъ въ

широкихъ, не по модѣ, браслетахъ. Букетики свѣжихъ цвѣтovъ въ волосахъ и на груди пестрѣли почти у всѣхъ дамъ,—ин旣 даже ухитрялись вставлять ихъ стебельки въ узенькия стеклянныя трубочки съ водой и приставливать ихъ. Мужчины собирались больше кучками и говорили умѣренными баскомъ. На дворѣ темнѣло все больше и больше.

Въ послѣдній разъ взглянувъ на часы, Таганцевъ отчалиеннымъ шагомъ подошелъ къ занавѣси и стукнулъ трижды ногой о полъ. Дирижеръ постучалъ своей палочкой и поднялъ ее кверху.

Торжественнымъ грохотомъ отдалась за кулисами увертура изъ „Руслана“.

— Господа, пожалуйте на сцену,—крикнулъ Таганцевъ въ мужскую уборную.—Mesdames,—пожалуйте!.. Онъ еще разъ стукнулъ къ Вѣрочки.

— А Чиутова все не прїѣхала?

— Прїѣхала,—раздался сзади его голосъ. Онъ оглянулся. Анна Павловна съ Приской и узлами стояла сзади его.—Куда пройти?

— Какъ вы опоздали! воскликнулъ Таганцевъ...

— Мнѣ было дурно,—отвѣтила она, отворяя дверь, изъ-за которой послышался испуганный крикъ раздѣтой Вѣрочки и мелькнули наваленные горой юбки.

— Лухмановъ на мѣсто,—торопливо говорилъ Таганцевъ, поднимая передъ нимъ люкъ и предлагая пролѣзть въ свою берлогу.—Плотники къ дверямъ!.. Не робьте, mesdames,—свободнѣе держите руки. Не опускайте глазъ,—чтобы горизонтъ зрењія былъ нѣсколько выше партера... На суплера ради Бога не глядите... Ну, все, кажется, въ порядкѣ?..

Онъ оглянулъ привычнымъ взглядомъ комнату,—все было на мѣстѣ, симметрично и красиво.

— Приготовьтесь къ первому явлению,—садитесь, говорилъ онъ Мармышеву...

Увертюра подходила къ концу. Публика прибывала толпами. Зала была почти полна.

Артистовъ пробирала дрожь,—сквозь бѣлила и шудру лихорадочный румянецъ такъ и горѣлъ на щекахъ. Руки тряслись,—иные что-то шептали: не то роли, не то молитвы.

Послѣдніе такты плавно замерли въ воздухѣ.—Все готово? все? въ послѣдній разъ спросилъ Таганцевъ.— Ну, я начинаю. Давай занавѣсь!

Плотникъ потянулъ веревку, занавѣсь шурша ушла кверху,—въ залѣ все колыхнулось и замерло,—спектакль начался.

XXIII.

Таганцевъ сталъ прислушиваться. Какъ-то отчетливо-рѣзко отдавался за кулисами голосъ Мармышева. Ему дрожащимъ голосомъ отвѣчала робѣвшая водевильная *ingénue*.—„Ну, все гладко, слава Богу“,—думалъ Таганцевъ стоя съ книгой у дверей,—онъ *правиль* піесой и обязанъ быть выпускать на сцену: „главное—всѣ роли твердо знаютъ“...

— И я тутъ,—тихо прошепталъ протопопъ, стараясь неслышно ступать,—гдѣ бы мнѣ дырочку найти,—очень любопытно...

Таганцевъ свелъ его къ первой кулисѣ, и объяснилъ, какъ надо смотрѣть въ щель окна, чтобы его не видѣ-

ла публика. Отецъ Михаилъ умостился на стулѣ, оттирая плотника, догадливо проковырявшаго для себя въ декораціи отверстіе... Онъ былъ въ самомъ блаженнѣи настроеніи и восторженно улыбаясь смотрѣлъ на сцену. Новая ряса шелестѣла, волосы разливали благовоніе киевской помады...

— Валерьинъ Степановичъ,—поймалъ онъ за полу Таганцева,—что это съ нимъ дѣлается? и онъ ткнулъ пальцемъ на суплерскую будку.

Таганцевъ посмотрѣмъ. Съ Лухмановымъ, точно, что-то случилось: его дергало словно въ пляскѣ святаго Витта. Вместо того, чтобы „подавать“ онъ дѣлалъ какие-то отчаянныи знаки и гримасы артистамъ, разводиль руками, показывалъ на книжку и былъ, очевидно, въ большомъ смущеніи...

— Это онъ вамъ фортель подносить,—объяснилъ протопопъ,—окомпрометировать играющихъ хочетъ...

Въ это время Мармышевъ, кончивъ явленіе, вылетѣлъ за кулисы.

— Что вы дѣлаете,—съ ужасомъ зашипѣлъ онъ на Таганцева,—у Лухманова нѣть піесы, онъ не можетъ подсказывать: у него комедія, а не водевиль...

Таганцевъ схватился за голову...

— Нижняго хода въ суплерскую будку нѣть,—сказалъ онъ: ходъ только съ авансцены... А безъ суплера нельзя... Изъ двери если подсказывать,—неловко...

— Того и гляди станутъ,—волновался Мармышевъ. Остается одно средство: ведите опустить занавѣсь, суньте ему книжку—и сейчасъ же опять поднимайте... Подумаютъ, что сорвалась петля, и занавѣсь распустилась сама...

— Нѣтъ, нѣтъ, — соображалъ Таганцевъ, — этого нельзя...

— Ваше высокоблагородіе,—окликнулъ его писарь. Меня полковникъ прислали вамъ сказать, что изъ публики отца-протопопа въ окошко видать...

Таганцева вдругъ что-то сообразилъ. Онъ схватилъ писаря за воротъ и потащилъ куда-то въ уголъ.

— Лѣзь, — сказалъ онъ, показывая ему небольшое отверстіе ведущее подъ сцену.

— Для какой цѣли, ваше благородіе?

— Ну не разсуждай, живо... Вотъ тебѣ книжка. Проползи подъ поломъ въ суплерскую будку и передай ей Лухманову,—ну!..

— Никакъ невозможно, ваше благородіе... Темно совершенно.

— Ползи, когда тебѣ говорятъ,—три рубля на чай...

— Плотника бы послать, ваше благородіе...

— Не выпущу, пока не слазишь...

— Тутъ на карачкахъ, ваше высокородіе... Опять же грязь...

И въ послѣдній разъ взглянувъ на угрожающую фигуру офицера, онъ нырнулъ въ темноту...

Подъ сцену былъ сметенъ весь соръ и стружки, накопившіеся за послѣдніе дни. Темно—хоть глазъ выколи! Зажечь спички нечего было и думать,—вѣрное средство поджечь все... Панталоны, прическа, платокъ съ красной каймой,—какой видъ все это приметь!.. „Сколько несообразна идея такого предпріятія,—шепталъ онъ, смутно различая вдали отсвѣтъ суплерской будки, — надо снова бѣжать домой переодѣваться“...

Лухмановъ съ испугомъ подобралъ ноги и чуть не выскошилъ на сцену, когда подъ нимъ что-то зашевелѣ-

лилось и завитая голова, вся въ стружкахъ, чихая, стала ему что-то объяснять. Помощь приспѣла какъ разъ вѣ-время,—разговоръ начинай пугаться, не столько отъ незнанія ролей, сколько отъ мысли, что нѣтъ суплера...

Въ публикѣ, конечно, ничего не замѣчали. Начало подобныхъ спектаклей слушается всегда съ напряженнымъ вниманіемъ. Зрители были совершенно серьезны, словно присутствовали при какой нибудь мистеріи, только почтмейстеръ весьма громко сморкался: онъ былъ очень недоволенъ, что жена его, исполнявшая роль *ingénue*, немножко откровенно декольтировалась.—„Это она для учителя земскаго,—сообразилъ онъ,—хоть бы косыночкой кружевной прикрылась...“

Чмутовъ сидѣлъ въ первомъ ряду и внимательно смотрѣлъ на сцену,—въ сущности онъ не понималъ ничего, ничего не видѣлъ.—„Такъ вотъ какъ,—это у васъ слажено,—хорошо: мы еще посмотримъ,—кто кого!...“

Онъ припоминалъ обморокъ своей жены,—и то какъ она красиво лежала на диванѣ съ запрокинутой назадъ головой, не дыша, съ сжатыми зубами. „Чего доброго она теперь говоритъ съ нимъ; жалуется на меня, условливается о времени, когда...“

Онъ тоскливо, тяжело переводилъ дыханіе, грудь его давило. Ревность охватывала всего. — „Что бы такое предпринять, что сдѣлать?...“

Анна Павловна, дѣйствительно, говорила съ Ярцевымъ,—она сидѣла за кулисами въ широкомъ креслѣ, блѣдная, съ большими, сверкающими глазами...

— Я это покончу,—говорила она.—Я или уйду, или... или покончу съ собою...

— Голубушка, что вы,—воскликнулъ Ярцевъ,—развѣ можно такъ говорить...

— А зачѣмъ я живу, кому я нужна?.. Гдѣ цѣль жизни—для чего мнѣ жить? Да меня ничего не привлекаетъ, не тянетъ... Я отжила свой вѣкъ...

— Зачѣмъ вы это говорите,— успокоивъ ее Ярцевъ. Вѣдь у васъ еще вся жизнь впереди...

— Ничего у меня нѣтъ... Да вы не думайте, что я когда нибудь рѣшусь на самоубийство,— прибавила она, взглянувъ на его встревоженное лицо.— Никогда этого не будетъ: я вѣрю въ будущую жизнь, вѣрю... Ну и для того чтобы погубить свою душу, я... я слишкомъ эгоистка.

Они помолчали.

— Я въ какомъ-то опьяненіи,—сказала она. Знаете, точно счиши. Вотъ вокругъ люди ходятъ, лампы горятъ, это не какъ всегда, не какъ обыкновенно,—а совсѣмъ особенно какъ-то, какъ во снѣ... Это въ лѣсу иногда лѣтомъ бываетъ, вы не замѣчали?.. Это со мной часто повторяется... Я помню разъ, прѣѣхали мы въ Венецию,—я еще дѣвушкой была—пошли мы въ тотъ же день въ театръ, выходимъ оттуда: и у меня вотъ точно такое же ощущеніе было. Театръ у самой воды: ступени сходятъ прямо къ каналу, и вместо экипажей каждый своего гондольера зоветъ. Они подплываютъ. Вода темная, гондолы черныя совсѣмъ, и какъ тѣни по водѣ скользятъ, безъ шума...

— Знаете, продолжала она, помолчавъ и потирая лобъ,—у меня вотъ тутъ что-то не хорошо... Мысли путаются: голова точно обручемъ желѣзнымъ сдавлена... Я часто не понимаю, что говорю и зачѣмъ... Право я мѣшаться начинаю...

Онъ взялъ ея руку и тихо поднесъ къ губамъ.

XXIV.

Водевиль кончился подъ громъ аплодисментовъ. Таганцевъ кричалъ на плотниковъ, чтобы скорѣе перевертывали павильонъ. Водевиль быль, такъ сказать, увертюрой спектакля. Всѣ надежды Таганцевъ полагалъ на комедію, отлично срепетованную. Играющіе были очень удачно подобраны къ ролямъ, а роли распределены были такъ. Примадонна — обольстительная вдовушка—Анна Павловна. *Ingénue*—Вѣрочка. Резонеръ—Ярцевъ. *Jeune comique*—Таганцевъ и *Jeune premier*—какой-то заѣзжій изъ Казани студентъ, страшно картавившій и гнусившій.

Вѣрочка вышла изъ уборной въ легкомъ кисейномъ платьице съ бантами, съ нарумяненными щечками, подведенными глазами и бровями. Парикиахеръ спустилъ ей на лобъ нѣсколько колечекъ, отчего лицо ея стало вдругъ ужасно плутоватымъ. Таганцевъ смотрѣлъ на нее и не вѣрилъ: она, или не она?.. Она, потому что онъ давно изучилъ ее и знаетъ эти глазенки, эти маленькия раздувающіяся ноздри, крохотныя сочныя губки; не она—потому что у нея нѣть такихъ черныхъ ровныхъ бровей, бѣленъкаго носа, розового подбородка и этихъ завиточковъ. Но и такъ она, и въ этомъ видѣ, прелесть какъ хороша...

— Батюшки уродъ какой! закричала она, хлопая въ ладоши и повертывая во всѣ стороны Мармышева, игравшаго ея отца.—Да я васъ боюсь... Нось у васъ какой красный. Вотъ страсть-то!..

— Что, барышня, трусите? спросилъ въ отвѣтъ Мар-

мышевъ, забирая въ свои огромныя мохнатыя лапы ея маленькую, атласную ручку и лукаво посматривая на нее. Страшновато?..

— Немножко... Роль свою я знаю твердо...

— Да я не о томъ,— не объ этомъ...

Она покраснѣла, выдернула руку, и отвернулась...

Антрактъ вышелъ довольно-длинный. Таганцеву было хлопотъ по горло. Сердце его все больше и больше сжималось при мысли, что будетъ черезъ нѣсколько часовъ. Онъ подставлялъ парикмахеру свой подбородокъ, чувствовалъ, какъ лакъ, съ острымъ спиртнымъ запахомъ, жегъ ему кожу, и какъ парикмахеръ нажималъ полотенцемъ приклейную бородку. И все въ головѣ его мелькала фраза Мармышева: „Богъ не выдастъ, свинья не сѣсть!“ Противъ него, на диванѣ, сдвинувъ въ сторону кучу платя и присѣвъ на самый кончикъ, философствовалъ протопошъ.

— Весьма занимательно!— говорилъ онъ. Драматическое искусство безспорно искусство величайшее, — въ немъ, такъ сказать, соединяется поэзія, живопись и пластика. Остается только сожалѣть, что вы не останавливались на Шекспирѣ.

— Помилуйте, батюшка, — какъ-же можно у насъ Шекспира, — возражалъ неохотно Таганцевъ, морщась отъ горячихъ щипцовъ, которыми парикмахеръ выправлялъ тотъ непослушный „хвостикъ“ на усахъ, о которомъ соболѣзновала Вѣрочка.

Со сцены зазвенѣлъ колокольчикъ. — Онъ послѣдній разъ глянулъ въ зеркало и поднялся.

— Борисъ Федоровичъ? вы готовы. Зовутъ,— пора на сцену. Лухмановъ, — ради Бога не перепутайте теперь книгу. Подавайте все подъ-рядъ, только не громко, и

не сбивая тѣхъ, кто знаетъ роли... Слышите? кончаютъ антрактъ?..

У самыхъ дверей сцены Лухмановъ столкнулся съ Чмутовымъ. Лицо его было вытянуто и блѣдно...

— Ну, — теперь ваша супруга съ москѣ Ярцевымъ отличаться будетъ, сказалъ онъ, шуря одинъ глазъ.

— Развѣ они только вдвоемъ играютъ? спросилъ сдерживаясь Чмутовъ.

— Какже-съ. Это у насъ премьеры! Любовную канитель во всѣхъ актахъ разводятъ. Интересно, domine... Особенно вамъ: все таки, вѣдь супруга...

И вѣжливо поклонившись, онъ скользнулъ на сцену.

Чмутовъ сжалъ кулаки, понурился, и зашагалъ въ зрительную залу. Онъ приходилъ на сцену взглянуть на жену. Она на него не обратила ни малѣйшаго вниманія, нѣсколько разъ проходя мимо, точно его не существовало... Чмутовъ былъ окончательно взбѣшенъ и подавленъ.

XXV.

Анну Павловну, говоря театральнымъ жаргономъ, „встрѣтили“. При поднятіи занавѣса, она играла на фортепіано. Взвѣрывъ рукоплесканій ее нѣсколько смущиль: она оглянулась — не относится-ли этотъ пріемъ къ Вѣрочкѣ, которая показывается въ дверяхъ и начинаетъ піесу. Но Таганцевъ былъ опытный режиссеръ: онъ, выждавъ конецъ рукоплесканій, выпустилъ Богучарову — и новый раскатъ привѣтственныхъ аплодисментовъ прокатился по залѣ.

„ПОВ. И РАЗВОК. П. П. ГИДДИЧА“.

— Вотъ у насъ какъ! промычалъ про себя Мармышевъ.

— Прелестъ мой, — шепталъ Таганцевъ, — смотрите пожалуйста, какъ она сразу взяла,—вѣдь не оборвется... точно весь вѣкъ на сценѣ...

— Если Богучаровъ приданаго не дастъ, — смѣясь сказалъ ему тихо Мармышевъ, — вотъ-бы вамъ съ ней поступить въ труппу...

— Ну, Семенъ Никитичъ, — руку на счастье,—проговорилъ Таганцевъ, прислушиваясь къ концу явленія. Пожелайте уスピха: мнѣ выходить.

Нервная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.—„Ни дать, ни взять то ощущеніе, когда подходишь къ экзаменаціонному столу и вынимаешь билетъ“, — подумалъ онъ, вспоминая кавалерійское училище.

Желтой, ослѣпительной полосой сверкнула предъ нимъ рампа. Веселое, улыбающееся лицо Вѣрочки, съ мильмъ любопытствомъ уставившейся на него, мелькнуло на мгновеніе; за рампой, въ душной залѣ, все головы, головы, головы... Всѣ хохотуть. Онъ слышитъ явственно голоса въ первомъ ряду:

— Таганцевъ, Таганцевъ...

Онъ присѣлъ на стулъ, противъ Анны Павловны, положилъ руки на маленький мраморный столикъ,— и скороговоркой началъ свой заученный разсказъ. Съ первого слова онъ почувствовалъ, что это тѣ, что лучше начать нельзя: онъ это чувствовалъ и по смѣющимся глазамъ Анны Павловны, и по шепоту публики, а главное—по физіономії отца Михаила, съ восторгомъ высунувшагося изъ окна... Вѣрочка хотела за его стуломъ совершенно натурально, — веселость ея сообщалась зрителю.

лямъ, и вся зала, какъ одинъ человѣкъ, тряслась отъ смѣха.

— Смѣйтесь, смѣйтесь,—думалъ про себя Таганцевъ, продолжая разговоръ, и въ то же время слѣдя за цѣпью мыслей, возникавшихъ одна за другою въ головѣ,—а я все-таки увезу... Вотъ теперь сижу на авансценѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, и она тутъ-же... А послѣ спектакля узнайте, куда мы дѣвались...

Толчекъ піесѣ былъ данъ—и она покатилась какъ по рельсамъ. — „Ярцевъ-то, ходячая меланхолія, какъ у насъ играетъ“,—твердилъ всѣмъ Таганцевъ, тѣ за кулисами, тѣ на сценѣ, — смотря по тому, куда его бросалъ ходъ піесы: — „вѣдь вотъ антикъ! Никакъ я представить не могу—чего онъ неумѣеть, или дѣлаетъ плохо... На поляхъ сѣть, статьи какія-то объ удобреніяхъ пишетъ, барынъ въ соблазнѣ вводить. Антикъ, да и только!..“

— Что-то ужъ они очень натурально разговариваютъ,—удивился Мармышевъ, слушая разговоръ Анны Павловны и Ярцева.

— Спѣлись,—тонко замѣтилъ Таганцевъ,—и снова потянулись часы изъ кармана.

Его беспокоило одно: что дѣлать съ m-le Ernestine? Онъ ранѣе обѣ этомъ не подумалъ. Несомнѣнно француженка явится сейчасъ послѣ спектакля въ уборную и станетъ помогать раздѣваться. Онъ сообщилъ Мармышеву свои опасенія.

— Ну, она едва-ли помѣшаетъ, отвѣтилъ тотъ: — у нея зубы разболѣлись: онаничкомъ на диванѣ лежитъ...

— Пройдуть до тѣхъ поръ,—съ сожалѣніемъ, замѣтилъ гусаръ...

— А мы мѣры предпримемъ... ужъ вы на меня по-

ложитесь... Дайте солдатика инѣ, чтобы въ аптеку сбѣгаль... Да надо, чтобы Лухмановъ два словечка черкнулъ... Это все можно...

— Талантливо играютъ,—потряхивая бородой повторялъ протопопъ. Такую игру смотрѣть—наслажденіе...

— А во сколько времени, батюшка, можно покончить вѣничанье? внезапно спросилъ Таганцевъ.

— Что это вы вдругъ, о чёмъ? удивился отецъ Михаилъ.

— Такъ... любопытно. Если очень скоро отслужить?..

— Да скоро покончить можно—минутъ въ двадцать. Ужь вы не жениться-ли собирались?

— Нѣтъ,—я такъ полюбопытствовалъ.

Въ залѣ становилось все жарче и жарче. Дамы обмакивали себя вѣрами и платками, мужчины отдувались, не знали куда дѣваться, мечтали о томъ какъ-бы выпить чайку, закусить и курнуть. Впрочемъ, игристость пьесы всѣхъ подбодряла... Жара на сценѣ, и отъ лампъ, и оттого что подмостки были высоки — была ужасная. Гораздо лучше было въ уборныхъ, тамъ окна были раскрыты настежъ...

На репсовомъ маленькомъ диванчикѣ охала ш-ле Ерnestine, то закатывая глаза къ небу, то зарываясь въ подушку. Мармышевъ сидя возлѣ на стулѣ, утѣшалъ ее.

— Потерпите,—говорилъ онъ.—Я послалъ въ аптеку. Мигомъ принесутъ пилюлечки, и васъ онѣ успокоѧтъ. Прекрасныя пилюли,— я всегда ихъ во время зубной боли употребляю... Вы немножко уснете и черезъ пол-часа все какъ рукой сниметь.

Француженка открывала глаза, благодарно взглядывала на него и опять закрывала.

У Мармышева было еще дѣло: надо было попросить

Анну Павловну, когда кончится спектакль, запереться въ уборной, и какъ можно дольше переодѣваться, чтобы дольше не хватились Вѣрочки, думая что она въ уборной. Онъ рѣшился прямо сказать Чмутовой въ чёмъ дѣло: съ этой стороны опасаться было нечего...

А время бѣжало въ суматохѣ незамѣтно, и часовые стрѣлки давно уже перешли за полночь...

XXVI.

Губернаторъ прѣѣхалъ передъ началомъ послѣдняго акта. Въ первомъ ряду кресель произошелъ переполохъ;—кого-то пересаживали въ задніе ряды, въ свою очередь смѣща съ своихъ мѣстъ тѣхъ, кто занималъ дальнія мѣста. Раскисшіе отъ жары зрители подбодрились; генералъ, улыбаясь, прошелъ впереди исправника, въ первый рядъ, сунувъ, предварительно, въ кружку сторублевую ассигнацію. Киваю на всѣ стороны головой и показывая изъ-подъ усовъ черные зубы, онъ усѣлся рядомъ съ Богучаровымъ.

— Пріятно поражень, пріятно поражень,—говорилъ онъ, проглядывая афишу.—Крупнѣйшіе землевладѣльцы, ихъ жены и дочери на почвѣ филантропіи... Примѣръ достойный подражанія...

Въ рукахъ у него тотчасъ же оказался бинокль, и онъ такъ и впился имъ въ сцену.

— Лагранжъ! чистѣйшая Лагранжъ! говорилъ онъ Богучарову, разглядывая его дочь.—Переношусь мечтою въ Петѣрбургъ... М-те Чмутова идеальна. Делапортъ!.. Тонкость, вкусъ...

Онъ захлебывался отъ восторга и все бормоталъ:

— Пріятно пораженъ, пріятно пораженъ...

Спектакль прошелъ съ громаднымъ успѣхомъ. Послѣдніе вызовы кончились. Раскраснѣвшаяся отъ жара и волненія Вѣрочка безъ конца выходила вмѣстѣ съ Анной Павловной и раскланивалась знакомымъ. Губернаторъ цѣловалъ у обѣихъ ручки, трепалъ по плечу Ярцева, который ему оказался какимъ-то племянникомъ. Протопопъ поздравлялъ Вѣрочку „съ талантомъ“; быстро умывшійся и стащившій съ себя парикъ, Таганцевъ растерянно ходилъ за ней по пятамъ. Мармышевъ и Лухмановъ исчезли куда-то. Наконецъ ламповщикъ погасилъ рампу; музыканты перешли на сцену, и солдаты стали охапками выносить изъ залы стулья: послѣ спектакля были назначены танцы.

Безпокойная тоска охватывала Чмутова. Онъ чувствовалъ въ груди какой-то камень, давившій его. Голова отказывалась работать. Онъ стоялъ прислонившись къ стѣнѣ, смотрѣлъ, какъ солдаты чистили швабрами полъ и все былъ занятъ одною и тою же мыслью: „уйдетъ... когда?.. скажетъ-ли мнѣ?.. Смѣеться ли она уйти, имѣть-ли на это право?.. Если я вступлю въ свои права?.. И если уйдетъ, то куда: въ Петербургъ къ матери, или къ Ярцеву?..

Къ нему подошелъ Богучаровъ. Старый генералъ весь раззвѣлъ отъ успѣха своей дочки.

— Какова моя стрекоза, — а? говорилъ онъ. Я думалъ она шуткой-шуткой дурачится, а она на — поди! Какія тонкости подвела...

— Прекрасно играетъ,—машинально замѣтилъ Чмутовъ.

— И вѣдь откуда научилася?—недоумѣвалъ Богучаровъ.

ровъ.—Въ Москвѣ въ театрѣ очень рѣдко мы бываемъ,—наездами въ Петербургѣ Михайловскій театръ посѣщали,—и вдругъ такъ навострилась!.. а?..

— Это врожденное,—совсѣмъ упавшій голосомъ отвѣтилъ его собесѣдникъ.

— Теперь устала, лежить,—понижая голосъ до ласковаго полушепота, заключилъ генералъ.—Пускай немножко отдохнетъ. Вѣдь еще чего добра го танцевать будетъ...

И онъ отошелъ, тяжело ступая своими грузными ступнями. — Чмутовъ тоскливо оглядывался: онъ все ждалъ, скоро ли его жена выйдетъ изъ уборной.

Первые звуки ритурнеля звонко раздались въ освѣщенной залѣ. Бравый майоръ, дирижеръ танцевъ, бряцая шпорами, пронесся черезъ залу. Зашевелились стулья, запестрѣли по стѣнамъ платья.

Губернаторъ вдругъ объявилъ, что у него ревматизмъ и уѣхалъ, увозя за собою нѣсколько официальныхъ лицъ города. У входа показалась Анна Павловна. Чмутовъ, осторожно шагая между треновъ, направился къ ней. Но почти предъ самимъ его носомъ майоръ, изящно изогнувшись, попросилъ ее на первый туръ вальса. Она наклонила голову, выпустила изъ рукъ вѣрь, который повисъ на шнуркѣ между складокъ ея платья, и высоко приподнявъ лѣвую руку, оперлась на его плечо. Онъ схватилъ ее за талію и они кружась понеслись вокругъ залы.

Чмутовъ ждалъ на мѣстѣ ея возвращенія. Сдѣлавъ два тура, майоръ примчалъ ее къ стулу, и вѣжливо раскланялся. Чмутовъ наклонился къ ней.

— Борисъ Федоровичъ,—окликнула она вошедшаго Ярцева, и не дожидаясь пока онъ подойдетъ, сама по-

шла ему на встрѣчу.—Проводите меня на тотъ конецъ залы,—сказала она, продѣвая свою руку возлѣ его локтя. Вальсировать я больше не буду, а кадриль будемте танцевать вмѣстѣ...

Кровь кинулась Чмутову въ голову, онъ даже зубами скрипнулъ. — „Такъ открыто, явно, при всѣхъ, — да что-же это?“...

— Ну что, вы, кажется, оправились совсѣмъ? спрашивалъ ее Ярцевъ, усѣвшиесь рядомъ на стулѣ.

— Да,—совершенно. Мнѣ очень хорошо. Я вотъ теперь, въ эту минуту такъ счастлива, такъ счастлива... И не знаю отчего. Вѣдь ничего, кажется, не случилось такого,—а между тѣмъ я чувствую, что будетъ что-то хорошее и скоро...

— Скоро?..

— Меня мужъ отсылаетъ въ Петербургъ, — съ небрежной улыбкой сказала она.

Онъ испуганно взглянулъ на нее.

— И вы ёдете?..

— Ёду... можетъ быть ёду.

Онъ какъ-то повель плечомъ и ничего не отвѣтилъ.

— А вы остаетесь здѣсь? спросила она.

— Конечно. У меня вѣдь хозяйство...

Она весело посмотрѣла на него. — Какъ я привыкла къ вамъ за послѣднее время,—сказала она.

— Это жаль,—возразилъ онъ.

Теперь она съ изумленіемъ на него посмотрѣла. — Жаль,—протянула она,—да почему же жаль?

— Да потому что... ну хоть просто потому, что теперь, при разставаніи, жалко будетъ разлучаться...

— Да вѣдь можно не разлучаться, — чуть слышно, словно сама себѣ, прошептала она.

— Что? радостно спросилъ онъ.

— Пріѣзжайте къ намъ завтра къ обѣду, — сказала она. — Или лучше вечеромъ... Къ вечеру все будетъ кончено...

Она, улыбаясь, оглянулась. Танцы были въ полномъ разгарѣ: вокругъ все кипѣло жизнью, молодостью, веселостью. Большинство дѣвицъ танцевало въ первый разъ, танцевало съ увлечениемъ, съ первымъ страстнымъ порывомъ молодости, танцевало такъ, чтобы потомъ всю жизнь вспоминать этотъ душный вечеръ.

— Помните, — заговорила она опять, —помните, разъ, это еще до моего замужества, когда вы прѣхали къ намъ въ сумеркахъ, лампы еще не были зажжены, а я заснула на диванѣ въ угольной?...

— Помню... что это вамъ вздумалось?

— Такъ... Вы мѣня тогда разбудили, — я такъ испугалась. А помните, какъ разъ на каткѣ на льду, я упала, а вы кинулись меня поднимать?.. Мнѣ очень стыдно было передъ вами, что я упала... Отчего это бываетъ, что иные мелочи, пустяки, такъ врѣжутся въ память, что потомъ ихъ никакъ изъ головы не выкинешь: ужъ такъ навсегда они тамъ и остаются?.. А то иногда, знаете, какъ бываетъ, —вспоминаешь тѣ вещи, которыя ужъ давно забыла... Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ! За послѣдніе дни я вспоминаю все случаи, самые мелочные случаи изъ своего дѣтства, про которые я давнѣмъ-давно забыла... Вы понимаете, что я хочу сказать?..

— Понимаю, — что-жъ тутъ не понять?..

— А онъ не понимаетъ, — морщась сказала она. — Онъ говорить, что я пустяки говорю, что мнѣ глупыя мысли въ голову лѣзутъ, что я глупа, фантазерка...

— Ну вотъ опять вы нахмурились!

— Не буду! весело возразила она. — Не буду! я говорю вамъ, что предчувствую что-то хорошее. Смотрите—начинается контр-дансъ. У васъ есть визави?..

XXVII.

Слухъ о томъ, что Вѣра Богучарова пропала, вдругъ пронесся по залѣ. Mlle Ernestine не могли добудиться: она спала, какъ убита, истомленная зубной болью. Анна Павловна говорила, что въ уборную къ ней Вѣрочка не возвращалась—и она не знаетъ, гдѣ она. Поблѣдившій генералъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, смутно догадываясь, что это дѣло Таганцева.

— Позоръ, позоръ! шептали его старческія губы.— Зачѣмъ же такъ: огласка на весь городъ... Прокляну ее... Ничего не дамъ: пусть нищенствуетъ съ своимъ милиціемъ...

О Таганцевѣ никто не могъ дать толковыхъ отвѣтъ, только полковой писарь говорилъ, что проходя заднимъ проулкомъ, ему показалось, будто бы ротмистръ съ барышней въ коляску Марышева садился, а коляска была „чертами“ заложена.

— Воротить, догнать!.. Но куда поѣхали?.. Да и такъ давно. Наконецъ вѣдь не даромъ же Марышевъ выѣздила свою тройку: кому съ ней тягаться?..

Обстоятельства побѣга какъ-то оборвали веселость. Маменьки всполохнулись и рѣшилисьѣхать домой, не внимая мольbamъ майора. Чмутовъ тоже почему-то заторопилъ жену.

Когда она ушла собираться, Ярцевъ подошелъ къ нему.

— Сейчасъ я узналъ,—сказалъ онъ, что въ Столпахъ чума на волахъ, — надо повѣрнѣе разузнать, и принять мѣры. Я думаю пораньше утромъ послать верховаго.

— Переокопаемъ дороги,—отвѣтилъ Чмутовъ, — чего тутъ стѣсняться...

— Завтра я къ вамъ пріѣду поговорить объ этомъ дѣлѣ...

Чмутовъ вздрогнулъ, и прямо уставился на Ярцева.

— Можете и не пріѣзжать,—сухимъ, отчетливымъ голосомъ выговорилъ онъ.

— Какъ вы сказали? переспросилъ Ярцевъ, полагая что онъ чего-то не дослушалъ...

— Я говорю, что можете и не пріѣзжать,—повторилъ онъ, преднамѣренно возвышая голосъ.—Вообще я долженъ вамъ сказать, что я принужденъ лишить себя удовольствія видѣть васъ въ своемъ имѣніи...

Ярцевъ почувствовалъ, что онъ блѣдишетъ. Возможно сдерживаясь, онъ холодно спросилъ:

— Могу узнать причину?..

— Полагаю, что вы ее знаете! Голосъ Чмутова дрожалъ отъ нервнаго волненія.—Принимать васъ въ домъ я считаю... неприличнымъ...

Будь это просто Чмутовъ, сынъ подрядчика, какой-то кандидатъ на какую-то каѳедру, Ярцевъ повернулся бы къ нему спиной и ушелъ, но вѣдь онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея мужъ...

— Вы даете себѣ отчетъ въ томъ, что говорите? спросилъ онъ.

— Вполнѣ. Или вы, и.и. и.?

Спазмы давили горло Ярцева.—Слѣдовательно что-же? продолжалъ онъ.

— Слѣдовательно: я,— силясь улыбнуться проговорилъ Чмутовъ, и поворотившись хотѣлъ идти...

— Или я,—внезапно возразилъ Ярцевъ.

Чмутовъ остановился. Глаза его забѣгали.

— Значить надо рѣшить этотъ спорный вопросъ? сказалъ онъ.

— Я къ вашимъ услугамъ...

Чмутовъ потеръ лобъ.—Завтра,—сказалъ онъ,—вы получите отъ меня записку... или къ вамъ ктонибудь пріѣдетъ...

Всѣ стали расходиться и разъѣзжаться. На дворѣ давно ужъ свѣтало. Фонари догорѣли и тихо покачивались на веревочкахъ своими бумажными пузатыми шарами. Утренній холодокъ пронизывалъ до костей вышедшихъ изъ теплой, душной залы.

Когда Чмутовы выѣхали за городъ, было уже совсѣмъ свѣтло и золотистый молодой блескъ на востокѣ, разливаясь изъ-за лиловой, тяжелыми пластами лежавшей на горизонтѣ тучи, предвѣщалъ скорый восходъ. Анна Павловна куталась въ тальму, закрывая ею лицо до глазъ...

— Послушайте,—сказалъ ей мужъ по французски, скверно выговаривая слова, но не желая, чтобы кучерь и горничная, сидѣвшіе на козлахъ, поняли ихъ разговоръ.—Еслибы вы увидали... еслибы я внезапно умеръ. Скажите правду, какое бы впечатлѣніе это на васъ произвело?

— Я не знаю,—отвѣтила она помолчавъ.

Онъ отвернулся; она опять стала смотрѣть на лѣющее небо. Ширококрылый аистъ, словно огненный, оза-

ренный пурпуровымъ свѣтомъ зари, плавно несся имъ на встрѣчу... „Свобода!“ машинально сказала она,—и ей самой стало непріятно, что она сказала это громко...

Ея мужъ откинулся въ лѣвый уголъ коляски и опять поникъ головой...

XXVIII.

Когда Таганцевъ впервые заговорилъ о свидѣтеляхъ, Марышеву пришла въ голову мысль заручиться Лухмановымъ, который ужъ два раза навѣдывался къ нему, прося мѣста. Онъ предложилъ Лухманову пятьдесятъ рублей „взаймы“,—и вместо уплаты—участіе въ побѣгѣ. Въ другое время Лухмановъ, быть можетъ, и отказался бы, но теперь онъ слишкомъ долго голодалъ, и шатался безъ гроша въ карманѣ, чтобы пренебречь такою суммой. Все свое дьявольское самолюбіе онъ отложилъ на время въ сторону, и согласился.

Горячая, взолнованная, вся закутанная въ большой бѣлый вязаный шелковый платокъ, Вѣрочка, торопливо ступая бальными туфельками по засохшимъ колеямъ дороги, пробѣжалася со своимъ женихомъ до коляски. Здѣсь Таганцевъ обвернулъ ее, всю дрожавшую, громаднымъ пледомъ, самъ накинулъ на себя шинель, Лухмановъ вскарабкался, какъ кошка, на козлы; кучерѣ, державшіе подъ узды лошадей, разступились,—и легонькій, крѣпко-рессорный, на диво пригнанный къ украинскимъ дорогамъ экипажъ, стрѣлою понесся по узкимъ улицамъ городка, покрякивая въ выбоинахъ. Лухмановъ только за шляпу схватился, чтобы не снесло ее вѣтромъ,

а Вѣрочка какъ-то по-дѣтски прижалась къ своему милому.

Широкая, безконечная степь летѣла имъ навстрѣчу, чернѣя кое гдѣ одинокими мельницами, широко разставившими свои застывшія въ ночномъ воздухѣ крылья. Мелкіе камни и песокъ дождемъ сыпались на кожаный фартукъ отъ рьяныхъ прыжковъ пристаенныхъ. Душа у Лухманова замирала, онъ держался одной рукой за фонарь, другою за Мармышева, боясь скувырнуться съ узенькой высокой подушки, а Мармышевъ только все сдерживалъ тройку, отваливаясь назадъ, изо всѣхъ силъ натягивая возжи. Коренникъ, храпя, задирая голову кверху, подъ самую дугу, размахивая длинной, расченанной гривой; постремки пристаенныхъ тѣ натягивались, тѣ ослабѣвали, коляска прыгала изъ стороны въ сторону, какъ вихорь уносились въ даль, а блѣднѣвшія звѣзды тихо мерцали въ высотѣ...

— Хорошо?—спросилъ Таганцевъ.

— Ахъ, хорошо! вырвалось у Вѣрочки.—Вѣнчаться такъ какъ мы,—это чудо какъ хорошо... Вотъ еслиъ всѣ такъ вѣнчались...

Таганцевъ все приподнимался и смотрѣлъ назадъ: ему казалось, что за ними погоня, что ихъ отсутствіе замѣтили...

— Mademoiselle Ernestine сейчасъ догадается,—говорила Вѣрочка.

— Она вѣдь спить,—отозвался Лухмановъ, осторожно поворачиваясь на козлахъ. — Она еще не скоро очутиается...

— Да вы что ей дали?

— Пилюли съ хлороформомъ: это не вредно...

Чѣмъ дальше они отѣзжали, тѣмъ становились спокойнѣе. И лошади какъ-то скакали ровнѣе. Назадъ было видно въ мерцающемъ разсвѣтѣ на много верстъ— и ни души, ни единой души на всѣмъ огромномъ пространствѣ...

Они мчались къ маленькому, затопленному садами хуторку. Бѣлая церковь съ зеленої крышей мигала черезъ окошко красненькими огоньками; ворота были отворены настежь. Завидѣвъ ихъ, темная фігурка, вертѣвшаяся у воротъ, кинулась къ домику священника,— и когда коляска остановилась у церковнаго крыльца, благообразный старичекъ въ подрясникѣ, торопливо перебѣжалъ дворъ, пожалъ руку Таганцева.

— Все готово-сь, давно готово-сь,—заговорилъ онъ,— пожалуйте.

— Я, батюшка, потомъ распишусь, крикнулъ сверху Мармышевъ: мнѣ надо лошадей провести... А ты, обратился онъ къ дѣячку, кликни меня, когда вѣнцы держать надо...

Они вступили въ душную низенькую церковь, довольно ярко освѣщенную и свѣчами и бившей въ окно зарею. Вѣроочку раскучали, и тутъ только замѣтили, что она въ клѣтчатомъ ситцевомъ халатикѣ, въ которомъ играла послѣдній актъ комедіи. Она тяжело дышала, губы были полураскрыты, но глаза также веселы и оживлены...

— Ну, Вѣрочка? спросилъ Таганцевъ, отстегивая саблю.— Ты какъ себя чувствуешь?

— Ёсть ужасно хочу,—отвѣтила она,— я сегодня не обѣдала.

— Ну, потерпи: вѣдь невѣсты всегда постятся.

Онъ посмотрѣлъ на ея подведенныя глазки и засмѣялся. Ты не вытерлась? спросилъ онъ.

— Ну, чего-жь ты смѣешься! обидѣлась она... Вѣдь еще время не потеряно: можно и назадъ уѣхать...

Священникъ вышелъ въ облаченіи, пригласилъ ихъ подойти къ аналою. Зажгли вѣнчальная свѣчи...

— Вѣнчается рабъ божій Валерьянъ рабъ божіей Вѣрѣ,—пронеслось подъ глухими сводами и отдалось гуломъ въ пустыхъ углахъ...

Она оглянулась. Никого. Дѣячекъ возится въ алтарѣ; Лухмановъ и Мармышевъ еще не приходили. Ихъ только трое во всей церкви. На ней кѣтчатое платьице, на щекахъ румяна... Да что-же это такое?..

Слезы вдругъ отчего-то подступили къ глазамъ, защекотали въ носу. Она опустила руку въ карманъ—тамъ даже платка не было...

— Дай платокъ,—тихо сказала она, дотрогиваясь до Таганцева:

Онъ опять улыбнулся, и отдалъ ей свой платокъ. Слезы у нея еще сильнѣе покатились, смазывая румяна...

— Да съ чего ты? посмѣиваясь шепталъ онъ.

А она и сама не знала съ чего...

Къ концу обряда, солнце косымъ, острымъ лучемъ прорвавшись черезъ листву и узенькия, немытыя окна, пронзило тоненѣйкой полоской пыльный воздухъ и золотою звѣздочкой загорѣлось на карнизѣ. — „Ну, теперь пускай догоняютъ—все равно“,—подумалъ Таганцевъ.

Священникъ ихъ поздравилъ, пожелалъ счастія, здоровья, богатства... Дай Богъ, чтобы путь вашъ земной свѣтель былъ какъ день сей, заключилъ онъ свою импровизацію.

Лухмановъ остался у священника: тотъ обѣщался достать ему лошадь, а Мармышевъ повезъ молодыхъ къ себѣ. Отъѣхавъ отъ церкви, они оглянулись; священникъ и Лухмановъ, стоя на паперти, смотрѣли имъ вслѣдъ. Вся церковь была залита розовымъ свѣтомъ, отъ деревьевъ бѣжали длинныя фиолетовыя тѣни...

— Что за утро! сказалъ онъ,—и обнявъ ее, тихонько прильнулъ губами къ ея горячей, все еще пахнущей румянами щечкѣ...

XXIX.

На слѣдующій день Ярцевъ поднялся съ сильнѣйшею головною болью. Онъ спаль скверно—вдобавокъ его два раза будили: одинъ разъ—Мармышевъ, объявившій, что онъ свой домъ отдалъ „подъ молодыхъ“, а самъ пріѣхалъ спать къ нему, а въ другой разъ—верховой, которого онъ посыпалъ въ Столпяги узнать, правда-ли что тамъ появилась чума.

Онъ сидѣлъ за кофе, когда ему подали записку. По почерку онъ узналъ, что она была отъ Чмутова.

„Милостивый государь, Борисъ Федоровичъ,—писалъ онъ,—тѣ, что вчера было между нами—не можетъ называться ни недоразумѣніемъ, ни скорой. Некому и не передѣ кѣмъ извиняться. *Или вы, или я*,—предложеніе вполнѣ ясное и законченное. Повторяю, я къ вашимъ услугамъ; или вы потрудитесь оставить насъ въ нокотѣ и здѣсь, и въ Петербургѣ,—куда моя жена надѣахъѣдеть,—или разрѣшимъ дѣло иначе. Въ послѣднемъ случаѣ жду отъ васъ объясненій. Готовый къ услугамъ С. Ч.“

— Какъ все это глупо, — сказалъ про себя Ярцевъ, отшвыривая письмо. — Положимъ, что я ее люблю—очень люблю... но за что-же я буду убивать его, или подставлять свой лобъ... но что-же тутъ дѣлать?..

Мармышевъ еще спалъ. Ярцевъ велѣлъ казачку просьтить гостя не уѣзжать до его возвращенія, и самъ отправился верхомъ посмотрѣть, перекопали-ли столпягинскія дороги. Каждый скакеекъ лошади отдавался тупою болью въ его головѣ, — но мысль о дуэли слишкомъ сильно занимала его...

— Повидать-бы ее какъ нибудь? Да что-же я ей скажу? Да и какъ повидать, — самому побѣхать невозможно; написать ей записку? онъ пожалуй перехватить... Да, вотъ я теперь ёду хлопотать по имѣнью, чтобы чумы на волахъ не было,—а если онъ меня убьетъ, не все-ли равно? Хоть-бы всѣ переколѣли...

Посмотрѣвъ на работы и сдѣлавъ распоряженія, онъ воротился домой. Заспанный Мармышевъ собирался умываться, когда Ярцевъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло.

— Да вы стрѣляться будете, что-ли? догадался онъ.

— Я не знаю,—запинаясь отвѣтилъ Ярцевъ,— я не знаю... Да вотъ послушайте, я вамъ все расскажу.

И вдругъ, подъ внезапнымъ наплывомъ откровенности, онъ началъ передъ нимъ излагать всю исторію своего знакомства съ Анной Павловной. Онъ говорилъ точно не о себѣ, точно со стороны кто-то посторонній разсказывалъ это. Мармышевъ тяжело мигалъ глазами, прихлебывалъ чай и сосалъ папиросу за папиросой. Когда Ярцевъ внезапно возвышалъ голосъ, ударялъ рукой по столу, Мармышевъ взглядывалъ на него, и опять погружался въ курение.

— Вы мнѣ одно скажите, — перебилъ онъ, — любите вы ее, или нѣтъ?..

— Люблю, люблю, — я на все готовъ...

— А она васъ?

— И она тоже...

— И тоже на все готова? Ребятишкѣ у нихъ нѣтъ? Такъ въ чемъ-же дѣло?..

— О, это ужасный человѣкъ, — воскликнулъ Ярцевъ, и началъ подробно объяснять, почему Чмутовъ ужасный человѣкъ: грубый, безнравственный, тяжелаго характера...

Прочитавъ письмо Чмутова, Мармышевъ нашелъ, что объясненіе необходимо, и видя, что Ярцевъ затрудняется ему что-то сказать, самъ вызвался сѣздиТЬ.

— Минѣ совсѣмъ пугать васъ въ эту передрагу, сконфузился Ярцевъ.—Васъ и вчерашняя исторія утомила...»

— А,—одно къ одному! отвѣтилъ Мармышевъ. — Вѣлите заложить лошадей,— я сѣзжу: можетъ быть улажу: что понапрасну буравитъ другъ друга. Да и я, знаете, сильно сомнѣваюсь въ этой дуэли: не такой Чмутовъ человѣкъ, чтобы сталъ стрѣляться... Сомнительно что-то...

Покрякивая, отдуваясь, сѣлъ онъ въ коляску. Ярцевъ кинулся въ постель, но сонъ бѣжалъ отъ него. Часа черезъ три Мармышевъ вернулся.

— Ну-съ, — говорилъ онъ на рядъ вопросовъ Ярцева: — я его просто не узналъ: это звѣрь какой-то, — ему жена утромъ сегодня насказала чего-то такого, что онъ бѣсноватымъ сдѣвался: глаза въ крови, жилы на вискахъ налились, челюсть тряsetься, — чортъ знаетъ что такое... По человѣчески говорить со-

всѣмъ не можетъ, говорить такимъ голосомъ какъ вантилочки... Глаза скосилъ, насупился, — и какъ сорока твердить: онъ, или я.

— На чёмъ-же рѣшили? нетерпѣливо постукивая ногой, спросилъ Ярцевъ.

— А показалъ онъ мнѣ парочку револьверовъ:—пистолетовъ, изволите видѣть у него нѣть; револьверы хорошие, очень хорошие (я толкъ знаю!) и говорить:—если онъ (то есть это вы) черезъ порогъ моего дома переступить,—я пристрѣлю его...

— Ну? спросилъ Ярцевъ, стискивая зубы и продолжая стукать ногой...

— Резоновъ никакихъ не слушаетъ... Ну, говорю вамъ,—образъ человѣческій потерялъ... То заговорить скоро, то остановится... Я не знаю, что съ нимъ... Я обѣщался прислать ему Лухманова—условился окончательно...

— Значить поединокъ будетъ?

— Ну конечно будетъ, — разсердился Марышевъ. Попробуйте-ка говорить съ этимъ зеипомъ.—Я ему на зло Лухманова преподнесъ—знаю, что онъ его терпѣть не можетъ... Впрочемъ онъ согласился, понимая, что Лухмановъ для насть необходимъ...

— Это почему?

— Докторъ! пожавъ плечами, лаконически отвѣтилъ толстякъ.

Ярцеву опять стало какъ-то непріятно на душѣ: знать исходъ смертельной раны, или вообще раны очень возможенъ... Ужасно глупо это!

— Вы ее не видали?

— Видѣлъ. Прошла мимо, подала руку, блѣдная такая...

-
- Ничего не говорила?
- Ни слова...
- Такъ какъ же насчетъ завтра?
- А вотъ пообѣдаю, пойду искать Лухманова—тогда и порѣшимъ окончательно...
- Семенъ Никитичъ,—вы не находите все это очень глупымъ? спросилъ Ярцевъ.
- Нахожу, голубчикъ.
- Такъ что-же дѣлать?..
- Все таки стрѣляться... Одно дѣло—теорія, другое—практика. Я полагаю, что онъ къ завтрему остынетъ, и до пальбы дѣло не дойдетъ...
- А вы думаете Лухмановъ согласится? задумчиво спросилъ Ярцевъ.
- Полагаю. Его не сегодня-завтра водворять на мѣстѣ родины,—отправить въ Рязанскую губернію. И онъ хорошо это знаетъ,—онъ ни чѣмъ не рискуетъ: развѣ тѣмъ, что отправка состоится днемъ раньше... Я думаю, что онъ согласится.

XXX.

Лухмановъ согласился. Онъ какъ-то загадочно поморгалъ, о чѣмъ-то подумалъ, что-то взвѣсилъ, и сказалъ, что готовъ на все, если ему дадутъ „взаймы“. Онъ сѣѣздилъ къ Чмутову и результатомъ поѣздки было тѣ, что дуэль была назначена на слѣдующій день въ семь часовъ утра, на опушкѣ рощицы, стоявшей какъ разъ на рубежѣ имѣній Чмутова и Ярцева.

Ярцеву было не по себѣ. Онъ не боялся, нисколько не боялся поединка. Онъ былъ увѣренъ, что убить не

будетъ, но его бѣсила мысль: изъ-за чего же загорѣлся весь сырь-борь? Что онъ старый другъ его жены, это правда,—но вѣдь что-жъ изъ этого? Она и теперь стояла передъ нимъ словно на какомъ-то пьедесталѣ. Онъ боялся подойти къ ней близко. По піесѣ, вчера, онъ долженъ былъ поцѣловать ее,—онъ выпустилъ это мѣсто... Что она сказала такое мужу, что онъ окончательно обезумѣлъ?..

Онъ шагалъ поздно вечеромъ изъ угла въ уголъ по своему кабинету. Свѣчи подъ желѣзнымъ зеленымъ колпакомъ слабо освѣщали комнату.—Что будетъ завтра обѣ эту пору? думалъ онъ.—Неужели меня не будетъ, я перестану существовать: исчезну навсегда, совсѣмъ, никогда ужъ не повторюсь въ это формѣ.—Я вотъ теперь хожу въ этой комнатѣ, чувствуя себя живымъ, здоровымъ человѣкомъ; я здѣсь хозяинъ, всѣ меня слушаютъ. А завтра вдругъ я исчезну, меня не будетъ, то есть будетъ мое изуродованное тѣло, но это буду не я, а совсѣмъ что-то новое. И весь тотъ міръ, который я ношу въ своей душѣ, который создавался съ дѣтства, въ которомъ впечатлѣнія медленно, одно за другимъ наслаивались понемногу, — все это тоже куда-то исчезнетъ, словно и не было его никогда, и никто не узнаетъ, изъ чего состоялъ этотъ міръ, потому что зналъ обѣ этомъ только я, а меня-то и не будетъ...

Онъ остановился, задумался и опять заходилъ, по-сматривая безцѣльно на стѣны, на картины, въ окна, откуда слабымъ мерцаніемъ лился свѣтъ луны.—Ну вотъ теперь запутался такой узель,—соображалъ онъ.—Неужели же его нельзя распутать, и непремѣнно надо перерубать, — что мы за герои?.. Развѣ нельзя совершенно логично обсудить дѣло. Я люблю замужнюю

женщину, она меня. Ничего между нами такого предосудительного нѣть, и не за что мужу выходить изъ се-бя... Ему мѣшаетъ жить вопросъ: „или онъ, или я“: ну, значитъ и надо предоставить ей разрѣшить это недоразумѣніе: вѣдь она болѣе всего тутъ заинтересована. Вотъ пусть она и скажетъ прямо — кого она больше любить и къ кому пойдетъ. Говорять, онъ сталъ бѣшенымъ. Онъ не понимаетъ, что дѣло получить вслѣдствіе нашей дуэли огласку, совершенно ненужную огласку. Да и что же достигнется нашей дуэлью? Такъ-таки ровно ничего. Если я его убью,—какое и кому будетъ отъ этого удовольствіе?—ужъ никакъ не мнѣ. Вѣдь было бы дико, еслибы она пошла тогда за меня замужъ. Если онъ меня убьетъ... Да за что-же?..

— Имѣеть-ли онъ право меня убить? Нѣть, никакого,— и если убить, то подвергнется отвѣтственности. Его посадятъ, онъ годъ просидитъ — въ крѣпости что ли, или тамъ въ домѣ какого нибудь заключенія, а потомъ?... Потомъ онъ опять будетъ жить съ Анной, она примирится съ своей судьбой — будетъ только изрѣдка вспоминать обо мнѣ...

Мысль эта окончательно его взволновала. „Дратъся я не буду“ — рѣшилъ онъ, и опять началь соображать, какъ это завтра все будетъ.

— Они пріѣдутъ на опушку, достанутъ револьверы, станутъ отмѣрять шаги. Онъ никогда не былъ на дуэляхъ, но читалъ въ романахъ, что всегда шаги отмѣряютъ. Потомъ они станутъ на мѣста, Чмутовъ подниметъ пистолетъ и начнетъ цѣлиться.

— Куда онъ выстрѣлить? Говорятъ, завзятые дуэлисты стрѣляютъ въ локоть правой руки, чтобы человѣка не убить, а изувѣчить. А въ этотъ локоть удобнѣе всего

цѣлиться, потому что, если стрѣляютъ по очереди, противникъ закрываетъ правой рукой. Ну, раздробить онъ ему руку,—что-же въ концѣ-то концовъ: семейный очагъ его останется тогда непорочнымъ святилищемъ, онъ исполнитъ долгъ: это что-ли? Не лучше ли передъ самой дуэлью сказать ему: „садемъ-ка, да потолкуемъ, чѣмъ другъ въ друга цѣлиться”...

— Какое ощущеніе, когда въ тебя цѣлятся? Ярцевъ силился себѣ представить эту картину: поднятая рука, прищуренный глазъ.—Должно быть ощущеніе непріятное: главное неизвѣстно—въ какое мѣсто попадетъ... И все таки, — рѣшилъ онъ, — дуэли завтра не будетъ, а если и будетъ, то я останусь въ живыхъ, потому что я не хочу быть убитымъ...

Дальній стукъ экипажа оборвалъ ходъ его мыслей. Онъ остановился, прислушался. Да, — кто-то ёдетъ. Легкій, маленький экипажъ. — Вѣрно опять Лухмановъ, подумалъ онъ: и вѣрно съ извѣстіемъ, что поединокъ отложенъ.

Сердце его, противъ желанія, сильно колотилось. Экипажъ ближе, ближе, — у крыльца. Слышны голоса какіе-то. Онъ остановился, присѣлъ на край своего письменного стола, оборотился къ двери и ждалъ. Быстрые легкіе шаги застучали, ближе, ближе... Онъ вскрикнулъ и прянулъ навстрѣчу...

— Анна Павловна... вы, у меня! говорилъ онъ схватывая ея руки.

— Да,—машинально сказала она, отвѣчая на его пожатія.—Правда: у васъ завтра дуэль?

Онъ запнулся, не зная говорить-ли ей.

— Такъ это правда? да?.. Я пріѣхала предупредить ее... Дуэли быть не должно...

— Я не могу отказаться,—тихимъ голосомъ возвра-
зилъ онъ.

— Я не хочу этого, слышите-ли! Я во что-бы то ни
стало предупрежу ее. Я хотѣла говорить съ мужемъ—
онъ куда-то пропалъ изъ дома...

— Но теперь ужь поздно, я не имѣю права...

— Ну, для меня, ради Бога! воскликнула молодая
женщина.—Я предчувствую, что это можетъ ужасно
кончиться... Вы можете быть ранены... Я боюсь за
васъ... Боже мой, да развѣ вы не видите, не понимаете,
какъ я люблю васъ...

И сама испугавшись вырвавшихся внезапно словъ,
она вспыхнула, опустила глаза, и упала ему на руки...

— Анна, Аня, милая!, безсознательно шепталъ онъ,
поддерживая ее...

XXXI.

Поздно ночью воротился онъ домой, проводивъ ее
верхомъ до межи. Бодрый, веселый, счастливый созна-
ніемъ, что его любять, воротился онъ въ свой кабинетъ,
гдѣ все еще говорило, что только что она была здѣсь.
Онъ сѣлъ у стола, закрылъ лицо руками, да такъ и за-
стылъ въ этомъ блаженнномъ покоѣ.

— Вся твоя,—повторилъ онъ ея слова.—Теперь для
меня поворота нѣтъ,—вся твоя, пока ты этого захочешь...

Онъ вскакивалъ, ходилъ по комнатѣ, бросался на
диванъ, на тотъ самый диванъ, гдѣ часъ назадъ была
она, опять ходилъ, улыбался, ломалъ руки...

Онъ узналь, что она утромъ, въ пылу разговора,
когда ея мужъ кинулъ ей въ лицо фразу объ ея отно-

шенияхъ къ нему, отвѣтила: „ну да, — это правда;“ Чмутовъ выбѣжалъ какъ безумный изъ комнаты—и результатомъ этого было его объясненіе съ Мармышевымъ. — „Ну, вотъ теперь и правда,—говорила Анна Ярцева,—ты видишь, я не солгала“...

Онъ чувствовалъ еще на своихъ губахъ жаръ ея поцѣлуевъ, еще не улеглось волненіе крови, еще дрожь беспокойства, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ на дорогѣ, охватывали его.—Теперь вопросъ о завтрашней дуэли былъ рѣшенъ имъ безповоротно: отказаться отъ нея онъ не имѣть права, но стрѣлять въ Чмутова онъ не будетъ, предоставить ему первый выстрѣль, а отъ своего откажется, или выстрѣлить всторону. Теперь и смерть его не страшитъ... да и ушла она куда-то совсѣмъ на задний планъ—нечего о ней и думать... Онъ старался оправдать въ своихъ глазахъ поступокъ Анны: она не любить мужа, ничего общаго между ними нѣть, онъ ее силой не пускаеть,—она силой ушла отъ него. Коли любить — такъ любить, отдаваться чувству вполнѣ,—иначе это неестественно...

— Никогда, никого — одного тебя любила,—звучала въ его ушахъ ея рѣчъ. — Ты словно не замѣчай, не хотѣль замѣчать... Еще когда была дѣвушкой, тебя только и любила одного... Милый, чтò будетъ дальше—я не знаю, да и знать не хочу. Была минута, я жила, и любила, и счастлива этимъ...

— Да, это любовь! созналъ онъ,—любовь! Не разсчетъ, не принужденіе свело насть, а чувство, только одно чувство...

И съ этимъ блаженнымъ сознаніемъ, онъ легъ въ постель. Радужно-веселыя, милыя, радостныя мысли волновали его. Ему всегда казалось, что онъ идетъ впередъ

къ чему-то, что впереди его ожидаетъ, что настояще— это не то, а подлинная жизнь—тамъ, впереди гдѣ-то. А вотъ теперь онъ вдругъ почувствовалъ, что онъ дoшель до того пункта къ которому стремился,— жизнь началась и ничего болѣе ему не надо...

Онъ заснулъ предъ разсвѣтомъ легкимъ, ровнымъ сномъ, охваченный смутной дымкой сновидѣній, въ которой все путалось, сплеталось... Въ шесть часовъ его разбудилъ Мармышевъ.

— Пора, дуэлисъ, вставайте! толкалъ онъ его.

— Ужѣ! подумалъ Ярцевъ, глядя на свѣтъ, лившійся въ окна.—Сегодня дуэль?.. Ужели сегодня, сейчасъ?

Онъ вспомнилъ, что было вчера, нѣсколько часовъ назадъ, и радостно взглянулъ на Мармышева.

— Ну, какъ вы спали? спросилъ Мармышевъ.

— Отлично, отвѣтилъ онъ.

— Одѣвайтесь скорѣй, чтобы не опоздать...

Ярцевъ сталъ одѣваться. Обрывки вчерашнихъ мыслей вперемежку вертѣлись въ головѣ. Впрочемъ онъ механически улавливала смыслъ того, что говорилъ Мармышевъ.

— Тамъ уладилось все благополучно,—повѣствовалъ онъ.—Генераль, взвѣшивши всѣ обстоятельства, кинулся ко мнѣ и накрылъ голубковъ. Голубки опѣшили, бормочутъ что-то, дѣвочка въ слезы, — а генераль руками машетъ: „вы, говоритъ, убить меня хотите,“ — а самъ плачетъ, бранится и плачетъ.—„Я говорить вамъ никогда не прощу!“ — а потомъ и ну цѣловать обоихъ... Потѣшный старикашка...

— Сказать ему, или нѣть о томъ, что вчера была здѣсь Анна?.. думалъ между тѣмъ Ярцевъ.—Конечно сказать—вѣдь онъ секундантъ... А! не надо—зачѣмъ...

— И стала онъ теперь владѣтельнымъ помѣщикомъ, заключилъ Мармышевъ свой разсказъ. — Вотъ вамъ, говорять чудесъ нѣть: а это что-же? вчера голышъ гусаръ, а сегодня рантье, какъ выражается Лухмановъ.

Утро было свѣжее. „Быть можетъ я въ послѣдній разъ сажусь въ экипажъ,—подумалъ Ярцевъ, занося ногу въ коляску.—Въ послѣдній разъ вижу эти крыши, яблони, подсолнечники.—А хорошо здѣсь, лучше чѣмъ подъ землею... гораздо лучше. Скользкие, красные черви, мокрая глина, сырость, темнота...“

— Семенъ Никитичъ,—сказалъ онъ.—Вотъ, возьмите ключъ, въ правомъ столѣ въ кабинетѣ, найдете завѣщаніе и письма. Распорядитесь въ случаѣ, если...

— Какія глупости! возразилъ Семенъ Никитичъ, однако взялъ ключъ, и поспѣшилъ сунулъ его въ кармань.

Подѣзжая къ опушкѣ рощи, Ярцевъ нѣсколько разъ прыливо взглядывался вдали: не опоздали-ли они, и не ждутъ-ли ихъ противники. Но никого еще не было. Выйдя изъ экипажа и отпустивъ кучера, то есть, приказавъ ему отѣхать въ сторону, они стали бродить межъ кустовъ.

Ярцевъ такъ приготовилъ себя къ своей роли, что будь Чмутовъ тутъ, онъ не думая, подставилъ-бы свой лобъ подъ его пулю. Теперь отсутствіе противника его разсердило. Онъ недовольно поглядывалъ на дорогу и хмурился все больше и больше...

— Я думаю, что вы помиритесь,— успокоивъ Мармышевъ:—согласитесь сами, что дратъся изъ-за какихъ-то фантазій—нелѣпость...

— Тутъ не фантазія, Семенъ Никитичъ...

— Но изъ того, что вы вчера мнѣ говорили, я былъ въ правѣ заключить,—началъ было онъ.

— Вчера не сегодня,—перебилъ его Ярцевъ,—что вчера я могъ сказать, того сегодня не скажу...

Мармышевъ развелъ руками, и больше не прерывалъ молчанія...

Вдали показался экипажъ, въ немъ какая-то фигура. Пыль столбомъ вздымалась изъ-подъ копытъ и мѣшала смотрѣть. Ярцевъ сдѣлалъ отчаянное напряженіе и спокойно сталъ выжидать приближеніе дрожекъ...

— Доброго утра! раскланялся полковой ветеринаръ.

— Вы куда? крикнулъ Мармышевъ.

— Чуму свидѣтельствовать, въ Столпяги,—оглянувшись отвѣтилъ онъ.

— Чуму,—проворчалъ ему вслѣдъ Мармышевъ.—Теперь опять за оздоровленіе края возьмутся,—туши велять съ кожами зарывать. Я предлагаю земству составъ, дѣлающій чумныхъ кожи безвредными...

— Вашего изобрѣтенія? спросилъ Ярцевъ, думая все о своемъ.

— Моего изобрѣтенія? Не вѣрятъ, смѣются. Я предлагаю надѣть чумную, пропитанную моимъ составомъ шкуру на здороваго быка и пустить его въ стадо, въ мое собственное стадо,—кажется хорошее ручательство въ моемъ убѣжденіи о дѣйствительности состава?..

— Ну и что-же?..

— Земство говорить, что такого опыта нельзя позволить произвести. Если мой быкъ, видите, заразить стадо въ четыреста головъ—заразится весь уѣздъ...

Онъ сердито замолкъ, и опять уставился вдалъ.

— Что-же, чортъ ихъ побери, они не ѳдуть!—крикнулъ онъ, топая ногою и надвигая шляпу на глаза.

Солнце все поднималось выше, жгло все сильнѣе. Ярцевъ чувствовалъ окончательный упадокъ силъ. — Что Чмутовъ, испугался дуэли что-ли?

Прождавъ еще немногого, рѣшилиѣхать домой.—Ужь не она-ли остановила дуэль? думалъ Ярцевъ, не то негодяя на глушную роль, которую ему пришлось разыгрывать, не то радуясь, что ему пришлось избѣгнуть предстоящей опасности по какому-то загадочному случаю...

XXXII.

А между тѣмъ загадочный случай могъ быть объясненъ просто. Утромъ къ Чмутову явился исправникъ, бѣлоголовый, бѣлоусый господинъ, съ длиннымъ носомъ и кѣтчатымъ фуляровымъ платкомъ—и объявилъ, что онъ предупрежденъ о дуэли и допустить ее не можетъ... Чмутовъ собирался въ это времяѣхать и револьверы—улика—была на лицо.

— Кто-же это вами донесъ? съ искривившимся лицомъ спрашивалъ онъ.—Ужь не господинъ-ли Ярцевъ? Или быть можетъ добродѣтельный покровитель любовниковъ, господинъ Маришевъ?

— Ни тотъ, ни другой,—отвѣчалъ исправникъ.—Только, въ виду справедливости доноса—ужь вы потрудитесь дать подписочку что-ли... что, дескать, „на поединокъ и впредь не покушусь...“

Чмутовъ наотрѣзъ отказался дать подписку, и хотѣлъ уѣхать,—но исправникъ его такъ-таки и остановилъ...

— Да вѣдь еслибъ я на дуэльѣхалъ,—говорилъ

Чмутовъ,—у менѣ бы секундантъ былъ, а вы видите я одинъ...

— Господинъ Лухмановъ и не пріѣдетъ...

— А-а, — такъ вотъ это кто! догадался Чмутовъ. — Извольте, я остаюсь,—рѣшилъ онъ, — сообразивъ, что вѣдь если не сегодня, то завтра возможно будетъ покончить дѣло.

Онъ заперъ револьверы въ столъ, и предложилъ „откушать“ чая. Исправникъ согласился, и разговоръ тотчасъ перешелъ на болѣе миролюбивую почву: заговорили о театрѣ, о томъ сколько осталось барышей, о томъ, какъ восхитительно играла Анна Павловна, а главное о томъ какъ Таганцевъ, такой скромный, благородный офицеръ, и вдругъ укралъ генеральскую дочку...

На силу дождавшись и выпроводивъ непрошеннаго гостя, Чмутовъ послалъ къ Ярцеву нарочного: „Въ силу доноса Лухманова,—писалъ онъ,—я не могъ быть на условленномъ мѣстѣ. Извиняюсь за невольный обманъ. Я далъ слово не выходить сегодня изъ дома, а потому не потрудитесь-ли вы пожаловать ко мнѣ...“

Необычайное волненіе послѣднихъ дней страшно на него повліяло. Онъ словно постарѣлъ на много лѣтъ. Но чѣмъ больше его крутили обстоятельства, тѣмъ самоувѣреннѣе, сильнѣе выглядывалъ онъ, гордо неся свое пожелѣвшее, мертвеннное лицо съ молочными глазами. Онъ не выходилъ изъ обѣду, избѣгалъ жены, словно боялся встрѣтиться съ нею... Онъ почувствовалъ себя вѣдь прежняго условнаго круга дѣйствій. Онъ уже не былъ человѣкомъ, который ёсть, пить, разговариваетъ, любить, ненавидѣть,—это было существо не заключен-

ное въ тѣсныя рамки узкихъ обыденныхъ понятій. Онъ могъ и смѣсть сдѣлать то, чего не могли, не смѣлись другие: границъ ему не было. Онъ только напрягалъ всѣ усилия, чтобы сдержать свою натуру...

Нетерпѣливо дожидалась Ярцева, ходя изъ комнаты въ комнату, онъ встрѣтился въ гостиной съ женой.

— А-а! — остановился онъ передъ ней, усмѣхаясь. Ужъ это не твое-ли было дѣло?

Она стремительно подняла на него глаза.

— Не ты ли послала этого супфлера, лѣкаря, въ полицію съ доносомъ?

— Я посыпала?.. Съ какимъ доносомъ?

— Чтобы дуэль не была допущена... Вѣдь тебя хватить на это... Кляузничать, путать полицію... Ты рада, что я остался дома. — Но ты знай, что я пристрѣлю его, въ его же домѣ пристрѣлю...

Онъ задыхался, казалось еще немного — и съ нимъ будетъ припадокъ.

— А тебя, а тебя я...

Онъ взглянулъ ей въ лицо, вдругъ остановился, и дрожа опустился передъ ней на колѣни.

— Анна, скажи... скажи мнѣ, что это неправда, что ты не любишь его, что моя ты, моя, попрежнему. Поклянись мнѣ всѣмъ святымъ, что у тебя только есть святаго...

Съ невыразимымъ отвращенiemъ посмотрѣла она на него: онъ ползалъ, плакалъ, молился у ея ногъ. Ей хотѣлось до конца уничтожить, унизить его...

— Зачѣмъ же мнѣ лгать,—насмѣшилымъ, холоднымъ тономъ возразила она.—Я люблю его и буду любить.

Вчера вечеромъ я была у него, и уйду къ нему совсѣмъ...

-- Ты лжешь! хрюкнулъ онъ, приподнимаясь съ колѣнъ.—Ты лжешь! Этого не было... Ты не могла дойти...

— Я была вечеромъ у Ярцева,—повторила она, смѣясь глядя ему въ глаза.

У него бѣлки налились кровью, онъ силился прощеть на ея лицѣ подтвержденіе того, что это было,—что случилось тѣ, чего онъ больше всего боялся, чтѣ разрушало его счастіе, его жизнь. И ея спокойное лицо говорило ему прямо и открыто: „да, я была тамъ,—все между нами кончено, и ничѣмъ этого нельзя исправить.“

— Такъ это правда?—повторилъ онъ, шагнувъ къ ней.

Она съежилась за диванъ, приготовясь ко всему. Онъ наклонился и схватилъ ее за плечи.

— Правда! повторялъ онъ, встѣхивая ее, сдавливая все сильнѣе и сильнѣе своими жилистыми, красными руками...

— Пусти! шептала она. Пусти,—ты меня задушишь...

— Пустите! раздалось сзади его.

Онъ оглянулся. Воздѣлъ него стоялъ Ярцевъ, блѣдный, взволнованный. Онъ выпустилъ изъ рукъ жену и растерянно посмотрѣлъ на гостя...

— Въ мой кабинетъ, пожалуйста,—глухо сказалъ онъ.—Надо поговорить, пожалуйста...

XXXIII.

Они вошли въ небольшую комнату, оклеенную дикими обоями, съ большимъ письменнымъ столомъ посрединѣ. Чмутовъ зашелъ за столъ, оперся на него руками и уставился на Ярцева.

— Или вы, или я? спросилъ онъ.—Такъ?

— Такъ,—сказалъ Ярцевъ.

— Вчера у васъ была моя жена?..

— Вы допросъ мнѣ дѣлаете?..

— Хотя бы и такъ?..

— На этотъ вопросъ я вамъ не отвѣчу...

Чмутовъ посинѣлъ—всѣ живыя краски сбѣжали съ его лица, только глаза оживленно врашались.

— Такъ не разрѣшить ли нашъ споръ сю минуту? спросилъ онъ.

— Какъ вамъ будеть угодно...

Чмутовъ подошелъ къ двери и защелкнулъ ее мѣдной задвижкой. Потомъ, опять подойдя къ столу, онъ выдвинулъ незапертый ящикъ и вынулъ оттуда два револьвера.

— Я сейчасъ заряжу,—сказалъ онъ.

— Этимъ мы ничего не разрѣшимъ,—замѣтилъ Ярцевъ, стараясь свободнѣе переводить дыханіе.

Чмутовъ не отвѣталъ и доставалъ изъ стола патроны. Ярцевъ оглянулся комнату. На стѣнахъ кинжалы, ружья и ея портретъ въ бархатной рамѣ.. Тоже смот-

рить на нихъ. На столѣ тикаютъ часы, отчетливо, мѣроно. Возлѣ нихъ большая фарфоровая чернильница рококо. Каменное пресс-шапье съ видомъ Крыма. Номеръ московской газеты, смятый (вѣрно читанный) лежитъ тутъ же. Тикъ-такъ, тикъ-такъ—щелкаютъ часы. За дверью тишина. Чмутовъ кончилъ.

— Оба заряжены на всѣ стволы,—сказалъ онъ, кладя револьверы рядомъ на столъ.—Выбирайте...

Ярцевъ взялъ который ближе.

— По очереди? спросилъ Чмутовъ, взявъ со стола монету и держа ее двумя пальцами.

— Рѣшетка,—сказалъ Ярцевъ, утвердительно кивнувъ головой.

Чмутовъ повернулъ монету; она заверѣлась, приняла видъ туманного серебристаго клубочка. Какъ долго вертится и все уходить вправо! Вотъ колебанія медленнѣе, шатается порывисто... упала.

— Орелъ! проговорилъ Чмутовъ нагнувшись.

А оружіе все также виситъ на стѣнахъ. Только часы какъ-то неслышно тикаютъ, точно остановились.

Они стали по разнымъ угламъ. Прямо противъ него ея портретъ.—Буду на нее смотрѣть! рѣшилъ Ярцевъ, но глаза неудержимой силой были прикованы къ Чмутову. Онъ взялся рукой за стулъ. Какъ слышно сердце бьется...

„Вотъ оно ощущеніе!“ подумалъ онъ, глядя на смертельно-блѣдное лицо Чмутова, поднимавшаго руку. Мать, отецъ, улица гдѣ онъ родился, вдругъ мелькнули передъ нимъ. Черное, маленькое отверстіе смотрѣть прямо. „Закрыться рукой? Стыдно! Это струсить!.. Да что же онъ какъ долго...“

Возлѣ самаго уха что-то звизгнуло, почти задѣло волосы и ударилось въ стѣну, сѣрый дымъ легкими клубами повисъ въ воздухѣ...

Ярцевъ быстро швырнулъ оружіе на столъ.—Я стрѣлять не буду, сказаць онъ, и направился къ двери.

— Это отчего? крикнулъ Чмутовъ, заступая ему дорогу.

— Я считаю себя удовлетвореннымъ,—отвѣтилъ онъ, и поединокъ поконченнымъ.

— Я не считаю! Или вы, или я! Бери револьверъ, если не будешь стрѣлять — такъ я начну... Ну?..

И опять поднялось тоже черное отверстіе кверху. Ярцевъ инстинктивно схватился за свой револьверъ.

— Ну! нетерпѣливо кричалъ Чмутовъ. Ярцевъ все медлилъ,—пока выстрѣль, толчекъ и боль не заставили его пошатнуться.

А отверстіе еще ближе, чуть не въ упоръ висить надъ нимъ. Онъ поднялъ револьверъ и потянулъ гашетку...

Онъ открылъ глаза... Онъ сидѣлъ въ креслахъ какъ то странно, бокомъ. На стѣнѣ висѣлъ портретъ въ бархатной рамкѣ и прямо смотрѣлъ на него, за дверью слышался стукъ, крики; въ плечѣ тупая ломота и боль... а внизу на полу ползаетъ кто-то, стонетъ... Все это ничего, только зачѣмъ плечо такъ болѣно, вотъ это главное...

А шумъ все тише, тише, совсѣмъ умолкаетъ,—портретъ дѣлается розовымъ, уменьшается, уменьшается, пропадаетъ — совсѣмъ нѣтъ, ничего нѣтъ. и темно, темно вокругъ...

XXXIV.

Лухмановский „донос“ произошел совершенно случайно. Его вызвали „по начальству“, и объявили о необходимости выезда. Слухи о его неблагонадежности стали слишкомъ явно разгуливать по городу и начальство разсудило ихъ „прекратить“...

— Да что-же во мнѣ неблагонадежнаго? спрашивалъ Лухмановъ.

— Все-съ, всѣ ваши дѣйствія. Всюду, гдѣ только происходитъ сомнительное дѣйствіе—вы всенепремѣнно тамъ. Даже въ мелочахъ. Вотъ хотя-бы похищеніе дѣвицы Богучаровой. Вы способствовали ея побѣгу?

— Да вѣдь отецъ простиль.

— Да?!—Ну, тогда конечно... Но всетаки не мѣшало бы предупредить кого слѣдуетъ... Этимъ-бы вы зарекомендовали себя съ хорошей стороны.

Блистательная мысль мелькнула въ головѣ непризнаннаго медика. Ему вовсе было не разсчетъ уѣзжать теперь изъ городка, гдѣ онъ такъ удобно обставилъся, и сталъ тѣ тамъ, тѣ тутъ доставать „взаймы“. Сдѣлать какую-нибудь пакость „рантье“ и, въ то же время, „ублаготворить“ начальство—однимъ выстрѣломъ двухъ зайцевъ.

— Помилуйте, я всегда готовъ,—насыпши ливы мъ головомъ заговорилъ онъ.—Да вотъ хоть-бы теперь: вы знаете, что два пригородныхъ помѣщика завтра выступаютъ на смертельный поединокъ, и я считаю долгомъ гражданина довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія...

Кто? гдѣ? забеспокоилось начальство.

А могу я разсчитывать на нѣкоторое снисхождѣніе? хитро щурясь, сладкимъ голосомъ спросилъ онъ.

Снисхожденіе ему было обѣщано.

- Ирцевъ и Чмутовъ,—объяснилъ Лухмановъ,—повадорили изъ-за арендной собственности... Чмутовъ увѣрять, что его аренда простирается на вѣчные времена, а Ирцевъ говорить, что это зависитъ отъ воли арендоемой.

— Я не совсѣмъ понимаю...

— Дѣло идетъ о супругѣ господина Чмутова...

Такимъ образомъ, поединокъ былъ предупрежденъ.

Лухманову все-же надо было бы утромъ пріѣхать, по условію, къ Чмутову, но онъ просто-на-просто проспалъ, а проснувшись, рѣшилъ, чтоѣхать уже поздно...

Послѣ полудня прискакалъ въ городъ верховой, и всѣхъ докторовъ потребовали къ Чмутову. „Стрѣлялись, ранены!“—разнеслась моментально по городу вѣсть. Всѣ какъ-то растерялись, переконфузились, и одни за другими полетѣли на хуторъ: доктора, полиція, слѣдователи... Лухмановъ отправился тоже.

Во всемъ домѣ чувствовался страшный переполохъ. Ходили на ципочкахъ, говорили шепотомъ, суетились. Въ кабинетѣ царилъ удушливый специфическій ароматъ свѣжей крови, смѣшивавшись съ слабымъ, проходившимъ запахомъ пороха. Два блѣдныхъ тѣла лежали по стѣнамъ: одно на диванѣ,—другое на кушеткѣ. На диванѣ лежалъ Ирцевъ,—плотно сомкнувъ вѣки и губы. На кушеткѣ, насквозь пропитанной кровью, стоналъ и подергивался Чмутовъ. Кувшины, тазы, полотенца съ красными засыхающими пятнами, тарелки со льдомъ,—въ

безпорядкѣ стояли по стульямъ, столамъ, на полу. Солнце было черезъ щелку спущенной шторы, и играло радужной звѣздочкой въ графинѣ.

— Не надо, не надо, не мучьте,—говорилъ Чмутовъ, перебирая оть боли пальцами и глядя въ потолокъ.

Рана, нѣсколько выше сердца, пурпурнымъ пятнышкомъ зіяла на груди; лѣвое легкое было прострѣлено. Онъ лежалъ, совсѣмъ раздѣтый, словно восковой, сверкающей серебристыми бликами тѣла, съ рѣзко обозначившимися ключицами и ребрами. Доктора повязокъ ему не накладывали, рѣшившись лѣчить по новѣйшей системѣ.

— Оно безъ одного легкаго даже лучше, замѣтилъ полковой докторъ,—на чорта ихъ пара... А только тутъ еще осложненія пойдутъ...

— Скапутится, поморщившись заявилъ Лухмановъ,—и перешелъ къ Ярцеву.—А этотъ совсѣмъ готовъ?

Онъ наклонился.—Э, э! еще поскрипываетъ... Только плечо пострадало?.. Отлежится...

— Или моя, или ничья! или моя, или ничья! повторялъ Чмутовъ, — точно урокъ училъ. — Не дамъ... Не люблю, задушу, а не дамъ.

Онъ закрывалъ глаза и опять открывалъ.—Стрѣляйте, шептали его губы, стрѣляйте... Не мучьте меня... Грудь больно, грудь...

Безъ кровинки въ лицѣ показалась на порогѣ Анна Павловна.

— Нельзя! крикнулъ ей врачъ,—накидывая на Чмутова простыню.—Идите отсюда.

Она посмотрѣла на бѣлую стонавшую массу, перевела глаза на диванъ.—Оба, оба, тутъ, у меня — истекаютъ кровью...

Чмутовъ часто забываетъся. И тогда слышно только тяжелое дыханье, сухой стукъ покалываемаго фельдшеромъ льда, да тиканье часовъ:

Тикъ-такъ, тикъ-такъ,—ходять они.

XXXV.

Губернаторъ, пріѣхавшій, какъ потомъ оказалось, на охоту, былъ въ большомъ беспокойствѣ. Онъ получилъ извѣстіе о результатахъ поединка и о ранѣ племянника—на болотѣ, сидя подъ кустомъ на стулѣ, который за нимъ всюду таскалъ какой-то мужиченка. Онъ до того растерялся, что чуть не подстрѣлилъ вѣстоваго. Онъ тотчасъ-же прискакалъ къ Чмутову.

— Это мы покончимъ домашнимъ образомъ,—решилъ онъ, собравъ всѣ справки по дѣлу.—Все понятно и ясно... Нечего огородъ городить, господина прокурора затруднить. Напишутъ еще въ газетахъ—пойдетъ дѣло, корреспонденты раздуютъ... А мы его потушимъ домашнимъ образомъ, домашнимъ образомъ...

— Въ сущности конечно-сь, самозащита, подтверждалъ исправникъ.—Господинъ Ярцевъ дѣйствовалъ не-произвольно...

— Да-сь, это было такъ сказать движение рефлекторное, заключилъ генералъ,—и распорядился выпустить для племянника доктора изъ губернского города.

Черезъ два дня Мармышевъ перевезъ Ярцева къ себѣ. Колиску вровень съ сидѣньями наложили сѣномъ, осторожно перенесли его, тихо перевезли. Въ этотъ-же день утромъ умеръ Чмутовъ.

Анна Павловна въ первый разъ увидѣла мужа послѣ

поединка. Доктора ее къ нему не допускали, боясь что ея видъ взволнуетъ его. Теперь она могла смотрѣть на него сколько угодно.

Она сидѣла возлѣ его трупа. Онъ, чистый, вымытый, причесанный, съ высоко сложенными на груди руками, грузно, тяжело лежалъ передъ ней. Она смотрѣла на то неопределеннное выраженіе лица, съ которымъ онъ встрѣтилъ смерть и которое застыло на немъ.— „Какъ я ненавидѣла его“,— думала она, глядя на давно знакомыя черты,— на этотъ широкій носъ, тонкія, насмѣшливыя губы, желтую, длинную бороду.— „Три года тяжелаго кошмара, три года... И вотъ теперь онъ недвижный, холодный: больше не встанетъ, не оскорбить меня... Я свободна...“

— Свободна... Совсѣмъ свободна. Полная хозяйка всего, что вокругъ есть, хозяйка себя, своихъ поступковъ...

— И всетаки это не тѣ... Зачѣмъ онъ, мертвый, лежитъ тутъ? Вѣдь если-бы онъ не встрѣтился съ ней, женился бы на другой, онъ быль-бы живъ... Она виновница всего этого... Она? Отчего-же? Она измѣнила ему, полюбила другаго. — Имѣю-ли я право теперь любить его? Но еслибъ мужъ убилъ Бориса, вѣдь я бы осталась съ мужемъ... Да и Борисъ раненъ тоже...

— Отецъ Исаія говорилъ тогда про сестру, про монастырь. Не пойти-ли мнѣ теперь молиться, просить прощенія за грѣхи?.. Затвориться въ келью, гремѣть четками, зиму и лѣто ходить на служенье, ссориться съ келейницами, отдавать поклоны по уставу?..

— Или обождать... „Въ міру“ спастись?— въ міру, говорить труднѣе. Отдаться благотворительности?.. Теперь

она богата, она не „нищая“. И никакого ярма,—никто ее не имѣть права остановить, прочесть выговоръ...

Какъ спокойно его лицо. Знаеть-ли онъ, что она думаетъ, и гдѣ онъ? Если души потомъ, тамъ встрѣтятся?... Нѣтъ—не надо, не надо!.. Онъ сложилъ руки, въ которыхъ какъ въ тискахъ держалъ ее. Она силилась найти въ душѣ хоть каплю чувства—и не могла. Это было постороннее существо, чуждое ей. Отвращенія къ нему теперь у нея не было, но и любви не было и слѣда...

А мысли невольно, невольно летятъ впередъ... Пройдетъ два-три мѣсяца,—рядъ этихъ ужасныхъ впечатлѣній поблекнетъ. Она будетъ въ Петербургѣ, у сестры... Наступить день, часъ: прогнеть звонокъ, отворится дверь, войдетъ онъ, блѣдный, слабый отъ болѣзни; войдетъ и остановится на порогѣ: можно-ли къ ней подойти... А она?... Да тогда все существо ея рванется ему на встрѣчу...

Она вздрогнула, и оглянулась. Нѣтъ, не надо, не надо этихъ мыслей!.. Теперь рано. Вѣдь тутъ еще лежитъ онъ... Нѣтъ, прочно эти мысли... нехорошо, неприлично...

Пріѣхалъ отецъ Исаия (онъ служилъ панихиды), и крестясь переступилъ порогъ. Онъ не подошелъ къ ней первый, боясь нарушить ея раздумье. Она встала и пошла къ нему. Они молча поздоровались.

— Сейчасъ послѣ похоронъ я поѣду въ Петербургъ къ сестрѣ,—сказала она.

- Совсѣмъ тамъ останетесь? тихо спросилъ онъ.
- Да... Едва-ли лѣтомъ буду здѣсь жить...
- Ну, какъ ваше состояніе духа, бодрость?..

— Не знаю... Я въ такомъ теперь туманѣ... Всѣ дни эти...

Старикъ задумался, поправилъ покривившійся въ рукахъ покойнаго образокъ. „Заблудшія овцы—сообразъль онъ.—Экое время какое!.. Сейчасъ протопопъ говорилъ, что его племянника выслали изъ города за недоброкачественность... Этотъ мертвъ,—тотъ раненый мучается”...

— Борису Федоровичу лучше,—сказалъ онъ вслухъ.

Она благодарно на него взглянула: ей неловко было первой спросить.

Стали съезжаться на панихиду. Богучаровъ прѣхалъ съ дочерью и зятемъ. Отъ Вѣрочки такъ и вѣяло счастьемъ, какъ она ни старалась казаться серьезной, печальной.

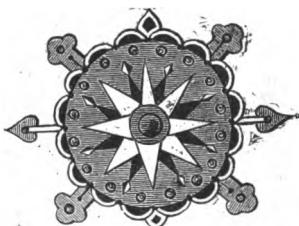
— Вотъ, батюшка, вы не согласились,—сказалъ священнику Таганцевъ,—мы все-же обвѣнчаны, только въ другой приходъ пришлось ѿхать...

Исаія только голову наклонилъ. Анна Павловна прощала начать. Онъ пролѣзъ въ ветхую ризу.

— Овцы заблудшія! повторилъ онъ про себя.—Прости имъ: не вѣдаютъ что творятъ...

Онъ перекрестился, и панихида началась...

1881 г.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ

ПОЛКА.

Одн.

Кн. №

СЕЛЬСКАЯ ШКОЛА.

I.

Въ теплый августовский вечеръ, по широкой аллѣ, чѣ вела отъ церкви къ господскому дому Залѣсья, обширнаго и мнѣнія въ черноземной полосѣ Россіи, неторопливою поступью шли двое. Одинъ — очень высокій и очень худой господинъ, съ крохотною головкой, большими на выкатъ глазами и съдоватою бородкой, былъ владѣлецъ Залѣсья, его превосходительство Левъ Сергѣевичъ Глѣбовъ; другой — приземистый и коренастый — священникъ Залѣсья, отецъ Виталій. Левъ Сергѣевичъ шелъ подрагивающею походкой, мѣрно переступая сухими длинными ногами, не поворачивая головы къ собесѣднику, помахивая палкой съ гуттаперчевымъ наконечникомъ и выговаривая слово за словомъ съ такими гримасами, точно онъ ихъ не произносилъ, а выплевывалъ. Такъ имѣютъ привычку говорить туристы-англичане, а Левъ Сергѣевичъ, надо замѣтить, былъ до нѣкоторой степени англоманъ, и даже съ супругой

свою, Надеждою Платоновной, говорилъ глазъ-на-глазъ по-англійски, хотя и плохо. Отецъ Виталій шель, отставъ отъ „статского генерала“ на полшага, безъ особынаго подобострастія, изрѣдка щурясь слезящимися глазками и запахивая потертую шерстянную рясу. Лицо его было не то добродушно, не то апатично; онъ все старался попасть своему путнику въ ногу, но по причинѣ малаго роста это не всегда ему удавалось. Разговоръ между ними шелъ оживленный, даже горячій. Говорили о Залѣссской школѣ.

— Я съ этимъ совершенно не согласенъ, не согласенъ въ принципѣ, — говорилъ Левъ Сергиевичъ,—по моему мнѣнію, подчинять школу мѣстному духовенству немыслимо. Учителя все-таки должны быть земскіе. Я объ этомъ говорилъ *tam*, протестовалъ, доказывалъ (Левъ Сергиевичъ махнулъ тростью по тому направлению, где долженъ былъ быть по его соображенію въ данную минуту Петербургъ); я говорилъ, но былъ подавленъ большинствомъ... Я не утверждаю что теперешнія школы *chefs-d'oeuvre*'ы—сохрани Богъ! Реформируйте ихъ такъ, чтобы онъ были цѣлесообразны, дайте опытныхъ педагоговъ-техниковъ, и вы увидите, чѣмъ будетъ... Наконецъ, контроль со стороны священника можетъ быть всегда: онъ законоучитель, онъ можетъ слѣдить за правильностью преподаванія, за легальностью уроковъ...

— Стой жизни, ваше превосходительство,—не спѣша взоразилъ священникъ, выждавъ когда онъ сдѣлаетъ передышку,—сторожи жизни народной у насъ таковъ, что съ православiemъ разъединить его нельзя. Мѣстный пастырь всегда ближайшій его руководитель и преподаватель все же наиболѣе надежный чѣмъ отъ земства. Я ложалуй тоже оговорюсь, что желательны были бы усо-

вершения въ нашемъ сословии и бытѣ... Но все же, ваше превосходительство, духовенство будетъ надежнѣе.

Левъ Сергеевичъ даже остановился.

— Ахъ, Богъ мой! проговорилъ онъ, подергивая плечами и смотря куда-то въ пространство,—мы съ вами стоймъ на разныхъ точкахъ зреінія. Я смотрю на школу какъ на средство выйти народу изъ давящаго его пауперизма.

— Пауперизма? нѣсколько удивленно повторилъ отецъ Виталий.

— Да-съ, пауперизма. Пауперизмъ можетъ быть уничтоженъ только развитіемъ среди народа техническихъ знаній. Школы въ земствахъ должны снабжать крестьянина именно знаніями прикладными. Мужикъ долженъ быть практически знакомъ съ кустарнымъ производствомъ; если у него есть способность къ столярному ремеслу, пусть будетъ столяромъ, къ сапожному—сапожникомъ... Ясно ли я выражаюсь?

— Ясно,—подтвердилъ священникъ.

— Очень радъ. Теперь представьте себѣ окружъ, въ которомъ, положимъ, пять школъ. Въ школахъ учать чтенію, письму, закону божьему и кромѣ того специальность каждой—какое-нибудь ремесло. Въ одномъ селѣ—токарное искусство, въ другомъ—башмачное, въ третьемъ—еще тамъ какое-нибудь... Мальчикъ, сообразно способностямъ, совершенствуется въ томъ или другомъ производствѣ. Вы понимаете, что изъ этого можетъ выйти?

Онъ опять остановился и торжественно махнулъ палкой по воздуху.

— Вѣдь это вся Россія (онъ подчеркнулъ „всю“) бу-

„ПОВ. И РАВСК. И. И. ГНѢДИЧА“.

деть специализирована. Можно было бы обязать,—вотъ какъ въ воинской повинности,—обязать приписываться къ какому-нибудь цеху. Разъ ты не принадлежишь къ касть землемѣльцевъ, не имѣешь ученаго ценза,—ты долженъ быть приписанъ къ цеху... Взгляните на древній Египетъ. Вы знаете—что способствовало его политической целостности? Помните хорошо регулированье касть?

Отецъ Виталій съ беспокойствомъ запахивалъ рису. Ему такъ много-много хотѣлось возразить его превосходительству, но неловко было прервать. Генераль говорилъ безъ остановки, безъ запинки и притомъ съ такою самоувѣренностью, что едва ли можно было бы убѣдить его какимъ бы то ни было доводомъ.

— Въ древнемъ Египтѣ вся сила государственного строя,—продолжалъ онъ,—заключалась въ строгой замкнутости касть. Переходъ изъ одной въ другую наказывался смертною казнью. Вотъ гдѣ государственная сила, вотъ тѣ краеугольные камни, на которыхъ зиждется благоустройство, вотъ рамки, въ которыхъ должны быть заключены элементы политического бытования!

При словѣ „рамка“ онъ даже сдѣлалъ очень картичный жестъ палкой по воздуху, наглядно очертивъ какія это рамки и какого размѣра.

— Но если не ошибаюсь, ваше превосходительство,—не смѣло возразилъ отецъ Виталій,—въ древнемъ Египтѣ именно первенствовало жреческое сословіе.

Левъ Сергеевичъ посмотрѣлъ на своего собѣдника какъ-то сбоку и сверху. Нижняя губа его далеко выдвинулась впередъ.

— Оно доминировало,—съ сожалѣніемъ сказалъ онъ,—

и вотъ причина, что народъ остался въ убийственномъ квѣтизмѣ.

— Да и вообще мнѣ кажется, ваше превосходительство,—продолжалъ священникъ, — въ древній Египетъ ходить намъ за примѣрами слишкомъ далеко. Я осмѣливаюсь противорѣчить вамъ, такъ какъ вы сами изволили потребовать отъ меня рѣшительного мнѣнія...

— Ахъ, я понимаю вашъ уголъ зреінія,—возразилъ съ сожалѣніемъ Левъ Сергеевичъ:—вы по своему сану и положенію и не можете отвѣтить мнѣ иначе. Вамъ это вполнѣ простительно. Свободной шири взгляда у васъ и быть не можетъ: у васъ на первомъ планѣ: что скажетъ благочинный.

Священникъ даже обидѣлся.

— Благочинный тутъ не причемъ, ваше превосходительство: я говорю согласно моему убѣжденію. Вѣрную твердо, что только въ церковной школѣ спасеніе.

— *Тамъ* то же говорятъ,—косо усмѣхнувшись сказалъ Левъ Сергеевичъ, махнувъ опять по направленію Петербурга. — *Ихъ* не переспоришь. Я ушелъ отъ дѣлъ, меня не понимаютъ. Я отстранился, и на время отдаюсь теченью... Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ, посмотримъ.

Теперь они были предъ высокимъ крыльцомъ, представлявшимъ собою фонарь изъ цветныхъ венеціанскихъ оконъ. Отецъ Виталий остановился, въ ожиданіи что генералъ предложитъ войти, но тотъ шелъ по ступенямъ, постукивая резиновымъ концомъ палки о плиты, не оглядываясь и полагая, что собесѣдникъ несомнѣнно будетъ слѣдовать за нимъ.

II.

Однако въ комнаты они не вошли. Левъ Сергеевичъ тутъ же, въ фонарѣ, сбросивъ съ себя шляпу, присѣлъ на маленький буковый диванчикъ и предложилъ священнику тоже садиться. Онъ вынулъ платокъ, надушенный чѣмъ-то сладкимъ и приторнымъ, провелъ имъ за ушами и вокругъ шеи.

— Да, — сказалъ онъ, словно что-то припомнивъ, — такъ какъ же у насть школа будеть поставлена?

— Школа основывается вашимъ превосходительствоимъ, вы полный ея хозяинъ.

— Я уже сказалъ вамъ, что мнѣ желательно было бы создать именно образцовую школу съ изученiemъ прикладныхъ знаній. Но это въ будущемъ. Пока возведуть зданіе, пока чт...

Левъ Сергеевичъ любилъ высокій стиль. Онъ никогда не говорилъ: „построить“, но всегда „возведутъ зданіе“. Онъ пописывалъ нѣкогда въ одной прюостановленной газетѣ и всегда выражался звучнымъ слогомъ. Онъ любилъ выраженія: „замкнутый ковчегъ“, „разнужданный звѣрь“, „колебанье основъ“ и „средостѣніе“. Его статьи, правда, проглядывали редакціонные публицисты, и даже значительно. Онъ и тогда писалъ что-то объ утилитарныхъ школахъ, но его мало замѣчали; но вотъ теперь, разобиженный, удалившійся на покой, онъ рѣшилъ привести въ исполненіе свою мысль о школѣ. Фундаментъ будущаго „зданія“ былъ уже выведенъ; „зданіе“ предполагалось обширное, съ помѣщеніями для

слесарни, токарни и еще чего-то. Теперь больше всего беспокоила его мысль объ учитель.

— Пока я хотѣлъ бы достать такого преподавателя, который бы внушилъ дѣтямъ,—продолжалъ онъ,—что моя теорія имѣеть практическую подкладку, такъ что развѣ слѣпой этого не пойметъ... Пусть учитель подготовить ребятъ, научить читать, писать, а къ веснѣ мы пріищемъ что-нибудь подходящее.

— Читать да писать и я могу научить,—замѣтилъ отецъ Виталій.

Левъ Сергеевичъ уставился на него.

— Вы со звуковымъ методомъ преподаванія знакомы?

— Я обѣщаю, что къ веснѣ ребята будуть читать, ваше превосходительство. Звукового метода я не знаю, но убѣжденъ, что обучу скоро.

Левъ Сергеевичъ съ сожалѣніемъ почмокалъ.

— Но зачѣмъ же затруднять дѣтей? Звуковой методъ такъ простъ... Вы спросите вашего сына, вѣроятно онъ знаетъ... Да! чутъ не забылъ—что такое вашъ сынъ?

— Онъ въ академіи. У меня на побывкѣ.

— Способный малый?

Отецъ Виталій запнулся.

— Со способностями...

— Да, у него въ лицѣ, въ глазахъ есть... Я его сегодня видѣлъ мелькомъ, но у него есть... (Онъ повертелъ указательнымъ пальцемъ передъ носомъ). Онъ въ медицинской?

— Въ духовной... Но желаетъ идти по свѣтской службѣ.

— Аа!.. почему же?

— Призванія не чувствуетъ.

— Прекрасно... Что же, не можетъ ли онъ быть у насть учителемъ?

Священникъ тряхнулъ головой.

— Я бы его не порекомендовалъ, ваше превосходительство.

— Что же?

— Слишкомъ современныхъ понятій. Материализму много въ немъ.

— Что жъ, это до известной степени прекрасно. Онъ можетъ дѣйствовать по программѣ, вы будете слѣдить за нимъ.

— Отказываюсь, ваше превосходительство.

— Ого, вотъ онъ какой! Вы пришлите-ка его ко мнѣ. Это интересно...

Левъ Сергеевичъ даже всталъ отъ волненія. Онъ никогда не видалъ „этихъ молодыхъ, новыхъ“... Теперь вдругъ выходитъ случай познакомиться съ ними.

— Знаете, батюшка, вы его пригласите ко мнѣ... пусть придетъ завтра къ обѣду.

— Не пойдетъ, ваше превосходительство.

— Отчего?

— Скажетъ, что вы ему не пара.

Левъ Сергеевичъ вдругъ ослабился и засмѣялся совсѣмъ беззвучно.

— Мы не пара по положенію, но насть можетъ связать общее дѣло...

— Я ему передамъ, только сомнѣваюсь.

Генералъ запустилъ руки въ карманъ своей тужурки и нахмурился.

— Да... а вы ему все-таки передайте.

Онъ прошелся по фонарю, сосредоточенно что-то обдумывая.

мываи. Отецъ Виталій слѣдилъ за нимъ изподлобья глазами.

— Вы говорили, что въ алтарѣ течеть? внезапно сказалъ онъ.—Скажите пожалуйста, а развѣ церковныхъ суммъ нѣтъ?

— Помилуйте, ваше превосходительство, какія же у насъ церковныя суммы...

— А кружечный сборъ?

— Гроши. Я бы обратиться къ вамъ не осмѣлился, еслибы не крайняя нужда.

— Удивляюсь какъ не отнесутъ къ земству такія церковныя починки...

Онъ пожалъ плечами, и пригладилъ свои густые, сѣ-дѣющиye, коротко подстриженные усы.

— Хорошо, я пришлю рабочихъ... Пусть работаютъ въ праздникъ послѣ обѣдни... Дѣло богоугодное, лучше чѣмъ пьянствовать.

Отецъ Виталій всталъ, генераль протянулъ ему руку.
— Очень радъ,—сказалъ почему-то онъ.—Такъ пожа-луйста передайте сыну приглашеніе. Скажите, что въ исходѣ шестаго завтра я его жду. Можетъ-быть и по-ладимъ.

III.

Въ тотъ же вечеръ, когда ея превосходительство Надежда Платоновна уже легла въ постель, Левъ Сергеевичъ вошелъ въ ея спальню. Это практиковалась еже-дневно. Надежда Платоновна имѣла обыкновеніе очень долго мыться передъ сномъ. Это была чрезвычайно сложная процедура, требовавшая серьезнаго вниманія и

необычаго количества склянокъ и пудры. Когда она, свѣжая, вымытая, вся напудренная, ложилась въ постель, ко Льву Сергеевичу отправлялась горничная звать къ ея превосходительству. Онъ въ той же тужуркѣ (но отнюдь не въ халатѣ) отправлялся къ супругѣ. Супруга лежала въ круженвахъ, съ чолкой прикрученной на замшевыя папильотки, позволяла себя щѣловать въ щечку и ручку и садиться возлѣ себя на постель. Кстати сказать, Надежда Платоновна была очень красивая женщина, лѣтъ тридцати двухъ-трехъ и совершенно была не подъ-пару съ мужемъ.

И на этотъ разъ, какъ всегда, Левъ Сергеевичъ вошелъ къ ней, приложился осторожно, словно это была не живая женщина, а давнымъ давно высохшая мумія, подвинулъ одѣяло и сѣлъ возлѣ.

— Какъ отъ тебя сигарой пахнетъ, ужасъ! сказала она, съ досадой поводя по губамъ рукой. — И потомъ ты постоянно подстригаешься, и у тебя усы оттого всегда колются.

Левъ Сергеевичъ снисходительно улыбнулся и снова поднесъ къ губамъ ея ручку, чмокнувъ ее какъ можно осторожнѣе.

— Завтра у насъ къ обѣду гости, сказалъ онъ.

— Кто это?

— Тетушка Инна Осиповна.

Надежда Платоновна мгновенно сѣла на кровати.

— Какъ, опять? Не можетъ быть!

— Вотъ посмотри—письмо отъ нея.

Онъ передалъ женѣ маленький конвертъ, изъ плотной рубчатой бумаги, на которомъ удивительнымъ почеркомъ было написано только:

„Въ Залѣсье, генералу“.

Въ письмѣ тетушка извѣщала, что будетъ на завтра къ обѣду, „а также и ночевать“.

— Нѣтъ, вѣдь это ужасно! сказала Надежда Платоновна.

Левъ Сергеевичъ, очень довольный ужасомъ жены, хохоталъ, словно мелкою дробью сыпалъ.

Тетушка Инна Осиповна была глухонѣмая, и объясняться съ нею можно было только знаками, которыхъ Надежда Платоновна не знала, или съ помощью переписки, для чего тетушка всегда возила маленькую книжку съ карандашомъ и надписью „Notes“. Перспектива такихъ объясненій съ тетушкой всегда повергала ее въ полное отчаяніе.

— Другой гость еще интереснѣе.

Надежда Платоновна тоскливо посмотрѣла.

— Ну?

— Видишь ли, сегодня я пошелъ къ нашему попу, по дѣлу обѣ этой школѣ. Только, представь себѣ, къ нему пріѣхаль сынъ...

— Ты поповича позвалъ? Знаешь, ты просто невыносимъ!

— Дай мнѣ доказать. Представь себѣ фигуру: красная рубашка, косой воротъ, фуражка на бекренъ заломана, высокіе сапоги и въ очкахъ. Это прелесть. Лицо экспрессивное, парень здоровенный...

— Ну и что же?

— Я ему кланяюсь, а онъ всѣмъ туловищемъ качнулся и носомъ повель. Понимаешь: это изъ нынѣшихъ. Надо полагать „народникъ“. Я хочу съ нимъ посовѣтоваться насчетъ школы.

— Ты, съ нимъ?

— Да... да. У нихъ чистота взгляда. Понимаешь:

нѣть этого нароста, скорлупы, что вокругъ насъ; это дѣти природы.

— Такъ и иди къ нему, зачѣмъ же сюда его тащить! Чѣо за мерзость! Да еще къ обѣду. Я не выйду. Ты тамъ какъ хочешь, а я скажу, что у меня мигренъ и запрусь у себя.

Она сердито потянула себѣ на плечо одѣяло, повернулась лицомъ къ стѣнѣ и даже закрыла концомъ простыни ухо, желая этимъ показать, что не желаетъ даже слушать дальнѣйшаго разговора. Но это движеніе нисколько не испортило веселаго настроенія Льва Сергеевича; напротивъ, онъ, отогнувъ простыню, сталъ цѣловать именно закрытое ухо и ближайшую часть душистой шейки, чѣмъ и вызвалъ граціозный протестъ со стороны дражайшой половины.

— Ты только выслушай меня,—говорилъ онъ,—приглашеніе это мотивировано двумя причинами.

Но Надежда Платоновна сразу не могла его слушать. Ея шейка ужасно боялась щекотки, особенно когда ее цѣловали жесткіе усы Льва Сергеевича. Ей было и смѣшно, и досадно, и больно, и весело.

— Тутъ двѣ причины,—продолжалъ статскій генераль.—Во-первыхъ, этотъ поповичъ—типъ. Ты знаешь этотъ типъ только по беллетристикѣ, въ жизни сталкиваться съ ними не приходилось. Вѣдь это герой, современный герой романа: сельскій учитель борющійся со средой. Какой просторъ для наблюдателя! Смотри на появленіе его въ нашемъ домѣ какъ на спектакль. Можетъ-быть онъ будетъ нести чепуху и ничего путнаго изъ его разговора я не вынесу, ну, не велика бѣда! А быть-можетъ это самородокъ, а если я при помощи его осуществлю свою идею школы...

— Ты мнѣ такъ надоѣль съ этою школой. Ну что ты понимаешь въ школѣ? Наконецъ ты самъ говоришь, что тетушка пріѣдетъ...

— А это и есть вторая причина,—подхватилъ Левъ Сергеевичъ.—Я ихъ сведу за столомъ. Вообрази тетушкѣ ужасъ! Я посажу ихъ рядомъ. Онъ будетъ єсть руками и перегрызать мосталыги. Инна Осиповна будетъ нюхать одеколонъ и закрывать глаза... Это будетъ такой спектакль... Они наскѣ позабавятъ.

Мысль эта въ самомъ дѣлѣ показалась Надеждѣ Платоновнѣ забавною.

— Только ты предупреди прислугу,—сказала она улыбаясь,—чтобы на него не косились.

— Я тебя попрошу тоже быть къ нему повнимательнѣе, даже болѣе чѣмъ онъ этого заслуживаетъ. Пожалуйста. Эти люди очень щепетильны, съ большимъ гороромъ. Я знаю ихъ.

Положимъ, что онъ совсѣмъ ихъ не зналъ, но это было такъ по его предположенію.

— Вообще мнѣ интересно было бы коснуться кой-какихъ вопросовъ, узнать его взгляды. Думаю, что я былъ правъ, когда протестовалъ въ комиссіи...

Когда онъ вспоминалъ про Петербургъ и комиссию, лицо его всегда выражало соболѣзвованіе. Пораженіе его было слишкомъ сильно, рана не могла затянуться такъ скоро...

— Въ началѣ октября,—сказалъ онъ,—мы пойдемъ за границу; тамъ на свободѣ я напишу, я окончу свои *Письма*. Я убѣжденъ что они окажутъ свое вліяніе... Хотя бы для одного этого мнѣ необходимо ознакомиться съ нашею „учащеюся молодежью“... то-есть не петербургскою, не тою, чтó обѣдаетъ съ кокотками

у Донона и носить проборъ сзади,—ту молодежь я знаю досканально...

Онъ довольно подробно началъ излагать предъ женою основную идею, которая будетъ проведена чрезъ всѣ *Письма*. Надежда Платоновна сначала слушала внимательно, но потомъ вдругъ сказала:

— Ну, остальное ты мнѣ доскажешь когда-нибудь потомъ.

Левъ Сергеевичъ, нисколько не протестуя, поднялся съ кровати.

— А жаркое на завтра ты какое заказалъ? спросила генеральша.

— Утки. Много развелось ихъ, переводить надо. Съ огурцами, это недурно.

IV.

Для тетушки приготовили комнату, вставили свѣчи въ подсвѣчники, постлали постель и огородили ее ширмочками, на которыхъ были изображены амуры стрѣляющіе изъ лука. Въ умывальникъ налили воды, развѣшали на вѣшалкахъ полотенца. Тетушка пріѣхала утромъ, въ маленькой дорожной коляскѣ, заложенной четверкой врядъ, съ серебряными бубенцами. Племянника она торжественно поцѣловала въ щеку, еще торжественнѣе положивъ ему на темя ладонь правой руки, съ такимъ движениемъ, съ какимъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, израильскіе патріархи благословляли свое потомство. Потомъ она рассказала ему знаками, какъ у нея въ имѣніи былъ пожаръ—загорѣлся овинъ, какъ она выскочила безо всего (дѣло происходило ночью),

попала со страху въ репейникъ и перецарапала себѣ икры, отчего и лѣчится вазелиновою мазью. Левъ Сергеевичъ качалъ утвердительно головой, поддакивалъ, въ знакъ соболѣзвованія брался за щеку, закрывалъ глаза и открывалъ ротъ. Когда тетушка переодѣлась съ дороги и надѣла чепецъ съ лиловыми лентами, къ ней подсѣла Надежда Платоновна, и у нихъ началась переписка. Инна Осиповна очевидно находилась подъ сильнымъ впечатлѣніемъ репейника, потому что первымъ долгомъ спросила Надежду Платоновну: „нѣтъ ли у тебя гдѣ ссадинъ“, и когда та отвѣтила что нѣтъ; она написала: „а то я дала бы тебѣ вазелина“. Потомъ тетушка спросила: „бросается ли коровамъ въ голову молоко?“ Надежда Платоновна отвѣтила: „объ этомъ надо спросить у скотницы“. Тетушка не унялась и продолжала: „у моей belle-soeur два раза бросалось молоко въ голову“, на чѣмъ та отвѣтила: „да, это бываетъ часто“. Потомъ тетушка спросила, почемъ она покупала кретонъ на платье, что было на ней надѣто и носить ли она филе-фронтъ. Надеждѣ Платоновнѣ очень смѣшило показалось слово *фронтъ*, ее стала душить смѣхъ, но Инна Осиповна посмотрѣла на нее очень серьезно и успокоилась только тогда, когда ей отвѣтили, что она болѣе года ихъ не носить, потому что это блажь. Тогда тетушка внезапно написала: „Пойдемъ въ садъ, я хочу нюхать цвѣты.“ И они пошли.

Тетушка заявила, что завтра въ шесть часовъ утра поѣдетъ въ городъ, что она у нихъ мимоѣздомъ. Левъ Сергеевичъ сообщилъ ей, что за обѣдомъ у нихъ будетъ одинъ изъ „этихъ“. Она всполошилась, схватилась за свой мѣшечекъ, въ которомъ она возила ломбардные билеты, защурилась и объяснила, что она ничего подоб-

наго выносить не можетъ. Успокоили ее съ большимъ трудомъ.

Обѣдъ у Глѣбовыхъ представлялъ въ нѣкоторомъ родѣ священодѣйствіе. Во-первыхъ, къ нему сзывали гонгомъ, хотя бы весь персоналъ обѣдающихъ состоялъ изъ генерала и генеральши. Во-вторыхъ, его превосходительство являлся къ столу во фракѣ, и только когда обѣдалъ одинъ съ супругой, надѣвалъ английскій сюртукъ. Вътретыхъ, у стола непремѣнно находился метрѣ-д'отель и два лакея, неслышно скользившіе за высокими спинками стульевъ. Столовая была полутемная, глубокая, съ рѣзьбой въ русскомъ стилѣ, съ большимъ киотомъ, предъ которымъ теплилась большая лампада на цѣпяхъ. Печка была расписана пѣтухами и цвѣточками. Скатерти, салфетки, люстры, колонки — все было выдержано въ строгомъ стилѣ. Левъ Сергеевичъ очень гордился своею столовой, и показывалъ ее гостямъ всегда говорилъ:

— Рекомендую, дань національности.

Сынъ отца Виталія не оправдалъ предсказаній родителя и къ обѣду пришелъ. Оказалось, что его зовутъ Дмитрій Виталіевичъ Лебедевъ. Но, увы! наружность его всѣхъ совершенно разочаровала: въ комнату вошелъ рослый, недурной собою брюнетъ, съ козлиною бородкой, черными смиющимиися глазами, одѣтый въ очень приличный сюртукъ и прекрасно накрахмаленную рубашку. При его входѣ Левъ Сергеевичъ вскочилъ со своего мѣста и долго трясы обѣими руками руку гостя.

— Очень радъ, повторялъ онъ, заглядывая ему въ глаза,—вы мнѣ сдѣлали огромное удовольствіе тѣмъ что пришли. Позвольте васъ представить моей женѣ.

Надежда Платоновна была въ конецъ разочарована, и кромѣ поповича такъ-таки ничего и не видѣла въ немъ. Тетушка тоже потрясла его руку и успокоила его жестами: „дескать, съ тобой ничего не сдѣлаютъ, хоть ты и висѣльникъ, а не бойся!“

— А меня батюшка вашъ увѣрялъ, что вы не придетѣ,—не безъ язвительности замѣтилъ Левъ Сергѣевичъ.

— Я сперва и не хотѣлъ идти, да отецъ уговорилъ меня: вамъ что-то надо касательно школы?

— Да, я съ вами посовѣтоваться хотѣлъ, любезнѣйшій Дмитрій Витальевичъ. Вы должно-быть специалистъ по этой части? Мы пообѣдаемъ, Дмитрій Витальевичъ, и поговоримъ. Минъ очень дорогъ вашъ совѣтъ, Дмитрій Витальевичъ.

Дмитрій Витальевичъ посмотрѣлъ на него не безъ изумленія.

— Мы вотъ сейчасъ пойдемъ въ столовую и потрапезуемъ.

— Я ужъ обѣдалъ.

— Ну, я знаю, у васъ въ два часа обѣдаютъ. Теперь шесть: до тѣхъ поръ можно проголодаться... Милости просимъ.

Прежде чѣмъ усѣлись вокругъ стола на отодвинутыхъ стульяхъ, Левъ Сергѣевичъ подвелъ гостя къ закусочному столику.

— А водочки, почтеннѣйшій Дмитрій Витальевичъ? Рыбки на закуску. Какой желаете, Дмитрій Витальевичъ? Вотъ макрѣ, вотъ тонъ.

Гость посмотрѣлъ на него съ остервенѣніемъ. „И чего онъ, какъ сордка, мое имя заладилъ?“ подумалъ онъ.

— Макрò или тона? приставалъ хозяинъ.
— Тона,—съ отчаянiemъ выговорилъ гость.

Несмотря на неловкость, происходившую преимущественно оттого, что рукава сюртука были гораздо длиннѣе маншетъ рубашки, Лебедевъ принялъ за супъ и пирожки весьма рьяно, и на вопросъ: „хересу или мадеры?“ отвѣтилъ совершенно смѣло:

— Хересу.

Болѣе всего его смущала Инна Осиповна, которая не стѣсняясь смотрѣла на него черезъ столъ въ лорнетъ; онъ ясно видѣлъ ея пухлое, красноватое лицо, хотя одна щека и загораживалась бутылкой. Порой она обращалась къ племяннику и дѣлала знаки, спрашивая у него:

— А что онъ судился?

Послѣ супа, она вдругъ спросила „не бѣглый ли онъ?“ Левъ Сергеевичъ нарочно отвѣтилъ неопределѣленно: ничего, моль, навѣрно сказать не могу. Тетушка опять вонзилась въ него глазами.

V.

Левъ Сергеевичъ для чего-то подливалъ гостю весьма усердно, то лафиту, то хересу, то наливою. Въ привычной головѣ „духовнаго студента“ зашумѣло. Онъ сталъ поглядывать совсѣмъ развязно, и даже называть хозяина „ваше превосходительство“, чего до обѣда не дѣлалъ. А тотъ сталъ еще вѣжливѣе, еще предупредительнѣе.

— Такъ вотъ-съ, милѣйшій мой Дмитрій Виталье-

вичъ,—говорилъ онъ,—я рѣшился побезпокоить васъ по дѣлу о моей школѣ.

— Слышалъ, возразилъ поповичъ,—отецъ ужъ мнѣ это докладывалъ.

— Стало-быть знаете ту программу, что я намѣренъ преслѣдовать?

— Это мужиковъ-то обучать технологіи? Слыхалъ и даже изумлялся.

— То есть чemu собственно?

— Собственно идеѣ.

Левъ Сергеевичъ откинулся на спинку кресла. „Ага, начинается“, съ удовольствиемъ подумала Надежда Платоновна.

— Что же, вы не согласны со мной?

— Насчетъ учрежденія въ Залѣсьѣ технологического института? Не согласенъ.

— Что же вы находите?

— Да дико ужъ очень.

У Льва Сергеевича на лбу выступилъ потъ. Надежда Платоновна какъ-то пискнула надъ своею тарелкой. Но Левъ Сергеевичъ все-таки принудилъ себя улыбнуться.

— Собственно что дико?

— Мысль самая. Ну зачѣмъ всѣ эти ремесла музыку?

— Мнѣ желательно специализовать окрестныя силы.

— Да онъ и такъ специализованы: пьють запоемъ круглый годъ, да соломой съ крышъ кормятъ коровъ.

— Мнѣ кажется, образование внесетъ и благосостояніе въ край...

— Ну это вамъ кажется:—закажите отцу молебень, можетъ-быть мерещиться перестанеть.

— Я знаю сельскій бытъ, изучалъ его.

— Въ Петербургѣ, сидя въ своемъ креслѣ? Съ такими знаніями, ваше превосходительство, повѣрьте, далеко не уйдешь. Я вотъ народъ съ дѣтства тоже изучалъ, кажется—вотъ какъ его знаю, на ладони онъ у меня. А спросите вы, что ему надо: я не отвѣчу. А шутъ его знаетъ, чтò ему надо!

— Но школы-то во всякомъ случаѣ нужны?

— Зачѣмъ-сь?

— Какъ, какъ!

Левъ Сергеевичъ отеръ платкомъ лицо и пододвинулся ближе къ столу.

— Затѣмъ школы нужны, что всякий образованный человѣкъ лучше темнаго.

— Да для кого лучше-то? для васъ лучше образованный, а для меня—темный.

— Я не зналъ, что вы такой обскурантъ... Скажите пожалуйста, но выходя изъ такого положенія придется пожалуй сказать что вся цивилизаци, весь прогрессъ человѣчества—нуль?...

— Эхъ, ваше превосходительство, ну какое вамъ дѣло до прогресса человѣчества, на кой онъ вамъ дьяволъ, съ позволенія сказать? Чѣмъ вы приставлены отъ Бога что-ли въ блюстители этого самаго прогресса?

Онъ съ сердцемъ положилъ себѣ на тарелку два куска утки и клюквенного холоднаго варенья.

— Мнѣ это нравится,—продолжалъ онъ,—вертится человѣкъ весь вѣкъ бѣлкой и кричить: я во имя прогресса!...

— Ваше выражение болѣе рѣзко чѣмъ основательно, сохраняя тоже спокойствіе въ чертахъ, возразилъ Левъ Сергеевичъ.

— Рѣзко? Рѣзко оттого что я къ хересу не привыкъ. А оно основательно, это ужь вы повѣрьте.

Ѣлъ онъ съ удивительнымъ аппетитомъ, хотя это былъ и второй обѣдъ. Глухонѣмая тетушка смотрѣла на него широко раскрытыми глазами и даже помогала ему сама, прищелкивая зубами, когда онъ перегрызаль кости. Порой она переводила глаза на Надежду Платоновну и спрашивала знаками: хорошо?

— Но позвольте, любезнѣйшій,—говорилъ Левъ Сергеевичъ,—какія выше и лучше можно ставить себѣ задачи, какъ не желаніе по мѣрѣ силъ содѣйствовать развитію человѣчества?

— Ну, вотъ толкуй тутъ съ вами! Да поймите вы, что обо всемъ слѣдуетъ судить не по самой сущности предмета, а по результату, чтѣ онъ даетъ.

— Ну, чтѣ жь, результатъ по моему,—началъ было Левъ Сергеевичъ...

— Да нѣтъ же! крикнулъ Лебедевъ.—Оттого что вы парня отъ сохи оторвete и космографію ему читать станете, онъ ни на волосъ счастливѣе не будетъ. Для какого ему лѣшаго космографія!

— Позвольте, загорячился и генераль,—да я ему не отвлеченные знанія хочу преподать, а то, чтѣ потребности его насущной касается.

— Насущная его потребность: борозда и водка. Сумѣйте удовлетворить его вотъ съ этихъ двухъ сторонъ.

— То-есть дать ему возможно больше земли и еще больше водки,—это вы хотите сказать?

— Ну нѣтъ, такими разговорами только натощакъ заниматься можно,—окончательно освирѣпѣвъ возразилъ Лебедевъ, впиваясь не безъ ожесточенія въ утиную ножку, хрустнувшую подъ его зубами.

— Ахъ!.. вырвалось у Надежды Платоновны,—которая вспомнила про мосталыгу.

Почтенный стариочекъ-лакей тоже съ соболѣзнованіемъ посмотрѣлъ на молодаго гостя; на его лицѣ такъ и было написано: „эктъ, тебя, братецъ, угораздило!“

VI.

— Слѣдовательно,—заговорилъ послѣ небольшой паузы Левъ Сергеевичъ,—вы окончательно не сочувствуете идеѣ моей школы и не желаете способствовать еї осуществленію?

— Отчего же не способствовать? Вѣдь вы, надо полагать, учителямъ деньги платить будете?

— Натурально. Вы имѣете право преподаванія?

— Въ академиѣ-то кончивши? Еще бы!

— Ну, вотъ и прекрасно.

— Только ничего прекраснаго нѣтъ: попечитель округа меня не утвердитъ, особенно въ должности законоучителя.

— Почему же?

— Рѣшить, что неблагонадеженъ.

— Ну, я съ попечителемъ знакомъ, для меня онъ все сдѣлаетъ... Наконецъ, я могу произвести давленіе.

А тетушка обратилась къ хозяйкѣ съ вопросомъ: „Что онъ здоровъ?“. Та отвѣчала: „здоровъ“. „Отчего

же онъ такъ грызеть?“ — „У него отличные зубы“, отвѣтилъ за жену Левъ Сергеевичъ.

Въ концѣ обѣда Лебедевъ не заставлялъ себя просить, а самъ наливалъ и пилъ рюмку за рюмкой. Левъ Сергеевичъ въ виду этого поторопился обѣдомъ и знакомъ приказалъ скорѣе подавать полосканье.

— Вотъ вы говорите, ваше превосходительство,—сказалъ Лебедевъ, слегка пошатнувшись и проходя за Львомъ Сергеевичемъ въ курительную комнату,—вы говорите что можете произвести давленіе. Произведите-ка его на господина Евстигнѣева, — вотъ что на границѣ Черниговской губерніи хозяйствуетъ.

— А чѣд? Я его хорошо знаю.

— У него церковь при имѣніи, при церкви попъ Василий Крестовоздвиженскій. Господинъ Евстигнѣевъ у него съ семействомъ говѣтъ. У него младенцы лѣтъ по пятнадцати; онъ ихъ на исповѣдь не посыпаетъ—прямо къ причастью. Попъ ему говоритъ: я по уставу не могу, въ послѣдній разъ нынче, а въ будущемъ году исповѣдь. А онъ опять младенцевъ—невинцевъ къ чашѣ съ мамашей подводитъ. Мамаша навертѣла на себя всякихъ курдюковъ, а мальчики въ куцыхъ курткахъ съ кисточками. Попъ посмотрѣлъ на нихъ, повернулся, да въ алтарь и ушелъ. Мамаша какъ взвизгнетъ и въ обморокъ. Понимаете: нервы слабы.

— Я никогда про это и не слышалъ,—проговорилъ Левъ Сергеевичъ.

— Ну гдѣ вамъ, до того ли! Полюбуйтесь что дальше было. Господинъ Евстигнѣевъ вскипѣли гнѣвомъ: рвать и мечеть. Заболѣлъ попъ жабой, не отслужилъ въ какой-то торжественный день обѣдни, тотъ баць—донось на него. Ну, на годъ членовъ на покаяніе и сослали...

— Да неужели?

— Ага! не слыхали?... Да это только еще цвѣточки. Нынче у него земскую школу основываютъ. Конечно, попъ попечителемъ. А онъ сперва было позволилъ и мѣсто далъ, а потомъ, чтобы попу насолить, отъ всего отказался. Крестьяне лѣсь свезли, а онъ говоритъ „коли построите школу, не буду выгона вамъ давать“. А безъ выгона имъ невозможно. Село большое... Красиво?... Земство къ предводителю: тотъ говоритъ — „я, господа, къ нему не поѣду: еще побьетъ чего доброго“.

— Это фактъ?

— Образъ прикажете со стѣны снять? Такъ вотъ, ваше превосходительство, чѣмъ школы для народа строить, не лучше ли прежде всего господина Евстигнѣева обучить? Что ваши крестьяне поноску будутъ носить, черезъ налку прыгать, это не хитрость. А вотъ господина Евстигнѣева въ намордникъ привести, это интересно.

Левъ Сергеевичъ всталъ.

— Да, я вижу, къ сожалѣнію, что мы не сходимся. Мнѣ остается извиниться, что я васъ побезпокоилъ.

— Охъ, помилуйте, ваше превосходительство. Да вы только не думайте, что я зловредный. Я мухи не обижу. Я пришелъ къ заключенію, что самое душеспасительное дѣло — въ потолокъ плевать всю жизнь. Завирательныхъ идей никакихъ; но и дѣлать никакого дѣла я не желаю, ибо у отца гроши есть: буду плевать въ потолокъ, сирѣчь вести созерцательную жизнь индійского йоги. Какой же я школьній учитель, да еще образцовой школы?

— Совершенно съ вами согласенъ.

— Всякаго благополучія! Надѣюсь, что непріятная встрѣча со мной не отразится на моемъ отцѣ?

— Помилуйте, за кого же вы меня считаете?

— Ну, и прекрасно. А впрочемъ, я желаю вашей школѣ всего хорошаго.

Они пожали другъ другу руку.

— А только еще одно слово: не думайте что вы этими школами народъ облагодѣтельствуете. Въ сущности, это просто—шишь.

Генералъ закрылъ глаза и поклонился.

— Будьте здоровы.

Онъ наклонился къ шапку и пошелъ съ балкона.

Левъ Сергеевичъ, когда онъ ушелъ, долго стоялъ заложивъ руки въ карманы, и смотря неопределенно вдалъ...

— Да, въ раздумъи проговорилъ онъ.— Извольте тутъ образовать страну... ни въ комъ поддержки!.. Старикъ фыркаетъ, сынъ тоже... Чѣмъ я могу?... Нѣтъ, рано еще обзаводиться на Руси образцовыми школами, пусть подождутъ!...

Онъ съ негодованіемъ повернулся, прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и спросилъ сельтерской воды...

1884 г.

АКАДЕМИЧЕСКІЯ СТУДИ.

I.

Л Е М Т Ю Ж Н И К О В Ъ.

I.

Какъ, съ чего и почему Лемтюжниковъ сдѣлался на старости лѣтъ художникомъ — онъ и самъ никакъ не могъ отдать себѣ отчета...

Онъ былъ чиновникъ въ отставкѣ, вдовецъ: жена его умерла лѣтъ шесть тому назадъ отъ водянки. Онъ получалъ небольшой пенсионъ, позволявшій ему жить безъ нужды, нанимать отъ хозяїки комнату за десять рублей, маленькую, но свѣтлую, съ геранью на окнахъ и канарейкою надъ геранью. Позволяль ему этотъ пенсионъ обѣдать ежедневно, и даже красить бакенбарды въ черную краску. Здоровье у него было крѣпкое, и можетъ быть онъ прожилъ бы долго, если бы не его живопись... По крайней мѣрѣ его квартирная хозяйка твердо убѣждена, что онъ умеръ „отъ живописи“...

Онъ всегда, съ дѣтства, любилъ „картинки“, даже самъ иногда рисовалъ, но только иногда, между про-

чимъ. Возьметъ листъ бумаги и нарисуетъ смѣлыми, косыми штрихами рожу, въ воротничкахъ à l'enfant, глупо улыбающуюся. А то нарисуетъ барыню въ профиль, съ волосами копной и пребезобразнымъ носомъ. Пейзажей и животныхъ онъ не любилъ, историческую живопись тоже—предпочиталъ жанръ и портретъ, выше же всего ставилъ баталистовъ. Впрочемъ на стѣнахъ у него висѣли художественные произведения самыхъ разнообразныхъ сюжетовъ: на самомъ видномъ мѣстѣ—Сикстинская мадонна, пониже — „Отшествіе Іуды“, направо — єедотовскій „Прїездъ жениха“, а нальво—старинная гравюра, изображавшая площадь въ Парижѣ съ подписью: „Té Déum, chanté à Paris le 10 avril jour de Pâque de l'année 1814 et fin de la guerre de 1812—1814“. Всѣ они были обдѣланы въ рамочки собственного издѣлія—голубыя съ золотыми уголками.

Онъ очень тосковалъ послѣ смерти своей жены; онъ сидѣлъ сгорбившись по цѣлымъ часамъ у стола, безцѣльно передвигая чернильницу, перья, статуэтку Венеры, засиженную мухами, и стоявшую богъ-вѣсть для чего тутъ же; слушалъ какъ часы стукаются, монотонно, холодно. Слушалъ, какъ канарейка во снѣ шевелила крылышками, смотрѣлъ, какъ тускло горѣла плохо-заправленная лампа, и лѣни ему было убавить пламя, съ одной стороны коптившее стекло. Иногда перебиралъ онъ старыя бумаги, письма, перечитывалъ старыя записки. Подвернулся ему разъ въ комодѣ старинный французскій романъ, перечель онъ его и удивился, что не забылъ французскаго языка. Потомъ попался ему томъ лирическихъ произведеній Шиллера,—ихъ онъ не могъ прочесть, такъ какъ забылъ всѣ нѣмецкія слова, кроме мѣстоименій. Шиллера онъ снесъ къ букинисту,

промѣнялъ его на какой-то старинный альманахъ съ картинками Брюллова и повѣстями Кукольника и Зотова, прочелъ его, и наконецъ самъ рѣшился писать романъ. Романъ долженъ былъ носить заглавіе *Два брака*—но каковъ былъ этотъ романъ и что за идею хотѣлъ привести въ немъ авторъ — это такъ и осталось непроницаемой тайной, потому что онъ остановился на второй главѣ.

Знакомыхъ у него не было. Приходилъ иногда какой-то золотушный бѣлобрысый молодой человѣкъ, отъ которого пахло водкой и грязными сапогами,—но и онъ появлялся рѣдко—разъ въ два мѣсяца. Впрочемъ Лемтюжниковъ, повидимому, не скучалъ. Онъ какъ-то умѣлъ сократить день правильнымъ распределеніемъ занятій. Утромъ kleилъ коробочки, рамки, смотрѣлъ иллюстрацію, слушалъ какъ тикаетъ маятникъ, какъ канарейка стучитъ носкомъ въ свою клѣтку. Гладилъ хозяйственную кошку, непремѣнно являвшуюся къ нему каждый день съ привѣтствиемъ. Смотрѣлъ въ окно, какъ дворникъ носилъ воду, кололъ дрова; считалъ сколько времени остается до обѣда. Послѣ обѣда спалъ, потомъ ждалъ вечернаго чая, потомъ писалъ и читалъ. Иногда ходилъ гулять, обязательно посѣщалъ на масляницѣ и на святой карусели, любилъ очень Невскій, но ходилъ по немъ только рано утромъ или поздно вечеромъ, такъ какъ нѣсколько конфузился за свой старый потертый костюмъ — невозможный балахонъ и кривую промасленную фуражку.

У него въ комнатѣ всегда было тихо, онъ даже ступалъ неслышно; онъ дома сапоговъ никогда не носилъ и ходилъ въ туфляхъ. Порою изъ-за перегородки, отъ хозяйки, слышались звонкіе молодые голоса; задорный

хохотъ, рѣзвый, веселый долеталъ до него; онъ зналъ, кто это хохочеть: хорошенькая жиличка, что помѣщалась въ той же квартирѣ; и жиличка эта ему нравилась: такая она была розовенькая, блѣненькая, такъ бойко смотрѣли ея глазенки... А между тѣмъ каждый разъ какъ она хохотала, онъ хмурился, протиралъ очки, щурился, сопѣлъ носомъ и потряхивалъ головой.

Одинъ день былъ удивительно похожъ на другой. Зима тянулась какъ лѣто, лѣто какъ зима...—Да какой же будетъ всему этому конецъ? спросилъ онъ однажды самъ себя, безцѣльно обводя глазами комнату... Отвѣта непослѣдовало. Даже канарейка молчала,—только маятникъ стукалъ...

Вопросъ такъ и остался открытымъ.

* * *

Хозяйка раза два звала его въ театръ: брали ложу въ складчину. Лемтюжниковъ всегда отказывался: далеко — съ Васильевскаго острова въ театръ, и оттуда ночью обратно, да еще съ дамами. — „Вѣдь вы мнѣ разскажете, что тамъ такое было“,—говоривъ онъ и терпѣливо ждалъ ихъ поздняго возвращенія.—Неужто васъ игра не интересуетъ? спрашивала хозяйка, когда безконечные разсказы—о томъ, что и какъ было—оканчивались. — „Какъ можно, — конечно интересуетъ, — спохватывался Лемтюжниковъ, — а только далеко...“

— Застылъ человѣкъ—въ крѣпость вошелъ,—сказала однажды хозяйка, — и, пожалуй, была права: онъ въ самомъ дѣлѣ „застылъ“. Для него словно міръ пересталъ существовать, даже съ прошлымъ никакой уже

связи у него не было. Изо всѣхъ воспоминаній былаго сильнѣе всего засѣли въ немъ впечатлѣнія докладовъ директору, да порки въ іезуитской школѣ западнаго края, гдѣ протекало его дѣтство. Смотрѣлъ онъ иногда подолгу на какой-то женскій портретъ,—очень милень-кую, молоденкую головку, но и она не была памят-никомъ былаго,—подвернулась она ему случайно въ ма-газинѣ и онъ купилъ ее за сорокъ копѣекъ.

Иногда онъ словно оживалъ нѣсколько,—напримѣръ передъ именинами жилички—18-го марта. Онъ готовилъ ей подарокъ: kleилъ коробку, подносилъ рисунокъ. Рису-нокъ непремѣнно былъ аллегорическій. Нарисуетъ на-верху розу и напишетъ: „ваше настоящее“, ниже изо-бразить въ облакахъ мужскую руку, надѣвающую на женскую обручальное кольцо, и подпишетъ: „ваше пред-стоящее“, а въ самомъ низу—семейную сцену: борода-таго, всклокоченного мужчину, даму въ шиньонѣ и ре-бенка съ подписью: — „ваше будущее“. Но пройдутъ именины, съѣдѣть неизбѣжный пирогъ съ сигомъ и вя-зикой,—и опять пустота: опять остается слушать маят-никъ, гладить кошку...

* * *

Однажды Лемтюжниковъ возвратился домой въ ка-комъ-то необычайномъ настроеніи. Онъ шелъ, противъ обыкновенія, торопливо, картузъ его съѣхалъ на заты-локъ, шинель распахнулась. Онъ не поздоровался съ хозяйкой, которую утромъ ему не удалось видѣть, про-шелъ къ себѣ, раздѣлся, и сталъ шагать изъ угла въ уголъ. Шагалъ онъ такъ что-то очень долго. Потомъ сѣсть на диванъ, просидѣть на немъ неподвижно съ

часъ, пока его не позвали къ обѣду. Тогда онъ машинально поѣлъ, легъ на постель и сталъ смотрѣть въ потолокъ. Лампу онъ зажегъ уже очень поздно вечеромъ...

На утро онъ опять исчезъ и вернулся къ обѣду еще болѣе въ возбужденномъ состояніи. Долго считалъ онъ скудный капиталъ—нѣсколько ассигнацій, хранившихся у него въ столѣ „на случай“, долго вычислялъ что-то на бумажкѣ, подводилъ итоги...

Сонъ его былъ беспокоенъ. Онъ видѣлъ во снѣ, что сидить передъ чистымъ холстомъ, и что-то рисуетъ; только у него ничего не выходитъ: все падаетъ изъ рукъ, валится. Онъ просыпался въ холодномъ поту, оглядывался вокругъ и успокаивался при мысли, что вѣдь это былъ сонъ—не больше... Но едва опять дремота овладѣвала имъ — старое сновидѣніе опять вставало съ новой силой и ясностью. Въ головѣ вертѣлись незнакомыя прежде слова: хромъ, нейтраль-тингъ, асфальтъ, крапъ-лакъ...

Да что же произошло съ Лемтюжниковымъ?

* * *

Онъ шелъ по Милліонной. Противъ Эрмитажа онъ остановился, залюбовавшись фигурами атлантовъ, подпирающихъ крышу подъѣзда. Онъ обошелъ ихъ со всѣхъ сторонъ, вспомнилъ, что давно не былъ въ Эрмитажѣ, и рѣшился зайти.

Ему стало нѣсколько стыдно передъ раззолоченнымъ лакеемъ за свою шинель съ просѣченой подкладкой, за свои протертыя резиновыя калоши. А еще тотъ, какъ нарочно, повѣсила ее подкладкой вверхъ, такъ что

клочки ваты предательски выглянули изъ трехъ-четырехъ мѣстъ. Онъ поправилъ на своихъ жилистыхъ красныхъ рукахъ напульсники, съ которыми никогда не разставался, протеръ очки, провелъ платкомъ по своей лысинѣ и сталъ неторопливо подниматься во второй этажъ по желто-мраморной лѣстницѣ...

Ходилъ онъ по галлереямъ все утро, но странно: не великие мастера, — не Рафаэль, Рубенсъ, Рембрандтъ, Мурильо заинтересовали его,—онъ стоялъ два часа передъ какимъ-то художникомъ, копировавшимъ какую-то головку. Художникъ былъ изъ молодыхъ и не изъ важныхъ: должно быть ученикъ академіи. По лицу — онъ принадлежалъ къ восточной расѣ и весь обросъ густыми, черными волосами. Лемтюжниковъ смотрѣлъ на его кудластую голову; смотрѣлъ, какъ онъ выдавливаетъ краски на палитру, мѣшаетъ ихъ, разводить масломъ, обваливаетъ въ нихъ кисточку, и потомъ начинаетъ водить ею по холсту. Онъ стоялъ до тѣхъ поръ, пока подмалеванныя губы не оформились, не сложились въ ту улыбку, которая была на оригиналѣ; онъ смотрѣлъ, какъ быстро чернѣла подъ носомъ тѣнь и какъ отъ этого кончикъ носа стала выступать все дальше и дальше отъ холста, и наконецъ, казалось, совсѣмъ вышелъ изъ подрамника. Художнику, очевидно, не очень нравилось, что сзади его стоять; онъ раза два косился на Лемтюжникова и крякалъ съ неудовольствиемъ, но тотъ все стоялъ и разъ даже прервалъ молчаніе вопросомъ:

— Я вамъ не мѣшаю?

Восточный человѣкъ, вместо отвѣта, сталъ укладывать кисти, краски, палитры,—взялъ ящикъ подъ-мышку и ушелъ.

Но на слѣдующій день Лемтюжниковъ опять былъ тутъ, рядомъ съ нимъ. Онъ опять стоялъ, молчалъ, думалъ. Восточный человѣкъ опять кряхтѣлъ и оглядывался. А мысль все крѣпла, крѣпла, росла въ головѣ Лемтюжникова, заняла ее всю, вытѣснила всѣ остальные мысли, молотомъ билась въ мозгу, вмѣстѣ съ пульсирующей кровью,—и наконецъ онъ не выдержалъ.

— Извините, милостивый государь, началь онъ.

Тотъ словно ожидалъ этого вопроса; повернулся къ нему, приставилъ къ стѣнѣ муштабель и спросилъ:

— Что?

— Дорого это все стоитъ?

— Головка? Двадцать пять рублей... Если деньги впередъ, сейчасъ, то двадцать, даже пятнадцать...

— Нѣтъ, я не про то... я про материала спрашиваю.

Художникъ нахмурился.—А это вы можете узнать въ магазинѣ,—отвѣтилъ онъ и снова взялъ муштабель.

Но тотъ не отставалъ. Ему мало было названий фирмъ—ему нужно было знать: что сколько стоитъ, что какъ называется. И все это онъ узнѣлъ.

— Вѣдь всегда говорили, что я рисовалъ недурно, думалъ Лемтюжниковъ. Если заняться, неужели я буду хуже рисовать этого восточнаго?.. Пріемъ я знаю,—легче чѣмъ акварелью. А акварелью я рисовалъ же... Если ограничить расходы, то безъ особенного ущерба можно обзавестись всѣмъ...

* * *

И вотъ въ его комнатѣ появляется мольбертъ, ящикъ, палитра, слышанъ запахъ масла и скипидара. Съ ранняго утра до сумерекъ онъ работаетъ, работаетъ. Онъ

самъ удивляется, какъ у него хорошо выходитъ. И не за копіи онъ взялся, а прямо за оригиналы. Нарисовалъ какую - то красавицу, лежащую на турецкомъ коврѣ,—лежитъ и потягивается: руки заложены подъ голову, одна нога слегка согнута. Контуръ онъ заимствовалъ съ одной гравюры, но всѣ тона подогналъ самъ. И такъ вышло хорошо, что чудо. Хозяйка очень одобрила, только замѣтила: „А я и не знала, что вы такой: до старости лѣтъ дожили!...“ Онъ сконфузился и болѣе такихъ дамъ не писалъ.

День полонъ совершенно: работа кипить. Скуки нѣть и въ поминѣ. Явилась цѣль, стремленіе. Онъ работаетъ запоемъ. Онъ не слышитъ тиканья маятника, онъ не слышитъ даже боя часовъ. Обѣдъ подолгу стынетъ у него на столѣ, такъ что хозяйка нѣсколько разъ выглядываетъ къ нему изъ-за двери и напомнить, что пора кушать. Смѣхъ сосѣдки его не беспокоитъ, а напротивъ, веселить: ему еще лучше работаетъ подъ этотъ смѣхъ. „Хохотушка какая“, думаетъ онъ про себя и знай себѣ мажетъ. Некориленная канарейка жалобно попискиваетъ, кошка бочкомъ поглядываетъ на него, но вспрятнуть на колѣни не рѣшается. Все прежнее, старое, прошлое ушло кудо-то, точно и не было его совсѣмъ. Ему странно вспомнить о быломъ: такимъ оно ему кажется отдаленнымъ, туманнымъ, точно все это сонъ: и его жена, и дѣти, всѣ перемершія, — точно вѣкъ онъ жилъ такимъ одинокимъ сѣдымъ художникомъ, знать ничего не хотѣлъ, ничего больше не любилъ, ничѣмъ не увлекался. И ходъ мыслей такой странный: словно тѣ зубчатыя колеса, которыми онъ цѣплялись другъ за друга, стерлись, и хотія вертѣлись по прежнему, но не попадали въ соотвѣтствующія вырѣзки, а перескаки-

вали черезъ нихъ... Въ общемъ ходъ ихъ былъ вѣренъ, но въ отдельности чувствовалась какая-то путаница, какая-то задержка...

* * *

Но за то какие успѣхи, какие колоссальные успѣхи съ каждымъ днемъ! Онъ чувствуетъ какъ совершенствуется, овладѣваетъ техникой, приобрѣтаетъ смѣлость руки, какъ становятся подвластны его кисти самые неуловимые нюансы. А сколько сюжетовъ въ головѣ!.. Какія эффектныя заглавія: „Передъ свиданьемъ“, „Онъ ушелъ“, „Покинутая“... Онъ тратить свои послѣднія деньги на краски и холстъ, онъ отказывается отъ одного блюда за столомъ, ходить въ лопнувшихъ сапогахъ по снѣгу, онъ знаетъ, что всѣ эти лишенія окупятся тамъ, потомъ, впереди... Надо только работать, трудиться.

Когда стемнѣеться, наступаютъ сумерки, а огонь зажигать еще рано, онъ шлепаетъ своими туфлями изъ угла въ уголъ. Голова, словно у юноши, у мальчика, вся переполнена мечтами, онъ весь въ будущемъ. И такъ ясно, поразительно ясно выступаетъ передъ нимъ страница академического каталога, на которомъ крупнымъ шрифтомъ напечатано: „Лемтюжниковъ, Федоръ Григорьевичъ, профессоръ... *Передъ свиданьемъ...* Цѣна 2000 рублей... И сердце его радостно стукнетъ... Двѣ тысячи рублей!.. Какую мастерскую онъ заведетъ на эти деньги... А званіе профессора!.. Великій князь подаетъ ему дипломъ, музыка играетъ тушъ, художники его поздравляютъ... Всѣ иллюстраціи печатаются его портреты, да не только русскія, а и заграничныя.

Онъ зажигаетъ огонь, подходитъ къ оконченной го-

ловкъ, смотрить, освѣщаетъ ее со всѣхъ сторонъ... Каждая сочность, свѣжестъ письма, что за колоритъ, за рисунокъ...

Онъ уже не стыдится своей старой шинели, гордо носить ее. Онъ идетъ по улицамъ съ убѣжденiemъ, что онъ выше толпы, что и его сѣдую, лысую головуувѣняютъ когда нибудь лаврами... Вѣдь есть же во мнѣ талантъ... Всѣ гости, что ходятъ къ хозяйкѣ, восхищаются моими работами...

II.

Прибыла въ Петербургъ одна новая картина и на-дѣлала шума и въ публикѣ и въ печати. Весь городъ сталъ стекаться смотрѣть на чудо современной техники. Стояла она въ громадной античной академической залѣ подъ боковыми лучами весеннаго солнца, скучно пропущенного только въ одномъ мѣстѣ: рядъ гигантскихъ оконъ былъ завѣшенъ непропускающими свѣта занавѣсами, во избѣженіе свѣторазсѣянія. На большихъ, мягкихъ креслахъ, стоявшихъ у барьера, отдалявшаго колоссальный холстъ отъ публики, по цѣльмъ днамъ сидѣли знатоки и любители, всматриваясь въ детали, восхищаясь невиданнымъ мастерствомъ аксессуаровъ. Академическая молодежь подносила автору вѣнки, носила его на рукахъ. Кого только ни видывала передъ собой эта картина, — вся аристократія, даже „дворъ“, специально ради ея перебывали въ академическихъ залахъ.

Но чаще всѣхъ сидѣлъ передъ ней Лемтюжниковъ: его поражала, давила эта картина. Забирался онъ въ

самый темный уголъ, и тамъ, умостившись на стулѣ, подолгу любовался каждой подробностью, мелочью. Авторъ картины казался ему такимъ гигантомъ, что предъ нимъ тускнѣло и блѣднѣло все, что видѣлъ онъ раньше, казалось такимъ маленькимъ, незначительнымъ дѣломъ.

Разъ, когда онъ по обыкновенію сидѣлъ въ своемъ уголѣ, въ тотъ же уголокъ пришелъ и сѣлъ господинъ небольшаго роста, коротко остриженый, съ густою бородой и юркими, бѣгающими глазками. Лемтюжниковъ зналъ, кто былъ этотъ господинъ: на него ему не разъ и прежде указывали: то была художественная знаменитость, одинъ изъ лучшихъ представителей національнаго направленія живописи. Когда онъ садился, Лемтюжниковъ нѣсколько отодвинулъ свой стулъ, чтобы дать ему больше мѣста, на что тотъ отвѣтилъ— „не беспокойтесь!“ и молча предался созерцанію...

Долго сидѣли они не проронивъ ни звука. Лемтюжниковъ на картину не смотрѣлъ: онъ впился глазами въ своего сосѣда, стараясь уловить на его лицѣ впечатлѣніе, произведенное картиной. Но лицо его оставалось совершенно недвижно и никакого выраженія нельзя было на немъ уловить. Лемтюжникову хотѣлось съ нимъ заговорить, страстно хотѣлось... и было какъ-то неловко. „Вдругъ не отвѣтить? Что я передъ нимъ?. Нуль, ничтожество!“... Нѣсколько разъ онъ открывалъ ротъ, но каждый разъ не рѣшался нарушать молчанія.—Наконецъ онъ не выдержалъ:

- Чудная вещь! сказалъ онъ.
- Чего изволите: встрепенулся художникъ.
- Чудесная вещь.

— Вы про картину? Онъ качнулъ головой по направлению холста.—Да-съ, чудесная вещь...

— Великая вещь,—снова сказалъ Лемтюжниковъ.

— Большая вещь,—оправилъ его тотъ.

— Вотъ что значить новѣйшая школа...

Знаменитость вдругъ сморщилась, точно попробовала чѣго-нибудь кислаго-прекислага.

— Не понимаю-съ...

— Я говорю, что это школа...

— Школа-съ... Школъ нѣтъ... Это-съ все... вы не вѣрьте... Это тушицы выдумали.

— Какъ школъ нѣтъ? изумился Лемтюжниковъ.

— Нѣтъ-съ. Есть двѣ школы: правды и лжи... Вотъ это (онъ показалъ на картину) сплошная ложь,—а это (онъ кивнулъ на Рафаэля) правда... А школъ нѣтъ.

Онъ сердито тряхнулъ головою и ушелъ самъ въ себя.

Такого вывода Лемтюжниковъ никакъ не ожидалъ.

* * *

Они стали встѣрчаться у картины и даже разговаривать какъ знакомые. Лемтюжниковъ гордился этимъ знакомствомъ, у него духъ захватывало при мысли, съ какими нынче людьми онъ сталъ разговаривать... И о чёмъ они только не говорили: и о гармоніи тоновъ, и о хроматической гаммѣ, о свѣтовыхъ и цвѣтовыхъ ощущеніяхъ. Въ разговорахъ проскакивала порою такая небывалая терминология, передъ которой сталъ бы втупикъ любой филологъ. Профессоръ, разъ наскочивши на своего конька, слѣзть съ него уже не могъ,— и публика съ удивленнымъ любопытствомъ поглядывала

на топорщившагося маленькаго человѣчка, махавшаго руками и такъ много говорившаго... Лемтюжниковъ слушалъ его горячую, клокочущую рѣчь, смотрѣлъ, какъ тряслась его борода, какъ глазки перебѣгали съ него на картину, съ картины на него, и изрѣдка вставлялъ свои замѣчанія...

Долго крѣпился Лемтюжниковъ, — ему все хотѣлось открыться, что и онъ художникъ, — да все не рѣшался...

Наконецъ не выдержалъ. — Закрылъ глаза, и самъ не слыша того что говорить, внезапно отрѣзалъ: — Вѣдь я художникъ.

Профессоръ въ изумленіи поднялъ брови.

— Вы рисуете, — спросилъ онъ. — Гдѣ же вы учились?

— Нигдѣ... самъ...

Брови поднялись еще выше. — Сами?... и что-же, выходитъ у васъ что нибудь?

— Какъ-же... Всѣ хвалятъ, очень удачно... Я даже думалъ въ академію на конкурсъ...

— Интересно, — въ первый разъ слышу... Давно вы занимаетесь?

— Нѣтъ, очень недавно.

— Интересно, весьма интересно... Я... я къ вамъ какъ нибудь заверну — вы покажите... Вы что пишете?

— Этюдъ старика, — головы старика, — захлебнулся Лемтюжниковъ, — да и самъ не зналъ почему совралъ: никакого старика онъ не писалъ.

* * *

Ногъ подъ собой не чувствуя, летѣль домой Лемтюжниковъ. Старческая походка съ шарканьемъ исче-

зла: словно двадцать лѣтъ свалилось съ костей.— „Попалъ въ теченье,— думалось ему:— онъ у меня!... Подъ его руководствомъ!... Закипитъ работа...“

Полетѣли въ закладъ послѣднія отрепья. Продано и заложено все что продать можно, даже ватная шинель. Обѣдаетъ онъ только одно блюдо. Ежедневно ходить къ нему натурщикъ— здоровенный, толстопузый, сѣдобородый, способный мгновенно засыпать при началѣ сеанса и сохранять въ то же время данную позу. Лемтюжникова бѣть лихорадка работы. Едва проснувшись, онъ схватывается за кисти и мажеть, мажеть, мажеть, пока сумерки не остановятъ его. Онъ ничего не помнить, ничего не слышитъ,— не чувствовать ни голода, ни говора, ни шума,— для него міръ не существуетъ,— для него существуетъ только этотъ подмалеванный холстъ, густые слои одна на другую ложащихся красокъ. Для него существуетъ изъ всего живаго міра только одинъ этотъ жирный, тупыми углами рисующійся носъ натурщика, сѣдые клоки усовъ и бороды, да густыя нависшія брови, кривыми волосками спадающія внизъ. Горятъ старческимъ румянцемъ его щеки, свѣтится потухающій блескъ въ прищуренныхъ сѣреныхъ глазкахъ, и кисть работаетъ и работаетъ...

Надо подогнать раму къ этюду, — отъ этого онъ выиграетъ... Сапоги совсѣмъ разваливаются... Да можно ли думать о сапогахъ, когда слава ждетъ его впереди?... Еще нѣсколько недѣль — и работа окончена... Надо тридцать рублей за раму заплатить. Пенсіонная книжка у жида въ закладѣ... Есть онъ только булку, — одну булку въ день, да пить чай.

Этюдъ выходитъ на славу... Жизнь дышетъ съ холста, даже натурщикъ одобряетъ, а ужъ онъ человѣкъ

опытный. Сидить Лемтюжниковъ, не налюбуется на свое дѣтище, подправляетъ, подчищаетъ... Даже хозяйку предупредилъ: въ случаѣ пожара все бросайте, все мое: только холстъ этотъ ради Бога вынесите...

* * *

Этюдъ оконченъ. Сейчасъ придетъ профессоръ. Ноги и руки трясутся у старика. Онъ готовитъ для дорогаго гостя чай, закуску. Ароматные сочные ломтики ветчины, золотистыя звѣздочки лимона, гора булокъ ждутъ не дождутся—скоро-ли ихъ употребятъ на то дѣло, для котораго они созданы.. Чу! стукнуль кто-то дверью, кто-то спрашиваетъ.

Онъ вошелъ, снялъ пальто, улыбнулся, протянулъ хозяину руку и опять сдѣлался серьезнымъ.—День сегодня сѣрый, плохо видно—замѣтилъ Лемтюжниковъ.

— Да, темновато,—замѣтилъ профессоръ.

Онъ подошелъ къ этюду и сталъ еще серьезнѣе. Лемтюжниковъ предложилъ ему стулъ; тотъ качнулся всѣмъ корпусомъ какъ-то вбокъ и отвѣтилъ: нѣть, такъ виднѣе.

Сморщился и сталъ смотрѣть. Долго смотрѣлъ, потомъ тряхнулъ головой, словно что клюнулъ своимъ острымъ носомъ.

— Плохо? спросилъ Лемтюжниковъ;—внутри его все замерло...

— Говорить правду?

— Пожалуйста.

— Бросьте, ребачья потѣха!

Лемтюжниковъ растерялся.—Какъ, совсѣмъ... совсѣмъ плохо? Что же вы находите?

— Все плохо... Не знаете анатоміи. Гдѣ ключица приходится?... А рука—смотрите.

Онъ бросилъ шапку на столъ и быстро согнуль свою руку.

— Вѣдь тутъ ракурсъ, каждый палецъ живеть, каждый имѣеть свою физіономію, жизнь, характеръ, надо прочувствовать каждый изъ нихъ, а у васъ что?... Это зеленое пятно на носу зачѣмъ? Это дополнительные тона отъ сосѣднихъ оранжевыхъ плановъ... Все мертво, не дышетъ. Кожа гладка—не чувствуется поръ на ней, тѣло не чувствуется... Морщины—грязь какая-то. Онъ не уходятъ вглубь... Глаза сносны, но рисунокъ невѣренъ: они не на одной линіи у васъ наложены...

Лемтюжниковъ тяжело дыша опустился на стулъ и машинально слушаль...

— У васъ чувства нѣть, чувства художественнаго. Смотрите, какъ фонъ рѣжетъ глазъ, какъ эти краски кричатъ... Нѣть—мой совѣтъ: бросьте совсѣмъ... Я вижу вонъ коміи у васъ... Вѣдь и онъ плохи,—развѣ это Грэзъ, Мессонье?... Это подносы росписные,—вотъ что въ гостиномъ дворѣ подъ воротами продаются.. Оставьте, совсѣмъ оставьте—кого тѣшить вамъ: ребята у васъ нѣть... Даю вамъ благой совѣтъ: бросьте...

— Позвольте, залепеталъ Лемтюжниковъ,—я у васъ спросить хотѣлъ что-то...

Онъ остановился, потирая лобъ, и никакъ не могъ вспомнить, что такое хотѣлъ спросить. Комната кружилась въ его глазахъ, все вертѣлось, уходило изъ-подъ ногъ.

* * *

Они поговорили немного. Гость отъ чая и закуски отказался, говоря что у него уроки, и сталъ собираться. Лемтюжниковъ вызвался его проводить, и они вышли. Разговоръ совсѣмъ не вязался. Профессоръ наставлять какую-то народную итальянскую пѣсню, которую слышалъ въ Римѣ. У воротъ его дома они распрошались. Лемтюжниковъ остался одинъ. День такой скверный былъ: дождикъ моросилъ частою мелкой пылью, тротуары были мокры и грязны. Сѣроватое небо казалось еще грязнѣе тротуаровъ. Обрывки безформенныхъ тучъ неслись надъ свинцовой Невою. Влажный туманъ заволакивалъ своимъ покровомъ ту сторону Невы,— и Исакій, и дворецъ, и адмиралтейство. Куда ни взглянешь,—все мокро, пропитано сыростью, и эти косо наклоненные мачты судовъ, перенутанные снастями, и стѣны домовъ съ желѣзными трубами, и ряды зябнущихъ голубей, прижавшихся на узкомъ выступѣ высокаго карниза. Безпрестанные звонки омнибусовъ дрябло позвякиваютъ въ сыромъ воздухѣ. Народъ суетится, торопится, снуеть туда и сюда.

Лемтюжниковъ стоялъ у цвѣточного магазина и разсматривалъ. Долго стоялъ онъ, потомъ повернулся, пошелъ по набережной. Здѣсь еще люднѣе было, еще чаще сновали дилижансы. У пристани шла суматоха: что-то нагружали, разгружали. Пароходы дымились,—бѣлый паръ пушистыми клубами поднимался изъ трубъ, рѣзко выдѣляясь на сѣромъ небѣ. Женщины шли, высоко подобравъ свои платья, шнырали газетчики, разнощики, посыльные...

Лемтюжниковъ не чувствовалъ—идеть онъ, или нѣтъ... Ему казалось порою, что онъ спить: тогда онъ бодрился, осматривался вокругъ, и убѣдившись въ дѣйствитель-

ности всего окружающего, опять замиралъ... „Художникъ“, сказалъ онъ, косо усмѣхаясь, при поворотѣ въ свою улицу,— „художникъ“!...

Онъ пришелъ домой. Накрытый для профессора завтракъ все еще стоялъ. Онъ убралъ его и сѣлъ на диванъ. Канарейка чирикала, часы тикали...

Хозяйка два раза заглядывала къ нему: не нужно ли, моль, чего,— онъ сказалъ, что ненужно. Онъ сидѣлъ на диванѣ и смотрѣлъ на свои дырявые сапоги, долго смотрѣлъ, пока совсѣмъ не стемнѣло. Потомъ поднялъ руку, провелъ ею по лицу, и тутъ только замѣтилъ, что лицо совсѣмъ мокро... Старикъ плакалъ, пла-каль слезами отчаянія и безсилія...

Недѣли двѣ онъ еще таскалъ ноги.—Докторъ, приглашенный только наканунѣ смерти, очень сомнительно покачивалъ головой, смотря на умирающаго старика и и окружающую обстановку. Натурщикъ приходилъ и очень соболѣзновалъ: потому баринъ ему рубль двадцать копеекъ долженъ еще остался.

Отчего онъ умеръ?.. Хозяйка говорить, что „отъ живописи“...

1880 г.

II.

„ПЕЙЗАЖИСТЬ СЪ ЛОДОЧКОЙ“.

...Sic itur ad astra!
Виргилий.

Молодые художники ужасно смѣялись въ то лѣто надъ Бурзовымъ. Звали его „пейзажистъ съ лодочкой“. Да если правду говорить—пожалуй и было надъ чѣмъ смѣяться.

Жили они всѣ вмѣстѣ, подъ Петербургомъ „на этюдахъ“. Жить художнику на этюдѣ—то-же, что кавалерийской лошади на травѣ: онъ отдохнетъ за это время, выровняется, и силь на зимнее ученье напасется. Занимали они одну общую дачу-избу, за которую платили шестьдесятъ рублей въ лѣто; питались больше простоквашами и подозрительными битками, что готовила имъ кривая баба, спали на сѣнѣ и на пледахъ,—и въ концѣ концовъ всѣ были очень счастливы. Народъ это былъ молодой, веселый, а главное — питавшій самыя радужные мечты насчетъ грядущей славы. Бурцовъ считался между ними работникомъ хорошимъ, усидчивымъ—порядкомъ бездарнымъ и недалекимъ. Особенно одно об-

стоятельство укрѣшило въ нихъ это мнѣніе. Обстоятельство это и было именно „пейзажемъ съ лодочкой“.

Началось это еще съ самой ранней весны. На другой день переѣзда на дачу, приходитъ къ обѣду Бурцовъ веселый.

— Я, говоритъ, нашелъ картину. (Онъ пришелетываль, и поэтому у него очень смѣшно выходило слово „нашелъ“; когда онъ говорилъ—всѣ смѣялись).

Сначала его не поняли.—Какъ нашелъ? Гдѣ? Какую?

— Настоящая картина. Тамъ, въ кустахъ.

— Явленная?

Онъ даже разсердился. — Натура, говорить, такая: сама въ раму просится.

— Что-же тамъ?

— Лодочка.

Всѣ такъ и покатились со смѣха: онъ на че какъ-то присвистнулъ даже.

— Еще-то что, кромѣ лодочки?

Онъ подумалъ.

— Воздухъ, говоритъ, — горячій такой. А на фонѣ тростникъ.

Рѣшили, пообѣдавъ, пойти всѣмъ хоромъ смотрѣть „лодочку“. Надѣли необычайные шляпы, повязали огромные галстуки, взяли въ руки дубины и пошли. А Бурцовъ просить по дорогѣ:

— Только, чуръ, господа, — вы моего этюда не трогайте.

Ему обѣщали не трогать.

Привель онъ ихъ къ спуску: между кустами глинистая дорожка куда-то внизъ идетъ. Внизу паноротники—широколистные такие, пышные. Дальше, за поворотомъ, камень огромный: валунъ гранитный. Обогнули его.

— Вотъ, говорить, извольте посмотретьть.

Смотрять: ручей течеть, — по песчаному дну рябью тянеться. А на берегу челнокъ старый, рыбачій,—бочкомъ къ песку привалился, а нось высоко вздернуль—точно нюхаеть. Борта у него совсѣмъ обвалились, ребра торчатъ. Съ одного бока даже плѣсенъ хватила. Возлѣ—кирпичъ, рогожа старая, обломки весла валяются. Ворона на самый нось сѣсть собирается, хлюпаетъ крыльями,—и никакъ взгромоздиться не можетъ: гвоздь торчкомъ торчитъ...

— Вотъ это и есть твоя картина?

— Это и есть.

Посмотрѣли, подивовались.

— Что-жъ, говорять,—и хуже бываетъ.

Бурцовъ обидѣлся.

* * *

На слѣдующій день, онъ пошелъ часовъ въ семь утра „на этюдъ“, но ни альбомовъ, ни ящика не взялъ.

— Что же ты? спрашиваются у него.

— Я, отвѣчаетъ,—сперва приглядѣться долженъ.

Пришелъ на мѣсто и началъ приглядываться. Ужь очень его зло разбирало, что въ немъ таланта ни товарищи, ни академія не признаютъ,—товарищи даже титулъ ему дали: „Тредьяковскій отъ живописи“. Онъ дальше головного класса не пошелъ, да и головы-то онъ рисовалъ какія-то кривыя и носатыя. Его ужасно обижало, когда профессоры говорили, что онъ придѣлъ Герѣ свой нось. Что-же дѣлать, когда онъ такъ „видѣлъ“,—а „видѣть“ для художника великое дѣло!..

Смотрѣть онъ на лодочку.—Сколько, думаетъ, тоновъ

совмѣстилось на этомъ бочку: и отъ неба-то рефлексы, и отъ песка-то рефлексы, и основной цвѣтъ, и плѣсень, и солнце, и воздухъ... Ну, какъ это все уловишь? Самого нѣмца посади — ничего не выйдетъ. Тутъ и профессору не совладать. Тутъ думать надо...

Думалъ онъ часть, думалъ другой, все утро продумалъ. Пришелъ домой, легъ на сѣно—опять думаетъ.

— Ну что? спрашиваются.

— Да, говорить,—это задача. Узель Гордіевъ.

— А ты-бы по-македонски.

Онъ прищурился.

— Нѣть, говорить,—я зубами его распугаю.

— Да что тебя затрудняетъ?

— Мозгу мало.

— Это мы знаемъ.

— Нѣть, не знаете. Потому что у васъ еще меньше.

Вѣдь вы не понимаете, что пишите.

— Какъ такъ?

— Да такъ—никто не понимаетъ. И профессора не понимаютъ. И Дюккеръ не понимаетъ, и Каламъ не понимаетъ.

— А ты?

Онъ приподнялся, ткнулъ себя кулакомъ въ грудь, да какъ зареветь:

— Я, говорить, — понимаю, что тоже ни черта не смыслю, и что до натуры никогда не дойдешь!..

— Ты совсѣмъ никакъ спятилъ?

Онъ подкорчилъ подъ себя ноги по турецки, сидѣть на пледѣ, а слезы такъ по щекамъ и бѣгутъ.

— Ахъ, говоритъ, — вы пороссята: какіе вы художники! О чёмъ мечтаете? куда вамъ вашими красками натуру передавать,—натура-то цвѣтеть, сіяетъ,—а вы-

то по полотну дрызгаете кистью, думаете: я на холстѣ увѣковѣчиваю „мотивы“... Да и поросята умнѣе васъ... Къ стыду ихъ я осмѣялся на это сравненіе...

Рѣшили, что надо за нимъ приглядывать: явно помѣшанный.

* * *

А онъ на слѣдующее утро опять къ лодочкѣ. Сидѣть и философствуетъ.

— Рѣшаются еще красками это передавать, — да развѣ возможно!

Зачертить контуръ лодочки съ трехъ сторонъ. Тушевочку положилъ, пальцемъ порастеръ.

Въ воду смотрѣть, — чешуей такой серебристой она по камушкамъ сверкаетъ. Ну, какъ эту рябь передать, ну развѣ возможно?

Наклонитъ на одну сторону голову, на другую. Вдругъ такъ весело ему станетъ.

— Геній, засмѣется онъ, — геній!... Ну какіе тамъ геніи! Вотъ сиди, да и копирай натуру. Натура геніальна. А тѣ Рафаэль! Что такое Рафаэль? Мадонна д'Альба! — скажите, рѣдкость какая!.. Вонъ камень подъ водой, склизкимъ мохомъ поросъ и водоросли отъ него по струйкамъ тянутся. Вотъ это геніально. А то мадонна... Какая тамъ мадонна!

Камушекъ нарисуетъ, рогожку...

— Вотъ, вѣдь, думаетъ, — положимъ калоши дѣлать очень хитро. Миѣ ни за что не спить, чтобы сидѣли, какъ надо, — а, между тѣмъ, добиться вѣдь можно. Ну, двое, трое ихъ испортишь, а въ концѣ-концовъ что-нибудь да выйдетъ. А непремѣнно выйдетъ, и даже

хорошо будетъ, если ощущаешь страсть къ этому ремеслу. А искусство въ чемъ проявляется?—въ форме. А что такое форма?—техника!...

Онъ даже припрыгнетъ на рогожѣ отъ восторга. Вотъ, вотъ оно все дѣло-то въ чемъ! Работай, работай какъ волъ,—до всего дойдешь...

* * *

Въ ненастную погоду онъ рисовалъ синюю юбку, которую бралъ у бабы и развѣшивалъ на веревочки по балкону.

— Это тѣневой уголъ, если надо,—лепеталъ онъ.— Синее пятнышко, холодное такое.

Онъ любилъ дома рисовать, когда кто-нибудь вслушъ читалъ. Рисуетъ свой челночекъ на память во всѣхъ ракурсахъ, а самъ слушаетъ. Читали болѣе Жюль Верна и Понсонъ-дю-Терайля. Иногда, впрочемъ, читали стихи, и болѣе всего—Лермонтова. Бурцовъ очень неодобрялъ литературу.

— Помилуйте, протестовалъ онъ,—въ этихъ писателяхъ кромѣ таланта нѣть ничего. А теперь вотъ „Демонъ“ этотъ самый. Выдумка, отвлеченное понятіе, и безъ всякаго доказательства. О „Демонѣ“ никакого впечатлѣнія я и не выношу по прочтениіи. Такъ, знаете, что-то красивое. Вотъ какъ французъ рисуетъ: тутъ розовенькаго, тутъ голубенькаго, а фончикъ перламутровый и сюжетикъ пикантный...

— Чего ты все добиваешься?

— Я? Натуральности,— чтобъ у меня образъ этотъ самый говорилъ. Вотъ я на чухонку ту смотрю, и такъ она вся и стоитъ передо мной. Такъ и въ строчкѣ:

выпрыгнула строчка про чухну, и хочу я, чтобъ отъ чухны этой масломъ чухонскимъ пахло, нось быль-бы вздернуть и подоль такъ подоткнуть. А иначе мнѣ не надо. Вся красота по мнѣ въ характерѣ. Вотъ возьмите челночекъ мой...

При словѣ челночекъ всѣ хохотали. Бурцовъ супился и утыкался въ альбомъ.

* * *

Въ срединѣ юнія онъ взялся за краски. Рисовалъ онъ лодочку, точно изъ мозаики ее вылѣплялъ. Возьметъ краску ножичкомъ и налѣпитъ на холстъ. Потомъ мѣшааетъ, мѣшааетъ на палитрѣ сосѣдній тонъ, вспомѣтъ весь, комары всего его изжалаютъ, — подѣлить опять на ножичекъ—шлепъ на чистое мѣсто.

— Если въ тонѣ попасть—заиграютъ, запоютъ краски-то!

Написалъ этюдъ, показываетъ товарищамъ. Тѣ глаза выпутили.

— Отчего-же небо зеленое?

Онъ задумался.

— Да, говорить, сразу ничего нельзя. А въ натурѣ такъ. Съ первого раза посмотришь,—небо сѣroe, трава зеленая. А приглядишься, наоборотъ,—трава, ну какъ есть пепельная, а небо такъ зеленою и бьетъ...

Приколотилъ холстъ на стѣнку. Пусть, мухи погуляютъ,—все-равно. Надо съизнова.

Написалъ съизнова; написалъ—да и заплакалъ.

— Это натура, говорить, такая чертовка, что ее не уловишь; тутъ тридцатью этюдиками не отдѣлаешься.

Товарищи его работаютъ съ утра до ночи. И нивы,

и лужи, и дождь, и сумерки,—все это у нихъ такъ и кипить подъ руками. Вся изба разукрасилась. И старуху-бабу списали съ ея кривымъ глазомъ, и стрѣлочника съ сосѣдней линіи, и ночной поѣздъ, и чухонку въ воскресномъ шлыкѣ, когда она идетъ съ ребятенками въ кирку, на которой пѣтухъ сидить,—даже пастора срисовали. А Бурцовъ все на одномъ мѣстѣ, только лицо у него словно просвѣтляться начинаетъ.

* * *

Къ сентябрю мѣсяцу онъ приготовилъ сорокъ три этюда „лодочки“,—всѣ съ одного пункта.

— Думаю на конкурсъ пойти, задумчиво размышлялъ онъ.—Очень ужъ я постигъ эту самую лодочку.

Что онъ „постигъ“, въ этомъ никто не сомнѣвался. Постигъ онъ и утреннюю холодную полосу розового воздуха, и золотую полоску того мѣста, где солнце взойдетъ, и пару утокъ надъ тростниками. Да, вѣдь. Цѣлое лѣто просидя, постигнешь.

— Вѣдь, вотъ,—замѣчали не безъ основанія сотоващи,—играеть-же въ циркѣ слонъ на барабанѣ. Звѣрь совсѣмъ несообразный, а постигъ тоже.

Когда онъ на конкурсъ выставилъ пейзажикъ—совать ахнулъ.

— Мастеръ готовый да и только!

А онъ и писалъ-то, не справляясь съ эскизами, на память. Нѣмецъ-профессоръ со всѣхъ сторонъ подходилъ къ рамкѣ, и могъ только сказать:

— Да, да, это... это неожиданно... Это кисть... да,—что такъ...

Званье ему дали. Онъ вдругъ выросъ на двѣ головы...

Картину онъ продалъ извѣстному московскому меценату Четверикову, и сейчасъ-же написалъ копію.

„Совершенство техники молодаго мастера, — говорилось про Бурцова въ одной газетѣ,—обѣщаетъ, что изъ него выработается огромный самобытный талантъ. Отъ его холста вѣсть непосредственнымъ творчествомъ. Видно, что онъ уловилъ мимолетное впечатлѣніе, и, проникнутый вдохновеніемъ, смѣлою кистью зарисовалъ его. Это не вымученная работа,—это плодъ истинно-художественного порыва“...

* * *

Къ лѣту онъ сдѣлалъ пять повтореній „лодочки“ и продалъ ихъ. Лѣтомъ онъ собрался опять на прежнее мѣсто.

— Представьте,—разсказывалъ онъ товарищамъ, пріѣзжая на время въ городъ (онъ нанималъ уже отдельную дачу),—представьте мое счастье: членочекъ все на прежнемъ мѣстѣ... Но теперь, какъ я посмотрѣлъ, Господи,—сколько ошибокъ понадѣлано въ прошлогодней картинѣ. Нѣть—надо учиться опять заново.

— Какъ! снова за лодочку?..

— Да... Вѣдь, у меня какая теперь подготовка.

— Вы бы другой мотивчикъ.

— Нѣть, батюшка, куда тутъ! Дай Богъ съ этимъ справиться.

И пошли на выставкахъ его лодочки, лодочки, лодочки. Тѣ съ носа, тѣ съ кормы, тѣ съ боку. Вы, вѣроятно, много разъ ихъ видѣли: онъ прелестно писаны, такимъ чудеснымъ опытнымъ техникомъ. Онъ за нихъ два года назадъ академика получилъ.

„Господинъ Бурцовъ избралъ себѣ узкую специальность, — пишутъ про него, — но за то въ своей сферѣ онъ не имѣеть конкурентовъ. Строгое, тщательное изученіе природы свидѣтельствуетъ объ удивительной добросовѣстности автора. Что-же — специализироваться — отличительная черта нашего вѣка“.

Теперь онъ видоизмѣняетъ лодочку: рисуетъ при вечернемъ освѣщеніи, и даже, собирается писать при ночномъ, лунномъ свѣтѣ ее-же. Онъ заказалъ для этого огромный черный ящикъ, вылѣпилъ лодочку изъ гипса, и освѣщаетъ ее лампами сбоку, пропуская свѣтъ чрезъ синюю папиросную бумагу. Впечатлѣніе совершенно раешника. На-дняхъ заѣхалъ къ нему (конечно отсталый) товарищъ, онъ показываетъ ему свою камеръ-обскуру

— Вотъ, говорить, что служитъ основой искусства: такое тщательное изученіе природы.

— А какъ ты думаешьъ, спрашивается тотъ у него.— Микель-Анджело и Рембрандтъ также изучали ее?

Бурцовъ подумалъ, посмотрѣлъ на лодочку.

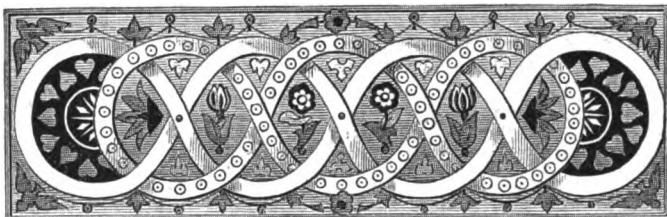
— Они такъ ее писать не умѣли,—съ любовью произнесъ онъ.—Думаю писать на профессора...

1884 г.

III.

СИЛОАМСКАЯ КУПЕЛЬ.

Въ эскизномъ классѣ академіи, передъ вывѣшенню подъ стекломъ программой новой композиціи, стоялъ Крутиковъ, — длинноволосый, худенькій студентикъ, лѣтъ двадцати-трехъ. „Программа“ была освѣщена довольно скучно, такъ что читать приходилось съ трудомъ: газовая лампа, ближайшая къ двери, возлѣ которой висѣла рамка съ объявленіемъ, отчего-то была потушена. Но Крутиковъ, все-таки, прочелъ.

„Эскизъ на мартъ мѣсяцъ“, — значилось въ программѣ. — „Испѣленіе разслабленнаго въ Силоамской купели. Смотри Евангеліе, такія-то и такія-то главы. Изобразить не менѣе пяти или шести фигуръ. Величина фигуръ не менѣе двухъ съ половиной вершковъ.“.

Внизу слѣдовали подписи начальства.

— Не менѣе двухъ съ половиной вершковъ,—повторилъ Крутиковъ.—Это сколько-же?

И онъ прикинулъ масштабъ на пальцахъ.

— Эгэ, — вотъ какъ!.. Да, оно меныше и неловко... Какъ-же припустить: сепіей, перомъ, или карандашикомъ съ ватой?..

Въ сущности, онъ нѣсколько ог҃ѣшилъ отъ библейскаго сюжета. Ему казалось, что непремѣнно эскизъ будетъ заданъ изъ русской исторіи,—въ предъидущїй мѣсяцъ всѣ работали надъ изображеніемъ „Бориса Годунова принимающао ливонскихъ выселенцевъ,“ — а тутъ вдругъ скакечъ: изъ Московской Руси, да въ Палестину. Прошлый разъ онъ получилъ первую категорію, и нынче надѣялся на то-же, а теперь, при библейскомъ сюжетѣ, пожалуй, не выгоритъ. Онъ осенью такое „Воскрешеніе Лазаря“ закатилъ, что профессоръ даже растерялся. Ну, никакихъ способностей на священные изображенія!

— Ты слышалъ?—спросилъ онъ у своего товарища Бородулина, усаживаясь рядомъ съ нимъ въ буфетѣ со стаканомъ чая и горячимъ розаномъ.—Ты слышалъ объ эскизѣ?

— Виѣзду рисовать, братецъ, будемъ, — какъ не слышать!

— Какую Виѣзду?

— Купель Силоамская — по жидовски Виѣзда: ты посмотри въ текстѣ.

— Такъ ты какъ-же?

— Скатаю въ библіотекѣ контурѣ, а тушевочку *à la Doré* положимъ. Меня, вѣдь, это не затруднитъ. Никакой чортъ не поймаетъ. Я всегда такъ.

Но Крутиковъ былъ въ затрудненіи. Ему такъ хотѣлось скомпоновать что-нибудь оригинальное, сильное. Онъ зналъ, что товарищи всегда копируютъ въ библіотекѣ съ Дорѣ и Шнорра, да онъ и самъ былъ не

прочь позаимствовать красивый контурчикъ. Но вотъ, какъ обработать сюжетъ, чтобы онъ вышелъ интереснымъ?..

Онъ лежалъ въ постели, устремивъ глаза въ темноту. Онъ началъ чувствовать пятно эскиза... Горячее, тропическое солнце залило во всю силу лучей невыносимо блестящую каменную старую стѣну. Стѣна въ развалинахъ поросла травой; отъ желѣзныхъ болтовъ, что торчатъ въ ней кой-гдѣ мѣстами, потянулись внизъ ржавые потеки. Косая тѣнь отъ башни фиолетовымъ треугольникомъ легла на старыхъ камняхъ, запѣтила каменный помостъ цистерны. Вся башня въ тѣни, но за то сквозь ея пролетъ, черезъ ворота, что за яркій свѣтъ играетъ, сколько пестроты и движенія тамъ, въ тѣсной шумной улицѣ! Ослы, паланкины, римскіе легіонеры... А здѣсь, у водоема, какая тишина, какой покой! Понуро сидѣть вдоль стѣны разслабленные, умирающіе несчастные люди. Кто на корточкахъ, кто привалившись спиной къ стѣнѣ, кто полулежа на ободранныхъ циновкахъ и какихъ-то грязныхъ тряпкахъ... На первомъ планѣ, въ яркомъ свѣту, слегка наклонивъ голову къ больному, стоитъ Иисусъ. Густые, вьющіеся волосы закрыты шапочкой, полосатая одежда съ кистями свободными складками струится по плечамъ, вокругъ стана... Привѣтливое, полное могучей силы, лицо освѣщено какимъ-то небеснымъ вдохновеніемъ, взоръ и ласкающій, и испытующій, и кроткій... Да, да, именно такъ! Такой эскизъ, такой Христосъ... Можно взять размѣръ узкій вверхъ. Апостоловъ близко къ Иисусу ставить не надо,—двухъ бросить въ тѣнь, въ глубину,—и баста!..

Нѣтъ, этотъ эскизикъ можетъ выйти тоже ничего...

Утромъ рано, едва разсвѣло, онъ схватился за рисунокъ. Работа закипѣла. Быстро стали выдѣляться изъ растерпой дымки сплошнаго фона и стѣна, и Христосъ, и больные.

— Ну, такъ, что-ли, ногу-то ему скрючить?—думалъ Крутиковъ про разслабленнаго, подворачивая ему внизъ колѣно.—Надо на натурѣ будеть провѣрить... Ключицу такъ вотъ вытянуть: пусть торчитъ... Изсохъ вѣдь: сорокъ лѣтъ лежить на рогожѣ, ждетъ выздоровленія... А живучъ вѣдь... Сорокъ лѣтъ скрипить... Щеки-то впали у ему... Глаза стеклянные... Вотъ такъ, чтобы контраста болѣе съ Иисусомъ... И остальные болящіе чтобъ съ вѣрой на него взирали.. Хорошо тутъ парочку римскихъ воиновъ: пусть въ кости играютъ... Да нѣтъ,—это итальянисто слишкомъ выйдетъ... Если-бы это въ красочкахъ... а?.. Не вредно было-бы... Верещагинскій колоритецъ... Да нѣтъ,—куда-же это сразу! Надо сегодня вечеромъ снести профессору... показать,—что онъ скажетъ...

Отъ профессора пахло одеколономъ. Крутиковъ не безъ трепета подступилъ къ нему и протянулъ свой набросокъ. Профессоръ откинулся голову назадъ, поставилъ эскизъ такъ, чтобы свѣтъ во всю силу освѣщалъ его, вынулъ изъ кармана платокъ и высыпался, отчего запахло одеколономъ еще больше.

— Меня изумляетъ,—началъ профессоръ, оглядывая углы рисунка,—меня изумляетъ, такъ сказать, форматъ, такъ сказать, размѣръ вашей композиціи. Что это такое?

Крутиковъ оторопѣлъ.

— А что же?..

— Это отчего-же весь рисунокъ кверху?.. Узкій и длинный вверхъ?..

— Такъ композиція сложилась.

— Я, такъ сказать, обѣ этомъ и говорю. Зачѣмъ она такъ сложилась?.. Зачѣмъ-бы ей такъ складываться?.. Еслибы это вы пейзажикъ дѣлали,—это я понялъ-бы. Дерево тамъ какое нибудь, такъ сказать, высокое, или колокольня со шпилемъ — это понятно. Но въ библейскомъ сюжетѣ это даже неприлично...

— Неприлично! — совсѣмъ разинулъ ротъ Крутиковъ.

— Да-съ, вотъ вы изволите посмотреть Пуссена,— найдете-ли у него вы гдѣ-нибудь, чтобы такая узкая вверхъ картиночка была? Никогда-съ. У него, такъ сказать, въ ширину ползеть. Вотъ вамъ образецъ... Благородство формъ, соответствующій ландшафтъ... А у васъ, такъ сказать, декораціи поставлены... Нѣтъ, вы это все урѣжьте, растяните въ ширину и покажите мнѣ...

Крутиковъ пошелъ растягивать въ ширину. Задуманное пятно видоизмѣнялось... Однако, что-же дѣлать,— не подать эскиза—класснаго рисунка до экзамена не допустять. Взялъ онъ новый листъ, сталъ чертить снова. Глупая это работа, начинать съ знова композицію. И выходитъ-то она ужъ не такъ свѣжо, да и скучновато какъ-то. Точно сверху приплюснуло ее...

А профессоръ, увидѣвъ рисунокъ, обрадовался.

— Ну вотъ—это другое дѣло! Теперь, такъ сказать, картина. Я боялся, что вы меня не поймете и сдѣлаете квадратную, это тоже было-бы неблагоразумно.

Хотя иные итальянцы и писали квадратныя вещи, но это едва-ли заслуживаеть одобренія. Непріятная пропорція: словно зеркало въ Москвѣ,—знаете, московскія зеркала квадратныя... А въ продолжатомъ четырехугольникоѣ бездна благородства, посмотрите—сколько, такъ сказать, гармоніи въ немъ... Ну-съ, вотъ теперь композицію посмотримъ.

Онъ сощурился и сталъ приглядываться...

— Вотъ опять не то,—заговорилъ онъ.—Основное правило исторической, а тѣмъ паче библейской композиції — располагать группы пирамидально, а гдѣ у васъ пирамида? Я не вижу. Непирамидальная композиція слишкомъ буднична, она скорѣе подходитъ къ жанру, отчасти къ баталіи. Я-бы именно попросилъ васъ обратить вниманіе на это. Все пирамидкой, каждую группу, — вы увидите, какъ у васъ заиграютъ контура, когда вы выведете пирамидку... Да, ужъ вы пожалуйста. Вы посмотрите на итальянцевъ, только внимательно, подите въ библиотеку и посмотрите на итальянцевъ... Вотъ увидите...

— Ну, пирамидально, такъ пирамидально,—рѣшилъ Крутиковъ и вывелъ нѣсколько пирамидокъ. Пришлось немного перетасовать фигуры. — Это, пожалуй, не спѣшь какъ надо и покончить къ экзамену,—думалъ Крутиковъ.—Онъ о композиції еще ни слова...

Страннѣе всего было тѣ, что профессоръ одобрительно отнесся къ композиціямъ его сотоварищѣй, а композиціи эти были несравненно слабѣе. Онъ съ остервенѣніемъ мазалъ ватой, растушкой, замшей... Неужто еще разъ перерисовывать придется?..

И пришлось. Профессоръ предложилъ измѣненія, найдя пирамидки очаровательными.

— Здѣсь вы потрудитесь эту фигурку, что стойть, посадить, а вотъ рядомъ, что лежить — поставить. Этотъ профиль вправо, вы сдѣлайте профилемъ влево. Христосъ профильный нейдетъ, поверните его en-face, шапочку снимите,—оно можетъ по археологіи и такъ, но мы должны тѣмъ не менѣе относиться къ Божеству, такъ сказать, съ уваженiemъ. На голову разслабленнаго надѣньте чалму старую съ остатками перьевъ,—это, знаете, восточный уборъ характерный... А со сдѣлу его дайте что нибудь въ руки: ну, будто онъ выкупался и чулокъ надѣвается...

— Чу-улокъ?—удивился Крутиковъ.

— Чулокъ,—спокойно отвѣтилъ профессоръ. — То есть, иначе говоря, носокъ. Если эти измѣненія сдѣлаете—композиція выйдетъ премиленъка. У васъ положительный талантъ... Только, ради Бога, не вводите новшествъ — совершенно лишнее. Работайте по великимъ образцамъ. Предъ вами Рафаэль, Пуссенъ, Тицианъ... Забудьте про эти современные французскія пошлиости—и трудитесь... Вамъ говорить это стариkъ, послѣдѣвшій на работѣ!..

Крутиковъ сдѣлалъ всѣ измѣненія, согласно указаніямъ профессора, и его „Силоамская купель“ получила первую категорію, да еще вдобавокъ номеръ первый.

ПОДЪ СНЕГОМЪ.

Vтромъ 25-го декабря, поручикъ Осташковъ пронснулся, по обыкновенію, ровно въ девять часовъ, и пронснувшись, по обыкновенію, подумалъ: „батюшки, тощица какая!“ Онъ закурилъ папиросу, заложилъ подъ голову руки и совсѣмъ было собрался заняться разсмотрѣніемъ рисунка обой,—какъ вдругъ вспомнилъ, что сегодня вѣдь праздникъ, что вчера у командира была елка, и что поэтому надо съ утра облачаться въ мундиръ и дѣлать визиты. Онъ уперся локтемъ въ подушку, приподнялся, взглянулъ въ окно на низкое сѣре зимнее небо, поморщился, и снова лѣниво растянулся на скрипѣвшей и ходуномъ ходившей кровати.

„Тощица“, правда, всю зиму была ужасная. Городскія казармы въ этотъ годъ перестраивались, и зимовать приходилось въ этомъ проклятомъ мѣстечкѣ. Послѣ веселой жизни большаго губернскаго города здѣсь можно просто повѣситься со скуки. Зима, какъ нарочно, въ

этотъ годъ была такая снѣжная, что и старожилы не запомнятъ. Глубокіе сугробы набились во всѣ закоулки и промежутки между постройками; домъ, гдѣ квартируетъ поручикъ Осташковъ, стоять на краю мѣстечка,— такъ послѣ мятели его чуть не до самой трубы заносить сугробами: деньгицъ бѣгаешь за „людьми“ откапывать его благородіе, — а то хоть днемъ со свѣчами сиди.

Солдаты сильно всѣ пословѣли. Радужныя мечты о напомаженныхъ горничныхъ, тugo накрахмаленныхъ платьяхъ и объ аппетитныхъ кухаркахъ, съ толстыми, готовыми лопнуть щеками — разлетѣлись какъ дымъ. Скучно и офицерамъ. Женатыхъ только двое: полковникъ и майоръ. Полковница задаетъ тону, ибо на ея визитныхъ карточкахъ значится, что она „рожденная баронесса фонъ-Хазенлеверъ“, а у майорши постоянно болятъ зубы. Офицеры привыкли къ обществу; поручикъ Осташковъ завзятый танцоръ: онъ въ городѣ постоянно дирижировалъ танцами у Флажолетовыхъ, гдѣ собирался весь губернскій beau-monde; онъ страстный поклонникъ дамскаго пола, ему двадцать шесть лѣтъ, онъ очень недуренъ собою. И вдругъ здѣсь, чуть не заживо похороненъ подъ снѣгомъ..

Въ перспективѣ—зима, безконечная, монотонная, ровно устлавшая поля толстымъ слоемъ невыносимо блестящаго на солнцѣ снѣга и укутавшая какъ пухомъ сучкѣ и вѣтви сосѣдней рощи, откуда по вечерамъ глухо доносится вой тощаго волка, къ великому смущенію кущаго полковаго „Дружка“, что живеть на конюшнѣ обоза. День проходитъ, другой начинается, — и все одно и тоже обычной вереницей идетъ: и вчера, и сегодня, и завтра. Ярко-красное, словно пропитанное

кровью солнце вздымается изъ-за далекаго-далекаго лѣса, и играетъ пурпурными полосами на снѣгу, въ просвѣтахъ отъ длинныхъ тѣней, протянувшихся отъ всего: и деревьевъ, и столбовъ, и домовъ, и заборовъ. Со скрипомъ отворяются ворота, со скрипомъ ползутъ со двора черезъ мостики дровни, на которыхъ поставленъ чанъ, весь какъ свѣча отекшій застывшими сосульками. Глухо постукивалъ на выбоинахъ, тянется онъ по берегу внизъ къ проруби, и наполненный медленно тащится на гору, широко раздвигая полозьями снѣгъ, расплескивая изъ стороны въ сторону оледенѣвшую воду. На конюшняхъ чистятъ лошадей, кузнецъ налаживаетъ что-то на передѣ полковничихъ саней; золотисто-розовый дымъ клубится пушистыми облаками изъ трубы солдатской кухни; въ канцелярію лѣниво идетъ писарь съ пачкою бумагъ „самаго неотложнаго свойства“, — и каждый день начинается тѣмъ-же. Появляются кое-гдѣ, мѣстами, заспанные офицеры. Медленно переваливаясь съ ноги на ногу, черпая мелкими калошами снѣгъ (большиe сапоги есть, да надѣвать лѣнъ), расползаются они по селенію, устало кивая головой встрѣчнымъ солдатамъ, принужденно улыбаясь смазливымъ лицамъ дѣвокъ. Сонно идутъ они въ канцелярію, на кухню, въ конюшню, сонно слушаютъ докладъ отомъ, что „Дьячокъ“ захромалъ, что по начальству надо донести рапортомъ о потерь чего-то, что крупа здѣсь такая, какой въ городѣ „ни Боже мой не достать“. Начинается проѣздка лошадей, безконечные разговоры съ конюхами... „Ты ее потную не напой“ — говоритъ поручикъ, передавая хромому солдату поводья своего рыжаго конька. Конюхъ, въ городѣ отнесшійся-бы къ такому замѣчанью презрительно, — тутъ принимаетъ его съ какимъ-то радостнымъ

изумлениемъ, точно въ первый разъ слышитъ, и съ чувствомъ отвѣчаетъ: „слушаю, ваше благородіе“. Его благородіе медленно отходитъ отъ конюшни, и думаетъ:— „что-бы такое сдѣлать?“ Медленно лѣзеть онъ подъ пальто, вытягиваетъ часы. „Скоро два,— обѣдать еще рано“. Соображаетъ онъ:— „газеты привезутъ только къ вечеру,— куда-бы пойти? Въ рощѣ былъ, у церкви былъ, на мостъ ходилъ,— больше некуда. Пойти развѣ къ Половцеву? Пойду“. Половцевъ оказывается тутъ-же на кухнѣ. Здороваются и освѣдомляются—кто гдѣ былъ и куда идетъ; отправляются вмѣстѣ. Дорожка протоптана узенькая, снѣгъ по бокамъ глубокий, идти рядомъ нельзя,—идутъ другъ за другомъ и молчатъ. Наконецъ выходятъ у церкви на дорогу,—идутъ рядомъ, идутъ и молчатъ. Развѣ который нибудь спросить: „а ты гдѣ сегодня обѣдаешь?..“ На что собесѣдникъ, подумавши, отвѣчаетъ: „у *нашего*—а ты?“ „Я?—я тоже у него... вѣдь всегда по четвергамъ у него обѣдаемъ“. Часа въ четыре наступаетъ время обѣда; за обѣдомъ удивляются дешевизнѣ рябчиковъ и медленности производствъ и представлений. Больше всѣхъ горячится полковникъ Коркинъ: у него даже слюни брызжутъ во всѣ стороны. Послѣ обѣда подаютъ скверный кофе, и опять говорятъ о производствѣ. Дамы предлагаютъ прокатиться куда нибудь; кавалеры, послѣ минутнаго колебанія, соглашаются. Ёдутъ къ мельницѣ, къ лѣсу, и на Старое Городище. Разсуждаютъ о томъ, отчего лѣвая пристяжная въ передней тройкѣ оказывается никуда негодной лошадью и совсѣмъ не везеть, а только попрыгиваетъ, да прижимаетъ уши, когда ее бьютъ. На одномъ изъ крутыхъ раскатовъ, кавалеры предупреждаютъ дамъ сидѣть крѣпче; тѣ съ визгомъ цѣпляются за сосѣдей, и вмѣстѣ съ ними вы-

валиваются въ мягкую, податливую снѣжную массу. Начинаются отряхиванія, вошли, смѣхъ. Усаживаются снова, ъдуть домой. Дома ждетъ ихъ самоваръ. Послѣ чая раскрываютъ ломберные столы и фортепіано. Молоденькие офицеры поютъ „Осень — осыпается“, „Спрятался мѣсяцъ“ и еще что-то такое. Постарше чиномъ „винтятъ“, и во время сдачи говорятъ о производствахъ. Въ два часа гости поднимаются, расплачиваются, и сонно расходятся по домамъ. Все засыпаетъ; огни тухнутъ. Безмолвно спить мѣстечко, точно вымерло все,—и только изъ-подъ какого нибудь забора раздается возглаш: „походи, походи—я тѣ похожу!.. Всѣли ребра-то цѣлы!“...

Экая тошища!..

* * *

Уже добрыхъ полчаса прошло, а поручикъ все еще лежалъ, все еще созерцалъ карнизъ потолка и думалъ о томъ, что дѣлается въ городѣ, какъ весело тамъ было вчера на елкахъ, сколько вчера именинницъ Евгений было, и какъ пріятно въ воздухѣ пахнетъ въ эти дни елкой и воскомъ. И никогда Осташкову, во всю зиму, не было такъ грустно, какъ сегодня. Сегодня яснѣе чѣмъ всегда предстала передъ нимъ вся скуча одиночества, весь этотъ однообразный бѣгъ дней; — онъ со злобой стиснулъ зубы, и чуть не заплакавъ, хватилъ кулакомъ по матрасу такъ, что его деньгищикъ Федъка въ испугѣ кашлянулъ за дверью.

Однако вставать было надо. Вынырнувъ изъ-подъ одѣяла, онъ потянулся за платьемъ и сталъ одѣваться,

перешвыривая съ досады вещи, съ ненавистью взгля-
дывая въ окно. Одѣвшись, онъ кликнулъ Федьку.

Федька явился съ мѣднымъ кувшиномъ, въ которомъ
бречали мелкие куски льду: Осташковъ любилъ холо-
дную воду прямо изъ „пролуба“, но требовалъ, чтобы
ледъ былъ выловленъ, и когда въ сокрущая горсти,
равныя вмѣстимостью порядочной мискѣ, попадали ле-
дышки, онъ выбрасывалъ воду въ тазъ и называлъ
Федьку Иродомъ. Умываясь, онъ всегда почему-то от-
фыркивался: въ носъ-ли попадала ему вода, или при-
вычка это была,—Богъ его знаетъ, но только своимъ
фырканьемъ онъ заливалъ всю стѣну возлѣ таза, отчего
въ этомъ мѣстѣ рисунокъ на обояхъ совсѣмъ сошелъ.
Федька процессъ умыванія чрезвычайно нравился,—
и онъ никогда не рѣшался прервать его неумѣстной
фразой. Но на этотъ разъ, едва поручикъ подставилъ
горсти,—онъ внезапно отрапортовалъ.

— Къ полковнику, ваше благородіе, пріѣхали пле-
мянницы.

— Какія племянницы?..

Горсти не дошли до лица, и вода потекла мимо...

— Не могу знать. Только знаю, что пріѣхали.

— Когда?

— Сегодня ночью изъ города наѣхали.

— Сколько же ихъ?

— Однѣ-съ.

— Дуракъ! А говорить племянницы! Вѣдь это множественное число...

Онъ снова подставилъ горсти, и сталъ въ нихъ оку-
нать свое лицо. Федька былъ грустно-серъезенъ.

Поручикъ умылся, вытерся, и сталъ ужасно походить
на ежа: волосы торчали во всѣ стороны: усы, брови—

все взлохматилось. Отфыркнувшись въ послѣдній разъ онъ бросилъ на Федьку полотенце.

- Хорошенькая?
- Не могу знать.
- Надолго пріѣхали?
- Не могу знать.
- Пошелъ вонъ!

Федька забралъ тазъ и кувшинъ, и направился къ двери, стараясь ступать больше на носки, чѣмъ на пятки.

— За мной никто не приходилъ? остановилъ его по ручикъ.

- Никакъ нѣтъ.
- Ступай.

Онъ остался одинъ, подумалъ о чѣмъ-то, подошелъ къ комоду, вынулъ оттуда чистую рубашку, вложилъ въ нее серебряные запонки, на которыхъ почему-то было написано „Кавказъ“, потомъ присѣлъ къ столу, тщательно вычистилъ ногти и велѣль подавать самоваръ.

Часы натужились и хриплой фистулой оповѣстили половину десятаго. Федька принесъ ярко вычищенный для праздника самоваръ, брякнулъ сахарницей и чашкой; теплые, влажные клубы пара густыми облаками закружились надъ столомъ. Вокругъ самовара размѣстились холодный рабчикъ, колбаса и сардинки.

- Она замужняя? спросилъ Осташковъ.
- Не могу знать. Потому мнѣ какъ сказала полковни цкая горничная,—въ проулокъ за сливками бѣгамиши...
- А ты и разспросить не могъ, болванъ...

— Виноватъ, ваше благородie...
 — Сапоги чисты?
 — Чисты.
 — Еще разъ вычисти,— пройдись этакъ щеткой. Да къ новому мундиру сзади пуговицу прикрепи... Живо!

Онъ подошелъ къ своему туалетному столику, взялъ баночку съ брильянтиномъ, посмотрѣлъ ее на свѣтъ, понюхалъ, взболталъ хорошенъко, отчего жидкость стала мутной и, усердно смочивъ щетку, принялся намазывать усы.

— А вдругъ—рожа! внезапно вырвалось у него восклицаніе.

— Чего изволите? откликнулся Федыка.
 — Молчи, огрызнулся поручикъ. — Ты вели Кузькѣ заложить тройку и Ѹхать къ полковнику. Я пойду туда.
 — Слушаю, ваше благородie.

Осташковъ надѣлъ калоши, пальто, посмотрѣлъ на фуражку и нашелъ, что подкладку надо непремѣнно перемѣнить...

* * *

Выйдя на улицу, перейдя черезъ мостикъ канаву, онъ завернулъ направо и тяжело ступая двинулся къ старому помѣщичьему домику, единственному удобному помѣщенію во всемъ мѣстечкѣ, которое поэтому и было отдано подъ полковника. Почти половина пути была уже пройдена поручикомъ когда на встрѣчу ему попался чуть не бѣгомъ бѣжалшій подпоручикъ Половцевъ, — совсѣмъ бѣлобрысый, розовый молоденький офицерикъ, съ сѣрыми глазками и пушкомъ на подбородкѣ.

— Слышалъ! радостно крикнулъ онъ.
 — Что? остановился Осташковъ.
 — Пріѣхала!
 — А-а,—ты объ этомъ,—лѣниво протянулъ поручикъ, силясь или зѣвнуть или улыбнуться, желая во что бы то ни стало показать,—что все это вздоръ, и нисколько его не интересуетъ.—Да кто пріѣхалъ? внезапно прибавилъ онъ,—краснѣя за себя, что такъ скоро понялъ мысль Половцева.

— Да она, та племянница,—помнишь!

Осташкова словно обухомъ въ лобъ хватило. Онъ вспомнилъ... Въ перламутровомъ альбомѣ, что лежалъ у полковника въ гостиной, на первой страницѣ помѣщался большой портретъ молоденькой дѣвушки, съ широкими черными глубокими глазами, съ продолговатымъ полненькимъ лицомъ, пухленькими раздувающимися ноздрями,—въ бѣленькой институтской пелеринкѣ. Ея красой постоянно хвалился полковникъ: это была дочь его брата. Личико было такое задорное, милое, что многие офицеры хотѣли даже „сташить“ карточку... И вдругъ она теперь здѣсь...

Краска все еще играла на лицѣ поручика.—Она, красавица, которой онъ такъ много, такъ долго любовался по портрету, о которой онъ даже мечталъ порою,—она воочию сейчасъ предстанеть передъ нимъ!.. Да встрѣтить ее въ большомъ обществѣ, въ городѣ,—и то ужѣ счастье,—а здѣсь въ глухи, въ снѣгахъ...

Онъ рѣшилъ, что надо еще разъ, болѣе тщательно, примазать фиксатуаромъ височки и положить „гонгруазъ“ на усы. Но желаніе увидѣть ее сейчасъ, сю минуту, тянуло его впередъ...

— А я сейчасъ отъ унтера - офицера Копытина

узналъ,—продолжалъ захлебываясь отъ восторга бѣля-
вый подпоручикъ.—Говорить, что пріѣхала въ два часа
ночи. Хотѣла поспѣть еще вчера къ вечеру, да метель
поднялась—ну и задержала...

— Да... вотъ какъ,—бормоталъ поручикъ.

— Какъ ты думаешь,—сегодня устроится танцеваль-
ный вечеръ,—а? устроится...

— Не знаю, не дурно-бы,—стараясь по прежнему
сохранить равнодушный тонъ, и чувствуя, что это ему
не удается, отвѣтилъ Осташковъ.—Она, кажется, вѣдь
хорошенька?...

— Прелестъ! восторгъ!... мнѣ еще недавно полков-
никъ расписывалъ: говоритъ, что въ мірѣ красивѣе
нѣтъ... Только чуръ, Осташковъ,—не отбивать—тан-
цевать по очереди, чтобы никому обидно не было...

Товарищи засмѣялись, и пожали другъ другу руки:
Половцовъ былъ еще не въ мундирѣ. Онъ побѣжалъ
домой, а Осташковъ двинулся къ полковнику.

* * *

Въ прихожей стоялъ большой, новый, очевидно только
что привезенный сѣрый сундукъ, съ мѣдной доской, на
которой были вырѣзаны какія-то буквы, какія — этого
Осташковъ разобрать не могъ. Сбросивъ шинель на
руки денъщику, онъ провелъ платкомъ по оледенѣвшимъ
усамъ, и вошелъ въ гостиную. Тамъ не было
никого.

— Сейчасъ откуда нибудь выглянетъ, гдѣ нибудь
мелькнетъ,—думалъ поручикъ, искося поглядывая въ
зеркало и оттягивая внизъ полы мундира.

Его позвали въ кабинетъ. Полковникъ зашаркалъ

ногами и сдѣлалъ видъ, что хочетъ подняться съ кресла при его входѣ. Начались обычныя поздравленія и привѣтствія...

— Къ вамъ, кажется, родственница пріѣхала, — несмѣло, чуть не дрожащимъ голосомъ заговорилъ поручикъ.

Да, — заскрипѣлъ басомъ полковникъ, — пріѣхала вчера ночью — и такъ неожиданно. — Я очень радъ, очень радъ: она веселая такая. На праздникахъ развлеченье женѣ... Она скучаетъ у меня... очень радъ!... Сегодня на вечеръ къ намъ, — милости просимъ.

Поручикъ, чувствуя, какъ все внутри его запрыгало отъ радости, наклонилъ голову въ знакъ того, что онъ непремѣнно будетъ...

— А... супруги вашей дома нѣтъ, у обѣдни? спросилъ онъ.

— Дома... Только встаетъ. Знаете, ночной пріѣздъ: и она и племянница заспались...

— Такъ я заѣду такъ черезъ часъ... поздравить.

— Къ завтраку милости просимъ, — пріѣзжайте... Веселье будетъ, — я очень радъ, ужасно радъ...

* * *

Если бы въ мирный кружокъ офицеровъ мѣстечка П. внезапно пришла телеграмма о напшествіи двунадесяти языковъ и во время обѣда упала бы имъ на столъ бомба — едва-ли бы они болѣе переполошились. Пріѣздъ племянницы полковника былъ такимъ чудеснымъ рождественскимъ сюрпризомъ, лучше которого и желать нельзя было. Вѣсть о ея пріѣздѣ чѣмъ свѣтъ распространилась по мѣстечку, — и къ одиннадцати часамъ въ крохотную квартирку подпоручика Половцева набралось

столько народу, что за густыми клубами дыма еле-еле можно было различать взаимно другъ друга...

— Сегодня вечеромъ, господа, обязательно катанье тройкахъ! кричалъ одинъ...

— Мы спектакль устроимъ, кипятился другой,—декораціи и все это мигомъ!

— Маскарадъ лучше,— предлагалъ третій,— можно фантастические костюмы: напримѣръ свиная голова, бутылка, салогъ...

— А что господа,—эти праздники даромъ не пройдутъ, соображалъ четвертый.—Кто нибудь изъ насъ да женится...

— Вотъ вздоръ какой! сейчасъ ужъ и жениться!..

— А не поднести-ли, господа, намъ ей сообща какой нибудь подарокъ при ея отъѣздѣ?

— Она едва прїѣхала, а ты ужъ обѣ отъѣздѣ...

— Ахъ, господа, какъ я люблю хорошенъкихъ! щебеталъ подпоручикъ, весь сощутившись.—Боже мой, какъ я ихъ люблю...

Всѣхъ занимала мысль:—а кому будетъ оказано предпочтеніе? Всѣ чувствовали легкую дрожь, словно школьники передъ экзаменомъ.

Осташковъ молча крутилъ усь: онъ зналъ, что впервыхъ—онъ лучшій танцоръ, а во-вторыхъ,—у него лучшая тройка въ мѣстечкѣ, — кому-же будетъ оказано предпочтеніе, какъ не ему?..

* * *

Чѣмъ ближе подходили стрѣлки къ двѣнадцати, тѣмъ сильнѣе ажитациѣ охватывала юныхъ офицеровъ. Они чистили мундиры, осматривали пуговицы, причесывались, пудрились;—одинъ даже завился... Между двумя

изъ нихъ вышли такія крупныя пререканія, что дѣло чуть-чуть не кончилось непріятностью. Майоръ замѣтилъ кому-то, что у него носъ неправильной формы и напоминаетъ сливу. Сказано это было конечно въ шутку, но тотъ весьма серьезно заговорилъ о какихъ-то „уклоненіяхъ и попущеніяхъ“ по службѣ. Едва-едва удалось примирить расходившихся товарищѣ.

До полдня оставалось еще чуть не полчаса. Осташковъ не могъ долѣе оставаться въ душной, накуреной комнатѣ. Онъ накинулъ шинель, и вышелъ къ своей тройкѣ, уже давно побрякивавшей у воротъ бубенцами. Обойдя внимательно лошадей, и погладивъ по теплому нѣжному носу гнѣдаго крупнаго коренника, онъ влѣзъ въ сани и велѣлъ прокатить себя до рощи. Тройка завернула назадъ, причемъ лѣвая пристяжная на рысакѣ сдѣлала поворотъ вправо, крѣпко вдавливая снѣгъ мускулистыми ногами,—и понеслась по скользкой дорогѣ, внизъ, черезъ мостъ, мимо церкви—въ поле. Осташковъ подставилъ свое разгоряченное лицо снѣжной морозной пыли, щурясь отъ бывшаго въ лицо вѣтра,— и мечты радужной вереницей неслись передъ нимъ.

— И вдругъ женюсь,—думалъ онъ,—и она будетъ моей женой... Это черноглазая! Какъ ее зовутъ, любопытно?.. Есть за ней приданое?.. Вѣроятно есть,—вѣдь нашъ полковникъ изъ богатаго семейства... Переѣдемъ въ городъ. Мнѣ всегда женатая жизнь казалась раемъ. Утромъ жена въ спальнѣ, въ капотѣ... И главное: сознаніе, что это неотъемлемая собственность!

Онъ закрылъ глаза, и вдругъ такъ живо представилъ и голубой будuarъ, и турецкій халатикъ жены, оканчивающійся громаднымъ трэномъ поверхъ круженыхъ юбокъ, и мягкая волна волосъ, и душистые

подѣли, и неизмѣнныи, стройныи, разъ навсегда заведенныи порядокъ домашняго обихода. Вечерніе приемы гостей,—блестящій самоваръ, свѣтлыя лампы, ароматный чай, коньякъ, милая, свѣженькая жена,—все это такъ хорошо, празднично... Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ эта холостая безобразная жизнь... Потомъ дѣти пойдутъ...

Осташковъ увлекался все дальше и дальше. Воображеніе рисовало и генеральскіе эполеты, и золотыя сабли, и „Георгія за храбрость“... Ужъ лѣтъ давно начались, и мелькалъ оголенными стволами старыхъ осинъ, когда онъ опомнился и крикнулъ кучеру:

— Назадъ! къ полковнику!

* * *

Когда тройка лихо подкатила къ крыльцу, и Осташковъ не менѣе лихо выпрыгнулъ изъ саней,—ему показалось, что кого-то смотрить черезъ замерзшія окна. Сердце его колотилось, дыханье останавливалось. На крыльцѣ онъ столкнулся съ Половцевымъ.

— Что, видѣлъ? спросилъ подпоручикъ?

— Нѣтъ. А ты?

— Идемъ вмѣстѣ...

Все еще подъ впечатлѣніемъ своей мысли, съ сознаніемъ неотразимаго спѣщенія обстоятельствъ, переступилъ Осташковъ порогъ залы. Онъ зналъ, что это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда самъ по себѣ человѣкъ отступаетъ назадъ и главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является судьба. Онъ зналъ, что идетъ прямо на встрѣчу существу, съ которымъ уже невидимо связанъ какою-то неразрывною нитью...

— Аа! раздался голосъ полковника... Очень радъ, очень радъ...

• Осташковъ прямо подошелъ къ ручкѣ полковницы,— онъ даже не хотѣлъ взглянуть на нее, — хотя зналъ, чувствовалъ ея присутствіе въ этой комнатѣ въ углу, у фортепіано.

— Позвольте васъ познакомить,—заговорилъ полковникъ.

Легкіе шаги пошли къ нему на встрѣчу. Онъ поднялъ глаза.

Высохшая, худосочная дѣвка почтенныхъ лѣтъ, съ бархаткой на шеѣ, и громаднымъ бутономъ на щекѣ, любезно улыбаясь и выставляя кривые зубы, стояла передъ нимъ.

— Племянница... то есть не моя, — племянница жены, — продолжалъ полковникъ.— Monsieur Осташковъ, mademoiselle Хазенклеверъ, — такъ неожиданно и сегодня ночью...

— Очѣнь пріятно,—пролепетала mademoiselle Хазенклеверъ, нѣжно пожимая его руку.

Monsieur Осташковъ ничего не сказалъ, только низко поклонился.

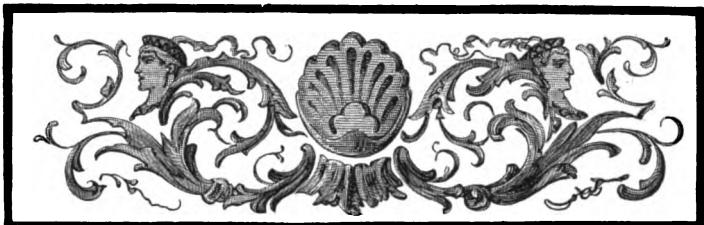
* * *

Праздники въ мѣстечкѣ П. прошли очень скучно...

ПЕРЕДЪ БАЛОМЪ.

(Л. А. Пушкинъ).

Ему такъ не хотѣлось заниматься въ этотъ вечеръ. Онъ всталъ, потянулся, захлопнулъ разложенный бюваръ, большой, дѣдовскій, съ серебряными застежками, зѣвнулъ, и подумалъ:

„Что у нея такъ тихо,—ужъ не заснула-ли?“

И онъ отправился къ ней. Когда онъ проходилъ темною залою, часы на мраморной тумбѣ прозвенѣли шесть.

„Мы сегодня раньше отобѣдали, сообразилъ онъ,—ну, тѣмъ лучше—вечеръ длиннѣе“.

Если человѣкъ радуется, что время тянется, что еще рано, — это несомнѣнныи признакъ, что онъ въ хорошемъ настроеніи. И онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ очень хорошо настроенъ, и когда входилъ въ комнату жены, ему показалось все такимъ милымъ—и свѣчи подъ китайскими колпачками съ голубыми кисточками, и пестрый капотъ съ красными кистями, и это глубокое мягкое кресло, въ которое она совсѣмъ ушла, и только ножки вытянула и положила на табуретку. Сперва онъ

хотѣлъ подойти къ ней и поцѣловать щеку, эту кругленькую бархатную щеку, которую онъ считалъ своею собственностью. Потомъ онъ раздумалъ, рѣшивъ, что это не уйдетъ отъ него. Онъ сѣлъ на кушетку и ждалъ, когда она заговорить.

Она читала книгу: маленькую, французскую, въ желтой обложкѣ. Извѣстно, что всѣ французские романы въ желтой обложкѣ. Когда онъ сѣлъ, она, дочитавъ до точки, опустила книгу на колѣна, посмотрѣла на него полуувопросительно, полуравнодушно, и опять принялась за чтеніе. Узенькій кончикъ туфли, вышитый золотомъ, слегка шевелился, поигрывая блестками. Она шевелила имъ отъ удовольствія чтенія, какъ котенокъ перебираетъ лапами, когда ъесть что-нибудь очень вкусное. Ножка была премилая; съренъкій ажурный чулокъ туго охватывалъ ее. Онъ и на эту ножку посмотрѣлъ съ полнымъ сознаніемъ законнаго владѣнія ею, опять что-то хотѣлъ сказать, и опять остановился.

Онъ остановился, потому что ему пріятно было даже молчать. Онъ зналъ, что онъ сидить вотъ здѣсь, на кушеткѣ, а черезъ столъ отъ него — жена, а черезъ двѣ комнаты — дѣти, что всѣмъ этимъ онъ очень доволенъ и счастливъ, и такъ просидить цѣлый вечеръ. Горничная подастъ чай; потомъ, если онъ захочетъ—онъ пойдетъ въ кабинетъ заниматься, а если не захочетъ—останется тутъ. Потомъ, когда пробьетъ часъ, жена пойдетъ въ спальню и закрутить себѣ волосы на лбу булавками; когда она ляжетъ въ постель—она свернется совсѣмъ въ комочекъ и закроется одѣломъ до самыхъ глазъ. Онъ рѣшительно ничего въ мірѣ не желалъ, какъ только, чтобы этотъ вечеръ тянулся, тянулся безъ конца.

Но все-таки, когда пробило половина седьмого, онъ спросилъ у нея:

— Интересно?

Она, не отрывая глазъ отъ книги, сказала:

— Интересно.

— Стойти читать? спросилъ онъ.

— Не мѣшай,—отвѣтила она, и сдѣлала маленькую гrimасу.—Я сейчасъ кончу,—добавила она,—двѣ страницы осталось.

„Пускай дочитаетъ, подумалъ онъ, и закурилъ папиросу.—Двѣ страницы,—это значитъ листъ. Вотъ она сейчасъ перевернетъ... Разъ! перевернула. Одна страница осталась“.

Онъ началъ пускать клубы дыма вверхъ. Дымъ очень красиво повисалъ въ воздухѣ, а она, между тѣмъ, дочитавъ страницу, перешла насосѣднюю.

„Два! Второй листъ тоже перевернуть, а текстъ идетъ дальше. Однако!.. Ну, все равно, можно еще подождать“.

Три, четыре... Конецъ, книга захлопнута и брошена насосѣднее кресло.

— Ну, что? спросилъ онъ.

— Вотъ гадость-то! отвѣтила она, закинула руки за голову, и засмѣялась.—Знаешь, это такая мерзость, такая мерзость...

— Зачѣмъ же ты читала?

— Но вѣдь надо же что-нибудь... Ахъ, голубчикъ, какъ скучно, что этотъ поганый вечеръ сегодня...

— Какой вечеръ? встрепенулся онъ.

— У Балабановыхъ.

— Ты развѣ Ѣдешь?

— А какъ же!.. Ты забылъ!

Онъ поморщился. Онъ вспомнилъ: она ему что-то говорила еще недѣлю назадъ объ этомъ вечерѣ.

— Не ёзди...

— Нельзя,—тетя за мною заѣдетъ.

Онъ только крякнулъ. Ему это было такъ непріятно, такъ непріятно...

— Когда же это,—скоро? спросилъ онъ.

— Нѣть, часу въ двѣнадцатомъ.

„Ну, и то хорошо“, подумалъ онъ, и хотя не съ прежнимъ наслажденіемъ, но не безъ удовольствія закурилъ новую папиросу.

Она на минуту закрыла глаза, потомъ открыла внезапно, и посмотрѣла на него такъ прямо и широко.

— Ты знаешь,—сказала она, и совсѣмъ по дѣтски повела плечомъ, — ты знаешь: это два часа одѣваться: всей раздѣваться, причесываться, опять застегиваться, накалывать цвѣты. Это такая возня. Вы, мужчины, этого не понимаете... Ты посмотри, въ какихъ я туфляхъ буду...

Она сняла съ сосѣдняго столика коробку, и вынула туфлю.

— Посмотри.

Онъ повергъ ее со всѣхъ сторонъ.

— Ну, и каблуки, однако! проговорилъ онъ.

Она чуть не обидѣлась и выхватила у него башмакъ.

— Я тебѣ говорю, что ты ничего не понимаешь...

Она уложила туфлю обратно, и опять откинулась въ кресло.

— Хочешь, я тебѣ разскажу въ какомъ я буду платьѣ? сказала она.

— Да вѣдь я ничего не понимаю, не безъ ехидства возразилъ онъ.

— Нѣть, ты все-таки слушай.

И она начала рассказывать. Это дѣйствительно былъ одинъ восторгъ, а не платье. Цвѣты будуть яркіе, пунцовые—на головѣ,—и вотъ тутъ... Хорошо будетъ?

— Можетъ быть.

— Я не понимаю,—тебя нисколько не интересуетъ это?

— Нисколько.

— Очень жаль. Тебѣ все равно—будетъ на вечерѣ твоя жена хорошенъкою или нѣть.

— Я отлично знаю, что ты будешь хорошенъкою, и будешь мило одѣта.

— А какъ одѣта,—это все равно?

— Рѣшительно все равно: въ красномъ, бѣломъ, черномъ, синемъ—все это пустяки, вздоръ.

Она совсѣмъ разсердилась. Онъ пересѣлъ на тумбочку противъ нея и схватилъ за руки, — она начала отбиваться.

— Да вѣдь я боюсь щекотки! крикнула она, когда онъ норовилъ непремѣнно попѣловать ниже подбородка.—Да пусти, пусти, не хорошо, горничная войдетъ...

И она отворачивала смиѳющееся, милое лицо въ сторону, а онъ ее цѣловалъ и въ носъ, и въ глаза, и въ подбородокъ, и въ ухо,—во все, что ему подвертывалось.

— Не ъзди на вечерѣ, милка, зачѣмъ тебѣ...

— Да нельзя, какой ты глупый!

Теперь она смотрѣла на него уже не такъ, какъ тогда, когда книгу читала. Онъ любилъ вотъ такой взглядъ: въ немъ очень много задору было.

— Слушай... Да ты сядь на мѣсто, не трогай! Слушай: ты знаешь, кто тамъ будетъ на вечерѣ?

— Неужели ты для меня не можешь сдѣлать удовольствіе, остаться на сегодня дома?

— Да вѣдь это капризъ твой?

— Я хочу... я хочу, чтобы ты не ъездила...

— Слышишь! Звонять! Отодвинься... Посмотри, какъ ты меня растрепалъ...

— Кто это можетъ быть? съ досадою проворчалъ онъ,—кого еще принесло такую рань?

— Это одна барышня, и очень милая... И зовутъ ее Фелицата.

Онъ вытаращилъ на жену глаза, и пожалъ плечами.

— Чортъ знаетъ, что такое!

Въ дверяхъ показалась горничная.

— Фелицата Дмитріевна пришла.

— Какая Фелицата? крикнулъ онъ.

Горничная засмѣялась, а жена попросила еї сюда, въ будуаръ.

— Ты, голубчикъ, поди въ свой кабинетъ,—сказала она мужу, — и посиди тамъ, а тѣ ты мнѣ мѣшать будешь.

Онъ вдругъ взбѣсился.

— Я? Чтобы я ушелъ? Я вотъ здѣсь сяду и буду сидѣть.

— Да вѣдь это портниха.

Онъ сразу остылъ...

— А все-таки я не уйду, рѣшилъ онъ.

Фелицата Дмитріевна вошла въ комнату въ шубкѣ съ котиковымъ воротникомъ. Этой барышнѣ было лѣтъ подъ сорокъ, и носъ у нея былъ совсѣмъ утиный: при-

шлепнутый и вытянутый,—словно нарочно, въ дѣствѣ, его припекли щипцами. На шляпкѣ у нея сидѣла какая-то птица, изъ чего можно было заключить, что барышня не потеряла еще надежды.

— Фелицата Дмитріевна, что же вы обманываете, обѣщали еще вчера зайти. Вѣдь вы меня чуть не посадили...

— Извините, извините, заговорила она какимъ-то страстнымъ шепотомъ, — но знаете, столько работы, столько работы.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, она встряхивала головою, отчего птица трепетала хвостомъ.

— Фелицата Дмитріевна, вѣдь мнѣ надо лифъ ушить. Бархатный лифъ, что вы же дѣлали. Мнѣѣхать не въ чемъ.

— Это одна минута. Я у васъ сейчасъ же...

— Скажи Пашѣ, чтобы она бархатный лифъ сюда привнесла, обратилась она къ мужу.

Онъ тиснуль папиросу въ какого-то амура изображавшаго пепельницу, пошелъ, распорядился, и опять вернулся.

— Право, ты бы шелъ въ кабинетъ, посовѣтовала ему жена.

Но онъ сѣль, сѣль такъ плотно на диванъ, словно въ него корни пустилъ. Онъ рѣшился не вставать съ мѣста, пока не уйдетъ Фелицата. Вѣдь не долго же ей зашить... Онъ никакъ не могъ понять, изъ чего жена волнуется.

— Я такой фасонъ хочу, Фелицата Дмитріевна, говорила она, показывая ей модный журналъ. — Только

вотъ здѣсь плиссе не надо, я просто положу ленты... Воротъ косой сдѣлайте: вотъ такъ: отсюда и сюда. Ленты я вамъ дамъ, у меня много. А здѣсь вотъ, посмотрите...

Фелицата Дмитріевна наклонялась къ ней, и тоже тыкала пальцемъ въ рисунокъ.

— А здѣсь вы посадите большой бантъ, чтобы концы шли сюда, и сюда—на обѣ стороны.

— Это будетъ мило,—поддакивала Фелицата.

— Правда?.. Теперь вотъ сзади какъ?.. Вѣдь вы понимаете — корсажъ изъ одной матеріи, а юбка изъ другой.

— Понимаю: юбка събирая.

— Я вамъ покажу, матерія уже куплена...

„Батюшки, да она новое платье заказываетъ, подумалъ онъ.—Ну что бы этими дрягами заниматься, пока я на службѣ“.

— Мне сзади вотъ это не нравится, продолжала она,—что бы здѣсь устроить?

„Странно,—а вѣдь не глупая женщина, безспорно; до чего ихъ интересуютъ эти тряпки. И всѣ на одинъ ладъ, а которая не занимается ими, еще хуже: либо на локтѣ дыра, либо каблукъ на боку, либо подолъ отшлепанъ“.

Онъ сталъ перебирать всѣхъ знакомыхъ барынь: вспомнилъ про одну тетку, у которой всегда вылезали изъ головы шпильки: такъ лучами во всѣ стороны. Она уверяла, что это отъ того, что у нея волосы очень сухи. И уши у нея были немыты и торчали двумя мясистыми клочками. А то была еще кузина у него, и премиленькая, но у которой къ вечеру всегда были гряз-

ные ногти, почему онъ никогда не смотрѣлъ ей на руки...

— Значить корсажъ сюда мыскомъ? спрашивала она у портнихи.

— Да, иначе не удобно...

„Вѣдь вотъ, странное дѣло, продолжалъ онъ разсуждать.—Нашъ братъ придетъ въ магазинъ, выберетъ въ пять минутъ матерію, скажетъ: „такъ сдѣлайте лучше“, спроситъ—„когда заѣхать примѣрить“,—и дѣло въ шляпѣ. А у нихъ-то возня!.. Любопытно, когда это кончится?“

И онъ все куриль и куриль, изрѣдка прислушиваясь.

— Что-же—карманъ здѣсь будетъ? спрашивала Фелицата.

— Я не знаю, какъ вы думаете?

— Да,—тутъ надо подумать.

— А вы скиньте шляпку...

Шляпку положили какъ разъ возлѣ него, на диванъ; птичка затряслася хвостикомъ у самой его руки, онъ собирался погладить ее, но не рѣшился: ужъ очень несложно отъ нея камфорою.

Наконецъ, повидимому, пришли къ соглашенію. Принесли изъ шкафа матерію. Началось угадыванье— почемъплачено за аршинъ. Въ залѣ пробило восемь.

— Ай-яй-яй! восемь! встрепенулась она. — Фелицата Дмитревна, ушивайте лифъ.

Фелицата Дмитревна тоже забезпокоилась, вытащила откуда-то изъ себя иголку, продѣла шелковинку и подготовилась.

— Да уйди ты отсюда, дай мѣсто Фелицатѣ Дмитрѣвнѣ возлѣ лампы.

„Отчего она будетъ здѣсь шить, подумалъ онъ,—отчего не въ столовой, не въ спальней, не въ Пашиной комнатѣ?“

Онъ пересѣлъ на кресло.

Водворилось молчаніе. Она перелистывала моды. Онъ куриль. Фелицата шила. За окномъ скрипѣли по снѣгу полозья саней,—за три комната возились дѣти.

— А сколько аршинъ сѣрой матеріи? спросила Фелицата.

— Тринадцать. Я думаю хватить?

— Я думаю.

— Какъ бы я желалъ, чтобы не хватило! вдругъ громко сказалъ онъ.

Жена на него посмотрѣла съ презрѣніемъ. Фелицата даже испугалась.

— Какъ можно—хватить! сказала она.

— Очень жаль, возразилъ онъ, въ упоръ смотря на жену.

Она швырнула въ сторону журналы и повернулась къ нему, въ знакъ негодованія, бокомъ.

— Фелицата Дмитріевна,—съ отчаяніемъ воскликнула она, — вы мнѣ не тамъ ушиваете: въ талии мнѣ хорошо... Ниже отстаетъ, вотъ здѣсь... Надо подпороть и вынуть косточку...

— Ну нѣть, это слишкомъ! не выдержалъ онъ, и двинувъ кресломъ, зашагалъ въ свой кабинетъ.

* * *

Когда ушла Фелицата—надо было пить чай, потомъ причесываться, потомъ одѣваться, потомъ пріѣхала тетя, потомъ онъ уѣхали, потомъ пришла кухарка.

— Гдѣ барыня? Она забыла расходъ сосчитать. Что прикажете на завтра готовить?

Онъ сталъ записывать:

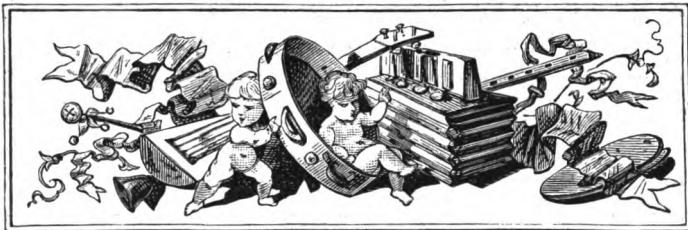
Рябчиковъ три пары — 2 р. 25 к.; кореньевъ на 12 копеекъ; говядины пять фунтовъ...

31 декабря 1884 г.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

(П. И. Дьяконову).

I.

Федоръ Федоровичъ Шпренгъ женился всего два мѣсяца назадъ. Женился онъ на прелестной, тугу перетянутой въ талии Евѣ Федоровнѣ, бѣленькой, розовенькой, аккуратненькой, и такой чистенькой, что отъ нея даже духами не пахло. Ева Федоровна, вопреки традиціямъ, никакихъ снадобій не признавала—за что удостоивалась отъ мужа постоянного одобренія, тѣмъ болѣе, что это было очень выгодно, а Федоръ Федоровичъ разсчетъ ставилъ на первомъ планѣ. Федоръ Федоровичъ былъ тоже розовенькой и бѣлокурый; носилъ на носу золотые очки номеръ девятый, а на груди академической значечкъ, которымъ очень гордился. Онъ женился по склонности и по разсчету вмѣстѣ, такъ какъ одного безъ другаго не признавалъ.

— Если я женюсь на Евѣ, — разсуждалъ онъ, — состояніе ея родителей, конечно, перейдетъ послѣ ихъ

смерти ко мнѣ, ибо она есть единственная ихъ дочь. Тогда я, можно сказать, обезпеченъ на всю жизнь. А пока они будутъ живы, и у насъ нѣтъ дѣтей—будемъ жить на наши доходы...

Онъ отправился къ ней и сказалъ ей, что любить ее. Когда она, потупившись и покраснѣвъ, сказала, что отвѣтствуетъ ему тѣмъ-же, онъ сталъ тотчасъ-же на колѣнки и проговорилъ:

— Я счастливѣйший изъ смертныхъ, — мнѣ остается только выяснить съ вашимъ папашей нѣкоторыя детали...

Въ деталяхъ они сошлись съ папашей скоро. Папаша трепалъ его по плечу и говорилъ:

— О, ja!

А Федоръ Федоровичъ цѣловалъ его, и говорилъ:

— Я счастливѣйший изъ смертныхъ!

Онъ отлично омеблировалъ квартиру, причемъ ъездилъ съ своей невѣстой по городу, отыскивая мебель, чтобы была она изящна, и не очень дорога. Кровать онъ купилъ съ проволочнымъ матрасомъ, — это чище. Всѣ стѣны въ своемъ кабинетѣ онъ увѣсилъ множествомъ мелкихъ портретовъ-фотографій, при чемъ размѣстилъ ихъ удивительно симметрично. Мебель для гостиной, темнокоричневая атласная, была взята за долгъ: товарищъ давно долженъ былъ триста рублей, срокъ прошелъ, и Шпренгъ, какъ человѣкъ благородный, не протестовалъ — а взялъ по взаимному согласию мебель, заплаченную за годъ передъ тѣмъ восемьсотъ рублей. Гостиная вышла очень миленькая, особенно когда къ окнамъ поставили акваріумъ, доставшійся послѣ дяди,— профессора, умершаго какъ разъ передъ свадьбой. У

Федора Федоровича родня была очень солидная: профессора, академики, директора заводовъ. Самъ Федоръ Федоровичъ считалъ себя тоже очень ученымъ и образованнымъ человѣкомъ — и писалъ уже три года подрядъ книгу: „О движеніяхъ отряда генерала Лемоха въ октябрѣ 1877 г.“; книга должна была быть очень интересна и имѣть значеніе не только среди военныхъ, но и произвести нѣкотораго рода сенсацію во всемъ образованномъ мірѣ.

Жилъ съ женою Федоръ Федоровичъ необычайно дружно. Если только онъ не былъ занятъ служебными обязанностями, или не писалъ „О движеніяхъ генерала Лемоха“—онъ смотрѣлъ въ глаза своей женѣ, сидя на скамеечкѣ у ея ногъ, и говорилъ:

— Тебѣ можетъ быть хочется чего нибудь: смоквъ, шоколада, ананаса. Ты не стѣсняйся — скажи. Я надѣну пальто, калоши и съѣзжу.

— Нѣтъ,—отвѣчала Ева,—я счастлива, что ты мой мужъ, и я этимъ довольна.

Онъ цѣловалъ ея мягкія, горячія ручки, отъ которыхъ ничѣмъ не пахло, и поправляя съѣзжавшіе очки говорилъ:

— Но быть можетъ ты хочешь шоколада? У Крафта отличный шоколадъ. Я найду извоющика и поѣду.

Она его просила оставаться, цѣловала его умный лобъ. Онъ сидѣлъ на скамеечкѣ и увѣрялъ, что любить ее больше неба.

— Я умру у ногъ твоихъ, ты можешь убить меня...

И онъ подавалъ ей тупой кинжалъ, которымъ она разрѣзала модные журналы. Она смеялась, и опять цѣловала его въ лобъ. Било семь часовъ, онъ уходилъ

въ кабинетъ писать „О движенияхъ отряда генерала Лемоха“, а она вязала скатерть въ подарокъ мамашъ—зеленая и красные полосы.

Послѣ свадьбы они уѣзжали на три недѣли за границу; катаясь съ женой по Парижу, онъ нерѣдко говорилъ:

— Мы здѣсь катаемся,—а въ Петербургѣ за квартиру платимъ и она стоитъ пустая. — Жена соглашалась.

Мысль эта настолько тревожила супруговъ, что они вернулись домой раньше срока. Это было очень хорошо и для формуларного списка.

Пріѣхавши и устроившись окончательно, они зажили счастливо, принимали гостей:—она—своихъ институтскихъ подругъ, онъ—своихъ товарищѣй, и оба вмѣстѣ—своихъ родственниковъ. Родственники были розовые, вылощенные, и точно слегка прикрыты лакомъ. Они улыбались на молодыхъ, молодые отчего-то конфузились. Beau rge шлепалъ зята по плечу и одобрительно замѣчалъ:

— Ничего! Ничего!

II.

За недѣлю до Рождества, въ послѣобѣденное время, Федоръ Федоровичъ, въ новенькой тужуркѣ, озабоченно вошелъ въ будуаръ своей жены. Она свѣженѣка, залитая голубымъ свѣтомъ фонаря, сидѣла на chaise-longue съ работой. Онъ пододвинулъ туалетный табуретъ и сѣлъ противъ нея.

— Я пришелъ къ тебѣ посовѣтоваться, сказа́ль онъ.

Она сейчасть-же положила работу на столикъ, чтобы не развлекаться, и приготовилась слушать.

— Мы уже мѣсяцъ здѣсь въ Петербургѣ,—загово́рилъ онъ,—и ни разу еще не сдѣлали настоящій ве́черъ. То есть, ты понимаешь, я говорю про настоящій ве́черъ: позвать человѣкъ двадцать или двадцать пять, пригласить моего генера́ла; сдѣлать ужинъ, закуску...

— Да я сама обѣ этомъ думала, — подтвердила жена.

Онъ съ благодарностью поцѣловалъ ея руку. — Ты обо всемъ думаешь, ты хорошая хозяйка, ты тѣ, чего я искалъ.—Но,—прибавилъ онъ, придавая своему лицу какое-то вдохновенное выражение, — мнѣ-бы не хотѣлось сдѣлать просто ве́черъ. Если въ гости сходятся люди мало знакомые—имъ бываетъ скучно, ибо не всѣ играютъ въ карты. Надо—чтобы былъ связующій эле́ментъ.

— Ты думаешь, что я не сумѣю занять гостей? — попробовала обидѣться Ева.

— Фуй, какъ можно! возразилъ онъ, снова припадая къ ея ручкѣ.—Но этого мало, этого недостаточно. Надо найти пунктъ, на которомъ-бы сошлись вкусы всѣхъ гостей, найти такъ сказать фокусъ...

Онъ замолчалъ, выжидалъ, что она скажетъ.

— Какъ-же найти этотъ пунктъ? спросила она.

— Я нашелъ, — съ самодостоинствомъ проговорилъ онъ, и опять замолчалъ, ожидая вопроса.

— Ну?

— Вчера, ты знаешь, я былъ у своего троюроднаго брата, барона фонъ-Лаубе. Тамъ у него былъ одинъ

скрипачъ, молодой еще человѣкъ. Я сожалѣлъ, что ты не слышала его игры. Это что-то превосходящее воображеніе.—Ты знаешь, я самъ понимаю музыку, и вотъ поэтому-то нахожу, что это хорошо.

— Ты его хочешь пригласить?

— О, ты угадываешь мои мысли.—Прости, прелесть моя, но я уже его пригласилъ. Онъ согласился.

— Что-жъ—я рада.

— Онъ чудесно играетъ. Это будетъ чудесно. Я позову всѣхъ, скажу — будетъ елка. А вмѣсто елки — сюрпризъ: музыкальный вечеръ.

Ева захлопала въ ладони и сказала, что это хорошо.

— Но тутъ есть маленькая непріятность. Баронъ говоритъ, что онъ не умѣеть держать себя въ обществѣ. И иногда даже бываетъ неприличенъ.

Ева испуганно оглянулась, точно онъ былъ тутъ въ комнатѣ.

— Онъ немножко странно говорить, продолжалъ мужъ.—У него жаргонъ, понимаешь. И при томъ несдержанность. Но онъ очень уменъ, очень... Онъ только шутъ... Но артистъ! Его всюду принимаютъ. Это будущее свѣтило...

— Но если онъ придетъ съ мокрыми сапогами на ковры,—нерѣшительно замѣтила Ева.

— О нѣтъ, онъ хорошо одѣвается... только онъ странный.

Тутъ Федоръ Федоровичъ рассказалъ про него нѣсколько исторій — какъ онъ давалъ сыну одного министра уроки, и недовольный ученикомъ, назвалъ его однажды балдой; какъ однажды, придя первый разъ въ гостиную и ожидая выхода хозяйки, началъ лаять

по собачьи, дразня мопса, потревоженного его приходомъ. Ева пришла въ ужасъ:

— Но вѣдь это и здѣсь онъ залаетъ и назоветъ насъ балдами? спросила она.

Федоръ Федоровичъ ее успокоилъ.

— Только надо пригласить кого нибудь для акомпанимента,—заключилъ онъ.

III.

Все таки рѣшили его позвать: артисту можно многое простить. Вечеръ назначили на второй день праздника. Позвали ближайшаго начальника Федора Федоровича — генераль-маиора Тункова. Позвали, партнеромъ ему „дяденьку“ Василья Васильевича, хоть и статского, но обладающаго станиславской лентой. Позвали журналиста, который считался очень либеральнымъ человѣкомъ, потому что каждую передовую статью начиналъ словами: „Конечно, мы наканунѣ правового порядка.“ —Позвали „молодежь“, —трехъ дѣвицъ, настолько юныхъ, что при одной мысли о присутствіи въ комнатѣ мужчины, они вспыхивали до кончиковъ ушей; — и четырехъ кавалеровъ: гвардейскаго прапорщика, давшаго видъ, что ему все ужасно надоѣло, а больше всего барышни; правовѣда, относящагося съ презрѣніемъ къ гимназисту; гимназиста, въ мундирѣ на бѣлой подкладкѣ, относившагося съ презрѣніемъ къ правовѣду, — и просто молодаго человѣка съ рыжими уси-ками, служившаго въ окружномъ судѣ, но способнаго акомпанировать кому угодно и на чёмъ угодно. Федоръ Федоровичъ самъѣздилъ къ скрипачу, фамилія

котораго была удивительно простая—Ивановъ,—и не засталъ его дома, а оставилъ ему карточку, на которой написалъ:

„Надѣюсь имѣть удовольствіе видѣть васъ у себя на вечеръ 26-го“.

Ему хотѣлось приписать „со скрипкой“, но было совсѣмъ и онъ удержался. Обстановка Иванова ему не понравилась. Отворила дверь толстая баба — жена столяра, у котораго онъ нанималъ комнату. Въ воздухѣ пахло постнымъ масломъ. Убранство комнаты состояло изъ двухъ постелей, покрытыхъ пледами (Ивановъ жилъ съ товарищемъ — піанистомъ Петромъ Дуровымъ) трехъ стульевъ, стола и концертнаго рояля, взятаго, вѣроятно, на прокатъ. Федоръ Федоровичъ никакъ не могъ сообразить: хорошо это, или нѣтъ, — свойственна ли такая діогеновская обстановка артисту, иль это неряшливость,—онъ зналъ, что Ивановъ получаетъ рублей полтораста за уроки въ мѣсяцъ.

Всѣмъ гостямъ было сказано, что будетъ сюрпризъ—елка. Федоръ Федоровичъ говорилъ объ этомъ таинственно, даже сощурившись, и дѣйствительно заинтересовалъ многихъ. „Вашему превосходительству понравится“, говорилъ онъ генералу, значительно подмигивая. Генералъ строго поводилъ усами, бровями, и еще строже замѣчалъ:

— Гм... Что бы это такое могло мнѣ понравиться?!

Наконецъ наступилъ этотъ вечеръ. Все освѣтилось. Паркетъ блестѣлъ изумительно. Федоръ Федоровичъ собственноручно насытилъ всѣ комнаты чѣмъ-то очень пахучимъ. Широкіе листья тропическихъ растеній были вымыты ручками Евы. Бронзовыя часы торжественно тикали подъ колпакомъ. Въ углахъ голыя

нимфи стыдливо прикрывались отъ нескромныхъ взоровъ.

Федоръ Федоровичъ нѣсколько разъ выходилъ изъ прихожей въ залу, чтобы посмотретьъ, какой эффектъ производили люстра и рояль съ приподнятой крышкой. За залой мягко рисовалась въ розовомъ свѣтѣ атласная мебель гостиной, а далѣе — голубой свѣтъ будуара. Очень эффектно; какъ на сценѣ. Онъ вкусно цѣловалъ свою жену — и оглядывался вокругъ: „пріятно, чортъ возьми, жить въ хорошей обстановкѣ, съ молоденькой женой“...

И вотъ стали сѣзжаться. Первымъ пріѣхалъ гимнастъ въ мундирѣ на бѣлой подкладкѣ. Онъ ухаживалъ за Евой Федоровной, и носилъ въ бумажнике ея портретъ, украденный изъ альбома, завернутый въ тонкій клякѣсъ-папиръ. Федоръ Федоровичъ его не долюбливалъ, и называлъ почему-то за глаза шарлатаномъ: „Это не жрецъ науки, а шарлатанъ“. Почему гимнасты должны быть жрецами науки — оставалось необъяснимымъ.

Потомъ явились дѣвицы съ мамашей. Маленькая сопачка лаяла, Ева цѣловалась, гимнастъ шаркалъ, дѣвицы хоромъ пѣли:

— Ахъ, какъ у васъ мило, рай!

Федоръ Федоровичъ самодовольно переминался съ ноги на ногу и подтверждалъ:

— Да, у насъ очень хорошо!..

Генераль позже всѣхъ пріѣхалъ: очевидно, что онъ заспался послѣ обѣда, но не хотѣлъ сознаться и уверялъ, что у него дѣла. Его тотчасъ же усадили въ карты, хотя онъ оглядывался и все спрашивалъ:

— А гдѣ-же елка?..
Хозяинъ конфузливо оглядывался, хозяйка съ отчаяніемъ смотрѣла на мужа.
Музыканть не прѣжалъ.

IV.

— Нѣтъ, но ты знаешь: онъ мнѣ далъ слово,—говорилъ Федоръ Федоровичъ, отводя жену въ уголъ.— Это, можно сказать, подло. Я ужъ не говорю, что онъ не сдѣлалъ утромъ визита, но... но не прѣѣхать вечеромъ... это, это...

Все было дѣйствительно, прелестно,—и всѣ ждали сюрприза. А сюрпризъ такъ-таки и не прїѣхалъ.

Обнесли всѣхъ чаемъ, на неизбѣжныхъ треугольныхъ салфеткахъ съ бахромками и дворянской короной. За лакеемъ ходила молоденькая горничная въ тугомъ корсетѣ и обносила гостей какой-то сладкой требухой, которую надо было грызть съ чаемъ. Барышни грызли кончиками зубовъ, краснѣли и ежились. Правовѣдъ рассказывалъ анекдоты и смѣшилъ барышень. Господинъ съ рыжими усами увѣрялъ дамъ, что одного товарища ministra назначаютъ въ Москву митрополитомъ. Даже дамы не вѣрили. Все было прекрасно...

Въ половинѣ одиннадцатаго колокольчикъ отчаянно залился въ передней. Федоръ Федоровичъ сорвался съ своего стула и ринулся самъ отворять. Изъ-за дверей раздался голосъ: наконецъ-то!.. Ева ожила.

Въ комнату вошелъ высокій молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ черной кудлатой головой, всклокоченной бородкой, и умнымъ, плутоватымъ, смѣющимся

взглядомъ. Такъ какъ его никто не зналъ, то хозяинъ сталъ его представлять всѣмъ поочереди.

— Это, ваше превосходительство, елка и есть,—шепнула Федоръ Федоровичъ генералу. Генералъ изумленно пошевелилъ кончиками усовъ, и внимательно посмотрѣвъ на Иванова, проговорилъ:

— А-а... вотъ что!

Иванова повели и посадили въ гостиную. Кавалеры посторонились, дамы нашли его очень недурнымъ собой.

— Я слышала, вы прекрасно играете,—любезно обратилась къ нему хозяйка.

Онъ вдругъ ослабился:

— Я прекрасно играю,—подтвердилъ онъ.—Общество нѣсколько изумилось.

— Я такъ много говорилъ о васъ женѣ, — чуть не заискивающимъ голосомъ говорилъ Федоръ Федоровичъ,— и... и вотъ имъ...

— Быть можетъ вы настъ подарите импровизированнымъ концертомъ?

— Съ удовольствиемъ... Какъ нибудь...

— А... а сегодня?..

— А гдѣ-же скрипка? у меня нѣть.

— Ай, какъ же это вы безъ скрипки? удивился хозяинъ, точно съ облаковъ упалъ.

— Вы почему-жѣ думали, что я иначе на улицу не хожу, какъ со скрипкой?..

— Я... я этого не думалъ... А вотъ общество наше...

И онъ, путаясь въ словахъ, сталъ увѣрять, что и общество все созвано только для того, чтобы послушать его дивную игру.

«ПОВ. И РАЗСК. Н. П. ГИЭДИЧА»

— Когда я былъ еще подросткомъ, пѣшкомъ подъ столъ ходилъ,—началь Ивановъ,—отцу часто изъ Сибири нельму присыпали, рыба такая, въ родѣ сига.— Такъ бывало какъ пришлютъ—отецъ на пирогъ съ нельмой гостей звалъ. Прѣѣзжали, весело было...

Федоръ Федоровичъ совсѣмъ сконфузился. Ева вспыхнула.

Въ это время къ Иванову подошелъ лакей съ виноградомъ и грушами. Ивановъ взялъ себѣ значительную порцію.

— Что такое? Откуда это? шушукались въ углу.

— Да я вообще не люблю играть въ незнакомомъ обществѣ,—продолжалъ Ивановъ,— шутъ ихъ знаетъ, понимаютъ ли еще что нибудь, а туда же суются,— мнѣнія высказываютъ... Вотъ тогда, у этого барона, вавшаго знакомаго... Сидятъ, ушами хлопаютъ. Какая-то старуха въ чепцѣ говорить что-то вздумала, когда я играю. Я сейчасъ скрипку въ футляръ. Баронъ передо мной на заднихъ лапкахъ: „что такое?“ Да вотъ, говорю, скрипку прачу, мѣшаетъ мнѣ, глупая, своимъ пискомъ слушать, что воинъ та барыня въ углу говорить. Ну, чепецъ, натурально сконфузился...

— Боже мой, да что-же это будетъ, — думала Ева, смотря изумленными глазами на мужа.

— Ужасно не люблю свинства, заключилъ Ивановъ.— Еще укоряютъ меня, что я невѣжливъ. Да что-же можетъ быть глупѣе этой дуры, что во время игры разговариваетъ... Еще туда же хвастается воспитаніемъ... Хуже прачекъ... Свиньи!..

V.

Своимъ явлениемъ Ивановъ взбудоражилъ общество. И какъ онъ не шелъ къ квартирѣ Шпренга! ужасно не шелъ! Этотъ атласъ, штофъ, бронза—и кудлатая голова Иванова... это было что-то ужасное...

Если бы онъ молчалъ, хозяинъ бы съ нимъ примирялся. Но онъ, къ несчастію, говорилъ, говорилъ безъ умолку, подобравшись къ подносу и пойдая виноградъ. Онъ говорилъ Богъ знаетъ что; замять начатый имъ разговоръ не было никакой возможности. Барышни вознегодовали на образность его рѣчи, находя, вѣроятно, что это не мужчина, а какой-то монстръ. Наконецъ самъ Ивановъ, вида, что онъ становится притчей во языцѣхъ, предложилъ внезапно Федору Федоровичу послать къ нему на домъ за скрипкой лакея, хотя былъ уже первый часъ ночи. Онъ тотчасъ-же нацарапалъ записку: „Дьяволъ Петька! пришли струментъ. Сейчасъ будутъ ужинать. Ура!“— Такъ какъ записка была не запечатана, то Федоръ Федоровичъ, движимый любопытствомъ, прочелъ ее прежде, чѣмъ отдать лакею,—и потомъ говорилъ женѣ:

— Послушай, — это знаешь... Это, это... я не знаю что это...

Пока накрывали на столъ, Ивановъ разсказывалъ, какъ бываютъ скучны гости, если нечего дѣлать, а ужина долго не подаютъ. Онъ представлялъ наглядно, какъ кто сидитъ, и какую корчать физіономію.

Многіе изъ гостей нашли, что это даже нахально. Ивановъ это услышалъ, и тотчасъ-же подтвердилъ:

— Ужасно нахально! Назвать гостей и не кормить.

Федоръ Федоровичъ рыскаль по комнатамъ и торопилъ ужинать. Игравши съ генераломъ за столомъ окончили, шумно задвигали стульями.—Въ это время какъ разъ привезли скрипку и ноты. Петьяка писалъ: „Ночевать не приходи, твоя постель занята,—спить Васька“.—Ивановъ откровенно прочелъ эту записку вслухъ. Ева чуть не упала въ обморокъ.

Играть до ужина было некогда: всѣ рты были уже заняты омарами, рокфоромъ, анчоусами. Федоръ Федоровичъ досконально объяснялъ, что онъ гдѣ бралъ: „Это у Одинцова, это у Рауля, это у Бауера, это у Елисѣева“... при чемъ безошибочно говорилъ, что сколько стоитъ.

— Я, знаете, иначе не могу ъсть сардинку, какъ намазавши предварительно кусокъ бѣлага хлѣба масломъ,—объяснялъ онъ, съ некоторымъ ужасомъ отстранившись отъ скрипача, ъвшаго икру.

Наконецъ, всѣ усѣлись за столъ. Розовые платьица дѣвицъ кучками скопились на одномъ концѣ стола. Правовѣдъ суетливо сталъ что-то передавать. Ивановъ, какимъ-то необъяснимымъ случаемъ, оказался рядомъ съ генераломъ.

Генералъ было доволенъ: онъ вывинтилъ пятнадцать рублей. Онъ отдувался, всхлипывалъ и разглаживалъ на колѣняхъ салфетку.

- Вы кажется музыкантъ? спросилъ онъ Иванова.
- Музыкантъ, отвѣтилъ Ивановъ...
- Аа... скажите... какого вы мнѣнія о Верди?
- Ивановъ вдругъ сдѣлалъ глаза безсмысленно-глупые.
- О комъ?
- О Верди.

— Ве-рди? — повторилъ Ивановъ... Я такого не слыхалъ.

— Какъ, какъ?.. Не слыхали Верди... Композиторъ, знаменитость...

— Нѣтъ...

— Помилуйте, да это такое-же известное имя, какъ Вагнера...

— Вагнера... Какого Вагнера?

— Рихарда... Неужели и про него не слыхали?.. Вотъ они, современные музыканты, — обратился Тунковъ къ обществу. — Отрицаютъ необходимость знакомства съ Верди и Вагнеромъ!

— Да вы, ваше превосходительство, можетъ быть фамилии путаете, не такъ произносите... А такихъ композиторовъ нѣть.

Всѣ притихли въ изумлениі; генералъ развелъ руками и уже болѣе съ нимъ не разговаривалъ.

— Скандалъ, скандалъ, — шипѣлъ Федоръ Федоровичъ, проклиная себя, что пригласилъ на вечеръ этого, какъ онъ говорилъ, комедіанта. — Генералъ обидѣлся, — быть можетъ это повліяетъ на службу...

VI.

Вышли изъ-за стола, отправились, пожимая ручки хозяевъ, въ залу. Дамы натянули перчатки, собираясь уѣзжать.

По самой срединѣ комнаты стоялъ Ивановъ. Лицо его раскраснѣлось: онъ очень много пилъ за столомъ. Волосы спутались и прядями падали на лобъ.

— Кто хочетъ слушать — садитесь! громко сказалъ

онъ, сдвигая брови, и дѣлая взмахъ смычкомъ въ воздухѣ.

— Садитесь, или нѣтъ? Болѣе всѣхъ въ нерѣшимости былъ генералъ.

— Садитесь, садитесь! быстрымъ шепотомъ приглашаль хозяинъ. Всѣ сѣли. Сразу водворилась тишина, только изъ столовой долетали звуки убиравемой посуды. Федоръ Федоровичъ поспѣшилъ затворилъ двери. За рояль сѣлъ рыжеватый господинъ, испуганно глядя на музыканта.

Ноющій, протяжный, за душу хватающій, болѣзnenный вздохъ скрипки пронесся и застылъ въ воздухѣ. Вдругъ чѣмъ-то издавна знакомымъ, минымъ, старымъ пахнуло у каждого на сердцѣ. Вотъ другой звукъ... И что за звукъ, что за скрипка! Откуда взялось такое дивное созвучіе — такихъ не бываетъ, такихъ нѣтъ на землѣ — и не слыхали... Это не скрипка, это человѣкъ, грудь человѣческая, изстрадавшаяся, ноеть и стонеть... Все изжитое горе, муки, все возстаетъ, выливается тутъ. Изъ самыхъ далекихъ, сокровенныхъ сердечныхъ изгибовъ поднимаются тѣни благо и носятся вокругъ. Все тутъ — и несчастная любовь, и разбитыя чувства, и неувѣренность въ будущемъ, и безсилье, и слезы, слезы, слезы... Это „Элеція Эрнста“... И неужели это играеть тѣтъ кудлатый, неотесанный, мохнатый?... Краснота сбѣжалась съ его лица, — оно строго, серъезно. Глаза смотрять куда-то въ даль, видѣть что-то такое, что никому не видно... Нѣтъ въ мірѣ ничего элегичнѣе скрипки, — это органъ слезъ и страданій. Вотъ она — старая, почернѣлая, Богъ вѣсть какого года итальянская скрипка... Сколько людей плакали слушая ее, страдая вмѣстѣ съ нею, плача общими слезами... Вотъ те-

шерь все, что есть въ этой душной комнатѣ,—все живетъ одною душою со звукомъ, что идетъ изъ-подъ смычка, изъ-подъ маленькой, блой, гибкой руки, дивно владѣющей имъ. Чарами, чудными чарами полонъ воздухъ,—звуки таютъ, гремятъ, стихаютъ, ростуть, поднимаются, крѣпнутъ, опять падаютъ... И мучительно, мучительно сладко въ груди,—вѣчно бы игралъ онъ, вѣчно...

Теперь уже не слышно стука посуды: въ полуоткрытыхъ двери видны головы прислуги со всего дома: и они привлечены чарами, оторваться не могутъ.

Скрипка замолкла. Всѣ сидѣть, не шелохнутся. Ивановъ отираетъ мокрый лобъ..

— Ну... сказалъ онъ, поднимая голову: довольно. Хорошенькаго понемножку: бисеръ метать надо осмотрительно...

Все колыхнулось... Не знали,—восхищаться-ли, негодовать-ли на послѣднюю дерзость...

— Я у вѣсъ ночую, — заявилъ онъ Федору Федоровичу, закрывая чехоль.—Дома мнѣ мѣста нѣтъ,—Васька спить.

Всѣ зашаркали, стали прощаться, пожимать руки, благодарить хозяина... за елку.

VII.

— Ахъ, какъ вы играете! вырвалось у Евы, когда она, прощаюсь съ нимъ, протянула и крѣпко пожала его руку.

— Вѣдь я-же вами сказалъ, что превосходно,—отвѣтилъ онъ.

Федору Федоровичу было въ сущности очень непріятно,

но онъ, тѣмъ не менѣе, приказалъ постлать ему въ своеемъ кабинетѣ.

— Несчастный человѣкъ, — говорилъ онъ женѣ, — укладываясь на свою проволочную кровать.—Онъ идеальный игрецъ на скрипкѣ... Но приглашать его я не могу... Это ужасъ, что такое.

— Я больна совсѣмъ, лепетала Ева, облачаясь въ свою ночную кофточку, и покончивъ съ своими умыщеньями.

— Представь, онъ у меня попросилъ сейчасъ бутылку мадеры. Я боюсь — не надѣлалъ-бы онъ глупостей... Но генералу его игра очень понравилась... Онъ благодарилъ... Онъ любитель музыки. За это я ему все прощаю...

— Я заболѣю, — повторила болѣзненнымъ голоскомъ Ева, кутаясь въ одѣяло.

Вдругъ, среди ночи, сквозь общій сонъ, царившій въ квартирѣ Шпренга, послышались какіе-то дикие звуки. Первымъ проснулся Федоръ Федоровичъ; долго не могъ понять, въ чемъ дѣло, — наконецъ, вспомнилъ. Онъ быстро накинулъ халатъ, надѣлъ туфли и пошелъ въ кабинетъ.

Онъ отворилъ туда дверь. Темно. А звуки лются и стонутъ. Онъ нашелъ ощущую, на опредѣленномъ мѣстѣ, спички и зажегъ свѣчу.

На полу, поджавши по турецки ноги, сидѣлъ на коврѣ раздѣтый Ивановъ, и игралъ на скрипкѣ. Слезы обильно лились по его щекамъ. Бутылка мадеры была почти пуста.

— Послушайте, — началъ Шпренгъ...

Но онъ не слушалъ, — онъ ничего не слыхалъ, кроме дивной гармоніи. Привычная рука, такъ-же свѣжо и

чисто, какъ и давича, выводила звуки. Такжо дивно звенѣла „Элегія Эрнста“. Федоръ Федоровичъ сѣлъ противъ него и ждалъ.

Ждать пришлось долго. Ивановъ все игралъ, игралъ безъ остановки... и все также чисто и ясно...

Голубоватый разсвѣтъ обозначался сквозь шторы. Ева плакала въ подушкахъ: она хотѣла спать, ей не даютъ. Ивановъ плакалъ надъ скрипкой. Федоръ Федоровичъ бѣгалъ тѣ туда, тѣ сюда—и утѣшалъ обоихъ.

Къ утру музыкантъ утомился, заснулъ,— и спалъ до двухъ часовъ дня. Федоръ Федоровичъ ходилъ вокругъ кабинета на ципочкахъ и никого туда не пускалъ. Въ третъемъ часу онъ ушелъ, занявъ у Федора Федоровича три рубля.

— Знаешь, Евочка, говорилъ Шпренгъ женѣ, послѣ его ухода.— Я лучше его больше не буду приглашать..

1882 г.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ЧТЕНИЕ.

(А. П. Михневичу).

Госпожа Пругавина рѣшила, что необходимо каждую недѣлю устраивать литературные вечера. Госпожа Пругавина была совершенно права, такъ какъ у нея была дочь девятнадцати лѣтъ, и притомъ очень миленькая. Ей нужно общество, развлечения. Танцевальные вечера, практиковавшіеся у нихъ въ теченіе двухъ зимъ, надоѣли до-смерти; и кромѣ того были сопряжены съ расходомъ. Ужь это такъ принято: коли танцуютъ, такъ обязательно надо и кормить. Вѣроятно этотъ скверный обычай имѣетъ вполнѣ законный *raison d'être*: мотіонъ возбуждаетъ голодъ, а голодъ, какъ извѣстно, озлобляетъ человѣка, хозяину же непремѣнно нужно, чтобы гость былъ въ хорошемъ настроеніи. Вдобавокъ, сынъ госпожи Пругавиной, очень стройный поручикъ, хотя стукалъ въ мазуркѣ не безъ ловкости, но утверждалъ, что это допотопное удовольствіе и стойть несравненно ниже полотерного искусства, ибо полотерь

нерѣдко отправляетъ государственную должность, на-тирая полы въ высшихъ учрежденіяхъ, и получая за это законное жалованье, — а танцоры — тѣ трутъ полы и подошвы только по недостатку инициативы. Онъ утверждалъ, что интеллекты должны искать по преимуществу пищи духовной. Госпожа Пругавина схватилась за эту мысль, рѣшивъ, что духовная пища позволить ограничиться однимъ чаемъ и увильнуть отъ ужина. Мысль эту она сообщила своему супругу, господину Пругавину, но встрѣтила, по обычаю, оппозицію.

— И никто, матушка, къ тебѣ не пойдетъ, рѣшилъ онъ, — великий интересъ — такое времяпрепровожденіе! Ст旤ть ъхать, такого добра у всякаго и дома много.

Что подразумѣвалъ господинъ Пругавинъ подъ словомъ „добро“, почему его у всякаго было много дома,— этотъ вопросъ такъ и остался открытымъ. Но всѣмъ было известно, что господинъ Пругавинъ всегда протестовалъ относительно своей супруги—что бы она ни сказала. Это зависѣло больше всего отъ несходства ихъ комплекцій. Господинъ Пругавинъ былъ весьма сѣдъ, плѣшивъ, тощъ, желтъ и желченъ. Супруга его, напротивъ того, была особы пылкая, и настолько дебелая, что идеалисты при входѣ ея въ комнату восхищали: „что за представительная дама“,— а позитивисты прибавляли къ этому: „точно лошадь ввели съ улицы“. Надо правду сказать, что госпожа Пругавина была очень монументальна, и занимала чрезвычайно много мѣста. Можно было порадоваться, что она не живетъ въ эпоху кринолиновъ, ибо въ этой туалетной прокрасѣ она могла бы смутно напомнить уже не монументъ, а цѣлый холмъ и пригорокъ, въ полномъ

цвѣту, чему способствовало вдобавокъ тѣ обстоятельства, что она обвѣшивалась, не смотря на свои сорокъ два года, травами и цвѣтами на подобіе Офеліи. Дочка вышла не въ нее, а скорѣе въ отца,—потому что была до того грациозна и гибка, такъ колыхала своей тончайшей талией, что со стороны можно было за нее беспокоиться: вотъ, вотъ сейчасъ хрупнетъ и сломается. Сынъ,— тотъ опять таки имѣлъ наклонность къ полнотѣ — и въ двадцать четыре года обладалъ очень солиднымъ закругленіемъ въ брюшкѣ, такъ что товарищи, пошлеивая его, говорили: „и-и братъ, да буфетъ-то у тебя того!“

Голосъ господина Пругавина не имѣлъ первенствующаго значенія, и потому его оставили въ сторонѣ, и устроивъ домашній совѣтъ, сообразили, кого пригласить для чтенія. Къ сожалѣнію, у нихъ не было знакомыхъ литераторовъ, то есть настоящихъ, которые печатались бы въ „органахъ“. Быть, правда, одинъ, да и то не литераторъ, а стихотворецъ, Сергѣй Сергеевичъ Карамелевъ. Онъ дѣйствительно напечаталъ въ одномъ „органѣ“ два стихотворенія: „Привѣтъ“ и „Идолъ“.— „Привѣтъ“ начинался такъ:

Привѣтъ тебѣ отъ скромнаго поэта,
Царица грезъ и сердца моего!..

Далѣе было не менѣе энергично. Но „Идолъ“—это была вещь положительно прелестная! Поэтъ разсказывалъ, что было время, когда онъ смотрѣлъ на *нее* какъ на божество, какъ на идола; но вотъ теперь, когда она отдала ему всю свою любовь, онъ съ изумленіемъ замѣчаетъ, что его милая также строго смотритъ на него съ лучезарной высоты,—онъ восклицалъ:

Да, ты мой!.. Но въ прежнемъ изступлены
Приникнулъ я въ слезахъ къ твоимъ ногамъ,—
Все тотъ же храмъ, и тоже благоговѣнны,
И тѣ-жь мольбы, и тотъ же єнимамъ!..

Барышни при послѣднихъ строкахъ не выдерживали и испускали легкій стонъ восторга, чѣмъ и вознаграждали поэта за три безсонные ночи, которыми онъ высидѣлъ свое стихотвореніе.

Положено было—Карамелева пригласить первымъ чтецомъ. Затѣмъ молодой Пругавинъ указывалъ на своеого товарища Копаушина, очень обходительного штабс-капитана, пылавшаго паѳосской страстью къ беллетристикѣ. Онъ читалъ превосходно, и по преимуществу драматическія вещи. При чтеніи онъ такъ одушевлялся, что съ нимъ дѣлалась истерика, и потому его часа два отпивали эфирнымъ валерьянамъ. Но крайней мѣрѣ онъ иначе не могъ читать лермонтовскій „Маскарадъ“. Далѣе имѣлся въ виду преподаватель словесности въ одной изъ гимназій, Люгинъ, человѣкъ крайне серьезный, медлительный, сосредоточенный, авторъ статьи—„Замѣчанія о знакахъ препинанія“, большой любитель читать вслухъ кому бы то ни было,—почему у него никакъ не бывалъ, изъ боязни быть отчитаннымъ заживо.

Такимъ образомъ, на первое время исполнители находились. Рѣшено было подать къ чаю буттерброды съ тертой солониной и сыромъ, чѣмъ ужинъ и замѣнялся вполнѣ. Хозяйка разсчитывала на значительный эффектъ отъ этихъ чтеній. Ни у кого изъ ея знакомыхъ неѣть литературнаго кружка, а у нея будетъ. Къ ней будутъ собираться литераторы, ей будутъ завидовать.

— Вотъ это я понимаю,—говорилъ толстый поручикъ, въ волненіи расхаживая изъ угла въ уголъ.—Это дѣй-

ствительно умно и пріятно,—а то какъ вѣдь мы живемъ: пустота, сутолока!

— Только ты, Поль, ужъ пожалуйста,—замѣтила сестра,—распространи слухи о нашихъ чтеніяхъ въ полку, чтобы всѣ-всѣ твои товарищи бывали у насъ.

— Женатыхъ пожалуй и не надо,—вскользь возвращала мать. — А то своди потомъ знакомство съ женами,—и отъ теперешнихъ-то визитовъ не знаешь куда дѣваться.

Пругавинъ былъ отчасти правъ въ своихъ сомнѣніяхъ касательно интереса, возбужденного въ обществѣ вѣстью о чтеніяхъ. Иные просто испугались.

— То есть что же это будуть читать?

Имъ объяснили, что все: романы, повѣсти, стихи, ученыя статьи. Они крутили головами и не вѣрили:

— Тутъ что нибудь не такъ,—заключали они.

Дѣвицы, особенно тѣ, которымъ не давали Толстаго и Тургенева, встрепенулись, рѣшивъ, что хорошо бы послушать и Зола и Додэ. Одинъ старичекъ нашелъ, что было бы недурно, еслибы на этихъ вечерахъ читали вырѣзки изъ газетъ за недѣлю:

— Такъ чтобы пришелъ,—говорилъ онъ,—сѣсть въ кресло, — да не вставая все бы за послѣдніе дни и узналь. Гдѣ кто кого зарѣзалъ, кого судили, кто умеръ, что въ Китаѣ дѣлается.

Ему заявили, что это неудобно.

— За то интересно,—стоялъ онъ на своемъ.—Всякій бы съ удовольствіемъ пошелъ, и еще за входъ бы заплатилъ. Ну тамъ пять копеекъ въ пользу погорѣльцевъ, что ли...

Многіе совсѣмъ не понали слова „Литературный вечеръ“, и рѣшили, что это домашній спектакль —

поэтому озабочились о длинныхъ перчаткахъ и подвязныхъ локонахъ. Приглашенные читать, — трое: Копаушинъ, Люгинъ и Карамелевъ — отнеслись къ дѣлу очень сочувственно, прося только, чтобы все было возможно проще, и чтобы мужчины были въ сюртукахъ. За два дня до чтенія были разосланы программы такого содержанія:

Литературный вечеръ 25-го января 188 года.
(Первое чтеніе).*

- 1) Элементы литературныхъ импульсовъ.

Статья г. Люгина.

Прочтетъ авторъ.

- 2) Сцена изъ драмы „Уріаль Акоста“.

Сочинение Гуцкова.

Прочтетъ г. Копаушинъ.

- 3) „Весенніе ландыші“.

Рядъ лирическихъ стихотвореній г. Карамелева.

Прочтетъ авторъ.

Начало въ 8^{1/2} часовъ.

Въ день литературнаго чтенія, домъ Пругавиныхъ принялъ совсѣмъ торжественный видъ. Всѣ лампы зажгли; посрединѣ залы утвердили что-то въ родѣ лобнаго мѣста для чтеца; столъ покрыли зеленымъ сукномъ, а сверху поставили свѣчи и графинъ съ водой. Mlle Пругавина расхаживала, постукивая каблучками по паркету, и заглядывая мимоходомъ тѣ въ одно зеркало, тѣ въ другое. Извѣстно, что женщина не можетъ видѣть своего отраженія, чтобы же поправить на себѣ бантика, не обдернуть баски, не пригладить волосы. Братъ ея задумчиво бряцалъ на фортепьяно, вздрагивая при каждомъ шумѣ на лѣстницѣ. Госпожа Пруга-

вина сияла, она такъ чувствовала свое превосходство надъ гостями. Супругъ ея заперся въ кабинетъ и сказалъ, что не пойдетъ смотрѣть на эту срамоту.

Первымъ пріѣхалъ подпоручикъ, очень маленький и застѣнчивый. Когда Пругавинъ его представилъ матери и сестрѣ, онъ усердно закачался корпусомъ, но ничего не сказалъ. Ему предложили снять шашку, онъ покраснѣлъ еще больше, охватилъ ее обѣими руками, что-то такое пролепеталъ, сѣлъ въ кресло, и такъ просидѣлъ цѣлый вечеръ.

Вторымъ явленiemъ была одна вдова мироваго судьи. Къ сожалѣнію, она не прочла присланной программы. Ей было некогда: она цѣлый деньѣ вздила подыскивать бархата, потому что ея портниха (подумайте, какая дрянь!) все ей обузила и окоротила. Ей вспоминалось, что у Пругавиныхъ спектакль, и в добавокъ дѣтскій: ей кто-то сказалъ, но кто и что,—она рѣшительно не помнила. Она глубоко извинялась въ томъ, что привезла своихъ дѣтей: дѣвочку Капочку 8-ми лѣтъ, и мальчика Павлину 6-ти лѣтъ. Она собралась былоѣхать домой, но рѣшила посидѣть, пока дѣти не захотятъ спать.

Потомъ пріѣхала жена хирурга—госпожа Чукъ. Эта явилась въ такомъ декольте, что мужчины при взглядеѣ на нее только повели плечами. Профессоръ математики Кулаковскій привезъ жену, у которой голова до того была обсыпана пудрой, словно ее обмокнули въ мучной мѣшокъ. Карамелевъ пріѣхалъ съ маленькой тетрадкой въ восьмушку, заключавшей въ себѣ благоуханіе „Весеннихъ ландышей“. Тетрадку онъ бережно хранилъ и никому не давалъ въ руки.

Вообще набралось человѣкъ тридцать. Пріѣхали почти

всѣ, кого ожидали. Двѣ дамы пріѣхали съ собачками. Мужчинъ было сравнительно меньше. Барышни безъ умолка болтали, а ихъ голоса звенѣли какъ бубенчики.

Ровно безъ четверти девять, господинъ Люгинъ вошелъ на трибуну, и позвонилъ въ колокольчикъ. Шумѣвшій разговоръ сразу затихъ: такъ затихаетъ сразу юльскій ливень: еще за минуту онъ стучалъ и барабанилъ по листьямъ, — миновалъ край тучи, и все стихло, и опять солнце, и теплый шаръ подымается кверху...

Люгинъ откашлялся, черезъ очки строго посмотрѣлъ на присутствующихъ, и налилъ полъ-стакана воды. Отпивъ, онъ вынулъ красный фуляръ, провелъ имъ по губамъ, протеръ очки, потомъ высыпалъ, посмотрѣлъ еще строже, и сказалъ:

— Милостивые государи!

Это у него была ужъ такая привычка отъ постояннаго чтенія лекцій.

— Вамъ, конечно, не безъизвѣстно,—началъ онъ,— что для каждого движения необходимъ импульсъ, при помощи которого сила находившаяся въ напряженіи переходитъ въ живую силу. Всякій импульсъ въ области исторіи долженъ быть строго формулированъ,—историкъ обязанъ прослѣдить его зачатіе, найти его эмбриональные формы. Исходя изъ этого положенія, нетрудно...

Хозяйка дома и ея дочка очень усердно занимались рукодѣліями: одна вышивала необычайной красоты полотенце, другая—ковырляла прелестное вязанье. Дама съ оголенными плечами чувствовала нѣкоторую неловкость, такъ какъ остальные барышни оказались прикрытыми. Одна старушка вытащила изъ мѣшка цѣлое одѣяло, на кото-

ромъ по красному фону изображались незабудки до того неестественной величины, что скорѣе походили на подсолнечники. Подпоручикъ застылъ охвативъ шашку и впившись глазами въ лицо чтеца. Потомство мироваго судьи усѣлось на одно кресло, хлопало глазами и наяву видѣло сны.

— Подъ именемъ искусства,—продолжалъ Люгинъ,— мы должны подразумѣвать тѣ чувство изящнаго, которое сродно натурѣ человѣка. Резюмируя сказанное, мы установимъ такой критерій. Хотя абсолютно искусства не существуетъ, потому что абсолютизмъ—есть идея и абстрактъ, но тѣмъ не менѣе въ субъективныхъ индивидуальностяхъ оно можетъ проявляться, и даже прогрессировать.—Превосходный эквивалентъ этому...

— Хорошо читаетъ, — замѣтилъ тотъ самый стариочекъ, который такъ добивался чтенія газетъ.

— А что? тихо полюбопытствовалъ сосѣдъ.

— Баритономъ,—отвѣтилъ стариочекъ.

— Однако, если все такъ, то это немножко сухо,—подумала хозяйка, переглядываясь съ дочерью.

Черезъ двадцать минутъ это почувствовали и гости, которые не вергѣлись на мѣстахъ только изъ приличія. Какъ они завидывали Капочки и Павлинки, прикурнувшими другъ другу, и наслаждавшимся безмятежнымъ покоемъ!

— И такъ, читалъ Люгинъ,—мы ясно видимъ, что литература—это зеркало отражающее весь окружающій міръ въ миниатюрѣ, и вдобавокъ міръ профильтрованный горниломъ искусства...

На часахъ пробило половина десятаго. Нѣкоторые потянули свои часы изъ кармана. Оказалось, что эти часы еще отстаютъ на семь минутъ. У многихъ явился

ломъ въ спинѣ. А Люгинъ хоть бы что: знай себѣ читаетъ, да читаетъ.

— Модификація тутъ очень проста, — объясняетъ онъ,—если мы будемъ фиксировать...

Изъ-за двери уже два раза показывалась горничная и дѣлала хозяйкѣ массонскіе знаки, сообщая этимъ, что саповаръ давно кипитъ въ столовой. Хозяйка слегка наклоняла голову, и показывала глазами, что надо подождать.

Безъ четверти десять старичокъ чихнулъ, и съ такимъ вкусою, что невольно вызвалъ пожеланія сосѣдей. Это было единственное разнообразіе во все время чтенія. Да еще господинъ Карамелевъ не скучалъ, а сидя нѣсколько сзади хирургической жены, блуждалъ не безъ удовольствія глазами по ея плечамъ. Mademoiselle Пругавина, чувствуя что на нее смотритъ штабсъ-капитанъ, не смѣла поднять глазъ, и только выгибалась невозможнно пальчики при работѣ, вѣроятно желая этимъ доказать, что не только она сама граціозна, но даже ея пальчики и ногти.

Пробило десять. У всѣхъ лица вытянулись еще больше. Подпоручикъ вдругъ издалъ какой-то необычайный звукъ: у него до того пересохло въ горлѣ, что онъ хотѣлъ откашлянуться, но это какъ-то не вышло. Дамы перешептывались; Павлинъка немножко высвистывала носомъ, у разоспавшейся Капочки машаша все поправляла загибавшуюся юбочку.

Десять минутъ одиннадцатаго Люгинъ кончилъ и торжественно захлопнулъ тетрадь. Въ залѣ царила гробовая тишина.

— Да, баритонъ пріятныи,—повторилъ старичокъ.

Съ нимъ тотчасъ всѣ согласились, такъ какъ въ это

время въ дверяхъ показался лакей, горничная и прачка. Послѣднія двѣ были очень густо напомажены гвоздичной помадой. Весь кортежъ былъ вооруженъ подносами, стаканами, салфетками, ромомъ, лимономъ и бутербродами. Подпоручикъ схватилъ свой стаканъ настолько жадно, что обварилъ себѣ колѣни, и долго потомъ извиваясь, качаясь, въ креслахъ, и бормоча что-то подъ носъ.

Отъ Люгина какъ то сторонились,—точно онъ былъ въ дифтеритѣ: иные побаивались,—а ну какъ онъ да не кончиль...

Павлиньку и Капочку невозможно было добудиться. Мамаша рѣшила: Богъ съ ними, пусть поспятъ.

— Теперь будешь очень интересно,—увѣщевала хозяйка гостей.—Копаушинъ дивно читаетъ. Вы не слышали? Я увѣрена, вы останетесь довольны.

— Да, этотъ ужъ очень того,—замѣтила старушка съ одѣяломъ,—читалъ долго, а понять со стороны трудно, словно ѿхалъ, да изъ мѣшка горохомъ сыпалъ,—ни себѣ, ни другимъ.

Когда на каѳедру взошелъ Копаушинъ—каѳедра дрогнула. Драматический чтецъ былъ замѣтенъ сразу. По грустному, страдальческому лицу, съ которымъ онъ приготовился читать „Акосту“, видно было, что все это имъ перечувствовано. Да и вообще гости были бодрѣ, подкрѣпившимъ чаемъ.

Штабсъ-капитанъ, участвую постоянно на спектакляхъ, не могъ уже читать обыкновенно, онъ непремѣнно игралъ каждую фразу, даже на своемъ лицѣ онъ изображалъ ту мимику, которую, по его соображенію, непремѣнно долженъ быть изобразить данный субъектъ. Въ виду этого обстоятельства, лицо штабсъ-капитана на-

поминало тѣкъ каучуковыхъ куколокъ, которыхъ, по желанію, строить какія угодны гримасы; особенно превращенія были замѣтны при быстромъ, перекрестномъ разговорѣ; надо отдать ему справедливость—онъ при самыхъ неожиданныхъ переходахъ успѣвалъ состроить подходящую мину.

Штабсъ-капитанъ чрезвычайно сочувствовалъ Уріэлю,—онъ увлекъ своимъ сочувствіемъ слушателей, особенно дѣвицъ; изъ нихъ двѣ даже открыли ротикъ. Впрочемъ, послѣднее могло быть ими сдѣлано въ виду сильного насморка. Голосъ Копаушина звучалъ неподѣльнымъ чувствомъ...

Позорное признанье! (читалъ онъ). Въ грудь мою
Ты ранами кровавыми вписаналось,
И въ ней стоишь недвижнѣй, чѣмъ на этомъ
Пергаментѣ,—гдѣ языками змѣй
И черными ножами, и стрѣлами
Начертаннымъ тебя увидѣль я!..

Цорою его голосъ замиралъ, доходилъ до шепота, до какого-то страстнаго журчанья въ горлѣ. Но когда онъ шелъ crescendo,—о! какими громами лилась его рѣчь. Каѳедра тряслась какъ въ лихорадкѣ, — казалось, минута,—и все рухнетъ, и самъ лекторъ полетитъ внизъ! Но рѣчь затихала,—и слушатели опять успокаивались.

Когда, послѣ обряда раскаленія, разъяренный Акоста является на сцену, тутъ то во всей красѣ и развернулся штабсъ-капитанъ. „Молчите! гаркнулъ онъ,—всѣ молчите! Я знаю васъ, всѣхъ знаю!..“

Дѣти мироваго судьи испуганно вскочили съ кресла. Старичокъ, тоже вздрогнувшій, встрепенулся, и промолвилъ:

— Ага, вотъ какъ!

Но когда чтецъ добрался до знаменитаго монолога Урэля,—тутъ уже гиѣву его не было предѣловъ. „Спа-
дите груды камней съ моей груди, — на волю мой
языкъ!“ вопилъ онъ, упѣшившись за подсвѣчникъ.

Восправь мой умъ, и какъ Самсонъ предъ смертью,
Съ отчаянныи усилиемъ разорви
Позорныи оковы...

Онъ потрясъ подсвѣчникомъ въ пространствѣ.

Я разрушу
Моей рукой колонны ваши!. Я...

Лицо его налилось кровью, на лбу натянулись жилы,
глаза обдавали картечью молний...

Павлинъка въ испугѣ заревѣлъ, но даже и его не
было слышно, лекторъ дошелъ до своей кульминацион-
ной точки: онъ топталъ ногами, ревѣлъ, метался...

Я вѣрую въ тебя,
Богъ Адонай! Богъ топчущій какъ глину
Своихъ враговъ! Богъ дышащий огнемъ,
Богъ истительный до третьего колѣна...

Онъ захлебнулся, повалилъ обѣ свѣчи, но не замѣ-
чая ничего, наверху, въ темнотѣ, съ послѣднимъ напря-
женіемъ въ голосѣ закончилъ:

Моя душа—такой же гиѣвый Богъ,—
И съ этихъ поръ служу я Богу мести!..

Чтеца отирали одеколономъ, давали ему пить, про-
сили успокоиться. Павлинъка ревѣлъ съ перепугу, слов-
но его выпороли. Одна старушка хлопотала, чтобы ея
собачку вывели поскорѣе прогуляться. Испуганная при-
слуга толпилась въ дверяхъ. Даже самъ господинъ
Пругавинъ выскочилъ изъ кабинета, вообразивъ, что
провалился диванъ. Если, по прочтенію первого но-
мера, вокругъ царила такая тишина, какъ въ ту эпоху,

когда голубь изъ Ноева ковчега леталъ надъ землею, за то послѣ втораго лектора, залу Пругавинъ смѣло можно было уподобить Вавилонскому столпотворенію. Онъ сосѣдей звонили, прося быть потише: тамъ какъ разъ ждали прирошенья къ семѣ...

Наконецъ, кое-какъ порядокъ былъ возстановленъ. Поломанныя свѣчи были замѣнены новыми; на ревѣвшаго Павлинку надѣли башлыкъ и увезли домой, штабсъ-капитана оттерли и освѣжили. Надо было все-таки чтеніе закончить: вдобавокъ „Ландыши“ представились многимъ привлекательными.

Особенно барышни жаждали лирики. Тамъ навѣрно будетъ соловей, грёзы, розы, волны, полны, кровь, любовь,—это очень весело!

Карамелевъ вошелъ на трибуну съ какой-то грустно-меланхолической улыбкой. На его лицѣ было написано, „я такъ далекъ отъ всего земнаго, мой міръ — тамъ: наверху, на грани мірозданья“... Завѣтная тетрадка дрожала въ его рукахъ. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ.

— Я позволю себѣ маленько предисловіе,—сказалъ онъ, не поднимая глазъ, и взявшись рукой за голову.— Тѣ, что я прочту — это плодъ пятилѣтнихъ моихъ бесѣдъ съ музой. Это своего рода „Лирическое интермеццо“, — это смѣхъ сквозь слезы, — это мои мысли и чувства, переложенные на бумагу.

Онъ раскрылъ тетрадку, и откашлянулся. Всѣ ожидали въ нѣмомъ восторгѣ.

Но онъ медлилъ. Глаза его широко раскрылись, подбородокъ затрясся.

На первой страницѣ его рукописи значилось: „руба-

шекъ крахмаленыхъ—шесть; простыни—четыре; наво-
лочекъ—шесть; платковъ—одиннадцать“... Онъ ошибся
тетрадкой!

Такъ литературное чтеніе у господъ Пругавиныхъ и
не могло закончиться.

1885 г.

НАШИ ПЕДАГОГИ.

I.

PLUSQUAMPERFECTUM.

Я тогда былъ въ нѣкоемъ „среднемъ“ заведеніи, и его должны были коснуться „нѣкоторыя преобразованія“, и притомъ во всей силѣ.

Мы все были незрѣлы, очень незрѣлы, — все мы ждали чего-то... Чего—право трудно было опредѣлить: въ воздухѣ пахло преобразованіями... Въ классахъ древнихъ языковъ появились какіе-то ревизоры, сухіе, длинные какъ миноги, съ крѣпкимъ запахомъ горькаго миндалю, въ золотыхъ очкахъ и невыносимо скрипучихъ ботинкахъ. Господа преподаватели на урокахъ латинскаго и греческаго языковъ стали затягивать бразды своей власти. Мы подтянулись, пріободрились. А тутъ еще къ веснѣ дали новую форму. Мы застегнулись на все пуговицы и стали ждать...

Но къ осени случилось нѣчто настолько странное, что ужъ этого мы никакъ не могли предвидѣть... Вновь выработанная программа была настолько обширна, что прежніе преподаватели оказались несостоятельными,— пришлось попросить ихъ оставить свои посты и замѣстить ихъ новыми. Полетѣли съ насиженныхъ мѣсть педагоги,— полетѣлъ Теофилактъ Синекванонскій, преподававшій римскую словесность и введеній въ употребленіе поля на тетрадяхъ въ три пальца ширини, тогда какъ до него они бывали только въ полтора пальца; полетѣлъ Акакій Пяточкінъ, носившій проборъ на затылкѣ, душившійся опононаксомъ и женатый на столь рослой дамѣ, что, въ случаѣ его провинности, нечего и помышлять было о какомъ бы то ни было сопротивленіи; полетѣлъ... да мало ли кто полетѣлъ,—многіе полетѣли...

Представители реальныхъ предметовъ заскучали, — одинъ даже, преподаватель исторіи, умеръ, оставивъ послѣ себя очень аппетитную вдовушку. — Вдовушка стала продавать мебель: зачѣмъ же была ей большая обстановка, когда она осталась одинокой? На мебель явился покупщикомъ учитель географіи Анатоль Пареный, отлично игравшій на флейтѣ;—но такъ какъ вдовушка просила за обстановку полторы тысячи, и вдобавокъ не хотѣла съ нею разставаться, то послѣ нѣкотораго колебанія Анатоль Пареный рѣшился на вдовушкѣ жениться. Вѣнчалъ ихъ нашъ же протоіерей, отецъ Симеонъ, за что получилъ пятьдесятъ рублей, двумя новенькими двадцатипятирублевками. Итакъ, всѣ мы ждали...

Къ несчастію, отечественнаго филолога найти въ ту пору было очень трудно (не то что теперь), а потому

пришлось выписать таковыхъ изъ придунайского края. Послѣ нѣкоторой натуги, придуна́йские учителя были найдены и доставлены немедленно, причемъ на каѳедру латинскаго языка былъ назначенъ Федоръ Пшикъ, а на каѳедру греческаго — Цезарь Рило. Но первый дебютируетъ сихъ филологовъ въ нашемъ отечествѣ былъ неудаченъ; — о нихъ-то я и собираюсь побесѣдоватъ съ читателями.

Пшикъ былъ очень маленький, золотушный человѣчекъ, съ лицомъ, сильно напоминавшимъ подгорѣвшую съ одного бока вафлю. Онъ былъ еще очень молодъ, хотя отличался степенными манерами. Бровей, усовъ и бороды у него, въ строгомъ смыслѣ, не было, а были отдѣльные, во всѣ стороны торчавшіе волоски рыжаго цвѣта. Глазъ тоже не было — ихъ замѣняли какія-то щели, откуда смотрѣло что-то въ родѣ запеченыхъ прусаковъ. Говорилъ онъ тихимъ, гнусливымъ голосомъ, сюсюкалъ и шепелявиль, причемъ, вдобавокъ, русскія слова коверкалъ. Улыбался онъ рѣдко; но когда улыбался, тогда изъ вафли лицо превращалось въ печеное яблоко, прусаки куда-то уползали, а вместо нихъ изо рта выставлялись гнѣдые корешки, исправлявшіе должностъ зубовъ. Самыя невзыскательныя дамы находили его неинтереснымъ, что, вирочимъ, чиколько ему не мѣшало, какъ это читатель, увидитъ ниже, восхищаться женской красотой и чувствовать вожделѣнія...

Съ первого же класса онъ убѣдился, что мы ничего не знаемъ; что предшественникъ его, введя въ употребленіе трехпалыя поля, отнюдь не озабочился ознакомленіемъ настъ съ тайнами латинскаго словосочиненія, и что мы имѣемъ самое смутное понятіе — что такое,

напримѣръ, значить цѣйгма, ибо даже лучшій нашъ ученикъ, Калистратъ Фалелеевъ, и тотъ обѣ этомъ не слыхивалъ.

— И чѣто съ вами дѣлять, — гнусилъ и сюсюкалъ Пшикъ, — когда я подумаю — у меня въ рожу краска бросается, и перепонка дрожитъ...

Что именно онъ подразумѣвалъ подъ дрожаніемъ перепонки — этого мы тоже не понимали, — только очень намъ стыдно было, что мы не знали, что такое цѣйгма...

И долго мы носились съ этимъ незнаніемъ, а онъ все насъ имъ упрекалъ, но объяснить не хотѣлъ, пока, наконецъ, однажды, въ минуту благодушія, не заявилъ:

— Цѣйгма,—это когда поэтическая вольность, и вы, напримѣръ, говорите, что проливаете то, что можно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что нельзя. Напримѣръ: „я проливаю слезы и цвѣты надъ могилой“.

Для перевода онъ порою задавалъ намъ ужасно странныя фразы. Напримѣръ: „Плодъ справедливаго мужа не погибнетъ“, или — „О, если бы гнѣвъ погасилъ!“ или — „Есть такой обычай у народа, что онъ желаетъ, чтобы его союзники и друзья возвышались достоинствомъ и почестью“... Это надо было переводить на латинскій языкъ.

И мы переводили, переводили съ упорствомъ. Не менѣе хороши были и обратные переводы — съ латинскаго на русскій. Саллюстій, Овидій и Цезарь ахнули бы, еслибы могли понять ту невыразимую труху, что у насъ выходила часто при устномъ переводѣ. И все-таки Пшикъ былъ глубокій знатокъ древнихъ языковъ; знай онъ немножко больше русскій языкъ — онъ

бы принесъ намъ несомнѣнную пользу... Но тутъ еще вдобавокъ случился иѣкій фактъ, совершенно перевернувшій судьбу Пшика.

Въ нашемъ „зведеніи“ былъ буфетчикъ Гаврила, съ длиннымъ восточного типа носомъ, огненно-черными глазами, плутъ и мошенникъ первой степени. Кормилъ онъ насъ убѣйственно, подавалъ такую кашу, что ее могли Ѳѣсть одни только гувернеры, и наживался страшно. У Гаврилы была дочка Настя—черноглазенькая, маленькая, вертлявенькая дѣвочка лѣтъ двадцати, бѣгавшая въ орѣховомъ ватеръ-пруфѣ и съ портфелью, куда-то пососѣдству въ музыкальную школу. Сорви-голова она была ужасная, всегда она была весела, всегда хохотала. Влюблены въ нее были всѣ мы, но ревновать ее не было никакой возможности... Она любила, потому что любится, всей душой, всѣмъ существомъ, не думая, не заботясь о послѣдствіяхъ. Вотъ съ нею-то и пришлось встрѣтиться Пшику.

Дѣло было такъ. У него оказался однажды свободный классъ, — перемѣнили на этотъ день расписание уроковъ. Чтобы не сидѣть цѣлый часъ въ душной учительской или въ канцеляріи, онъ захватилъ какіе-то комментаріи на Виргилія и отправился въ садъ. Садъ у насъ былъ большой, густой, запущенный. Идетъ онъ по аллее, высматриваетъ скамеечку, гдѣ бы усѣться. Наконецъ выбралъ, сѣлъ, закурилъ папироску, и только что раскрылъ книгу — слышитъ чьи-то шаги. Оглядывается: брюнеточка, маленькая, стройненькая, идетъ, тоже книжку читаетъ, глазъ не отрывается отъ нея. Прошла, — онъ вслѣдъ ей посмотрѣлъ пристально: какъ это она легко ноженками переби-

раеть, всѣмъ корпусомъ покачивается. Прошло минутъ пять—она садъ обопила, опять идеть мимо, опять не смотрить. А потомъ—въ третій разъ. Поровнялась съ нимъ, мелькомъ, будто бы, взглянула, на другой конецъ скамейки присѣла, читаетъ. Шикъ шляпу поправилъ, папиросу бросилъ, и за Виргилія. Сидѣть, молчать оба. Вдругъ у нея сложенный зонтикъ изъ рукъ выскользнулъ и шлепъ на песокъ. Шикъ сейчасъ нагнулся, поднялъ. Она повела на него своимъ чернымъ взглядомъ, да и говорить:

— Merci.

Онъ даже вздрогнулъ, и потупился. Она опять было въ книжку, но вскорѣ закрыла, потянулась, и такъ вкусно зѣвнула, что даже ногами по песку забарабанила. Потомъ обратилась къ Шику, спрашиваетъ:

— Вы, кажется, мосье Шикъ?

Тотъ сконфузился.—Шикъ.

А у нея зонтикъ опять трахъ о-земь. Онъ опять нагнулся, она тоже,—лбами стукнулись. Онъ красныи, красныи сдѣлался, посмотрѣлъ на часы и говоритъ: „инѣ пора“! Приподнялъ шляпу, а она руку протягиваетъ. Пожаль онъ руку; а ручка у нея была маленькая, бархатная, бѣленъкая. Пошелъ, торопится, спотыкается.

Отъ насть изъ класса всю сцену видно. Быть въ это время класъ законоучителя, носившаго чрезвычайно странную фамилию — Симеонъ Вводѣстоященскій. Такъ даже онъ заинтересовался и глубокомысленно промолвивъ.

— Ишь ты, туда-же! и, помолчавъ, прибавилъ:

— Попороть бы ее, да хорошенько.

Пришелъ Шикъ послѣ этого къ намъ совсѣмъ рас-

терянный; уверяетъ, что голова ужасно болитъ. Напереводиль такъ, что и самъ понять ничего не могъ.

И вдругъ, съ той поры, у Пшика оказалось два часа въ недѣлю свободныхъ. Эти два часа онъ непремѣнно въ саду, и Настя тамъ же. Только скамейку стали выбирать не ту, на которой въ первый разъ сидѣли, а въ глубинѣ сада... На свиданія къ воспитанникамъ Настя ходить перестала, неприступная такая, что бѣда! И вся ея сообразительность куда-то пропала: ее то и дѣло стали „накрывать“ съ Пшикомъ, и хотя преступнаго въ ихъ отношеніяхъ ничего не было, но всѣ ждали, что какой-нибудь конецъ нежданный да будетъ...

Въ одинъ прекрасный день, вдругъ разнесся слухъ, что Пшикъ женится на Настѣ. Нѣкоторые учителя стали его отговаривать, онъ стоялъ на своемъ.

И женился.

Когда, въ первый разъ послѣ свадьбы, онъ явился на урокъ, и мы хоромъ стали его поздравлять, несчастный до того сконфузился, что долго не могъ сказать ни одного слова,—и потомъ все повторялъ:

— Благодарю, благодарю...

Повидимому, онъ былъ счастливъ. Онъ сталъ развязнѣе, веселѣе. Даже шутить началъ. Нерѣдко смеялся самъ надъ собой, когда его поправляли въ невѣрномъ удареніи (онъ, напримѣръ, говорилъ варвары вмѣсто вѣрвары). О Настѣ совсѣмъ стало неслышно — отъ насъ она перебѣхала и про нее стали даже забывать...

Такъ прошло съ годъ. Однажды Пшикъ не явился въ классъ (передъ этимъ онъ все ходилъ такой хмурый);—навели справки: оказалось, что Настя отъ него сбѣжала и поступила на какую-то загородную сцену актрисой... Онъ звалъ, просилъ вернуться, ползалъ пе-

редъ ней на колѣняхъ, цѣловалъ ноги, платье, — но она рѣшила на свое мѣсто, осталась на сценѣ, къ которой, будто-бы, чувствовала призваніе. Вскорѣ въ газетахъ появились похвальные рецензіи,—она вошла въ моду...

А Пшикъ?—Пшикъ помѣшался, и умеръ въ клинике Балинского.

* * *

Одновременно съ нимъ выписанный классикъ, Цезарь Рило, представлялъ изъ себя совершенную противоположность Пшику. Особеннымъ благородствомъ физіономіи онъ тоже не отличался, да и притомъ, отъ него пахло всегда чѣмъ-то очень сквернымъ. Национальность его трудно было опредѣлить: не то чехъ, не то грекъ, не то иѣменецъ. Злые языки утверждали, что онъ самый греческій грекъ, что даже онъ прежде торговалъ рапать-лукумомъ, что его видѣли въ гостиномъ дворѣ въ фескѣ и курткѣ за лоткомъ съ вѣсами. Но ничего подобнаго быть не могло, — онъ былъ человѣкъ образованный, не чета нѣкоторымъ нашимъ гувернерамъ-французамъ, служившимъ нѣкогда въ національной гвардіи барабанщиками,—таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ нашъ гувернеръ Натюрель. Цезарь Рило былъ человѣкъ сносный; у него въ классѣ вели себя чинно, не играли въ банкѣ, не завтракали, не рѣшили тригонометрическихъ задачъ, не стрѣляли изъ маленькихъ пушекъ, не спускали воздушныхъ шаровъ, — а подобное уваженіе со стороны воспитанниковъ очень много значить. Тѣмъ не менѣе, Рило кончилъ не совсѣмъ хорошо, и паль жертвой нашихъ шутокъ.

Переводили въ седмомъ классѣ не то Апологію Сократа, не то Одиссею Гомера. Переводили, конечно, *à livre ouvert*, не приготавившись. Переводить одинъ ученикъ — запнулся о слово *màtaios*, не знаетъ значенія. Рило привязался.

- Вы не знаете, что значить *màtaios*?
- Знаю... *Màtaios*—значитъ и по-русски *màtaios*.
- Какъ такъ?
- *Матайный*—такое есть прилагательное.

Рило къ первому ученику, къ Фалееву. — Что знать по-русски *màtaios*?

Тотъ не хочетъ выдать товарища. *Màtaios*, говорить, значитъ *матайный, лживый*.

- Да, лживый, а не матайный.
- Лживый, матайный,—это по-русски все равно.
- Хорошо, говорить, я спрошу у преподавателя русской словесности.

Къ счастію, преподаватель русской словесности, Оми-кронъ, оказался очень покладистымъ человѣкомъ, внялъ нашей мольбѣ — и объяснилъ Рилу, что такое слово существуетъ, и даже въ беллетристикѣ употребляется.

И пошло у насть въ переводахъ — матайный, да матайный,—всѣ съ новымъ словомъ сжились, сдружились. Подходить дѣло къ экзамену. Пугаетъ насть Рило: „дамъ — говорить — я вамъ переводъ письменный, на экзаменѣ очень трудный; за каждую ошибку по баллу сбавлять буду“. Мы стали призадумываться: нельзя сказать, чтобы мы были очень сильны въ діалектѣ Перикла.

Передъ Святой, Рило влюбился въ одну барышню, сестру одного изъ нашихъ учениковъ. Въ самую затурненію онъ ей предложеніе сдѣлать, — благо уже во

фракѣ быль. Предложилъ ей руку, сердце и тѣ три тысячи жалованья, которыми онъ побирался изъ разныхъ учебныхъ заведеній. Барышня была ужъ не молодая, некрасивая, какъ галочье яйцо вся въ веснушкахъ; отчего же, думаетъ, мнѣ Риловой не сдѣлаться— все одно такъ-то изнывать,—ну, и согласилась.

* * *

Заходилъ Рило фѣртомъ, новый вицъ-мундиръ сдѣлалъ и на бороду бриллиантинъ сталъ класть, чтобы, когда съ невѣстой цѣловаться будетъ, хорошенько пахло. А братъ невѣсты и еще того больше обрадовался: „вотъ, моль, теперь мнѣ лафа — экзамены выдержу, рука сильная въ совѣтѣ есть“. — Мы къ нему и пристали:— „узнай какъ-нибудь тайкомъ, что мы на экзаменѣ переводить будемъ, — тебѣ это можно“... Тотъ сначала поломался, потомъ согласился.

Забрался однажды онъ, въ качествѣ будущаго шуприна, въ кабинетъ Рила, и чуткимъ нюхомъ гимназиста рѣшилъ, который переводъ изъ массы текстовъ, лежавшихъ у него на столѣ, пойдетъ на экзаменъ. Текстъ тотчасъ быль списанъ, а на другой день лучшіе наши классики гуртомъ, съ Фалелевымъ во главѣ, точно перевели русскій текстъ на греческій. Въ послѣднемъ, предъ экзаменомъ, классъ, мы объявили Рилу, что экзамена не боимся, ибо серьезно къ нему приготовились. На это онъ намъ торжественно замѣтилъ:

— Вы молодые ослы, стоящіе на высокой горѣ...

Это была какая-то пословица, и обижаться за нее

было нельзя, такъ какъ „молодой осель“ было въ ней понятіе чуть ли не ласкательное.

Передъ экзаменами была помолвка. Радужное настроеніе его не проходило. И даже трагический конецъ Пшика его не беспокоилъ. Бѣдный! Онъ не подозрѣвалъ, чѣмъ кончится для него мѣсяцъ!

Во-первыхъ, на экзаменѣ у всѣхъ оказались переводы написанными слово въ слово — что чрезвычайно удивило и экзаменаторовъ и ассистентовъ, такъ какъ всякая возможность *списать* была устранина. У всѣхъ была повторена одна и та же просмотрѣнная Фале-леевымъ ошибка... Очевидно дѣло не чисто.

На Рило взглянули нѣсколько подозрительно. Онъ самъ былъ крайне смущенъ и рѣшился быть жестокимъ: рѣзать всѣхъ, кромѣ брата своей нареченной.

Но, увы! его первымъ срѣзалъ самъ директоръ и поставилъ двойку. Это повергло Рило въ окончательное негодованіе.

И вотъ переводятъ Апологію. Доходить до слова *mataios*. Ученикъ переводить словомъ—безразсудный...

Рило вскипѣлъ:

— Какъ „безразсудный“, какъ „безразсудный“?! Матайный, матайный!..

Совѣтъ выпучилъ глаза.

— Матайный, матайный! кричать Рило.

А классъ со смѣха такъ и покатывается...

* * *

На мѣсто Пшика и Рило назначили двухъ ученыхъ филологовъ: Рейнике и Генике. А Рило всетаки женился...

II.

PERFECTUM.

Какъ быстро появились на нашемъ горизонтѣ сыны Дуная, такъ же скоро и исчезли—ну, словомъ:

„Не расцвѣвъ—отцвѣли въ утрѣ пасмурныхъ дней!..“

Для насъ готовилась новая эра! Очевидно, реформа хотѣла проникнуть подъ самый корень заведенія: доморощенныхъ филологовъ потребовалось во что бы то ни стало, и на „ заводъ“ вызвана была ученѣйшая изъ націй. Признаться сказать, мы ожидали нѣчто подавляющее, *minimum* доктора Фауста, говорящаго на семидесяти языкахъ въ совершенствѣ, который приѣдетъ, да такъ-таки прямо цицероновскимъ жаргономъ и заговорить. Но известно: *natura non facit saltum*—и какъ каждому спуску аэростата предшествуетъ пробный шаръ, такъ и въ данномъ случаѣ,—временно (месяца на два), занялъ каѳедру древнихъ языковъ господинъ Мюллеръ, Богъ вѣсть откуда свалившійся. Къ несчастію, онъ, кромѣ древнихъ языковъ, взялся преподавать гимнастику, и тѣмъ сразу подкосилъ свой престижъ, получивъ прозвище „гимнастера“. Вообще появленіе Мюллера—было нѣчто странное. Да и что такое Мюллеръ? Мюллеръ можетъ быть булочникъ, табачникъ, фабриканть, даже учитель чистописанія, но ужъ никакъ не преподаватель древнихъ языковъ,—это что-то несовмѣстимое. А потому мы и рѣшились ничего у него не дѣлать, и на всѣ его объясненія говорить: „не пони-

маемъ". Бывало, комментируетъ онъ Гомера, а мы ему хоромъ:

— Не понимаемъ!

Онъ покраснѣетъ, потретъ руки и спросить:

— Не взять ли дальше?

И мы валинемъ дальше à livre ouvert Иліаду, такъ-таки прямо по печатному переводу гекзаметрами. А Мюллеръ удивляется.

— Смысла много, а понятій никакихъ!

Наконецъ, пронесся слухъ, что настоящій педагогъ єдетъ. Господинъ директоръ по этому поводу произнесъ такого рода рѣчъ:

— Господа! Вы имѣете счастіе быть первыми, коихъ реформа коснется во всей силѣ. Вамъ въ преподаватели назначень господинъ Генике, человѣкъ огромныхъ свѣдѣній. Надѣюсь, вы приложите все стараніе, дабы воспринять тѣ знанія, которыми снабдить васъ этотъ ученый мужъ, снискавшій, можно сказать, европейскую славу...

Господинъ директоръ хватилъ, очевидно, черезъ край на счетъ европейской славы; — но, тѣмъ не менѣе, мы были на столько поражены его рѣчью, что на-отрѣзъ отказались у Мюллера переводить Иліаду, хотя бы и по печатному переводу.

И вотъ торжественный мигъ насталъ: явился господинъ Генике.

Это былъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, необычай-наго роста, косматый, сухой какъ щепка, съ птичьимъ клювомъ вместо носа, но при всемъ этомъ чрезвычайно добродушный. Онъ былъ совершенно застрахованъ отъ тѣхъ случайностей семейной жизни, которымъ подверглись его предшественники. Онъ вывезъ съ береговъ

Рейна, вмѣстѣ съ дорогимъ попугаемъ и отличной библіотекой, молоденькую жену, весьма добродѣтельную во всѣхъ отношеніяхъ: полненькую, румяненькую, сдобную, съ жирными глазками, напрашивавшимися на попѣлу, пухленькими бѣлыми лапками и чудесными ямочками на щечкахъ. Когда они шли по улицѣ рядомъ, за него даже было какъ-то совсѣмъ: такой онъ былъ тощій. Впрочемъ, она дѣлала видъ, что этого не замѣчаетъ.

Узнали мы это, конечно, впослѣдствіи; но въ первый классъ онъ намъ показался старымъ холостякомъ. Онъ сразу выяснилъ свои стремленія и цѣли.

— Я желаю, господа, чтобы каждый изъ васъ былъ достоинъ аттестата зрѣлости, который вы имѣете получить. И я сдѣлаю васъ достойными.

Въ подтвержденіе, онъ ударилъ книгою по первой скамейкѣ, задѣль чернильницу и пролилъ. Но, какъ истинный мужъ науки, не смущился, а сказалъ:

— Кликните сторожа: онъ, съ помощью тряпки, это вытереть.

Когда сторожъ, съ помощью тряпки, вытеръ чернила, онъ сказалъ:

— Каждый изъ васъ будетъ работать самостоятельно и изолированно: это принципъ моихъ занятій.

Мы затаили дыханье: кромѣ двухъ-трехъ специалистовъ-филологовъ, остальной классъ былъ совершенно неспособенъ на какую бы то ни было самостоятельную работу. Всѣ, наконецъ, отвыкли отъ дѣла: неужто-же опять браться за азы?..

Но на дѣлѣ оказалось, что не такъ страшень чортъ, какъ его малюютъ, и всѣ потуги Генике и директора свелись на невообразимый курьезъ.

Генике женатъ былъ недавно, а супруга его, еще полная впечатлѣній медового мѣсяца, никакъ не могла утерпѣть, чтобы подъ конецъ классовъ не прийти въ заведеніе за мужемъ. Она приходила, и очень скромно оставалась въ швейцарской, кутаясь въ свою ротонду и лукаво поглядывая на шнырявшихъ мимо учениковъ. Когда среди колоннъ дорического стиля, подправившихъ плафонъ нашего вестибюля, показывалась стручкообразная фигура ея супруга, лицо ея ожидалось, она вынимала изъ ротонды носикъ и смотрѣла на него; онъ, краснѣя, суетливо подбѣгалъ къ ней и торопливо говорилъ:

— Ja, ja, ja...

Затѣмъ онъ бѣжалъ въ учительскую; къ ней подходилъ директоръ и на скверномъ нѣмецкомъ языке спрашивалъ:

— Нунъ, ви бефинденъ зи зихъ?

Она всыхивала и что-то лепетала. Впослѣдствіи оказалось, что фрау Генике ждетъ потомства, и потому принимала вопросъ господина директора непосредственно въ этомъ отношеніи. Иногда она навѣщала мужа въ большую перемѣну, и даже приносила ему завтракъ. Калистратъ Фалелевъ, хотя и бывшій на счету первого ученика, но обнаруживавшій съ молодыхъ лѣтъ самыя донъ-жуанскія поползновенія, замѣтилъ однажды на счетъ ея:

— А недурно бы за ней пріударить!

Что онъ и исполнилъ вскорѣ „ничтоже сумняшеся“. Его предупреждали, какъ на это посмотреть Генике. Но онъ на это логично замѣтилъ:

— Ему должно быть пріятно, что у меня съ нимъ общіе вкусы.

Чрезъ нѣсколько времени Генике заявилъ, что будуть „extemporalia“ — письменныя классныя упражненія въ греческомъ языкѣ. Причемъ на первый разъ, какъ онъ заявилъ, упражненіе будетъ самое дѣтское, которое достойно четвертаго, а не выпускнаго класса. То была извѣстная классическая басня „Волкъ и Ягненокъ“. Этотъ любопытный документъ до сихъ поръ хранится у меня и я воспроизвожу его съ фотографической точностью.

Волкъ и ягненокъ.

Волкъ увидѣвшіи (аористъ) ягненка, пьющаго изъ (аро съ род.) какой-то рѣки, хотѣлъ его пожирать подъ (meta съ род.) хорошимъ предлогомъ. Потому онъ сталъ выше и обвинялъ ягненка въ томъ (въ томъ=какъ=os), что мутить ему воду и не даетъ ему пить. Когда же этотъ сказалъ, что онъ пьетъ только краями чубъ, и что, впрочемъ, невозможно ему, стоящему ниже, мутить воду,—волкъ сказалъ: „но годъ тому назадъ ты ругалъ моего отца“. Когда же тотъ отвѣчалъ: „я же въ то время вовсе и не родился“, волкъ сказалъ: „у тебя всегда есть извиненія, но я, будучи нѣсколько времени безъ обѣда, не пощажу (feidomai съ род.), тебя“.

— Господа, будьте самостоятельны и не смотрите въ со-сѣдей! предупредилъ Генике.

Мы растерялись... Умоляющіе взоры устремились на нашихъ четырехъ классиковъ-спеціалистовъ, тѣ покрутили головами: моль, „будьте благонадежны“...

Мы уткнулись въ тетрадки, стали что-то царапать. Прошло полкласса, а у всѣхъ страницы еще были чисты.

Я вывелъ первую строчку и сталъ въ ней сомнѣваться, ужъ очень какъ-то подъ риemu слова выходили:

Lykos idon amnon pinonton apo potamon...

Наконецъ, вдругъ налетѣли маленькия бумажки. Наши филологи переводъ кончили и раздали крохотные списки товарищамъ. Генике сидѣлъ недвижно на каѳедрѣ и читаль нѣмецкую газету. Къ концу класса все было готово...

— Почти у всѣхъ одинаково! изумлялся на слѣдующій день Генике.

Возможность дальнѣйшаго успѣха писанія „extemporalia“ и самостоятельной работы была обеспечена.

Генике дѣйствительно оказался знатокомъ своего дѣла, хотя Иліаду ему и продолжали переводить по Гнѣдичу, Одиссею по Жуковскому, а прочихъ классиковъ по французскимъ переводамъ. У Генике на первомъ планѣ была грамматика. Болѣе всего онъ любилъ „дѣльныя“ замѣчанія со стороны учениковъ о какомънибудь путаномъ оборотѣ. Этимъ воспользовался одинъ англичанинъ, и узнавъ, что Генике незнакомъ съ английскими комментаторами, запружалъ каждый классъ „дѣльными“ замѣчаніями изъ своего англійского изданія.

— Онъ небреженъ, но очень дѣльный ученикъ, говорилъ Генике, и ставилъ ему удовлетворительныя отмѣтки.

Дѣло опять покатилось какъ по маслу. Какъ глубоко плугъ реформы ни проникалъ въ почву нашего заведенія, но въ результатѣ онъ сейчасъ же выползалъ на поверхность и скользилъ по ней. Съ виду все благополучно: переводить хорошо, пишутъ хорошо, дѣльныя примѣчанія дѣлаются, — но Генике сознавалъ, что это

не то. Создавалъ тоже и Рейнике, выписанный для младшихъ классовъ.

— Что бы намъ предпринять? недоумѣвали они.

Но предпринять было нечего.

Однажды мы получили сильно взволновавшее настъ сообщеніе. Принесъ его въ классъ нашъ протоіерей, отецъ Симеонъ—прекраснѣйшая, добродушнѣйшая личность въ мірѣ, съ которымъ ученики поступали довольно жестоко. Онъ былъ большой любитель пѣнія; разъ, сидя на каѳедрѣ, онъ показалъ, какъ поется „на седьмой гласъ“. Это такъ намъ понравилось, что къ нему стали приставать показать какъ тѣ поется, какъ другое. Онъ исполнялъ съ охотою, и, бывало, какъ только войдетъ въ классъ, ученики къ нему:

— Батюшка, спойте что-нибудь!

Онъ сидить на каѳедрѣ, поетъ, заливается, а изъ сосѣднихъ классовъ сбѣгаются учителя...

Вотъ приходитъ онъ и говорить:

— Мрачное извѣстіе вамъ принесъ. До экзамена по аттестатамъ могутъ быть допущены не всѣ, а только тѣ, кого допустить совѣтъ.

Мы онѣмѣли.

— Какъ такъ?

— Такъ! Не достоинъ того, чтобы держать экзаменъ— и конецъ.

Сперва мы думали, что батюшка ошибся. Но вскорѣ извѣстіе подтвердилось. Нѣкоторые не будутъ допущены, и останутся на второй годъ въ выпускномъ классѣ. Допускать ихъ до экзамена опасно: могутъ оконфузить начальство передъ министерской ревизіей. Мы впали въ уныніе. Тщетно преподаватель исторіи ставилъ намъ въ примѣръ спутниковъ Леонида, и вспоминаль над-

шись: „Прохожий, и т. д.“, мы объявили, что въ Фермопилахъ было легче, ибо тамъ погибали за отечество.

— А теперь вы погибаете за науку! утѣшалъ онъ.

Но утѣшение было плохо, мы кричали: „Eheu nobis!“, иные лѣзли въ печку и покрывали голову пепломъ. Большинство ругалось. Фалеевъ писалъ женѣ Генике сецгментальная посланія, гдѣ постоянно мелькали: Die Rose, die Lilie, die Lotosblume, Mondenschein и пр. Какъ-то онъ сѣлъ вмѣстѣ съ нею въ вагонъ конно-желѣзной дороги и размѣнялъ ей цѣлковый, такъ какъ у кондуктора денегъ не оказалось. Должно быть она была преглупченская барыньяка, потому что въ результѣтѣ пожала ему руку, и опустила глазки.

Наконецъ стало известнымъ, что до экзамена будуть не допущены только трое, но въ томъ числѣ и Смаррагдъ Рюшкинъ, который и безъ того сидѣлъ въ классѣ два года, и теперь принужденъ былъ выйти.

Рюшкинъ, не смотря на великовозрастіе, ударился въ слезы (да и было отчего). Туда, сюда,—нельзя, говорить, допустить — слабы. Мы возмущились, толпой къ господину директору.

— Допустите Рюшина!

— Это не я, господа,—совѣтъ.

— Да ужъ допустите.

Господинъ директоръ заколебался, видѣть — среди насъ беспокойно...

— Хорошо, господа... Завтра будетъ еще совѣтъ, я ноговорю...

Мы выборныхъ къ Генике, въ томъ числѣ и Фалеева. Генике вышелъ недовольный, въ халатѣ: ему въ чёмъ-то помышали послѣ обѣда. — „О чёмъ вы?“ Ему объяснили. Онъ взбѣсился окончательно.

— Какое мнѣ дѣло до вашего Рюшкина! Для официальныхъ объясненій есть заведеніе, а не моя квартира.

Какъ на грѣхъ, въ двери выплыла фрау Генике. Фалеевъ ножкой щелкнулъ, кланяется. У Генике даже потъ на лбу выступилъ...

— Ваше, кричитъ, поведеніе, Фалеевъ — недостойно вашихъ знаній. Вы думаете не о томъ, о чёмъ надо...

Онъ позвонилъ въ колокольчикъ, и когда на зовъ явилась кухарка съ мокрыми руками (она, очевидно, мыла кастрюли), онъ сдѣлалъ наполеоновскій жестъ на дверь и сказалъ:

— Акулина, выпусти ихъ.

Затѣмъ поклонился и исчезъ за дверью, вытѣсняя собою любопытствующую фигуру своей супруги.

Единственная надежда оставалась — обратиться къ преподавателю русской словесности Омикрону, — этому идеалу всѣхъ преподавателей, любимцу всѣхъ учениковъ заведенія.

Омикронъ выслушалъ внимательно, съ легонькой усмѣшечкой, и проговорилъ:

— Ага, вотъ что — хорошо!

Онъ обѣщалъ назавтра въ совѣтѣ говорить за Рюшкина. А слово его всегда было вѣско.

Это былъ удивительный человѣкъ. Мѣсто его было на университетской каѳедрѣ, а отнюдь не въ среднемъ учебномъ заведеніи. Но его не пускали впередъ въ силу того обстоятельства, что онъ былъ невозможный служака. О немъ и обѣ отношеніяхъ его къ начальству можно судить по слѣдующему факту. До свѣдѣнія попечителя дошло, что онъ читаетъ будто бы въ классѣ „Переписку Гоголя съ друзьями“. Къ нему съ допросомъ.

— Читаете письма Гоголя?

— Помилуйте, говорить, я знаю, что читать чужія письма подло, — и въ силу этого у наст. они въ программу не включены.

Про него рассказывали анекдотъ, что когда онъ еще учился, на выпускной экзаменѣ прибыло одно ужасно высокоопоставленное лицо и само задало тему для письменной работы. Дана была патріотическая тема: „Слава“.

Омикронъ черезъ пять минутъ встаетъ, говорить: „У меня готово“. Ближайшее начальство всполошилось, осoba говоритъ: „покажи“. Тотъ подноситъ листокъ, а на немъ тщательно по буквамъ выведено:

„Намъ твердили—слава дымъ!“

Осoba расцѣловала Омикрона, и онъ получилъ двѣ надпать. Ему было предречено, что онъ далеко пойдетъ.

Но, увы! предсказанье не сбылось. Начальство его не терпѣло. Товарищи не долюбливали за острый языкъ.

Когда на совѣтѣ дѣло коснулось Рюшкина, большинство воспротивилось его допустить. Одинъ Омикронъ положительно утверждалъ:

— Его допустить необходимо, господа... Если мы его не допустимъ, такъ сами себя дурнями назовемъ.

Господинъ директоръ заерзalъ на стулѣ. Нѣкоторыхъ преподавателей стало мутить.

— Почему, господинъ Омикронъ, вы такъ думаете?

— Да, вотъ извольте видѣть... Разскажу я вамъ на этотъ счетъ присказку.—Было это давно, очень давно. Собрались въ одномъ мѣстѣ, въ какомъ—ужъ не упомню, заморскую корову достать во что бы то ни стало. Чтобъ и молоко заморское, густое, — и чтобы вся она иноzemная была...

Господинъ инспекторъ беспокойно заложилъ ногу на ногу.

— Выбрали выборныхъ, послали ихъ за море за коровой. Выбирали, выбирали, наконецъ выбрали. Пишишть: „веземъ корову, встрѣчайтѣ“...

Весь совѣтъ ждалъ съ нетерпѣніемъ что будетъ, а Омикронъ совершенно не торопился, такъ спокойно рассказывалъ, какъ всегда сказки говорять.

— Ну-съ, привезли. Собрался народъ корову смотрѣть...

Онъ вынулъ табакерку и, по своей старой привычкѣ, понюхалъ со вкусомъ въ обѣ ноздри.

— Ну-съ, господинъ Омикронъ,—дальше! торопилъ директоръ.

— Ну-съ, собрались, смотрѣть,—вдругъ,—тутъ Омикронъ сдѣлалъ удивленные глаза и застылъ съ распространеннымъ платкомъ въ воздухѣ.—Глядѣть—не корова, а быкъ...

Учительскій совѣтъ всеполошился.

— Какъ быкъ?

— Ну, вотъ, сказалъ Омикронъ, — тоже самое и тѣ спросили: „Какъ, говорить, быкъ? Вѣдь васъ посылали за коровой?“—За коровой.—„Какъ-же вы привезли быка?“—Вотъ подижь-ты, не досмотрѣли...

— Позвольте, господинъ Омикронъ,—замѣтилъ директоръ,—какое-же это отношеніе имѣеть къ намъ и нашему засѣданію?

— Позвольте, я не кончилъ, — отвѣтилъ тотъ, и съ чувствомъ высморкался. — Что-же было дѣлать съ быкомъ? не везти-же обратно за море — смѣшино. Ну и рѣшили: пустъ, моль, этотъ быкъ за корову сойдетъ.

И представьте,—такъ онъ у нихъ за корову и сошелъ.
Воть теперь, господинъ директоръ, я кончилъ.

Всѣ молчали.

— Ну, такъ что же-сь? прервалъ молчаніе госпо-
динъ инспекторъ.

— Да воть,—заговорилъ Омикронъ,—я къ тому, что
нельзя-ли такъ устроить, чтобы Рюшкинъ у насъ за
корову сошелъ: вѣдь мы не доглядѣли.

— Какъ не доглядѣли?

— Помилуйте, чего-же мы раньше смотрѣли: изъ
перваго класса перевели во второй, значитъ онъ былъ
достоинъ; изъ втораго—въ третій; изъ третьяго—въ че-
твѣртый,—такъ и пошло... А теперь вдругъ въ вось-
момъ классѣ — быкомъ оказался, никуда негоденъ: за
что-же мы его восемь-то лѣтъ морили? Нѣть, господа,
пусть ужъ онъ за корову сойдетъ!

Но никто изъ господъ преподавателей не согласился,
и Рюшкинъ принужденъ былъ оставить заведеніе...

Наконецъ вотъ они наступили — дни экзаменовъ на
„зрѣлость“. Созрѣвающіе классики сидѣли, каждый у от-
дѣльного стола, подъ присмотромъ министерской ревизіи,
и... торжественно списывали. Господи! сколько было спо-
собовъ передачи! Свернутые комочки бумаги перебрасы-
вали черезъ столы; ходили къ окну пить воду, и брали
изъ-подъ графина готовыя записочки. Выпускали не иначе,
какъ подъ присмотромъ сторожа... Гувернеры смотрѣли
во всѣ глаза... И какъ это просто дѣлалось! Выходить
хорошій филологъ, поздоровается съ маленькимъ гимна-
зистомъ (брatomъ какого-нибудь изъ старшихъ), а у того

въ рукѣ уже бумажка осталась. Потомъ другой выходитъ, поздоровался съ тѣмъ же гимназистомъ, и получилъ переводъ въ руки... Изолированные столы развили только изобрѣтательность. И всѣ выдерживали отлично... Да, полагаю, и до сихъ поръ не такъ-ли держатъ.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, уровень знанія сильно повысился со времени прибытія прирейнскихъ педагоговъ: это видно изъ письменныхъ экзаменаціонныхъ работъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Кузина Бетси	9
Изъ случайныхъ встрѣчъ	29
Дуся	55
По домашнимъ обстоятельствамъ	85
На морскомъ берегу	113
Въ южной глухи	173
Сельская школа.	319
Академическія студіи:	
I. Лемтюжниковъ.	347
II. „Пейзажистъ съ лодочкой“	369
III. Силоамская купель	381
Подъ снѣгомъ	391
Передъ баломъ.	409
Музыкальный вечеръ.	423
Литературное чтеніе	445
Наши педагоги:	
I. Plusquamperfectum.	463
II. Perfectum.	474

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 06300 8174

